

**ЛЕНИН.
СИБИРСКАЯ
ССЫЛКА**

ЛЕНИН. СИБИРСКАЯ ССЫЛКА

По воспоминаниям
современников и документам

Составитель А. И. Иванский

*Издательство политической литературы
Москва 1975*

ЗК26

Л45

Л45 **Ленин. Сибирская ссылка. По воспоминаниям современников и документам. Сост. А. И. Иванский. М., Политиздат, 1975.**

319 с. с ил.

Эта книга посвящена знаменательному периоду жизни и деятельности В. И. Ленина. Она задумана как единое, цельное произведение, построенное на документальном материале. В нем правдиво и наиболее полно рассказывается об обстановке, в которой жил Ленин в Восточной Сибири, о людях, с которыми он общался, о его огромной революционной работе в тяжелые годы ссылки. Страницы книги рисуют облик Владимира Ильича как обаятельного человека, любящего мужа, заботливого товарища, преданного друга.

Книга предназначена широкому кругу читателей.

Л $\frac{10103-329}{079(02)-75}$ 88—76

ЗК26

*Горит свеча, чуть-чуть колеблет тени.
Село до ставней вьюги замели,
Но здесь, где трудится, где мыслит Ленин,
Здесь, в Шушенском, проходит ось Земли.*

*Уж за полночь, окно бело от снега,
А он все пишет, строчки торопя.
Сквозь вьюги девятнадцатого века,
Двадцатый век, он разглядел тебя.*

*Он знает, видит, в чем России сила
И чем грядущее озарено.
Пускай еще не высохли чернила,
Словам уже бессмертие дано.*

Степан Щипачев

В Шуше, у подножия Саяна...

Эта книга могла быть озаглавлена именно так — стихотворной строкой из ленинского письма к матери и сестре.

А. И. Иванский назвал составленную им по воспоминаниям современников и документам книгу: «Ленин. Сибирская ссылка».

И то и другое название ко многому обязывает. Тем более что книга посвящена одному из важнейших периодов жизни и деятельности В. И. Ленина.

До этого в Политиздате вышел ряд интересных, составленных А. И. Иванским работ о В. И. Ленине и семье Ульяновых, — «Илья Николаевич Ульянов», «Жизнь как факел» (об Александре Ульянове), «Молодой Ленин», «Ленин. Петербургские годы». Предлагаемая ныне читателям книга служит их непосредственным продолжением и представляет собой систематический свод подлинных свидетельств современников и документов эпохи, воскрешает то, что затерялось на пожелтевших листах старых журналов и газет, осело на полках архивов, стало труднодоступным широкой аудитории.

Документы, воспоминания... Какая, казалось бы, сухая материя. Но нет! Читатель открывает первую страницу, начинающуюся секретным донесением петербургской охранки о том, что «подлежащий высылке в Восточную Сибирь... Владимир Ильин *Ульянов*... выбыл по проходному свидетельству в г. Иркутск», и уже до последней страницы, до последней строчки не может оторваться от книги.

Почему? Ведь это не роман, не повесть в обычном значении этих понятий. Это чисто документальное произведение, хотя и рассчитано на массового читателя. В последних словах, пожалуй, и заключается ответ. Ведь массовому читателю, миллионам советских людей близко и дорого все, что связано с именем бессмертного Ленина. А в книге собраны воедино свидетельства тех, кто имел великое счастье общаться с Владимиром Ильичем, его родных, друзей, товарищей по ссылке, неприязательные, но от этого не менее интересные рассказы крестьян села Шушенского, многочисленные письма самого Ленина — взволнованно-искренние, трепетные, чаще всего добрые, участливые,

порой (когда речь идет об идейных противниках) гневные, но никогда не равнодушные. В них так и чувствуется живой облик Владимира Ильича, его страстный темперамент борца, гениального штурмана грядущей революционной бури.

Мы читаем книгу, и на наших глазах происходят удивительные вещи. Из разрозненных фактов, из фрагментов писем, отрывочных воспоминаний, выдержек из полицейских донесений вдруг возникает цельное повествование, скрепленное одним стержнем, произведение, у которого есть экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация и развязка, то есть все составные части сюжета. К какому жанру отнести такое произведение? Сочетание строгого документализма, придающего книге обаяние подлинника, первоисточника, с элементами, присущими художественному творчеству, рождает ощущение чего-то нового, необычного и вместе с тем увлекательного, захватывающего.

Лаконичным, красноречивым языком фактов в этом документальном повествовании правдиво и полно рассказывается об обстановке, в которой жил в Сибири товарищ Ленин, о людях, с которыми он встречался, о его гигантской теоретической и организаторской революционной деятельности в тяжелых условиях ссылки. В то же время материалы книги воссоздают образ Владимира Ильича как обаятельного человека, любящего мужа, заботливого товарища, преданного друга.

Книга «Ленин. Сибирская ссылка» заслуживает самого пристального внимания. И не только потому, что составлена она умело и читается «на одном дыхании», что знакомит с большим количеством малоизвестных фактов и документов, но прежде всего потому, что в ней речь идет об одном из определяющих этапов в жизни Владимира Ильича Ленина, а следовательно, и в жизни нашей Коммунистической партии.

Есть на карте Родины места, священные для каждого советского человека. Это скромный деревянный домик в Ульяновске (бывшем Симбирске), где 105 лет назад родился величайший гений человечества. Это Мавзолей на Красной площади в Москве, куда ежегодно стекаются миллионы людей. Это знаменитый шалаш в Разливе. Это Шушенское.

Мне, коренному сибиряку, влюбленному в родной край, неоднократно доводилось бывать в Шушенском.

Сейчас оно далеко не то затерявшееся в глухомани село на Енисее, о котором сибиряки когда-то говорили: «Дальше Шуши — Саяны, а дальше Саян — край света». Да и Сибирь давно уже не та, что была. Ныне это высокоразвитый индустриальный край с возведенными на великих сибирских реках гигантскими гидроэлектростанциями, с заводами, выпускающими самые современные машины, станки и оборудование, с нефтяными и газовыми промыслами, ставшими «открытием века», с чудесными городами, выросшими в тайге, о которой теперь не скажешь «глухая», с новыми железными и шоссейными дорогами. Достаточно упомянуть дорогу Абакан — Тайшет и звучащее как набатный колокол слово БАМ — Байкало-Амурскую магистраль, прокладываемую молодыми энтузиастами. Взгляните на любой уголок Сибири: главная примета, которая вам сразу бросится в глаза, — стройки. Наконец, Сибирь — это край науки и культуры, со своим отделением Академии наук, с десятками учебных и научно-исследовательских институтов, с театрами, с самобытной, талантливой литературой.

Край, преобразованный большевиками!

Шушенское идет в ногу со всей Сибирью. Владимир Ильич добирался до него на крестьянской телеге. Сегодня сюда можно попасть и поездом, и самолетом. В Шушенском многоэтажные здания, асфальтированные улицы, промышленные предприятия, теплоцентральный, два института Сибирского отделения Академии наук СССР, школы, техникумы, лечебные учреждения, туристские базы. Это настоящий промышленный и культурный центр.

Но главное в этом селе, или, скорее, городке, — Ленинский мемориал. Собственно, в мемориал превращено все Шушенское. Но улочка, на которой сперва в доме Зырянова, а затем в доме крестьянки Петровой с мая 1897 года по январь 1900 года жил В. И. Ленин, оставлена в первоизданной неприкосновенности. Это как бы заповедный уголок сибирского села XIX века — с земской управой, «холодной», лавкой, домами политических ссыльных, дворами крестьян той далекой поры.

Оглянемся вокруг. Природа в окрестностях Шушенского такая же, какой ее видел Ильич. Он очень хотел побывать в тайге, а когда попал в нее — пришел в восторг. Однажды он вместе с товарищами на

нескольких подводах отправился из «степного села Шушенского в таежное село Ермаковское». Вот как описывал потом этот путь ехавший вместе с Лениным ссыльный рабочий-революционер А. С. Шаповалов: «...исчезли из глаз далекие Саянские горы, и... дорога за перевалом пошла дремучим бором. По обе стороны... стояли высокие столетние сосны, пихты и кедры. Стройные высокие стволы уходили высоко вверх в небо. Сверху доносился глухой непрерывный шум. Казалось, что где-то далеко шумело море. Но это шумели вершины деревьев от набегавшего на них ветра. Внизу же было тихо и прохладно. Пахло смолистой хвоей; набегала грусть».

Как жилось Ленину в ссылке? Приходилось перебиваться на восьмирублевое пособие, да и о нем надо было то и дело напоминать. «Между тем,— писал Владимир Ильич в прошении енисейскому губернатору,— положение ссыльного в селе, из которого он не вправе выезжать и в котором он не имеет абсолютно никакого заработка, становится совершенно безвыходным при внезапных приостановках в выдаче пособия».

С помощью документов и воспоминаний современников в книге детально, я бы сказал, скрупулезно восстановлены условия пребывания Ленина в ссылке, его напряженные занятия, немудрящие сельские досуги, его встречи с крестьянами-бедняками, у которых он очень скоро завоевал большое уважение и любовь. Владимир Ильич пользовался широкой популярностью, как юрист, подпольный адвокат, помогавший крестьянам и рабочим не только Шушенского, но и всей округи в их бедах, в их тяжбах с кулаками-мироходами, с купцами, золотопромышленниками.

Что касается товарищей по ссылке, единомышленников, то Владимир Ильич стал для них лучшим другом, наставником, руководителем. К нему обращались за советом, помощью, поддержкой. Его жизнь, бодрая и деятельная, полная внутреннего содержания и напряжения, его вдохновляющий пример подстегивали всех, не давали впасть в уныние, в отчаяние. В далекой сибирской глуши он стал организующим центром, вокруг которого спланивались кадры революционеров.

Огромная литературная, научная, теоретическая работа Ленина не прекращалась ни на один день, несмотря на те неимоверные трудности, которые приходилось преодолевать ему на каждом шагу.

За время ссылки Владимир Ильич написал более 30 произведений. Среди них — капитальнейшее исследование «Развитие капитализма в России», для создания которого ему пришлось, как свидетельствует Г. М. Кржижановский, вложить поистине титанический труд в изучение и проверку фолиантов земской статистики.

Это классическое произведение — прямое продолжение Марксова «Капитала». В нем Ленин «перевел Маркса на язык русских фактов», дал общую картину закономерности развития капиталистического способа производства в России, обогатил экономическое учение Маркса разработкой проблемы образования внутреннего рынка. Проблема эта, как показал Владимир Ильич, неотделима от развития капитализма, от процесса образования класса сельских и промышленных предпринимателей, с одной стороны, сельских и промышленных наемных рабочих — с другой.

В книге «Развитие капитализма в России» Ленин экономически обосновал идею союза рабочего класса и крестьянства, идею гегемонии пролетариата в предстоящей революции. За два десятилетия до Октября гениальный мыслитель и революционер указал тот исторический поворот, к которому впоследствии приведет созданная им партия, выдвинул коренную задачу рабочего класса — свержение царизма, уничтожение капитализма и социалистическое переустройство страны.

Чрезвычайно увлекательно следить по составленной А. И. Иванским книге за тем, как Владимир Ильич писал свою работу, побывать в его творческой лаборатории. К нему шли корзины, ящики, мешки с книгами, русскими и иностранными. Он использовал целую библиотеку — почти 600 книг. Друзья вспоминают, что трудился он необычайно сосредоточенно, сразу же целиком погружаясь в работу, и видно было, что она доставляет ему наслаждение. «...Первый черновик «рынков», — признавался Ленин в одном из писем, — я мазал и сокращал самым беспощадным образом». Доходчивость, ясность изложения он проверял на чтении рукописи близким ему людям — Н. К. Крупской, Г. М. Кржижановскому и другим.

А каким трудным делом оказалось издание книги! Ведь автор находился в Сибири, а издатель — в Петербурге. Надо было держать корректуру, вносить бес-

численные поправки и дополнения, а почта из Шушенского шла две недели да столько же обратно. Выручали верные помощники — Надежда Константиновна, старшая сестра Анна Ильинична. Но зато, когда книга вышла в свет, она сразу же стала неоценимым подспорьем для тех, кто вел борьбу против помещиков и капиталистов, помогла им найти правильный путь в этой борьбе.

Особое место среди работ Владимира Ильича, написанных в ссылке, занимает брошюра «Задачи русских социал-демократов». В ней Ленин обосновал руководящую роль пролетариата в революции, выдвинул известное положение, которое с тех пор прочно вошло в арсенал марксистов: «...без революционной теории не может быть и революционного движения...» Изданная в Женеве группой «Освобождение труда», ленинская брошюра стала настольным пособием для всех революционеров-марксистов. Ее находили при обысках и арестах в Петербурге и в Москве, в Вильно и в Архангельске, в десятках других городов, где действовали социал-демократы.

Из далекой Сибири Ленин не устает политически воспитывать массы. Одну за другой пишет он статьи, рецензии, брошюры, книги: «Экономические этюды и статьи», «Новый фабричный закон», «О стачках», «Наша программа», «Наша ближайшая задача», «Насущный вопрос»... Каждая из них — острейшее оружие, наносящее удары буржуазно-помещичьему строю, сплывающее истинных революционеров, помогающее отстаивать интересы трудящихся.

Почитайте произведения Ленина, созданные в этот период. Какой точный и меткий язык, какой прозрачный стиль, какая простота и ясность изложения! Какое литературное мастерство! Вот замечательный образец, на котором надо учиться и нам, писателям-профессионалам. Если бы Владимир Ильич избрал писательскую стезю... Но Ленин был Лениным. Он нашел свой путь, по нему направил свой гений. И какое это счастье для всех нас!

Будучи отделен тысячами верст от культурных центров, Владимир Ильич из своего отнюдь не «прекрасного далека» не перестает пристально следить за развитием революционной мысли, чутко подмечает любое отклонение от основных положений марксизма. Он резко обрушивается на ревизиониста Бернштейна,

сразу же замечает первые проявления «экономизма» в России, разоблачает ухищрения «легальных марксистов».

В селе Ермаковском на собрании ссыльных Минусинского округа был принят написанный Лениным «Протест российских социал-демократов», объявивший решительную войну «экономизму», определивший великое значение пролетарской партии в борьбе за освобождение трудящихся. «Только самостоятельная рабочая партия,— указывалось в «Протесте»,— может быть твердым оплотом в борьбе с самодержавием, и только в союзе с такой партией, в поддержке ее могут активно проявить себя все остальные борцы за политическую свободу».

Создание единой марксистской партии в России — главная идея, которая владела Лениным в годы ссылки. Он работает над проектом программы партии, начатым еще в петербургской тюрьме. В этом проекте дается анализ развития капитализма в России, выдвигаются задачи классовой борьбы пролетариата, формулируется его основная цель — завоевание политической власти, уничтожение частной собственности на средства производства, построение социалистического общества.

Величайшая заслуга Ленина перед российским и международным революционным движением состоит в том, что он первым из марксистов поставил вопрос о партии рабочего класса как партии нового типа. «Ленину,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— были свойственны и высокий полет революционной мысли, и непревзойденное мастерство организатора классовой борьбы пролетариата. Как никто другой, он понимал, что для победы революции, для построения нового общества необходима боевая партия рабочего класса, вооруженная теорией марксизма... Создание и закалка такой партии — партии большевиков — стали делом его жизни».

В сибирской ссылке сформировался у Ленина организационный план создания партии. Бессонными ночами, свидетельствует Н. К. Крупская, он обдумывал свой план во всех деталях, обсуждал его с товарищами и друзьями.

Г. М. Кржижановский вспоминал об одной из последних своих прогулок с Владимиром Ильичем по берегу широкого Енисея. Была морозная лунная ночь,

и перед ними искрился бесконечный простор сибирских снегов. «Владимир Ильич вдохновенно рассказывал мне о своих планах... Организация печатного партийного органа, перенесение его издания за границу и создание партии при помощи этого центрального органа, представляющего, таким образом, своеобразные леса для постройки всего здания революционной организации пролетариата,— вот что было в центре его аргументации... Жизнь показала всю правильность намеченного Владимиром Ильичем пути».

Нельзя без волнения читать заключительные страницы книги, где говорится о том, с каким нетерпением ждал Ленин срока окончания ссылки, как опасался, что ему могут продлить ее. Но вот настало наконец утро 29 января 1900 года. Владимир Ильич с Н. К. Крупской покидают на санях Шушенское. Впереди трехсотверстный путь до станции Ачинск. Впереди — гигантская работа по созданию и сплочению партии. Впереди — трудные бои, яростные схватки с врагами и победы. До Великого Октября оставалось 17 лет...

Знакомясь во всех деталях с сибирскими годами жизни Владимира Ильича, восхищаясь теми всемирно-историческими деяниями, которые совершались им в глухом селе у подножия Саяна, не можешь не согласиться со словами поэта, сказавшего о той поре: «Здесь, в Шушенском, проходит ось Земли».

Минуло 75 лет со времени возвращения В. И. Ленина из ссылки. Ныне «ось Земли» проходит через Страну Советов, первую в мире социалистическую державу, созданную величайшим гением пролетарской революции, ее стратегом, вождем миллионов трудящихся.

Георгий МАРКОВ

Глава первая

В дальний путь

Дни в Москве

За окном — Сибирь

Штаб-квартира ссыльных

Красноярские встречи

Место для жительства

Вверх по Енисею

В Минусинске

Дни в Москве

Из секретного донесения петербургского охранного отделения в департамент полиции:

Вследствие отношения от 14 сего февраля* за № 1510 имею честь уведомить департамент полиции, что освобожденный из С.-Петербургского Дома предварительного заключения и подлежащий высылке в Восточную Сибирь сын действительного статского советника Владимир Ильин *Ульянов* 17 числа сего месяца выбыл по проходному свидетельству в г. Иркутск с правом остановки на два дня в г. Москве.

На проходном свидетельстве Владимира Ильича, выданном петербургским градоначальником 14 февраля 1897 года, помечено:

Ульянов прибыл из С.-Петербурга в Москву 18 февраля 1897 г.

Из рапорта пристава I участка Арбатской части г. Москвы в охранное отделение:

...Владимир Ильин Ульянов... остановился проездом из С.-Петербурга в г. Иркутск в д. Романовского по Собачьей площадке вверенного мне участка сроком на два дня согласно проходного свидетельства с.-петербургского градоначальника за № 2560.

Сообщая об этом отделению, имею честь уведомить, что за своевременным выездом Ульянова из Москвы имеется наблюдение.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Владимиру Ильичу было разрешено провести три дня... в Москве, в семье. Повидавшись с товарищами (в Петербурге)**, он решил было заарестоваться в Москве и ехать дальше с ними вместе. Тогда была только что окончена магистраль до Красноярска, и этап представлялся уже не таким тягостным, как раньше: только две тюрьмы — в Москве и Красноярске. И Владимиру Ильичу не хотелось пользоваться льготой по сравнению с товарищами. Помню, что это

* Здесь и в дальнейшем даты, относящиеся к дореволюционному периоду в России, указаны по старому стилю. Набранные курсивом подстрочные примечания даны составителем.

** Пояснения в тексте, взятые в скобки и выделенные курсивом, даны составителем.

очень огорчило мать, для которой разрешение Володе ехать на свой счет было самым большим утешением. После того как ей доказывали, насколько важнее добиться поездки на свой счет, после того как ей передавали слова кого-то из старых ссылных: «Ссылку мог бы повторить, этап — никогда», Владимир Ильич решает отказаться от полученной с трудом льготы и добровольно пойти опять в тюрьму...

Для этого он (*Владимир Ильич*) убедил мать подать прошение в департамент полиции о разрешении ему присоединиться к партии в Москве и ехать до Красноярска на казенный счет...

Помню, что мать подавала его очень против воли: долгое тюремное заключение брата и без того сильно измучило ее тревогой за его здоровье и силы. Естественно, что она боялась для него всякого, хотя и очень кратковременного, возврата в те условия. Кроме того, она чувствовала себя очень неловко, принужденная после усиленных хлопот о разрешении сыну ехать на свой счет просить о противоположном.

*Из прошения Марии Александровны Ульяновой
на имя и. д. директора департамента полиции
С. Э. Зволянского:*

Вы были так добры разрешить сыну моему Владимиру Ульянову отправиться в Восточную Сибирь с проходным свидетельством, так как я решалась последовать за ним к месту ссылки его. Но настоящее болезненное состояние мое поколебало это решение. Последние дни, полные тревог и волнения, наконец, хлопоты и дорога так расстроили меня, что я чувствую себя совсем больною и совершенно не в силах отправиться в далекий путь, тем более, что на сборы остается так мало времени.

Вследствие этого покорнейше прошу ваше превосходительство позволить сыну моему присоединиться в Москве к партии и проследовать до Красноярска на казенный счет — тем более, что я затрудняюсь в настоящее время денежными средствами, так как по непредвиденным обстоятельствам не могу располагать теперь теми деньгами, на которые рассчитывала. Дальше же, до места ссылки, позвольте ему воспользоваться вашим разрешением ехать на свой счет.

В случае же если партия замедлит несколько отъездом из Москвы, то есть несколькими днями дольше срока, назначенного сыну моему остаться здесь, то будьте так великодушны, ваше превосходительство, разрешить сыну моему остаться до отъезда партии при мне, а не переходить в пересыльную тюрьму, так как это, особенно ввиду крайне печальной для меня не-

Владимир Ильич
каждый день с
утра ходил в чи-
тальный зал Ру-
мянцевского му-
зея

возможности сопровождать сына, было бы очень тяжелым ударом. Могу вас уверить, что сын мой никого в Москве не знает и будет неотлучно при мне...

Мария Ульянова

Москва, 18 февраля 1897 г. Собачья площадка,
д. 18, кв. 4.

*19 февраля, в 11 часов 15 минут вечера,
Мария Александровна направила на имя директора
департамента полиции телеграмму:*

Покорнейше прошу разрешить сыну моему Влади-
миру Ульянову остаться при мне еще неделю по слу-
чаю болезни моей.

Ульянова

Д. И. Ульянов:

Жил он (*Владимир Ильич*) у нас, на Собачьей пло-
щадке, и ходил каждый день с утра в Румянцевский
музей, теперешнюю Ленинскую библиотеку, потому что
хотел использовать материал для работы «Развитие
капитализма в России». Он брал с собой Марию Ильи-
ничну, чтобы она ему помогала делать выписки.

Эта работа (как бы блестящая диссертация) — са-
мостоятельный большой труд, анализ, исследование
создания внутреннего рынка при капитализме. Влади-
мир Ильич говорил, что когда пришли и сказали ему
собирать вещи, освободили из Дома предварительного
заключения, то первая мысль была — не дали мне за-
кончить работу. Он паладился, а теперь неизвестно,
где в ссылке работать.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Приучивши себя работать регулярно, он (*Владимир Ильич*) не допускал больших перерывов в занятиях даже тогда, когда они обычно считаются неизбежными, например в дороге или в неопределенном, выжидательном положении. Так, он... даже те три дня, на которые ему разрешено было остановиться в родной семье, в Москве, ухитрился использовать частично для занятий в Румянцевской библиотеке. Этим он юверг в полное недоумение одного молодого студента, Яковлева, с детства знакомого с нашей семьей, который забежал повидать его перед отъездом в трехлетнюю ссылку.

А. И. Яковлев:

Владимир Ильич возвращался (*из библиотеки*) только после восьми часов вечера, когда закрывался читальный зал...

Он и не думал занимать сидевших около него и лививших каждое его слово молодых людей (*студентов, товарищей Д. И. Ульянова*) рассказами о пребывании в Доме предварительного заключения, о перспективах своего житя в Сибири, о дороге туда. Обо всем этом ни слова! Ни позы, ни рисовки, а сосредоточенное внимание к собеседнику, когда ему задавали какой-либо вопрос, а он со своей всегдашней вежливостью отвечал на него просто и деловито. На столе и на коленях — большие статистические издания... Даже шахматы не отвлекали его от работы, хотя тут же, на углу стола, под... зеленым абажуром, разыгрывалась партия между Марком Тимофеевичем Елизаровым и Дмитрием Ильичем.

И так все три дня пребывания в Москве. Никаких сенсационных рассказов, никаких пламенных призывов к «младшему поколению» мы так и не дождались. Перед нами был простой, непритязательный, добрый старший товарищ, и только. Подивились мы на его железную, казавшуюся сверхъестественной выдержку в работе, поглощавшей его целиком даже в те немногие часы, которые у него оставались перед ссылкой и которые он мог бы провести — отдыхая после долгого пребывания в тюрьме — в театре, картинной галерее, на выставке.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Владимира Ильича я видела в Москве мало. Озабоченный тем, что нужных ему материалов для его работы — «Развитие капитализма в России» — он в Сибири не получит, Владимир Ильич старался не пропустить того, что может получить в Москве; для этого он ходил ежедневно в Румянцевскую библиотеку и делал там выписки.

Мне думается, что отчасти он поступал так и по другим соображениям или, может быть, вернее ощущениям: привыкши за последние месяцы к правильным, размеренным занятиям, которые, несомненно, до большей степени сохранили его уравновешенность в тюремных условиях, он не захотел отходить от них круто, погружаться сразу в нервное ничегонеделанье, глотать сразу слишком много впечатлений после невольной тишины и однообразия Дома предварительного заключения. Может быть, и совершенно инстинктивно поступал он так, погружаясь на несколько часов в день в тишину и уединенность библиотечного зала. При всей своей выдержке он должен был чувствовать, как и все, после долгого тюремного заключения, что нервы взбудоражены, шалят, что не надо загружать их без необходимости обилием новых впечатлений.

...Владимир Ильич отправился в московскую охранку, чтобы узнать, не было ли ответа из департамента полиции туда, а также когда будет отправлена партия (ссылных) из Москвы в Красноярск и когда он сможет присоединиться к ней.

*Из прошения Владимира Ильича
в Московское охранное отделение:*

На основании распоряжения административных властей я подлежу ссылке в Восточную Сибирь на три года из г. С.-Петербурга. Г-н директор департамента полиции разрешил мне еще в С.-Петербурге отправиться в г. Иркутск по проходному свидетельству на свой счет, заехав на двое суток в Москву к моей матери.

Найдя, что сопровождать меня в Иркутск ей крайне обременительно по слабому состоянию ее здоровья и что остальные ссылные по тому же делу отправлены по железной дороге на казенный счет, моя мать подала уже из Москвы прошение г-ну директору департамента полиции о разрешении мне пробыть у нее несколько дольше и о том, чтобы присоединить меня к партии. Прошение это послано было во вторник, 18 февраля, с курьерским поездом для того, чтобы оно получено было в С.-Петербурге в среду и г. директор имел время сделать то или другое распоряжение. Но так как почтовые сношения все-таки слишком медленны и я опасался, что срок моего пребывания в Москве может истечь раньше получения ответа, то на другой же день, в среду, 19 февраля, моей матерью послана была телеграмма в С.-Петербург г-ну директору департамента полиции, с оплаченным ответом,—

телеграмма с прошением разрешить мне остаться при ней по случаю ее болезни еще на неделю. Справки, наведенные на телеграфе, показали, что ответ на телеграмму не получен, и потому я решил обратиться в Московское Охранное Отделение, предполагая, что ответ на телеграмму и на прошение сообщен предварительно ему.

В настоящее время, следовательно, я нахожусь в неопределенном положении: если г-н директор департамента полиции не разрешит мне присоединиться к партии для отправки на казенный счет по железной дороге, то я, тотчас же по получении ответа, отправлюсь в г. Иркутск на свой счет, согласно предписанию, содержащемуся в выданном мне проходном свидетельстве.

На основании вышеизложенного я имею честь покорнейше просить Московское Охранное Отделение о выдаче мне контрамарки для того, чтобы остаться в Москве до получения ответа из департамента полиции.

Помощник присяжного поверенного
Владимир Ульянов

Москва, февраля 22 дня 1897 года.

*А. И. Ульянова-
Елизарова:*

Но в охранке на дело посмотрели не так просто. Там Владимиру Ильичу заявили, что срок его пребывания в Москве истек и что он должен выезжать тотчас же к месту ссылки; ждать ответа на прошение и телеграмму не хотели ни в каком случае.

...«Декабристы» *, заарестованные в Питере, не были еще к окончанию трех льготных дней в Москву, а между тем засуетившаяся московская охранка поставила... Владимира Ильича перед ультиматумом: или получение проходного свидетельства на завтра или немедленное заарестовывание. Перспектива идти в тюрьму тотчас же, даже не простившись с домашними, и ждать там неопределенное время приезда «своих»,— эта конкретная русская действительность, да еще в ее менее причесанной, чем в Питере, в ее московской форме, ...навалилась на него, на его стремление идти вместе с товарищами. Естественный протест здравого ума против такой бесплодной растраты сил для того, чтобы не отличаться от товарищей, всегда присущее ему сознание необходимости беречь силы для действительной борьбы, а не для проявления рыцарских чувств одержало верх, и Ильич решил выехать на следующий день.

* Так называли арестованных в декабре 1895 года членов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Расписка в получении проходного свидетельства:

Подлинное проходное свидетельство получил 22-го февраля, когда и обязуюсь выехать из Москвы с поездом Московско-Курской железной дороги в 11 часов вечера.

В. Ульянов

*Из прошения М. А. Ульяновой
иркутскому генерал-губернатору:*

Сын мой, Владимир Ильич Ульянов, помощник присяжного поверенного, ссылается по политическому делу административным порядком в Восточную Сибирь под надзор полиции на три года. Ему департаментом полиции выдано проходное свидетельство до Иркутска. Ввиду того, что я намерена поселиться вместе с ним и теперь не могу отправиться одновременно только вследствие сильно расстроенного моего здоровья, имею честь почтительнейше ходатайствовать перед вашим высокопревосходительством о назначении сыну моему местом жительства или г. Красноярск или же один из южных городов Енисейской губернии, так как вследствие слабого здоровья ему необходимо пользоваться постоянною медицинскою помощью и хорошим климатом, да и мне при моем слабом здоровье очень затруднительно было бы ехать в сторону от железной дороги.

1897 г. 22 февраля.

Мария Александровна
Ульянова

Москва, Арбатской части, 1-й участок, Собачья площадка, дом Романовского, кв. № 4

Д. И. Ульянов:

Наши проводили его (*Владимира Ильича*) до Тулы; мне что-то (не помню сейчас что) препятствовало выехать, поехали мама, Елизаровы — Марк и Анна Ильинична — и Маня, доехали до Тулы и в грустном и печальном настроении вернулись домой.

*А. И. Ульянова-
Елизарова:*

Ильич уехал с обещанием писать, и он выполнил это обещание. За все три года его ссылки у нас была наиболее обстоятельная, наиболее регулярная переписка с ним.

...По письмам Владимира Ильича этого периода, особенно по наиболее обстоятельным, адресованным к матери, можно судить наилучшим образом об условиях его жизни, его склонностях и привычках, — в них он вырисовывается, если можно так сказать, наиболее рельефно как личность.

За окном — Сибирь

В. М. Крутовский:

...Начиная уже от Тулы, я на каждой остановке поезда вижу молодого человека небольшого роста, довольно худощавого, с маленькой клинообразной бородкой, очень живого и подвижного, который все спорится с железнодорожным начальством, указывая на ужасное переполнение поезда, и требует прицепки еще одного вагона. Действительно, поезд был перегружен. Но, конечно, по обычаю того времени на протесты и заявления пассажиров железнодорожное начальство не обращало никакого внимания.

Так мы прибыли в Самару, где тогда поезд стоял час. Здесь, на перроне, разыгралась более бурная сцена, собравшая толпу пассажиров. Тот же невысокий пассажир горячо доказывал стоявшим перед ним начальнику станции, начальнику движения, жандарму и составителю поездов необходимость прицепить еще один вагон, чтобы несколько разгрузить тесноту. Спор был очень горячий. Окружавшая их толпа пассажиров поддержала справедливое требование. Наконец, начальство о чем-то пошептало между собой, и начальник станции, обращаясь к составителю поездов, изрек:

— Ну его к черту! Прицепите вагон.

Все успокоилось, а я, хорошо зная порядки наших железных дорог, подумал: «Должно быть, незаурядный человек этот пассажир, если мог добиться того, чтобы начальство уступило и согласилось прицепить еще вагон».

После этой сцены я пошел в буфет, сел к отдельному столику и заказал чай. Вдруг к моему столику подсаживается все тот же пассажир, просит лакея подать ему чернил и перо, а затем пишет адрес на конверте: «Петербург, А. М. Калмыковой». Тогда я сразу сообразил, кто это, и, обращаясь к Владимиру Ильичу, сказал:

— Значит, вы Ульянов? Очень рад познакомиться.

Владимир Ильич вскочил со стула, руки не протянул и сердито спросил:

— Вы кто? Сыщик?

— Совсем нет. По адресу я вижу, что вы — Ульянов, который едет в Красноярск и о котором мне говорила А. М. Калмыкова. Я давно вас высматриваю в поезде и вот сейчас случайно только наткнулся на вас, а то мы вместе доехали бы до Красноярска, не зная друг друга.

Владимир Ильич успокоился. Мы познакомились,

разговорились, напились чайку и разошлись по вагонам. Я ему указал свой вагон, и он мне в свою очередь — тот, в котором ехал. До отхода поезда оставалось минут десять. Вдруг вбегает ко мне Владимир Ильич и сообщает, что прицеплен новенький вагон, он в нем занял двухместное купе и предлагает мне к нему переселиться. Я, конечно, сейчас же согласился, и мы совместно перетащили в наше новое помещение его и мои вещи.

Действительно вагончик был совсем новенький и удобный...

Багаж Владимира Ильича состоял главным образом из книг и газет — целый чемодан. Я вез с собой тоже много книг. Но наши библиотеки были совсем разного содержания. У Владимира Ильича — преимущественно марксистская литература, у меня — литература кружка «Русское Богатство». Как раз в эту зиму разгорелся ожесточенный спор между марксистами и народниками (кружком «Русское Богатство»), и яблоком раздора в горячих схватках послужила книга Струве «Критические заметки». Неудачная фраза Струве в конце книги: «Пойдем на выучку к капитализму» — была у всех на устах.

Я вращался в кружке «Русское Богатство», был в дружеских отношениях с Н. К. Михайловским, Н. Ф. Анненским, А. Ф. Якубовичем, В. Г. Короленко, А. И. Иванчиным-Писаревым и другими и, естественно, по своим взглядам примыкал к этим народникам. Разделяя их мировоззрение, я в возникшем споре был на их стороне.

Владимир Ильич, понятно, был их ярым противником и Михайловского авторитетом не считал. На этой почве всю дорогу до Красноярска мы спорили с Владимиром Ильичем, и иногда дело доходило до горячих схваток, хотя все кончалось мирно и мы принимались или за чаепитие, или за чтение. Владимир Ильич имел с собой, между прочим, все вышедшие номера... газеты («Самарский вестник»)... Это была первая марксистская газета в России!

Конечно, в споре между марксистами и народниками она приняла самое живое участие, в ней печатались передовые статьи и фельетоны, направленные против Михайловского и его кружка. Статьи были талантливо и хлестко написаны, но с чересчур молодым задором и неуважением к авторам.

Владимир Ильич давал мне читать эту газету и указывал даже статьи, на которые я должен бы обратить особое внимание. Как-то раз он мне указал на фельетон, в котором автор под орех разделял Михайловского.

Я читал и хохотал. Владимир Ильич все поспатривал на меня и вдруг спросил:

— Что же тут смешного?

Я ответил:

— Мне этот фельетон напоминает басню Крылова «Слон и Моська»: «Ай, Моська, знать она сильна, что лает на слона!..»

Владимир Ильич соскочил с койки и разразился целой речью в защиту фельетона, страстно атакая на Михайловского.

В. И. Ленин:

...«Великая Сибирская дорога» (великая не только по своей длине, но и по безмерному грабежу стронтелями казенных денег, по безмерной эксплуатации строивших ее рабочих) открывала Сибирь...

Запись воспоминаний В. И. Ленина:

...Барабинская степь... Это... между Омском и Томском. Мне там пришлось проезжать... Чудесный край. С большим будущим.

*В. И. Ленин —
М. А. Ульяновой:*

2-ое марта. Станция «Обь».

Пишу тебе, дорогая мамочка, еще раз с дороги. Остановка здесь большая, делать нечего, и я решил приняться паки и паки за дорожное письмо — третье по счету. Ехать все еще остается двое суток. Я переехал сейчас на лошадях через Обь и взял уже билеты до Красноярска. Так как здесь движение пока «временное», то плата еще по старому тарифу, и мне пришлось отдать 10 р. билет + 5 р. багаж за какие-нибудь 700 верст! И движение поездов здесь уже совсем непозволительное. Эти 700 верст мы протащимся двое суток. Дальше, за Красноярском, движение есть только до Канска, т. е. на 220 верст, а всего до Иркутска около 1000. Значит, придется ехать на лошадях, — *если придется*. На эти 220 верст железной дороги уходит тоже сутки: чем дальше, тем тише ползут поезда.

Переезд через Обь приходится делать на лошадях, потому что мост еще не готов окончательно, хотя уже возведен его остов. Ехать было недурно, — но без теплого (или, вернее, теплейшего) платья удалось обойтись только благодаря кратковременности переезда: менее часа. Если придется ехать на лошадях к месту назначения (а это, по всей вероятности, так и будет), то, разумеется, придется приобретать тулуп, валенки и даже, может быть, шапку ((вот что значит набаловался в России!! А на лошадях-то как же?!)).

Несмотря на дьявольскую медленность передвижения, я утомлен дорогой несравненно меньше, чем ожи-

дал. Можно сказать даже, что вовсе почти не утомлен. Это мне самому странно, ибо прежде, бывало, какни-нибудь 3 суток от Самары до С.-Петербурга и то измают. Дело, вероятно, в том, что я здесь все ночи без исключения прекрасно сплю. Окрестности Западно-Сибирской дороги, которую я только что проехал всю (1300 верст от Челябинска до Кривошекова, трое суток), поразительно однообразны: голая и глухая степь. Ни жилья, ни городов, очень редки деревни, изредка лес, а то все степь. Снег и небо — и так в течение всех трех дней. Дальше будет, говорят, сначала тайга, а потом, от Ачинска, горы. Зато воздух степной чрезвычайно хорош: дышится легко. Мороз крепкий: больше 20°, но переносится он несравненно легче, чем в России. Я бы не сказал, что здесь 20° Сибиряки уверяют, что это благодаря «мягкости» воздуха, которая делает мороз гораздо легче переносимым. Весьма правдоподобно.

Встретился в нашем поезде с тем самым Arzt'ом *, у кого Анюта была в С.-Петербурге. От него узнал кое-какие полезные для меня вещи насчет Красноярска и др. По его словам, остановиться там можно будет, без всякого сомнения, на несколько дней. Я так и думаю сделать, чтобы выяснить свое дальнейшее положение. Если дам телеграмму: «остаюсь несколько дней», то это значит, что срок остановки еще не определен и для меня самого. Значит, я дождусь там доктора **, встречу его, и если придется путешествовать до Иркутска, то поедем уже вместе. Задержки из-за назначения мне места, по словам того же лица, ждать нельзя: вероятнее, что это уже решено, ибо все необходимые для сего мероприятия принимаются заранее. Ну, до следующего раза.

Твой В. У.

Поклон всем нашим.

P. S. Ну вот, в чем другом, — а в редкости писем меня уж не обвинить! Когда *есть что писать*, — пишу сугубо часто.

Благодаря беседе с Arzt'ом мне уяснилось (хотя приблизительно) очень многое, и я чувствую поэтому себя очень спокойно: свою нервность оставил в Москве. Причина ее была неопределенность положения, не более того. Теперь уже неопределенности гораздо менее, и потому я чувствую себя хорошо.

В. М. Крутовский:

Подъезжая к Красноярску, мы обсуждали два вопроса: первый — где остановиться в Красноярске Вла-

* *Врачом. Имеется в виду В. М. Крутовский.*

** *Я. М. Ляховского.*

дмиру Ильичу, и второй — куда его в ссылку назначит губернатор.

Моя квартира была свободна, так как семья осталась в Петербурге и на весну должна была выехать в Крым. У меня жил только один административно-ссылный П. Е. Кулаков. Однако Владимир Ильич отклонил мое предложение остановиться у меня, считая это для меня как для чиновника неудобным.

Тогда я указал ему на квартиру Клавдии Гавриловны Поповой — заезжий дом, так сказать, для всех политических. Владимир Ильич согласился и с вокзала поехал к Поповой...

Штаб-квартира ссыльных

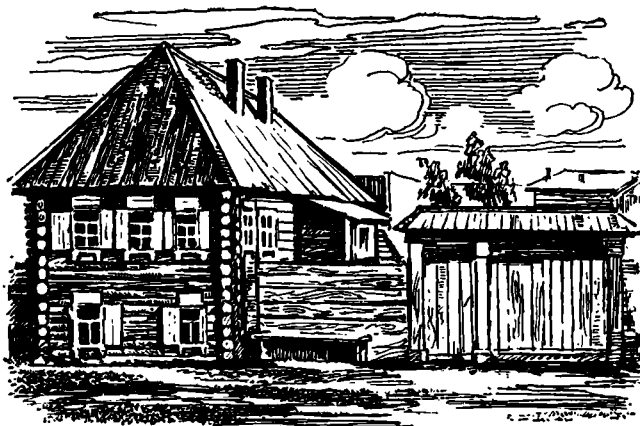
*Е. Е. Колосов
(Марк
Горбунов):*

...Дом Клавдии Гавриловны играл большую роль в истории енисейской, а отчасти и всей сибирской ссылки... Да и сама Клавдия Гавриловна была во многих отношениях редким человеком и настоящим другом ссыльных в течение по меньшей мере целой четверти века. Кто только не проходил через ее руки и кого только не видела она у себя за эти годы! Имя ее было широко известно по всей округе до самого Туруханского края. Много лет все ссыльные знали, что на огонек, который светился у нее, каждый может смело направлять во всякое время свой путь в надежде найти там приют и ласку...

Дом... был, правда, небольшой, но он отличался прочной старинной постройкой, из толстых бревен, и просторным двором. Дом расположен был по Большекаченской улице и значился на ней под № 33...

Политические ссыльные, проходившие через Красноярск или бывавшие по разным делам в Красноярске, прекрасно знали этот дом Клавдии Гавриловны на Большекаченской улице. Редко кто из них не бывал в нем или не останавливался там — «у Клавдии Гавриловны». Жандармы так и звали его «штаб-квартирой политических ссыльных»... Это был настоящий приют для ссыльных, где каждый из них встречался положительно как родной и где находили привет и приют даже совершенно незнакомые люди. Тут была и явочная квартира (при побегах), и справочный стол, и место для того, чтобы остановиться или прожить до тех пор, пока не подыщется постоянная квартира, и вечно открытая столовая, и постоянно действовавший адрес для переписки с родиной...

Дом К. Г. Поповой звали «штаб-квартирой политических ссыльных»

Можно сказать без всякого преувеличения, что, начиная от народников 1870-х годов вплоть до социал-демократов 1890-х и 1900-х годов, все поколения енисейской ссылки прошли через эту хибарку типичного провинциального вида, в три окна на улице, и низенькую, несмотря на два этажа, почерневшую от времени, на Большекаченской улице...

Клавдия Гавриловна, конечно, охотно приняла Владимира Ильича, и так он и остался у нее во все время жизни в Красноярске.

Прямо из прихожей, во втором этаже ее дома, находилась большая, но низкая, типичная провинциальная комната. В ней стояла кровать, столы простого дерева, несколько кресел провинциальной работы собственных столяров, тяжелые и мало удобные, и два таких же дивана. Над столом на стене висело простеночное зеркало, совершенно такое, какие встречаются во всех захолустьях подобного типа. В этой комнате и поселился Владимир Ильич.

Жил он тут совершенно один, но когда кто-нибудь приезжал из уезда из ссыльных (а это бывало довольно часто) или подъезжали новые ссыльные, то они останавливались в той же комнате. Тогда Владимир Ильич занимал по-прежнему место на кровати, как первый приехавший, а другие спали на диванах.

С собой Владимир Ильич привез много книг, и, вероятно, у него имелись разные новинки, интересные для ссыльных...

Тотчас по приезде он сел за чтение и за работу над своими книгами. Заботиться о разных хозяйственных мелочах ему не приходилось. Давно уже так установилось, что у Клавдии Гавриловны ссыльные, жившие тут, у нее и столовались за самую дешевую плату, по

«себестоимости». Пищу у нее они имели простую, по сытную и хорошо приготовленную, так как она славила в городе как искусная повариха. Такой же стол стал получать и Владимир Ильич.

Запись воспоминаний А. А. Потехина:

На следующий день после приезда в Красноярск Владимир Ильич направился в канцелярию Енисейского губернского управления, которое помещалось на углу Воскресенской улицы и переулка Андрея Дубенского, основателя Красноярска...

Владимир Ильич обратился в Первое отделение, ведавшее секретной частью по осуществлению надзора за политическими ссыльными. Его провели к делопроизводителю — коллежскому регистратору Качусову, молодому бородачу. Качусов посмотрел на предъявленное Владимиром Ильичем проходное свидетельство № 2560, выданное петербургским градоначальником, порылся в папке входящих бумаг и сухо ответил, что еще нет никаких распоряжений.

В тюремном отделении Владимира Ильича принял письмоводитель, не имевший чина, Антоний Потехин. Он сказал, что бумаги об Ульянове поступят, очевидно, недели через две, не раньше, и посоветовал обратиться к инспектору по пересылке арестантов полковнику Гудым-Левковичу.

В кабинете Гудым-Левковича Владимира Ильича принял подполковник Саломатов. Прочтя проходное свидетельство в присутствии Потехина, он недовольно заметил, что оно не отмечено у полицмейстера, но Владимир Ильич сказал, что он едет в Иркутск и вовсе не обязан являться в местную полицию.

Подполковник Саломатов также не имел никаких распоряжений относительно Ульянова и сказал, что может отправить его с очередной арестантской партией в Иркутск за счет казны, по этапу. Владимир Ильич ответил, что он, несмотря на плохую дорогу, все же предпочитает следовать в Иркутск за свой счет, без конвоя.

*Из прошения Владимира Ильича
иркутскому генерал-губернатору,
находившемуся в то время в Красноярске:*

По распоряжению административных властей я сослан в Восточную Сибирь на три года по политическому делу. По разрешению департамента полиции я приехал на место ссылки на свой счет по проходному свидетельству, выданному мне г. С.-Петербургским

Градоначальником от 17 февраля 1897 года за № 2560. Местом явки в этом проходном свидетельстве назначен город Иркутск для предъявления проходного свидетельства в канцелярию Вашего Высокопревосходительства.

Так как по справке у местного губернского начальства (т. е. в Енисейском Губернском Правлении) оказалось, что относительно меня нет еще никаких распоряжений, и так как, судя по общим предположениям, высказанным моей матери г. директором департамента полиции, возможно, что место жительства мне будет назначено в пределах Енисейской губернии, то явка в город Иркутск в этом последнем случае потребовала бы от меня весьма обременительных добавочных расходов на обратное путешествие. Поэтому я имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство разрешить мне остаться в городе Красноярске впредь до распоряжения о назначении мне места жительства.

Если бы было признано, что я должен узнать об этом в канцелярии Вашего Высокопревосходительства, то в этом случае я ходатайствую о разрешении мне навести требуемую справку по почте или хотя бы даже по телеграфу.

Вместе с тем я ходатайствую о назначении мне места жительства, ввиду слабости моего здоровья, в пределах Енисейской губернии и, если возможно, в Красноярском или Минусинском округе.

Помощник присяжного поверенного
Владимир Ульянов

Город Красноярск, марта 6 дня 1897 года.

Запись воспоминаний В. М. Крутовского:

...Красноярская городская библиотека... находилась в доме казака Путимцева в Покровском переулке. Библиотекарем назначили учительницу Любовь Михайловну Розинг, сестру В. М. Крутовского.

7 марта Владимир Ильич отправился в городскую библиотеку. Любовь Михайловна... предоставила в его распоряжение все газеты, журналы и каталог книг библиотеки...

Фонды библиотеки не могли полностью удовлетворить запросов Владимира Ильича, но он не без интереса просматривал здесь журналы: «Новое Слово», «Русская Мысль», «Русское Богатство»; газеты «Биржевые ведомости», «Русское Слово», «Новое Время»; «Сибирскую газету» — из Томска, «Степной край» — из Омска, «Восточное обозрение» — из Иркутска. В от-

дельных папках подшивались местные газеты: «Енисей» и «Енисейские губернские ведомости»...

Любовь Михайловна Розинг, видя, что ее новый читатель нуждается в книгах, которыми не располагала городская библиотека, посоветовала ему воспользоваться вновь открытой библиотекой Общества попечения о начальном образовании и частной библиотекой Евгении Ивановны Скорняковой.

В. М. Крутовский: В Красноярске имелась роскошная и редкая библиотека у купца Юдина. Она находилась у него на даче, в особом доме, и он книг из нее не давал никому. Чтобы пользоваться этой библиотекой, требовалось особое разрешение, которое Юдин выдавал по ходатайству лиц, хорошо ему знакомых. Вот как раз я и был таким лицом. Я написал Юдину письмо...

В. М. Крутовский — Г. В. Юдину, 7 марта 1897 года:

Милостивый государь, Геннадий Васильевич!

Некто г-н Ульянов, мой знакомый, очень хотел бы осмотреть Вашу интересную библиотеку и узнать условия, на которых Вы допускаете заниматься в ней. Он поэтому просил меня дать ему к Вам рекомендацию, и Вы сделаете мне большое одолжение исполнением его желания².

Запись воспоминаний И. Я. Миронова:

...В субботу 8 марта 1897 года Владимир Ильич побывал в фотографии (*Генриха Кеппеля и Регины Аксельрод*). Там он встретил Менделя Аксельрода, который оказался родным братом Павла Борисовича Аксельрода...

Регина и Мендель Аксельрод предложили новому посетителю посмотреть собранные ими фотографии политических ссыльных, прошедших через Красноярскую пересыльную тюрьму...

Рассматривая фотоальбом, Владимир Ильич нашел в нем фотографии свыше двухсот политических ссыльных, прошедших через Красноярскую пересыльную тюрьму с 1879 по 1897 год.

П. А. Красиков: Для его будущей книги «Развитие капитализма» он (*Владимир Ильич*) нуждался в массе материалов и статистических данных, которые трудно и даже невозможно было достать, сидя в Минусинской деревне. Владимир Ильич, будучи осведомлен о библиотеке красноярского винозаводчика Юдина, имевшего страсть к собиранию библиотеки и затратившего многие сотни тысяч на это дело и имевшего у себя все ка-

питательные труды по экономике, статистике, истории, фольклору и т. д., выписывавшего огромное количество новейших книг через своих комиссионеров в России и за границей, обратился к нему за разрешением заниматься некоторое время в его библиотеке. Купец был крайне польщен, что молодой русский ученый использует его библиотеку для своего сочинения о развитии экономики России, охотно разрешил ему это пользование.

В. И. Ленин — М. И. Ульяновой, 10 марта 1897 года:

Получил от доктора твое письмо и очень был рад весточке из дому. Мешок, присланный мамой, получил и думаю, что он будет очень удобен. Предложением твоим насчет выписок в Румянцевской библиотеке я, наверное, воспользуюсь. Вчера попал-таки в здешнюю знаменитую библиотеку Юдина, который радушно меня встретил и показывал свои книгохранилища. Он разрешил мне и заниматься в ней, и я думаю, что это мне удастся. (Препятствия тут два: во-1-х, его библиотека за городом, но расстояние небольшое, всего версты две, так что это приятная прогулка. Во-2-х, библиотека не закончена устройством, так что я могу чрезмерно обременить хозяина частым спрашиванием книг.) Посмотрим, как это выйдет на деле. Думаю, что и второе препятствие устранится. Ознакомился я с его библиотекой далеко не вполне, но это во всяком случае замечательное собрание книг. Имеются, напр., полные подборы журналов (главнейших) с конца 18 века до настоящего времени. Надеюсь, что удастся воспользоваться ими для справок, которые так нужны для моей работы.

П. А. Красиков:

...Почти каждый день Владимир Ильич утром, часов в 9—10, был мною отвозим на очень неважных дрожках, запряженных почтенного возраста казенной лошадей, за город, к знаменитой Афонтовой горе, вблизи которой находилась дача купца Юдина и его библиотека ...Ильич брал с собой завтрак (чай ему подавали в библиотеке) и часто в хорошую погоду просил не посылать за ним лошадь, так как он считал необходимым после солидного сидения в библиотеке пройти пешком пространство, отделявшее юдинскую дачу от города...

Запись воспоминаний К. Г. Поповой:

...Она редко его (*Владимира Ильича*) видела, так как он все время сидел в своей комнате за работой и выходил только на время обеда или когда пил чай, да

и то не всегда. Вскоре после приезда у него нашлось и еще одно дело: он стал ходить в библиотеку купца Юдина, Геннадия Васильевича, за книгами для занятий...

Но и дома, приходя от Юдина, он много работал, сидел даже ночами за книгами. Клавдия Гавриловна передавала в этом отношении такой, правда, мелкий, но характерный факт. В комнате, в которой Владимир Ильич жил, висело над столом, как упомянуто выше, прстеночное зеркало, так что лампа, когда ее Владимир Ильич ставил перед собой для занятий по вечерам и ночью, приходилась прямо под зеркалом. Ее и раньше ставили обычно на этом же месте, и все проходило благополучно, но Владимир Ильич, передавала Клавдия Гавриловна, так долго и так помногу сидел ночами с этой лампой, что зеркало от нагревания однажды лопнуло. Это маленькое происшествие очень смутило тогда Владимира Ильича...

Но, конечно, такой замкнутый образ жизни Владимира Ильич вел не все время. Для этого он обладал слишком деятельной натурой, требовавшей того или иного проявления.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 15—16 марта 1897 года:

Поджидал все письма от тебя, дорогая мамочка, но до сих пор тщетно: справки на почте ничего не дают. Начинаю уже думать, что вы не писали мне, дожидаясь телеграммы, которую мне не удалось послать тотчас по приезде. Ввиду большой продолжительности почтового срока между нами (т. е. слишком долгого пути писем) надо писать, не дожидаясь адреса. Если меня отсюда отправят, то я оставляю заявление на почте о пересылке писем по моему новому адресу. Поэтому пишите мне почаще по последнему известному вам адресу, — а то я уже соскучился без писем из дому. Получил одну только записочку Маняши с доктором.

Сегодня проводил доктора. Он уехал в Иркутск. Ему не позволили ждать здесь дольше, т. е. не позволило местное начальство. Меня пока не тревожат, да и не могут, я думаю, ибо я подал прошение генерал-губернатору и теперь жду ответа. Впрочем, абсолютно невозможного нет ничего и в том, что мне придется тоже проделать такое путешествие. Здесь с сегодняшнего дня считается уже распутица, и проезд на почтовых становится дороже и труднее. Погода стоит отличная, совсем весенняя. Я провожу здесь время в двух занятиях: во-первых, в посещении библиотеки Юдина; во-2-х, в ознакомлении с городом Краснояр-

ском и его обитателями (большой частью невольными). В библиотеку хожу ежедневно, и так как она находится в 2-х верстах от окраины города, то мне приходится проходить верст 5 — около часа пути. Прогулкой такой я очень доволен и гуляю с наслаждением, хотя частенько прогулка меня совсем усыпляет. В библиотеке оказалось гораздо меньше книг по моему предмету, чем можно было думать, судя по общей ее величине, но все-таки есть кое-что для меня полезное, и я очень рад, что могу провести здесь время не совсем зря. Посещаю и городскую библиотеку: в ней можно просматривать журналы и газеты; приходят они сюда на 11-ый день, и я все еще не могу свыкнуться с такими поздними «новостями». Если придется жить за несколько сот верст отсюда, то почта будет идти еще гораздо дольше, и тогда еще более необходимо будет писать почаще, не дожидаясь ответа: а то, если ждать ответа, то это составит больше месяца!

Жаль ужасно, что ничего неизвестно о партии. Я уже и ждать перестал телеграммы от Анюты, решив, что ей не удастся ничего узнать или что вышла задержка. Здесь, как слышно, сняты уже этапы, — значит, партия приедет по железной дороге. А если так, то непонятно, почему ее задерживают в Москве. Удастся ли передавать книги? съестное? письма? Если все эти вопросы не совсем запоздают, то я был бы очень рад получить от Анюты ответ на них.

16/III. Вчера не успел отправить письма. Поезд идет отсюда в Россию поздно ночью, а вокзал далеко.

Крепко целую тебя и шлю поклон всем нашим. Завтра, может быть, соберусь, наконец, отослать Анюту взятые на небольшой срок книги.

Твой В. У.

Дошло ли письмо с адресом? Повторяю на всякий случай: Большекаченская улица, дом Клавдии Поповой. Можно писать и до востребования на почту: я там справляюсь. Когда уеду отсюда, то мне будут пересылать письма вслед.

Красноярские встречи

А. И. Ульянова-Елизарова:

Несколько позже Владимира Ильича приехала в Красноярск сестра Г. М. Кржижановского Антонина Максимилиановна (*Розенберг*). Окончив фельдшерские курсы, она взяла место на вновь открывшийся в Красноярске переселенческий пункт. Она и была той

Schwester *, на адрес которой Владимир Ильич просил нас отправлять посылки и деньги. Прямо Ильичу отправлять книги было бы рискованно, так как, адресованные ссыльному, они подвергались бы более строгому просмотру, а пересылаемые деньги полиция обыкновенно удерживала из выдаваемого ссыльным пособия.

*А. М. Старкова
(Розенберг):*

Помню, как я, усталая от большого пути и совершенно одинокая, приехала под вечер в Красноярск, сдала своему начальству все поручения, получила от него новые распоряжения по работе на следующий день и очутилась опять на улице без угла, пристанища и без знакомых. Помню, как я была полна всяких страхов перед сибирскими незнакомыми мне городами, и в таком-то подавленном и смятенном состоянии я медленно двигалась по какой-то улице Красноярска, соображая и не представляя, что предпринять мне дальше...

Какова была моя радость и удивление, когда я неожиданно увидела хорошо знакомую мне фигуру Владимира Ильича...

Куда девалась моя обычная застенчивость! Стремительно бросилась я к Владимиру Ильичу и так же стремительно и взволнованно поведала ему все свои страхи и недоумение по поводу моего устройства с ночлегом.

...Отложив все свои дела, повел меня Владимир Ильич в одну колонию молодежи — учащихся местной фельдшерской школы, познакомил меня с ними и поручил меня их заботам...

Оказывается, Владимир Ильич в самый короткий срок пребывания в Красноярске уже хорошо ориентировался, имел много знакомых не только среди бывших политических ссыльных, но и среди учащейся молодежи и при этом много читал и серьезно работал над одной из своих книг... Но Владимир Ильич ведь на все находил время — умел и отдыхать.

Он всегда находил свободную минутку после своих занятий забежать к нам в колонию проведать меня, справиться о моих нуждах. Не ленился захватывать меня с собою к общим знакомым и даже вытаскивал на прогулки и всегда очень добродушно подтрунивал надо мной, когда я что-нибудь неумело отстаивала.

Голова Владимира Ильича всегда была полна разными современными той поре боевыми вопросами, мозг

* сестрой.

его неустанно работал, горел, и, конечно, очень было интересно быть около него...

Придет, бывало, Владимир Ильич к нам в колонию (а там как раз в это время под руководством одного местного доктора (*М. Л. Хейсина*) велись занятия по политической экономии и разбирался первый том «Капитала» К. Маркса), лукаво усмехнется, весело со всеми поздоровается и сейчас же начнет будоражить занимающихся, ставя им коварные вопросы и допекая, главным образом, доктора, который считал себя серьезным марксистом. Владимир Ильич моментально разбивал его по разным пунктам, загоняя его в тупик, и, смеясь, говорил, что пока еще доктор представляет из себя четверть марксиста.

После же словесного боя Владимир Ильич с удовольствием садился с этим доктором за шахматы и так же быстро и легко его обставлял.

Конечно, появление Владимира Ильича в нашей колонии всегда вносило большое оживление, возбуждало много содержательных и серьезных споров, не обходилось и без смеха, остроумных шуток...

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 26 марта 1897 года:

Получил, наконец, дорогая мамочка, вести от вас и был очень рад им. Во-1-х, получил телеграмму в ответ на мою. Справился и на вокзале — ничего нет. Schwester уже потом нашла там твое письмо, а Анютино, значит, пропало. Во-2-х, получил вчера вечером, в 10-м часу, телеграмму о выезде, обрадовался ей несказанно и сломя голову полетел к Schwester'у делиться радостью. Теперь мы считаем дни и «едем» с почтовым поездом, вышедшим из Москвы 25-го. Я понял эту последнюю телеграмму так, что едут на свой счет: иначе не было бы подписи Глеба³. Думаем, что матери он тоже дал телеграмму в Челябинск, а то могла бы выйти такая вещь, что он проехал бы мимо нее, а она продолжала сидеть и ждать известий! (письмо к ней от Schwester'a послано недавно, и, пожалуй, она не успеет выехать). Очень благодарю Маняшу за ее письмо и за экстракты из полученных писем. Прилагаю здесь ответ на один из этих экстрактов — пусть Маняша распорядится с ним по-прежнему. Я рассчитываю еще поэксплуатировать ее и по письменной части и даже по литературной. — Книги и письма мне можно посылать сюда: еще не знаю, когда меня выгонят и куда. Но лучше, пожалуй, посылать Schwester'у, и потом, что поважнее, *заказными* отправлениями, а то здесь, должно быть, на почте неряшества уйма, так

что письма, видимо, теряются (по-видимому, к этому еще добавляются сторонние препятствия*)...

Твой В. У.

Посылаю Анюте список тех книг, которые мне очень хотелось бы достать и которые, кажется, только и можно купить у букинистов в Питере, так что надо написать директору** и просить его сделать это или поручить кому-либо. Ужасно досадую на себя, что перепутал одно название (один год, вернее) в письме из предварилки и заставил Анюту пропутешествовать даром. Нельзя ли бы также поискать их в московских библиотеках: может быть, где-нибудь и найдется?

1. «Ежегодник Министерства финансов». СПб., 1869. Выпуск 1.

2. «Статистический временник Российской империи». Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел.

Серия II, выпуск 6-ой: «Материалы для статистики фабрично-заводской промышленности в Европейской России за 1868 год», обработанные И. Боком. СПб., 1872.

3. «Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России с поименным списком фабрик и заводов». Составил Д. Тимирязев. Выпуск III. СПб., 1873 (первые два выпуска я нашел здесь у Юдина. Стоимость этих трех книг первоначальная: 1) 2 р., 2) 1 р. и 3) 1 р. 50 коп., но только в продаже-то их нет).

А. А. Ванев — Д. В. Труховской, 5 апреля 1897 года:

Прибыли в Красноярск вчера утром, и сейчас же были отправлены в тюрьму. Оригинальная картина: несколько простых телег с соломой (это вместо карет-то!), а кругом двойная стража из местных казаков с ружьями и московского конвоя с обнаженными шашками.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Владимир Ильич рассказывал... о том, как они с Антониной Максимилиановной вышли навстречу поезда с партией и как жандармы стали отгонять их от вагонов. Удалось обменяться только краткими приветствиями с прибывшими; жандармы решительно погна-ли обоих прочь.

* то есть царская цензура.

** Степану Ивановичу Радченко.

*А. М. Старкова
(Розенберг):*

Пришлось мне... вместе с Владимиром Ильичем немало пострадать от красноярских жандармов, когда мы с ним встречали приехавших товарищей.

Никогда не забуду, когда в самый разгар наших разговоров с приехавшими жандармы грубо повернули меня и Владимира Ильича и погнали нас обоих от площади подальше от вокзала.

Полная возмущения и запыхавшаяся от бега, я не знала, что и подумать, и только робко поглядывала на Владимира Ильича. А тот, как ни в чем не бывало, совершенно серьезно давал неверные ответы на беглый допрос жандарма, а потом, улыбаясь, очень добродушно подтрунивал над моей растерянностью.

З. П. Невзорова-Кржижановская: ...Владимир Ильич ходил в красноярскую тюрьму повидаться с товарищами, но это у него не вышло⁴.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 5 апреля 1897 года:

Глеб с Базилом * высмотрят, говорят, очень плохо: бледны, желты, утомлены страшно. Авось выпыраются, когда выйдут.

Я вполне здоров и живу здесь хорошо; погода стоит чудесная. Собираюсь писать Маняше письмо «литературного» содержания: не знаю только, соберусь ли. Видел «Новое Слово» и читал его с громадным удовольствием.

Запись воспоминаний И. Я. Миронова:

Фотография Кеппеля — Аксельрод служила местом для свидания политических заключенных с родными, близкими, товарищами по борьбе, с представителями нелегального Красного Креста, деятельность которого в Красноярске была весьма плодотворной.

Владимир Ильич надеялся встретиться в фотографии с Н. Е. Федосеевым, Г. М. Кржижановским, В. В. Старковым, А. А. Ваневым, но безуспешно. Полицейский надзиратель Козьмин не раз докладывал полицмейстеру Гирину о том, что заключенные, которые подают заявления с просьбой сфотографироваться в местной фотографии, делают это с целью встречи там с «посторонними» людьми. Поэтому губернатор отказал Н. Е. Федосееву в просьбе сфотографироваться в местной фотографии.

* В. В. Старковым.

Запись воспоминаний К. Г. Поповой:

Приходилось Владимиру Ильичу общаться и со старыми ссыльными, тем более, что нередко кто-нибудь из них наезжал из уезда... Однажды в одной комнате с ним (*Владимиром Ильичем*) поместились два старых ссыльных 80-х годов, один Филиппов, бывший каторжанин-народоволец, а другой, кажется, Мерхолов, тоже из прежних народовольцев, но бывший в административной ссылке. Оба они были народниками и к марксистам, да еще новейшей формации 90-х годов, относились очень пристрастно. Естественно, что, когда они жили, у них с Владимиром Ильичем шли шумные споры. Приходил еще в это время к Владимиру Ильичу местный марксист Красиков, Петр Ананьевич, красноярец по происхождению... Красиков, собственно, даже не приходил, а чаще приезжал на беговых дрожжах... Случилось однажды так, что все они четверо — Филиппов, Мерхолов, Владимир Ильич, Красиков (был, кажется, и еще кто-то) — так заспорили, что Клавдия Гавриловна несколько даже забеспокоилась... Но в этот момент вдруг ударили в набат, на пожар, — а пожары тогда в Красноярске, как и вообще в сибирских городах, бывали очень часто. Услышав набат, Красиков выскочил из дома и укатил на своих дрожжах, и спор благодаря этому прекратился, затих сам собою.

В. А. Букин:

В 1897 году я возвращался из ссылки (*в городе Туруханске*)... Во время моей остановки на... квартире (*К. Г. Поповой*) я встретился с В. И. Лениным... Мне пришлось с ним прожить около 10 дней.

Познакомились сразу же...

За все время, которое я с ним прожил под одной кровлей, мы много говорили на разные темы. Товарищ Ленин сильно интересовался жизнью гор. Туруханска и все время меня спрашивал про условия, в которых там находились ссыльные.

...В Красноярске жил ссыльный-народоволец Кудряшев, с которым Владимир Ильич познакомился. Кудряшев ходил к нам на квартиру... Мы втроем, то есть В. И. Ленин, Кудряшев и я, сидели за столом и вели беседу...

В. Н. Кудряшев:

Узнав, что я политический ссыльный и притом рабочий и принадлежу к партии «Народная Воля», он (*Владимир Ильич*) заинтересовался (мною) и стал объяснять программу социал-демократической рабочей партии. Жестоко критиковал Николая Константиновича Михайловского и читал мне выдержки из книги, которую он писал в то время.

П. А. Красиков: Вечером частенько с товарищами-марксистами, жившими в Красноярске или бывавшими проездом, он (*Владимир Ильич*) беседовал или играл изредка в шахматы. Но большей частью вечером Ильич принимался опять за писание. Иногда мы шли в магазин за покупками для будущей деревенской жизни Ильича.

В. М. Крутовский: К нам с Кулаковым Владимир Ильич заходил. Большею частью он оставался с Кулаковым, так как я, занятый службой, практикой и общественными делами, редко бывал дома.

П. А. Красиков: ...Он (*Владимир Ильич*)... часто ночевал у товарищей, в том числе у меня на Узенькой улице, дом рядом с казачьей сотней, бывший, кажется, Суриковых.

А. И. Ульянова-Елизарова: ...Он (*Владимир Ильич*) избегал, очевидно, как это и вообще было ему свойственно, долгого засиживания на народе, долгих разговоров. Публика была там (*в Красноярске*) больше народовольческая. Многие побывали на каторге. Новые тогда и для России социал-демократические взгляды вызывали среди ссыльной публики очень большие и страстные дебаты. Владимир Ильич, естественно, старался избегать их, зная, что стариков не переубедишь, а нервы у них измотанные.

Е. Е. Колосов (Марк Горбунов): В среде лиц близких к Клавдии Гавриловне (*Поповой*) сохранилось... воспоминание об одном из... полемических турниров, которые пришлось тогда вести Владимиру Ильичу со старыми народовольцами. Но это происходило не в квартире самой Клавдии Гавриловны, а в квартире В. А. Караулова, бывшего шлицсельбуржца, проживавшего тогда в Красноярске вместе со своей женой, Прасковьей Семеновной... Как раз в его квартире произошло свидание Владимира Ильича с несколькими старыми народовольцами. Случилось это следующим образом. В то время из Забайкалья проезжал... бывший каторжанин-кариец Яцевич, один из крупных народовольцев. Яцевич отличался редкими способностями к теоретическому мышлению, много работал на каторге над разными научными вопросами, особенно в области философии. Товарищи высоко ценили его дарования, а некоторые считали его даже из ряда выдающимся мыслителем. Вот этот Яцевич и обратился с просьбой к В. А. Караулову устроить ему свидание с местными марксистами, которыми он очень интересовался. Удовлетворяя его просьбу, Караулов пригласил к себе небольшой кружок знакомых, в том числе молодежи (в общем человек 15), при-

чем со стороны марксистов тут присутствовали Владимир Ильич и его товарищ... Беседа, точнее, прения Яцевича с Владимиром Ильичем продолжались целый вечер. Говорил, впрочем, главным образом Яцевич. Он отстаивал основные принципы программы «Народной Воли» и ее философские предпосылки, противопоставляя их теории экономического материализма. Владимир Ильич возражал по всем пунктам, причем ограничивался больше отдельными репликами, «ядовитыми фразами», как говорили тогда в Красноярске ссыльные, резко обострявшими как его мысли, так и характер спора.

Прасковья Семеновна Караулова, приглашая гостей на этот спор, говорила им:

— У нас сегодня будет интересный вечер.

И вечер был действительно интересный. За все время сибирской ссылки у Владимира Ильича, быть может, не было такого большого и длительного турнира с представителями старого поколения, как в этот раз, у Карауловых.

Г. М. Кржижановский:

Мы были одними из первых социал-демократов, очутившихся в Восточной Сибири, и вся старая ссылка присматривалась к нам со смешанным чувством любопытства и недоверия. Но среди всех нас особо ярко окрашенной фигурой нового типа политических борцов был именно Владимир Ильич.

Место для жительства

В. М. Круговский:

Я научил Владимира Ильича подать губернатору прошение о болезни и об освидетельствовании состояния его здоровья. Сам же взял на себя хлопоты провести это дело в благоприятном смысле. Мне это было легко сделать, так как губернатор был со мной знаком, а сам я состоял членом врачебного отделения, которое должно было произвести освидетельствование, причем остальные члены были моими хорошими товарищами.

Владимир Ильич так и поступил. Губернатор приказал врачебному отделению освидетельствовать Ленина. Мы «нашли» туберкулезный процесс в легких и сочли необходимым назначить местом ссылки южную часть губернии, то есть Минусинский уезд. Так и вышло.

*Из отношения иркутского генерал-губернатора
енисейскому губернатору, 24 марта 1897 года:*

Государь император по всеподданнейшему министра юстиции докладу обстоятельств дела о бывших студентах С.-Петербургского технологического института из крестьян Петре Кузьмине Запорожке и сыне чиновника Анатолии Александрове Ванееве, инженер-технологах Глебе Максимиланове Кржижановском и Василии Васильеве Старкове, лекаре из виленских мещан Якове Меерове Лейбове Ляховском, помощнике присяжного поверенного, сыне чиновника Владимире Ильине Ульянове, бывшем студенте С.-Петербургского университета, потомственном почетном гражданине Юлии Иосифове Цедербауме и отставном губернском секретаре сыне священника Пантелеймоне Николаеве Лепешинском, обвиняемых в государственном преступлении, в 29 день января 1897 г. Высочайше повелеть соизволил разрешить настоящее дознание административным порядком, с тем чтобы выслать названных лиц в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции: первого на пять лет, а прочих на три года каждого.

Из поименованных ссыльных я назначаю на жительства Ванеева и Цедербаума — в г. Туруханск, Лепешинского — в с. Казачинское Енисейского округа, Кржижановского, Старкова и Ульянова — в Минусинский округ (кроме г. Минусинска), о чем имею честь сообщить вашему превосходительству для соответствующих распоряжений. Запорожец и Ляховский подлежат отправлению в ведение г. иркутского губернатора.

При этом необходимым считаю присовокупить для личного вашего сведения, что все высылаемые входили в состав образовавшегося в 1894 г. в С.-Петербурге социал-демократического сообщества, имевшего целью противоправительственную пропаганду среди рабочих...

О пунктах, какие вы изволите назначить для жительства Кржижановскому, Старкову и Ульянову, прошу сообщить в мою канцелярию.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 5 апреля 1897 года:

Сегодня получились, дорогая мамочка, хорошие вести, и я спешу сообщить их. Во-1-х, я получил телеграмму из Иркутска от доктора: «Слышал назначении Вас Минусинск». Во-2-х, А. М. узнала, наконец, ответ генерал-губернатора: Глебу и Базилию тоже назначается Минусинский округ. Завтра приезжает Э. Э. и будет хлопотать об освобождении их и о том, чтобы ехать

им теперь уже на свой счет. Надо думать, что этого добиться удастся (судя по имеющимся прецедентам).

Назначением своим (если слух оправдается, — а я не думаю, чтобы он был ошибочный) я очень доволен, ибо Минусинск и его округ — лучшие в этой местности и по превосходному климату и по дешевизне жизни. Расстояние от Красноярска не очень большое, почта ходит два или три раза в неделю, так что письмо с ответом будет ходить, вероятно, вместо теперешних 22—23 дней, дней 30—35, не более. Я думаю, что раньше навигации ехать мне не удастся, ибо распутица теперь уже полная, и партия, отправляющаяся в Иркутск, задержана здесь вся до мая. А когда откроется навигация, — можно будет на пароходе доехать до Минусинска.

Ужасно жаль, что об Анатолии Александровиче * не хлопотали тоже, чтобы ему в Минусинский округ: для него, после перенесенного плеврита, это было бы очень и очень важно. Мы послали в С.-Петербург телеграмму, чтобы начали об этом хлопотать: ввиду задержки всей партии времени оказывается предвольно, так что можно надеяться, что успеют еще и ему выхлопотать, если возьмутся энергично.

Письма, конечно, посылать мне следует пока по старому адресу, если я выеду, то оставлю новый адрес, и мне их перешлют. Транспорт моих книг, я думаю, можно отправить тотчас, не дожидаясь окончательного назначения: все равно в Минусинск нельзя отправить товара (транспортной конторы там нет), а по железной дороге он пройдет сюда долго. Поэтому отправляйте сюда, на адрес хоть А. М., а еще лучше товаром на подателя накладной, которую перешлете в заказном письме к А. М. Отсюда же товар можно будет отправить весной на пароходе.

*Из отношения енисейского губернатора в канцелярию
иркутского генерал-губернатора, 10 апреля 1897 года:*

...Административно-высылаемым в Восточную Сибирь за государственное преступление по Высочайшему повелению 29 января 1897 г. Глебу Кржижановскому, Василию Старкову и Владимиру Ульянову назначены мною для жительства первым двум — село Тесинское и последнему — село Шушенское Минусинского округа.

* *Ванеев.*

На отношении резолюция:

I (делопроизводство). Отметить и уведомить Департамент полиции.

*В. И. Ленин — М. А. Ульяновой и А. И. Ульяновой-Елизаровой,
17 апреля 1897 года:*

Вчера получил, дорогая мамочка, три ваши письма. Я собрал сегодня поподробнее сведения о селах, куда мы назначены (мне официально это еще не сообщено). Я — в село Шушенское (кажется, в прежних письмах я писал неверно — Шушинское). Это — большое село (более 1½ тысяч жителей), с волостным правлением, квартирой земского заседателя (чин, соответствующий нашему становому, но с более обширными полномочиями), школой и т. д. Лежит оно на правом берегу Енисея, в 56 верстах к югу от Минусинска. Так как есть волостное правление, то почта будет ходить, значит, довольно правильно: как я слышал, два раза в неделю. Ехать туда придется на пароходе до Минусинска (далее вверх по Енисею пароходы не ходят), а затем на лошадях. Сегодня Енисей здесь тронулся, так что дней через 7—10, наверное, пойдут пароходы, и я думаю в конце апреля или начале мая ехать. Писать мне можно и должно на мой теперешний адрес *, потому что я оставлю заявление о пересылке писем, когда уеду. Назначить же точно время отъезда я никак не могу.— Глеб с Базилем назначены в село Тесинское — тоже с волостным правлением и т. д., в 37 верстах к северу от Минусинска, на реке Тубе (приток Енисея с правой стороны). Об них послана сегодня телеграмма в департамент полиции с просьбой разрешить ехать на свой счет. Надеюсь, что им это разрешат, по просьбе матери, которая здесь все хворает, и тогда мы поедем до Минусинска вместе.

...Маняшу благодарю за письмо: работу я ей задал теперь уже такую, что боюсь надоесть ей цифирью. Книги мои надо послать в Красноярск на предьявителя квитанции (прямо товаром или через транспортную контору, как лучше), а я уже попрошу знакомых послать в Минусинск, а там опять придется поискать знакомых. Иного пути нет...

Анюте

Насчет книг: как посылать их,— смотри выше. Что послать? Если получится гонорара рублей 150 ** (мо-

* Письма теперь получаю все и аккуратно. Должно быть, первые терялись на вокзале, где мало порядка.

** Очевидно, за статью «К характеристике экономического романтизма».

жет быть, это в три приема: через час, то бишь через месяц, по ложке?), то можно отделить и на книги. Купи мне тогда три последние выпуска «Промыслов Владимирской губернии» (3.⁷⁵), «Влияние урожая etc.» Чупрова и Посникова (5.⁰⁰), «Указатель фабрик и заводов за 1890 год. СПб., 1894» (5.⁰⁰?). Затем я еще напишу — смотря по размеру гонорара, который посему незачем посылать (конечно, Schwester'y) сразу. Напиши, пожалуйста, писателю *, что я был бы очень рад, если бы он отделил несколько десятков рублей и согласился посылать мне вместо них книг: и русских, и иностранных, и для рецензий, и просто так. Предметы, меня интересующие, ему известны, а посылать книги он мог бы тебе. С удовольствием взял бы и всякие вещи для переводов: я мог бы уже сам распределять между минусинцами и даже туруханцами ** (не очень спешные), взяв на себя самое предприятие перевода и ручательство за его своевременное и надлежащее выполнение. Но это уже, конечно, особь статья, а уплату гонорара книгами мне бы очень хотелось устроить, — *если только не слишком обременительно это будет для писателя...* — (это так буквально и добавь).

Я думаю, что надо будет выписать себе журналов и газет: вероятно, в Шушенском ничего не будет. Смотри по финансам можно будет выписать: «Русские Ведомости», «Русское Богатство», «Вестник Финансов» (без всяких приложений) «Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik» ***. Это — уже довольно много; значит, на случай больших поступлений. А на случай малых — можно, пожалуй, ограничиться одними «Русскими Ведомостями». Ты уже там увидишь, — особенно, когда я сообщу из Шушенского свой бюджет...

Большой поклон от меня Булочкиным ****. Что же это ничего не пишешь о них поподробнее? Какой же у них финал-то? Неужели никакого? Это было бы отлично. Если будет случай, кланяйся и другим знакомым, книгопродавцу и другим.

В. У.

Надеюсь, ты известишь меня заранее, когда решишь ехать на Запад, чтобы я успел еще написать тебе и снабдить паки и паки порученьцами.

* *Здесь и в дальнейшем «писателем», «écrivain'ом» Владимир Ильич называет П. Б. Струве.*

** и т. д. Федосеев назначен, я слышал, в город Киренск Иркутской губернии.

*** *«Архив социального законодательства и статистики».*

**** *Зинаиде Павловне (кличка — Булочка) и Софье Павловне Невзоровым, арестованным летом 1896 года по делу «Союза борьбы».*

*Из отношения красноярского полицмейстера
енисейскому губернскому тюремному инспектору,
17 апреля 1897 года:*

Административно высланный в Восточную Сибирь за государственное преступление помощник присяжного поверенного сын чиновника Владимир Ульянов, подлежащий отправлению на жительство под гласный надзор полиции в Минусинский округ, прибыл ныне в г. Красноярск и вследствие предписания г. енисейского губернатора от 11 апреля за № 273 над Ульяновым учрежден надлежащий полицейский надзор, впредь до отправки его к месту назначения.

На «отношении» резолюции тюремного инспектора:

Весьма нужное дело.
В село Шушенское, Минусинского округа.
Доложить г. губернатору можно ли выдать проходное свидетельство?

Делопроизводственные надписи:

22 апреля красноярскому полицмейстеру доложить, что Ульянову местом жительства под надзором полиции назначено село Шушенское Минусинского округа и предложено ныне же выдать Ульянову проходной вид в означенную местность и строго наблюдать за выбытием его по назначению. О времени же выбытия донести в то же время, № 47.

Должено г. губернатору и его превосходительством разрешено выдать свидетельство Ульянову на проход в с. Шушенское Минусинского округа.

19 апреля 1897 года.

Расписка:

Проходное свидетельство за № 90 получил 24 апреля 1897 года помощник присяжного поверенного Владимир Ульянов.

Подписку принял:

Секретарь *Миронов.*

Запись воспоминаний И. Я. Миронова:

А. А. Ванеев был освобожден из пересыльной тюрьмы 23 апреля, Г. М. Кржижановский и В. В. Старков — пятью днями позже. Двум последним были выданы проходные свидетельства до Минусинска. Получив эти свидетельства, они, по словам Миронова, направились вместе с Владимиром Ильичем и Ванеевым в фотографию Кеппеля.

*Из прошения
Владимира Ильича енисейскому губернатору:*

Не имея средств к жизни и будучи назначен на жительство в село Шушенское, где я не могу рассчитывать иметь какой бы то ни было заработок, я имею честь просить о назначении мне установленного законом пособия на содержание, квартиру и одежду.

Помощник присяжного поверенного
Владимир Ульянов

Город Красноярск,
апреля 29 дня 1897 года.

Прошение это доверяю подать фельдшернице
Антонине Максимилиановне Розенберг.

Помощник присяжного поверенного
Владимир Ульянов

Запись воспоминаний К. Г. Поповой:

Когда Владимир Ильич уезжал парохомом в Минусинск, то перед прощанием спрашивал Клавдию Гавриловну, какие ссыльные больше ей нравятся, старые, которые были раньше, или молодые, нынешние? Она ответила ему, что старые ей кажутся лучше и они ей больше по душе.

Расстались Владимир Ильич с Клавдией Гавриловной, несмотря на это расхождение в симпатиях, очень тепло и сердечно.

Вверх по Енисею

*А. А. Ванеев — Н. А. Рукавишниковой,
30 апреля 1897 года:*

Сегодня проводил трех товарищей, назначенных в Минусинский округ. (В Минусинск навигация уже открылась.) Веселыми и жизнерадостными уехали они... Один (*В. И. Ленин*) — в село Шушенское, двое других (*Г. М. Кржижановский* и *В. В. Старков*) — в Тенгинское.

*Из отношения красноярского полицмейстера
енисейскому губернскому тюремному инспектору,
30 апреля 1897 года:*

В исполнение предложений от 22 и 28 сего апреля за № 47 и 65 имею честь представить вашему высокородию подписки государственных преступников: помощника присяжного поверенного Владимира Ульяно-

ва, инженер-технолога Глеба Кржижановского и Василия Старкова в получении ими проходных свидетельств и донести, что эти лица выбыли из Красноярска в место ссылки — первый в село Шушенское, а последние в село Тесинское Минусинского округа — сего 30 апреля в 9 час. утра на пароходе «Св. Николай».

Запись воспоминаний З. П. Невзоровой-Кржижановской:

...Владимир Ильич, Глеб Максимилианович и Василий Васильевич зашли в каюту и предупредили Эльвиру Эрнестовну, что пароход будет стоять в Скиту⁵ до утра и поэтому после ужина они отправятся погулять на вольном воздухе.

Эльвира Эрнестовна одобрила это намерение и пожелала приятного вечера.

Друзья отправились на берег. Увлечшись разговором, они не заметили, как пересекли Филаретов ручей и оказались вблизи устья Маны, в расположении запретной арестантской зоны, где велись заготовки шпал для железной дороги.

У пристани на мачте парохода тускло светил керосиновый фонарь, а вдоль берега горели костры. У костров хлопотали пассажиры: кто подносил валежник, кто подбрасывал его в костер, кто подвешивал чайник, кто ждал горячую золу, чтобы испечь картошку.

Можно предположить, что друзья тоже развели костер. Глеб Максимилианович и Василий Васильевич познакомили Владимира Ильича с новыми для того времени песнями: «Смело, товарищи, в ногу», «Беснуйтесь, тираны», «Вихри враждебные веют над нами». И слова, и мелодии песен очень понравились Владимиру Ильичу.

У дивногорского костра было условлено, что завтра, в день Первого мая, во время длительной стоянки парохода на Бирюсинском займище, Владимир Ильич и его спутники снова соберутся на берегу.

...Пароход «Св. Николай» подошел к устью речки Шумихи, где на крутом и высоком яру стояли поленицы длинных «пароходных» дров, заготовленных крестьянами деревни Бирюсы.

Бирюсинцы, заметив пароход, вынесли для продажи кедровые орехи, бруснику, соленые грибы...

Капитан объявил пассажирам, что стоянка будет длиться не менее трех часов. Матросы, вооружившись деревянными носилками, вперегонки подносили дрова и с грохотом кидали их в пароходный люк.

Владимир Ильич, Глеб Максимилианович, Василий Васильевич оставили Эльвиру Эрнестовну «домовни-

чать» в каюте, а сами направились на берег. Они поднялись на крутую высокую террасу над устьем Шумихи, облюбовали просохшую прогалину, покрытую мхом, зеленеющим брусничником и пахучим багульником. Отсюда открывался прекрасный вид на скалистые горы Дивные, скитский лес, правобережную гору Лиственничную, Бирюсинские горы, закрывавшие Енисей с юга.

Владимир Ильич... снова слушал в исполнении своих друзей боевой революционный гимн «Смело, товарищи, в ногу», созданный в московской тюрьме Леонидом Петровичем Радиным...

Куплет за куплетом вполголоса распевали друзья чудесную песню борцов. Глеб Максимилианович попросил Василия Васильевича спеть «Варшавянку», так полюбившуюся русским революционерам.

Василий Васильевич, обладавший хорошим голосом, запел:

Вихри враждебные веют над нами...

Владимир Ильич подпевал, а к концу песни уже стал уверенно вторить.

Глеб Максимилианович познакомил Владимира Ильича еще с одной запрещенной полицией песней, привезенной в Бутырскую тюрьму польскими революционерами. Ее перевел на русский язык тоже Глеб Максимилианович.

Слезами залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь — тяжелый труд.
Но день настанет неизбежный,
Неумолимо грозный суд!
...Долой тиранов! Прочь оковы!
Не нужно гнета, рабских пут!
Мы путь земле укажем новый,
Владыкой мира будет труд!

Слова ее впервые прозвучали на берегах великой сибирской реки.

После трехчасовой стоянки у Шумихи раздался первый протяжный гудок, возвестивший об окончании погрузки. Пассажиры собирались на пароход. С сожалением прервали свою своеобразную маевку политические ссылыные.

Л. И. Удимова:

...Мне посчастливилось провести с Владимиром Ильичем много часов подряд на борту парохода, совершавшего по Енисею рейсы от Красноярска до Минусинска. Я ехала погостить к школьной подруге, ехала, конечно, в третьем классе, то есть попросту на палубе. У Владимира Ильича было место в каюте. Путешествие длилось двое суток. Совершенно не помню,

с чего начался наш разговор, запомнилось только, что я очень обрадовалась, узнав его имя... О чем мог Ленин говорить тогда со мной, простой малообразованной девушкой? У меня, как и у всех в нашем кружке, к тому времени уже сложилось серьезное отношение к жизни — сознание необходимости служить обществу. Этого было достаточно, чтобы найти с Владимиром Ильичем общий язык.

Наш разговор начался о Енисее, по которому мы ехали, о его красотах. Я могла рассказать Владимиру Ильичу, как приезжому человеку, много интересного. Говорила ему и о своих товарищах, о нашем кружке. Но больше слушала Владимира Ильича. Мне запомнилась его манера говорить и держаться, необычайная подвижность, быстрота движений и в особенности запомнился жест правой руки, быстро схватывающей рукоятку лебедки, возле которой на канатах, брошенных на корме парохода, мы и сидели, разговаривая, всю ночь. Твердость и уверенность тона Владимира Ильича сочетались в нем с предупредительностью и деликатностью. Я тогда отказалась последовать его приглашению — пойти в буфет первого или второго класса, считая это неудобным. Владимир Ильич согласился со мной, но наутро принес мне на палубу завтрак.

Я, конечно, не запомнила всего, о чем у нас тогда шла речь. Помню, что в разговоре Владимир Ильич упоминал о библиотеке Юдина, в которой работал. Говорил о предполагавшемся приезде в Шушу и Красноярск Н. К. Крупской. Надежда Константиновна должна была приехать к нему вместе со своей матерью, Елизаветой Васильевной. Владимир Ильич просил меня приютить их у себя на то время, пока они будут ждать парохода. Я, конечно, согласилась.

Запись воспоминаний Х. Х. Исламова:

Деревня Езагаш была расположена на широком левобережном лугу. У нее пароход «Св. Николай» остановился на ночлег, чтобы утром 2 мая погрузить требуемое количество дров и двинуться в дальнейший путь...

Погрузку дров матросы начали только с рассветом. Пассажиры проснулись раньше обычного, покинули пароход. Кто разжигал на берегу костры, кто прогуливался по прибрежной террасе, кое-кто отправился в село Езагаш, чтобы осмотреть остатки старинной плотины через реку Езагаш, построенной в 1752 году при железоделательном заводе.

Наконец пароход отчалил. Вскоре за островом исчез Езагаш. Долина реки стала широкой, просторной...

У Приярого берега деревни Брагиной остановились, чтобы погрузить 20 сажень березовых дров. Пассажиры успели прогуляться по деревне, запаслись провизией и серым пшеничным хлебом.

Отчалив от Брагиной, пароход вошел в один из сложных перекатов на Енисее — Журавлиху. Здесь много подводных мелей, кос, одна из них называлась Голодаихой. Фарватер реки напоминал по очертаниям шею журавля и потому назывался Журавлиха... За Журавлихой пароход вышел на У-Бейское плесо. Открывался новый живописный вид на долину реки У-Бей и гору Темир (Железную)...

От пристани Новоселово «Св. Николай» вышел на плес под отвесную скалу — Городовую стену. Она возвышается над уровнем Енисея от 50 до 200 метров, тянется на два километра и затем переходит в гору Улазы высотой до 480 метров.

От горы Улазы русло Енисея круто поворачивает в сторону Чулыма...

До Яново пароход с трудом пробрался через обмелевшие Яновские перекаты...

Поздно вечером «Св. Николай» причалил к Анашинскому острову у дровяной пристани.

С утра снова двинулись в путь. Миновав деревню Аешку, расположенную на летнем Ачинск-Минусинском тракте, пароход пошел тиховодами под левым берегом, сложенным из красного девонского песчаника.

Справа проплывали островки Осий, Паршин, Метелкин, Рудяной, Заусайка, Ближний, а слева — отвесные скалы Кулог, Писанный камень...

От пристани Батени пароход пошел под правый берег реки у горы Печки. Здесь Енисей сжимается скалами до 500 метров.

За рекой Чусовой в глубоком ущелье находилось глухое село Быскар. На левой стороне Енисея возвышалась живописная гора Хорым, или, по-русски, «Развалины камней».

Здесь кончалось горное ущелье, и у конусной каменной сопки Чолпан Енисей разбивался на рукава, долина реки расширялась. На Беллыкском острове находилась дровяная пристань, где предстояла очередная остановка на ночлег и для погрузки дров...

В два часа дня 5 мая 1897 года «Св. Николай» подошел к пристани Сорокино, откуда на всех парах направился в Минусинск.

На втором часу хода пароход миновал деревню Бирю, вошел в Сорокинские «разбои», где Енисей разбился на несколько обмелевших рукавов. На подступах к горе Туран, в Медвежьем перекате, пароход за-

цепился дном за гальку. Был дан задний ход, и начались промеры глубин. Они были неутешительны. Опасаясь сесть на мель, капитан вернул судно на пристань Сорокино.

Разумеется, пассажиры огорчились. Капитан объявил, что пароход будет ждать прибыли воды, а пока она шла на убыль.

В Минусинске

Запись воспоминаний З. П. Невзоровой-Кржижановской:

Под вечер 6 мая 1897 года городчанские ямщики доставили пассажиров (*в Минусинск*) на заезжую квартиру политических ссыльных в двухэтажный дом Ефима Ермиловича Брагина. Для запыхавших и уставших пассажиров была вытоплена баня. После бани все расположились на отдых.

В среду 7 мая к 9 часам утра Владимир Ильич, Глеб Максимилианович, Василий Васильевич направились по Новоприсутственной... улице в полицейское управление. Они предъявили исправнику проходные свидетельства. Исправник ознакомил их с уставом о ссыльных и предложил на следующий же день выехать из Минусинска — Владимиру Ильичу в село Шушенское в распоряжение полицейского заседателя Икин-гина, а Глебу Максимилиановичу и Василию Васильевичу — в село Тесь-на-Тубе, под гласный надзор полицейского заседателя 2-го участка Дуреева.

Из прошения минусинскому окружному исправнику:

Будучи назначен на жительство в село Шушенское и не имея возможности иметь там какой-либо заработок, я имею честь просить о назначении мне установленного законом пособия на содержание, одежду и квартиру.

г. Минусинск, 7 мая 1897 года.

Владимир Ульянов

Запись воспоминаний З. П. Невзоровой-Кржижановской:

От исправника Владимир Ильич со своими товарищами направился по Большой... улице в Мартьяновский краеведческий музей...

В Минусинском музее Владимир Ильич и его товарищи были тепло приняты основателем музея Ни-

колаем Михайловичем Мартьяновым и библиотекарем Ермилом Фомичом Гуциным.

Е. Ф. Гуцин:

Библиотека помещалась... в первом этаже здания... Однажды в мае в библиотеку зашел Феликс Кон⁶, но не один, как обычно, а с группой товарищей... Ф. Кон представил меня новому посетителю:

— Знакомьтесь, это наш библиотекарь Ермил Фомич.

— Владимир Ильич Ульянов,— назвал себя Ильич и приветливо пожал мне руку.

Затем Ф. Кон с Ильичем, Кржижановским, Старковым... прошли во второй отдел библиотеки, где они долго беседовали.

Владимир Ильич был очень жизнерадостен, заразительно смеялся, шутил. Чувствовались в нем громадная воля, бодрость, уверенность в победе революционного дела. К сожалению, мне не пришлось беседовать с Ильичем подолгу, но всякий раз, когда я с ним встречался на улицах города, он приветливо здоровался, спрашивал о здоровье, улыбался...

*В. И. Ленин —
М. А. Ульяновой:*

г. Минусинск, 7 мая 1897.

Приехали мы сюда, дорогая мамочка, только вчера. Завтра собираемся ехать в свои села, и я хотел было поподробнее написать тебе о путешествии сюда, которое оказалось очень дорогим и очень неудобным (так что ехать сюда совсем уже не резон), но не знаю, успею ли это сделать ввиду того, что теперь я сильно замотался в переездах, а завтра буду, пожалуй, занят еще больше. Если не успею завтра написать поподробнее, то ограничусь тем, что уже написано здесь, чтобы дать лишь весть о себе, а подробное письмо отложу уже до своей «Шу-шу-шу»., как я называю в шутку место моего окончательного успокоения.

Твой В. У.

Из отношения минусинского окружного исправника енисейскому губернскому тюремному инспектору, 8 мая 1897 года:

...Административно высланный за государственное преступление помощник присяжного поверенного Владимир Ильин Ульянов прибыл в Минусинск 6 с. мая, и тогда же за ним учрежден гласный полицейский надзор; на днях Ульянов будет водворен в село Шушенское, и об учреждении там за ним надзора одновременно с сим поручено земскому заседателю 3-го участка Минусинского округа.

*Из отношения енисейского губернатора
минусинскому окружному исправнику, 8 мая 1897 года:*

Препровождая при сем три прошения политическо-административно-ссылных Глеба Кржижановского, Василия Старкова и Владимира Ульянова, ходатайствующих о назначении им от казны денежного пособия по неимению собственных средств, предлагаю вашему высокоблагородию с возвращением приложений доставить мне сведения, действительно ли просители нуждаются по неимению собственных средств в выдаче просимого пособия и не получают ли они денежных средств от своих родственников.

*Из рапорта минусинского окружного исправника
енисейскому губернатору, 12 мая 1897 года:*

Представляя при сем прошение административно-ссылного Владимира *Ульянова* о назначении ему казенного пособия, имею честь доложить Вашему Превосходительству, что я с своей стороны полагал бы признать ходатайство Ульянова уважительным, так как у просителя здесь никакого имущества нет.

*Из отношения енисейского губернатора
минусинскому окружному исправнику,
17 мая 1897 года:*

...Уведомляю ваше высокоблагородие для надлежащего распоряжения: 1) что административно-ссылному за государственное преступление помощнику присяжного поверенного, сыну чиновника Владимиру Ильину Ульянову срок гласного надзора полиции должен считаться с 29 января 1897 года и 2) что административно-ссылные за государственное преступление инженер-технологи Глеб Кржижановский и Василий Старков должны быть подчинены гласному надзору полиции на три года каждый, считая срок надзора с 29 января 1897 г.

*Из рапорта минусинского окружного исправника
енисейскому губернатору, 26 мая 1897 года:*

В исполнение предписания от 8 мая за № 3903 имею честь донести вашему превосходительству, что административно-ссылные Кржижановский, Старков и Ульянов действительно нуждаются в денежном пособии и не видно, чтобы они получали от своих родственников денежные средства. Прошения означенных ссыльных при сем представляю.

*Из отношения енисейского губернатора
минусинскому окружному исправнику,
9—10 июня 1897 года:*

По основаниям, изложенным в рапорте вашем от 26 мая за № 68, не встречаю с своей стороны препятствий к производству состоящим под гласным надзором полиции политическим административно-ссылным Глебу *Кржижановскому*, Василию *Старкову* и Владимиру *Ульянову* денежного от казны пособия, в размере 8 рублей в месяц каждому, с 1 мая с. г. из имеющегося у вас на этот предмет кредита по § 28 ст. 6 действующей сметы Министерства внутренних дел,— я уведомляю об этом ваше высокоблагородие для зависящих распоряжений и объявления названным поднадзорным.

Глава вторая

Шушенский пленник

У подножия Саяна

Книг, больше книг!

«Писать для рабочих...»

Связь с жизнью

Сельские досуги

Заряд бодрости

У подножия Саяна

*Из отношения енисейского губернатора
в департамент полиции, № 511:*

Минусинский окружной исправник донес, что политический административно-ссылный Владимир Ульянов прибыл в назначенное ему место жительства — село Шушенское Минусинского округа, 8 мая с. г., и тогда же учрежден за ним надлежащий гласный надзор полиции сроком на три года.

А. С. Шаповалов: Село Шушенское — старое село. Немецкий ученый Паллас, физик-натуралист, исследователь Урала, Каспия, Алтая, познакомился с Минусинским краем еще до Великой французской революции, в 1771—1772 годах, и упоминает в своих сочинениях деревню Шушенскую, насчитывавшую при нем всего 31 двор. Селом Шушенское объявлено указом в 1793 году, после сооружения в нем церкви. Характерно, что начальная школа в нем поставлена была лишь в 1860 году. Село Шушенское издавна служило местом ссылки. Сюда ссылались декабристы, петрашевцы, поляки за восстания 1830 и 1863 годов. Из 11 декабристов, сосланных в Минусинский край при Николае I, в Шушенском жили Кранокушский, Фролов и полковник Фалленберг. Оба последние, женившись на местных жительницах, завели собственное хозяйство. Фалленберг был известен тем, что первый в крае ввел культуру табака махорки... В селе Шушенском отбывал ссылку знаменитый Петрашевский, по делу которого русский писатель Достоевский, приобретший мировую известность, отбывал каторжные работы в Омской крепости. Среди поляков, присланных в Шушенское за восстание 1830 года, пользовались известностью Корсак и Пржездецкий. Поляки, сосланные за восстание 1863 года, бунтовали в Минусинском округе и разбежались. Оставшиеся, поборов враждебное к себе отношение местных крестьян, мало-помалу завоевали их полное доверие и уважение как представители более высокой культуры и как носители знаний — врачи, ветеринары, юристы и ремесленники. Вслед за поляками начали приходить в ссылку в Минусинский округ народники, народовольцы и, наконец, социал-демократы марксисты во главе с Лениным.

А. Д. Зырянов: Весной 1897 года по рекомендации волостного писаря (*Д. Ф. Морозова*) я пустил на квартиру только что приехавшего в Шушенское политического ссыль-

ного, который, как я позднее узнал, был не кто иной, как Владимир Ильич Ленин.

Первые дни Владимир Ильич жил вместе с нами в общей комнате, потом попросил выделить ему отдельную. Мы с женой определили Владимиру Ильичу крайнюю маленькую комнату (с выходом на второе крыльцо) .., в которой он прожил четырнадцать месяцев. В комнату поставили деревянную кровать, стол, четыре простых стула. Впоследствии я ему сделал полки для книг.

Однако, несмотря на то, что Владимир Ильич снимал отдельную комнату, он жил вместе с нами. Кушал он часто вместе с нами, по-крестьянски, из общего ког-ла, пускался в разговоры, всегда заразительно, громко смеялся. Уж очень простой, душевный был человек Владимир Ильич, жизнерадостный, веселый!

Е. Д. Зырянова:

Быстрый был Владимир Ильич и спал совсем мало. Бывало, всю ночь читает и пишет. Я как-то встала утром — у него окно открытое, сидит пишет. Я и говорю:

— Как это вы, Владимир Ильич, всю ночь с открытым окном сидите, может кто что-нибудь бросить.

А он и отвечает мне:

— Никто ничего не бросит, ничего не случится, не беспокойтесь — и по имени отчеству меня назвал.

Книг у него уж очень много было, прямо страсть сколько. Бабушка наша (*мать А. Д. Зырянова Васса Степановна*) и то удивлялась. Она как-то и говорит ему:

— Ты бы, голубчик, чем про себя-то читать, про-читал бы вслух мне свою-то книгу, наверно, божественная, вон толстая какая!

Рассмеялся Владимир Ильич да и говорит, что книг божественных у него совсем нет, но почитать ей вслух он почитает с удовольствием. Бабушка говорит: читай, мол.

Владимир Ильич читает вслух, а книга-то мудреная какая-то, цифры все больше. Старушка сначала слушала внимательно, но потом махнула рукой и говорит:

— Ты хотя и по-русски читаешь, но что-то непонятно. И неужели книг беда такая да толстые все — и ничего божественного?

— Ничего божественного нет, бабушка, — говорит, улыбаясь, Владимир Ильич.

Махнула рукой старушка и пошла, больше таких чтений не было.

Владимир Ильич был человек веселый и шутник большой. Зайдет, бывало, к нам утром на кухню, мы

стряпаем. Он пошутит с нами, сам вдоволь пахочется и нас рассмешит.

Шаньги наши сибирские шибко кушать любил, я ему их частенько стряпала.

*В. И. Ленин — М. А. и М. И. Ульяновым,
18 мая 1897 года:*

Получил на этой неделе, дорогая мамочка, два письма твоих (от 20.IV и от 24-го) и отвечаю на последнее с первой почтой, которая идет отсюда сегодня вечером. Напиши мне, когда получается отсюда письмо, т. е. на какой день. Эти письма шли ко мне так долго потому, что их пересылали из Красноярска сюда и на эту пересылку тратилась масса времени. Насчет финансов — я не помню, что ты меня два раза спрашивала (как ты пишешь в письме от 24.IV), или, может быть, я забыл про это. Покуда у меня хороши были финансы, — я не писал. Но перед отъездом из Красноярска (числа 26—28 примерно) послал *казанное* письмо с просьбой о переводе денег: теперь, вероятно, они путешествуют из Красноярска сюда. Затем еще писал уже отсюда, что пока мне хватит здесь недели на 2.

Насчет того, чтобы тебе ехать сюда для того только, чтобы выпросить мне перемещение, — это уж совсем и совсем не стоит. Во-первых, я и сам получу, вероятно, разрешение на перевод, если начну хлопоты. Во-2-х, село Тесинское вряд ли лучше Шуши. По всем предварительным сведениям, которые мы собирали раньше, Тесь гораздо хуже Шуши в отношении местности, охоты и т. д. В-3-х, поездка сюда не такая простая вещь, — об этом я уже писал и сегодня пишу еще подробнее Маняше, обвиняющей (шучу) меня в «ужасном негостеприимстве». — Из Теси я пока не имею письма и, не зная ничего о ней, конечно, не буду ничего предпринимать: может быть, еще они будут перепрашиваться куда-либо, если Тесь действительно окажется так плоха, как мы про нее слышали.

Шу-шу-шу — село недурное. Правда, лежит оно на довольно голом месте, но недалеко (версты 1½—2) есть лес, хотя и сильно повыврубленный. К Енисею прохода нет, но река Шушь течет около самого села, а затем довольно большой приток Енисея недалеко (1—1½ версты), и там можно будет купаться. На горизонте — Саянские горы или отроги их; некоторые совсем белые, и снег на них едва ли когда-либо стает. Значит, и по части художественности кое-что есть, и я недаром сочинял еще в Красноярске стихи:

«В Шуше, у подножия Саяна...», но дальше первого стиха ничего, к сожалению, не сочинил!..

Что касается до моих жалоб на то, что вы редко мне пишете,— то это уже все старина, и дело объясняется поразительной (для нас с непривычки) медленностью в получении ответа на письмо. Я писал это, помнится, еще месяц или полтора тому назад: значит, это относилось к тем письмам, которые вы писали еще в конце марта! А теперь я получаю письма чаще прежнего, и чтобы письма терялись,— этого я не думаю, потому что тогда бы вскрылась же потеря их при получении следующих писем. По-видимому, кроме первого письма, посланного Анютой на вокзал, не потерялось ни одного письма. Здесь, в деревне, на переписку надо будет еще больше поналечь, так что лучше, если из «России» будут приходиться письма почаще...

Поклон Марку. Он что-то совсем не подает о себе вести. Могу сообщить ему и Мите, что здесь, видимо, недурная охота. Вчера ездил верст за 12 и стрелял и по уткам и по дупелям. Дичи много, но без собаки и притом такому плохому стрелку, как я, охотиться довольно трудно. Есть даже дикие козы, а в горах и в тайге (верст за 30—40, куда ездят иногда охотиться местные крестьяне) есть белка, соболь, медведь, олень.

Жалею, что не взял непромокаемого плаща. Здесь необходимо. Не пошлете ли мне его маленькой посылкой? — а то я не знаю, когда еще попаду в город, да и найду ли что-нибудь годное в таком городе — селе, как Минусинск. Может быть, также (если деньги будут) буду просить Марка о покупке хорошего револьвера: пока, впрочем, не вижу еще в нем надобности...

Маняше

18.V.97.

Получил, Маняша, выписки твои. Большое тегсі за них...

Насчет моего «ужасного негостеприимства» я буду с тобой спорить. Ведь прежде чем быть «гостеприимным», т. е. принимать гостей, надо же сначала узнать, где будешь жить,— а я этого не знал, когда жил в Краснорске. Нельзя же считать за знание, когда я слышу и говорю: «Шу-шу-шу», но не представляю себе ни пути к этому Шу-шу-шу, ни местности, ни условий жизни и т. д. Затем прежде чем быть гостеприимным, надо же сначала убедиться, что гостям можно будет доехать и поместиться — не скажу удобно, но хоть по крайней мере сносно. А я этого не мог сказать до самого последнего времени, т. е. вот до половины мая. Письмо же мое ты читаешь, вероятно, уже в июне. Значит, лучшая половина лета уйдет на одни осведом-

ления да приготовления! Резон ли это? Что поездка сюда — вещь довольно хлопотливая и мало приятная, это ты видела уже, конечно, из моего письма с описанием пути на лошадях. Хорошо еще, что была прекрасная погода, — а если бы еще дожди. Здесь погода крайне переменчивая. Вот вчера ездил я на охоту; утром была прелестная погода, день совсем жаркий, летний. Вечером вдруг поднялся страшный прехолодный ветер и дождь в придачу. Приехали мы все в грязи и, не будь *мехового* платья — замерзли бы дорогой. Обыватели говорят, что в Сибири такие происшествия не в редкость и летом, так что меховую одежду берут с собой *даже летом*, когда едут куда-нибудь*. Пока не обживешься да не осмотришься, — звать гостей не доводится.

Во всяком случае, если и пришлось бы сюда ехать когда-либо, — необходимо предварительно дать *телеграмму* из Минусы о том, что пароходы доходят до города и что навигация упрочилась. А то возможен всегда такой казус, что пароход бросит на полдороге. Енисей образует массу перекатов и мелей, так что навигация до самого Минусинска продолжается очень недолго, и ее надо «изловить». Я и теперь наверное не знаю, доходят ли пароходы до Минусы: думаю, что доходят, на том основании, что вода очень сильно прибывает.

Кстати, насчет телеграмм. Наш (волостной) «почтарь» бывает в Минусе по четвергам и понедельникам (дни прихода почты в Минусу). Поэтому, если доведется посылать телеграмму, то всего удобнее посылать в среду и в воскресенье, т. е. так, чтобы в Минусинске получилась *утром* в четверг и понедельник. Тогда я получу ее утром во вторник или пятницу. Конечно, можно послать с передачей через нарочного и в другой день, но это гораздо дороже и только на самые экстренные случаи.

*В. И. Ленин — М. А. и М. И. Ульяновым,
19 июля 1897 года:*

При чрезвычайной продолжительности времени, с которой идут наши письма, ответы на вопросы приходят так долго спустя, что на многое отвечать оказывается лишним. Так, например, ты все еще беспокоишься в этом письме насчет денег и тюка книг, — но теперь ты уже, конечно, давно получила мое письмо с разъяснением всего этого: деньги получил давно; не

* Я подумываю завести себе полушубок для поездок на охоту.

получал долго, потому что мне не были нужны, а от А. М. не было оказии...

Целую тебя и прошу не беспокоиться обо мне...

Маняше

Ты просишь, Маняша, описать село Шу-шу-шу... Гм, гм! Да ведь я, кажись, однажды уже описывал его. Село большое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных — все как быть следует. Стоит в степи — садов и вообще растительности нет. Окружено село... навозом, который здесь на поля не вывозят, а бросают прямо за селом, так что для того, чтобы выйти из села, надо всегда почти пройти через некоторое количество навоза. У самого села речонка Шушь, теперь совсем обмелевшая. ...С другой стороны (противоположной реке Шушь) верстах в 1½ — «бор», как торжественно называют крестьяне, а на самом деле преплохонький, сильно повыврубленный лесничко, в котором нет даже настоящей тени (зато много клубники!) и который не имеет ничего общего с сибирской тайгой, о которой я пока только слышал, но не бывал в ней (она отсюда не менее 30—40 верст). Горы... насчет этих гор я выразился очень неточно, ибо горы отсюда лежат *верстах в 50*, так что на них можно только глядеть, когда облака не закрывают их... точь-в-точь как из Женевы можно глядеть на Монблан. Поэтому и первый (и последний) стих моего стихотворения содержит в себе некую поэтическую гиперболу (есть ведь такая фигура у поэтов!) насчет «подножия»... Поэтому на твой вопрос: «на какие я горы взбирался» — могу ответить лишь: на песчаные холмики, которые есть в так называемом «бору» — вообще здесь песку достаточно...

С удовольствием прочел твое описание заграничной жизни и тамошних впечатлений.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 17 августа 1897 года:

Третьего дня получил я, дорогая мамочка, письмо твое от 29.VII (10.VIII), а также от Маняши.

Удивляюсь, почему это ты пишешь всегда, что я пишу редко: вот уже очень давно, насколько я помню, я пишу еженедельно, а иногда случается и 2 раза в неделю, т. е. с каждой почтой...

Насчет потери ваших писем пишет мне и Анята... Я не знаю, какие письма потерялись: сообщаю всегда о том, что получаю. Одно письмо завалилось месяца два в Минусинске, как я тебе уже писал. Я тогда же послал жалобу в Минусинскую почтовую контору и приложил конверт того письма в качестве документа. Если заказные письма или бандероли затеряны, то

надо сохранить квитанции и непременно потребовать вознаграждения — только тогда мы научим сибирских «Иван Андреичей» * быть аккуратными.

Про себя писать, право, нечего. Потому и письма коротки, что жизнь слишком однообразна: всю внешнюю обстановку я уже описал; с внутренней же стороны день ото дня отличается только тем, что сегодня читаешь одну книгу, завтра — другую; сегодня идешь гулять направо из села, завтра — налево; сегодня пишешь одну работу, завтра — другую... Здоров я, конечно, вполне, охочусь иногда. Теперь погода стоит пакостная: ветры, холода, осенний дождик, так что больше сидишь дома. Вероятно, еще в сентябре будут хорошие деньки. Собираюсь съездить в Минусинск закупить себе кое-что — лампу, некоторые вещи для зимы и т. п...

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 12 октября 1897 года:

Купленная всем нам в С.-Петербурге ватная куртка чрезвычайно удобна для охоты, и я не могу нахвалиться ею. Вообще же насчет туалета зимнего и прочего (о чем ты спрашиваешь) должен сказать, что у меня всего предостаточно. Многим я уже запасся на зиму в Минусинске, кое-что куплю еще. Вообще покупать в Минусинске очень нелегко: выбор самый жалкий, магазины сельского типа (всякая всячина; товар приходит периодически, и я как раз попал в такое время, когда товар старый вышел, а новый еще не пришел), так что привыкшему к столичным магазинам трудновато искать в них. Впрочем, эти столичные привычки давно пора бросить: здесь они совсем не к месту и надо привыкать к местным. Я уже привык, кажется, достаточно, только вот насчет закупок все еще рассуждаю иногда по-питерски: стоит, дескать, зайти в лавку и взять...

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 19 октября 1897 года:

14-го числа получил я, дорогая мамочка, письмо Маняши от 29-го IX с известием об опоздании моих писем, посланных по адресу Марка. Я, признаться, по-бавался этого и раньше, когда узнал об отъезде Марка. Но оказалось, что задержка вышла не очень большая, настолько небольшая, что отправленная мною рукопись ничуть не опоздала по назначению.

Живу я по-прежнему, тихо и безмятежно. Погода

* Владимир Ильич имеет в виду Ивана Кузьмича Шпекина из гоголевского «Ревизора», вскрывавшего чужие письма.

приходит зимняя, давно уже мы закупились за двойными рамами, топим печи и т. д. Впрочем, большие холода еще впереди, а до сих пор преобладали осенние деньки, когда можно с удовольствием пошляться с ружьем по лесу. Я и зимой, вероятно, не оставлю этого занятия. Зимняя охота, например, на зайцев не менее интересна, чем летняя, и я отношу ее к существенным преимуществам деревни.

А. Т. Давыдов: Ильич был под постоянным надзором, никуда не мог уйти из села без разрешения... Уезжать им из села было еще труднее.

А. Д. Зырянов: Однажды уже под вечер Владимир Ильич и говорит:

— Сегодня мне нужно обязательно съездить ненадолго в Минусинск.

Я спросил Ильича:

— А разрешение на поездку от исправника есть?

— Нет,— отвечает он,— разрешение не взял, а ехать необходимо.

— Ну что ж,— говорю,— нет и не надо, без разрешения тогда как-нибудь управимся.

Только выехали мы в тот вечер из Шушенского, а к нам в дом надзиратель⁷... нагрянул да и спрашивает мою мать:

— Где политический?

Она, мать-то, с перепугу возьми и скажи надзирателю:

— Политический с сыном в город уехали.

Надзиратель перепугался, верно, думал, что, раз Владимир Ильич без разрешения в Минусинск уехал,— значит, убежать из ссылки направился. Ну и снарядил вслед за нами нарочного с пакетом на имя минусинского исправника.

Все это потом надзиратель сам мне рассказывал. Мне, говорит он, и так за самовольные отлучки политического от исправника попадало, а тут, думаю, сбегит — не миновать мне тюрьмы.

А мы с Владимиром Ильичем в ту поездку совсем малость в городе задержались. Он только к одному товарищу на часок забежал. Поздно вечером уехали, а ночью уже дома в Шушенском были.

Воротились мы в Шушенское. С час времени, не больше, прошло, как к нам в дом из города нагрянули четыре жандарма. Владимир Ильич их первый в окошко увидал, когда они к дому подходили, вышел из своей комнатки в горницу и говорит мне:

— Ну что, Аполлон Далматович, сухари есть? «Гости» за нами приехали.

А я говорю:

— В тюрьму так в тюрьму, только ведь вместе ездили, вместе и в тюрьму пойдем.

А он смеется:

— Нет, ты их в дом не пускай, спроси, что нужно.

Вышел я на крыльцо. Старший жандарм подошел ко мне да как гаркнет:

— Политический дома?

— Дома,— отвечаю.

— Можно к нему войти?..

Пошел я к Владимиру Ильичу спрашивать, можно ли пускать незваных гостей. Только открыл в избу дверь, а Ильич мне сует маленькую записочку, на четвертушке написанную, на, говорит, передай им, то есть жандармам.

Передал я записочку старшему жандарму, а сам стою на крыльце, смотрю, что будет. Взял жандарм записочку, читать стал, потом передал другому, тот стал читать. И так они все записочку по очереди перечитали. Только не знаю, поняли ли что: уж больно мелко она была написана. Однако постояли-постояли жандармы во дворе, да и ушли не солоно хлебавши.

*Из рапорта минусинского окружного исправника
енисейскому губернатору:*

Имею честь донести Вашему превосходительству, что находящийся в с. Шушенском под гласным надзором полиции административно-ссылный Владимир Ильин Ульянов в ноябре месяце 1897 года позволил себе самовольно отлучиться в г. Минусинск, до получения просимого на это разрешения. Рассмотрев обстоятельство это... я на первый раз сделал Ульянову за самовольную отлучку внушение.

А. А. Ванев — Н. А. Рукавишниковой:

...Мы в сущности вполне находимся в распоряжении исправника, и в зависимости от того или иного отзыва исправника о нашем поведении решается вопрос о надбавках к сроку и даже переводе в более худшее и отдаленное место.

*В. И. Ленин — М. А. и М. И. Ульяновым,
27 декабря 1897 года:*

Финансы получил, дорогая мамочка, и первые и вторые (т. е. и от 16.XI и от 8.XII). Теперь у нас и пособия получают правильно, так что дело в этом отношении вошло вполне в норму, и я думаю, что долго (сравнительно) не понадобятся никакие экстрадобавления...

Маняше

...Насчет сборов ко мне — очень рад. Теперь дело другое, и я не имею особых резонов отговаривать. Дождавшись пароходов по Енисею, можно проехать без особенных неудобств. Весьма возможно, что и Надежда Константиновна * ко мне поедет: этот вопрос, вероятно, скоро вырешится, а может быть, даже и вырешился, когда ты читаешь это письмо. Но если ей разрешат взять место ссылки Шу-шу-шу вместо севера России, то, конечно, уже не позволят откладывать до весны, и ехать придется ей тотчас.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 7 февраля 1898 года:

...Насчет платья я уже отчасти писал. Из белья бы разве еще носков. Что касается до здешних портных, то я на них надеюсь плохо. В Минусинске шить очень неудобно — надо туда ехать. Здесь есть один портной, шьет (сегодня мне говорил он сам) на всех и на прежних политиков, даже на попов всех шьет (это он хвастал мне). Хотя это звучит очень эффектно, а все же бы лучше уж купить готовое в Москве, а ту материю, которую ты приготовила, отдать Мите или Марку. Я же особенно прошу только одного — *чертовой кожи*, ибо на охоте рву платье жесточайше... Еще разве вот что — лайковые перчатки, если можно их купить без мерки (в этом я сомневаюсь). Никогда я их не носил, ни в Питере, ни в Париже, а в Шушусу хочу попробовать — летом от комаров. На голову-то сетку наденешь, а рукам достается изрядно. Глеб уверяет меня, что здешние комары прокусывают перчатки, — но я не верю. Конечно, уж выбирать надо перчатки подходящие — не для танцев, а для комаров. Затем еще бумаги, *линованной в клетку*: я сомневаюсь, чтобы в Минусинске была, да мне и не очень много надо — дести четыре с клетками различной величины, от самой мелкой до самой крупной...

У нас теперь холода стоят настоящие, так что охоту бросили и ходим только гулять — все-таки в лес. Но у меня квартира теплая, а платье еще теплей.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 14 февраля 1898 года:

У нас опять затяжка с пособием — по случаю нового года. Затем новость — новый исправник, приехавший из Енисейска (тот самый, который отбирал там ружья⁸). Пока он еще, по-видимому, ничем себя не проявил...

* Крупская.

Погода здесь все еще очень и очень холодная: сибирская зима хочет все-таки дать себя знать. Но я уже несколько привык, что ли, к морозам, только гуляю каждый день довольно помногу.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 1 марта 1898 года:

Я вполне здоров и жив по-старому. Наконец-то и зиме, видимо, конец приходит. Надоела она здесь изрядно. Сегодня и вчера погода уже совсем весенняя.

*В. И. Ленин — М. А. Ульяновой
и А. И. Ульяновой-Елизаровой, 8 марта 1898 года:*

Не знаю уже, застанет ли это письмо Н. К. в Москве. Если да, то присоединяю еще одно забытое поручение. Пришли мне одну из наших партий шахматов: оказалось, что в Минусинске есть партнеры среди товарищей, и я однажды с большим удовольствием вспомнил старинку. Напрасно я думал, что Восточная Сибирь — такая дикая страна, в которой шахматы не могут понадобиться...

С Надеждой Константиновной пришли мне, пожалуйста, побольше финансов: а если она уже выехала, то отправь на имя Елиз. Вас. Расходы могут предстоять изрядные, особенно если придется обзаводиться своим хозяйством, так что я намерен прибегнуть к изрядному округлению своего долга и к повторному внутреннему займу...

Анюте

Хочу попросить тебя достать мне пособия по английскому языку. Напросился тут я на перевод и получил толстую книгу Webb'a *. Очень боюсь, как бы не наделать ошибок.

Надо бы иметь

1) грамматику английского языка, особенно *синтаксис* и особенно отдел об идиотизмах языка. Если у Н. К. нет Нурока ** (она, кажется, имела его — только не знаю, свой ли), то пришли хоть его на лето, коли тебе (или Маняше) не нужен. Не знаю только, не мало ли дает Нурок по этому вопросу? Если можно достать хорошее пособие на английском языке, очень бы хорошо.

2) Словарь *географических* имен и собственных.

* Речь идет о первом томе книги С. и Б. Веббов «Теория и практика английского тред-юнионизма».

** «Практическая грамматика английского языка с хрестоматией и словарем». Спб., 1894.

Перевод и транскрипция их с английского очень трудны, и я сильно боюсь ошибок. Не знаю, имеются ли подходящие словари?

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 7 июня 1898 года:

Недоумеваю, как это вышло так, что ты долго не получала от меня писем; я уже «запамятных времён» пишу тебе каждое воскресенье...

Насчет пароходства по Енисею я, кажется, писал уже тебе. Высокая вода держится до сих пор: теперь даже опять прибывает; стоят сильные жары и, вероятно, тает снег в тайге на горах. Расписания пароходам (все — буксирные) здесь не бывает; от Красноярска до Минусинска пароход идет дня два — иногда больше. От Минусы 55 верст на лошадях до Шуши. Надеюсь получить от тебя телеграмму, если... ты решишь съездить к нам. Елизавета Васильевна высказывает опасение, не утомила бы дорога тебя чересчур. Если бы можно во 2-ом классе по железной дороге, то я думаю, что не будет чересчур утомительно.

Ярошинский:

В материальном отношении Ленин, кажется, жил неважно. Впрочем, все политические ссыльные того времени жили, нуждаясь во всем: на службу их не принимали никуда, как неблагонадежных, и начальство даже косо смотрело на тех, кто водился с ними.

Из прошения енисейскому губернатору:

Вот уже два месяца, как я не получаю назначенного мне, согласно закону, со времени прибытия в ссылку пособия на содержание, квартиру и одежду. В течение моей почти трехлетней ссылки такая задержка в выдаче пособия случалась уже неоднократно; однажды, в конце 1897 г., пособия не выдавалось даже в течение более чем трех месяцев. На вопросы о причинах таких задержек местная администрация отказалась дать какие-либо разъяснения. Между тем положение ссыльного в селе, из которого он не вправе выезжать и в котором он не имеет абсолютно никакого заработка, становится совершенно безвыходным при внезапных приостановках в выдаче пособия. Поэтому я имею честь покорнейше просить сделать зависящее распоряжение о расследовании причин, вызывающих такие задержки в выдаче пособия, и о принятии мер к тому, чтобы пособие выдавалось своевременно. Если же такое распоряжение зависит не от губернского, а от высшего начальства, то я имею

честь покорнейше просить ходатайствовать пред Министерством об ускорении выдачи пособия.

Административно-ссылный по политическому делу

Владимир Ульянов

Село Шушенское, 27 октября 1899 года.

Книг, больше книг!

А. И. Ульянова-Елизарова:

Все время все письма (*Владимира Ильича*) пронизывает забота о книгах, о пособиях.

*В. И. Ленин — М. А. и М. И. Ульяновым,
18 мая 1897 года:*

Меня удивляет, что ты не пишешь ни слова о посылке мне остальных книг. Жаль, если они еще не посланы (я писал об этом давно еще из Красноярска). Теперь как раз пароходы должны доходить до Минусы (вода сильно прибывает), так что тюк было бы легко переправить сюда. А потом опять будет трудно, ибо Енисей образует массу мелей, и большая вода долго не продержится. Может быть, впрочем, книги уже посланы?..

Выписали ли мне газету? Я здесь сижу без всяких газет. В Минусе тоже бы необходимо, ибо там нет читальни...

Маняше

...Присылай мне всякие каталоги, особенно букинистов и особенно заграничных.

М. И. Ульянова:

В ссылке, где о библиотеках не могло быть и речи, Владимир Ильич пытался восполнить этот пробел, прося нас устроить ему посылку библиотечных книг по почте. Несколько опытов таких было сделано, но на пересылку уходило слишком много времени (около месяца туда и обратно), а книги из библиотеки выдавались на определенный срок.

*В. И. Ленин — М. А. Ульяновой
и А. И. Ульяновой-Елизаровой, 25 мая 1897 года:*

Жаль, что книги отправлены (если отправлены уже: ты пишешь, что «на днях» посылаете их) так поздно. Я думал, что они уже в пути. Надо бы узнать

теперь, когда они придут в Красноярск. Пожалуй, не раньше конца лета!..

Скучаю... по газетам: надеюсь, что теперь уже скоро стану получать их, что они у вас уже посланы...

Анюте

...Насчет журналов — я уже писал... А насчет книг — отчасти тоже писал... Именно эти книги (да плюс «Ежегодник», если только удалось его найти) более других нужны мне для занятий. Затем из новых книг посылай мне прямо особенно интересное, чтобы мне получать скорее и не очень отставать. К стати, если вышел отчет о прениях в Вольно-экономическом обществе о хлебных ценах (по поводу книги Чупрова и Посникова) *, то пошли мне.

Я все раздумываю насчет пользования московской библиотекой: устроилось ли что-нибудь у вас на этот счет, т. е. нашла ли доступ в какую-нибудь общественную библиотеку? Дело в том, что если бы можно было брать на срок в 2 месяца (как в СПб., в библиотеке Вольного экономического общества), то пересылка *бандеролью* стоила бы не так дорого (16 коп. за фунт (можно посылать 4 фунта = 64 коп.); 7 коп. за заказ) и, вероятно, было бы больше расчета для меня расходувать деньги на пересылку и иметь много книг, чем расходувать значительно больше денег на *покупку* немногих книг. Мне представляется, что это бы гораздо удобнее для меня; вопрос только в том, можно ли получать книги на такой срок (под залог, конечно) из какой-либо хорошей библиотеки: университетской.., или библиотеки Московского юридического общества (надо навести там справки, взять каталог библиотеки, узнать условия приема новых членов и т. д.), или еще какой-нибудь. Вероятно, в Москве есть же несколько хороших библиотек. Можно даже справиться и насчет частных. Если кто-либо из вас остался еще в Москве, то, пожалуйста, разузнайте все это.

Если поедешь за границу, то сообщи, и я тебе подробно напишу насчет книг оттуда. Посылай мне побольше всяких каталогов от букинистов и т. п. (библиотек, книжных магазинов).

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
8 июня 1897 года:*

Присылай мне побольше всяких «проявлений литературы»: для начала хоть каталогов, проспектов и т. п. Надо написать об них в разные концы, чтобы собрать

* Имеется в виду книга «Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства», вышедшая под редакцией А. И. Чупрова и А. С. Посникова.

побольше. Мне бы очень хотелось приобрести оригиналы классиков по политической экономии и философии. Хорошо бы узнать наиболее дешевые издания (people edition* и т. п.) и цены. Пожалуй, многого не найдешь, иначе как у букинистов...

Я пока сижу все еще без газет. «Нового Слова» за май тоже что-то нет. Посылай мне ту газету, которую будешь читать или даже и те случайные №-ра, которые будешь покупать. Все-таки хоть посмотрю.

В. И. Ленин — М. Т. Елизарову, 15 июня 1897 года:

Ящичка с книгами я не только не получил, но даже не знал, что он послан. На чье имя он послан и когда? Кому переслана квитанция в приеме груза? Напишите мне обо всем этом. Из маминого письма я знаю, что послать хотели транспортной конторой. Значит, проедет он довольно-таки долго, месяца, должно быть, два-три. Если покупались какие-нибудь новые книги для отправки с этим вместе, то напишите, пожалуйста (если помните), какие именно, а то я не решаюсь теперь выписывать, думая, что они, может быть, уже едут.

Начал получать «Русские Ведомости» и читаю их с жадностью, понятной лишь как реакция против долгого неимения газет. Выписано ли еще что-нибудь? («Русское Богатство», «Вестник Финансов» — на имя Рыбкиной**; немецкие). Получаю я газеты на 13-ый день от среды и субботы. Значит, в эти дни едет из Москвы почта сюда: имейте в виду это на случай каких-либо расчетов об отправке.

Получил 3-его дня отчет общества народных развлечений***. Спасибо за него...

P. S. Мысль о том, чтобы устроить посылку сюда книг из какой-нибудь столичной библиотеки, занимает меня все больше и все чаще; я начинаю думать иногда, что без этого не удастся вести здесь литературной работы: настолько необходим для нее импульс извне, какового здесь не имеется абсолютно.

В. И. Ленин — М. А. и М. И. Ульяновым, 19 июля 1897 года:

Тюка книг еще не получил: не знаю, пришел ли он в Красноярск (его ждали там в конце июня), а от туда он поедет, может быть, с оказией, которую я

* Народное издание.

** Партийный псевдоним Н. К. Крупской.

*** «Отчет комитета Невского общества устройства народных развлечений». Спб., 1896.

жду вскоре. Отправлять его оттуда почтой стоило бы, вероятно, довольно дорого, ибо почту на пароходах не возят; а по железной дороге до Ачинска, а оттуда на лошадях до Минусы...

Маняше

...Работа моя* движется очень-очень медленно. Выписки, не знаю уж, понадобятся ли. Я надеюсь устроиться к осени с какой-нибудь московской или с.-петербургской библиотекой.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 17 августа 1897 года:

Насчет ящика с книгами я тоже начинаю теперь недоумевать: после полученного в конце июня известия из Красноярска, что книги должны прийти в конце июня, что за них надо доплатить около 9 руб.,— я не имел никаких известий, хотя тогда же (I.VII) послал два письма о книгах в Красноярск, одно — денежное. Знакомый, который обещал мне похлопотать о моих книгах, оказался халатным донельзя и даже не отвечает на письма. Написал теперь Поповой открытое письмо с ответом, авось получу ответ. Предосадная история! Главное — даже не пишут, не сообщают, в каком положении дело! Не вышла ли задержка в транспортной конторе? Ведь они, кажется, каналы, не берутся доставить в срок и не отвечают за просрочку?..

Насчет того, что Анюте, при жизни в деревне, нельзя будет исполнить моих поручений о книгах,— это понятно само собой. Вот если она попадет в Берлин на обратной дороге, или в Лейпциг, тогда еще пожалуй. Я уже писал, что писатель выразил согласие на мою просьбу посылать книги и что я получил от него несколько (и буду, вероятно, получать впредь),— значит, с этой стороны довольно обеспечен и пока недостатка не имею.

В. И. Ленин — М. Т. Елизарову, 7 сентября 1897 года:

«Новое Слово» за июнь, наконец, получил 5/IX. Боюсь теперь, что придет второй экземпляр от Вас. Что с ним сделать тогда?..

Как библиотечный вопрос обстоит?

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 12 октября 1897 года:

Митю благодарю за письмо. Отвечаю на его вопросы: «Вопросы Философии и Психологии» за 1897 г.

* «Развитие капитализма в России».

получаю, получил и книгу за 1896 г.— пришлю ее по прочтении (пока отдал в Тесь)...

Еще насчет библиотеки. Из какой библиотеки взял Митя «Вопросы Философии и Психологии»? Не из Петровской ли? Если да, нельзя ли прислать каталог ее (новый)? Там ведь, кажется, дают книги без срока.

В. И. Ленин — М. А. и М. И. Ульяновым, 19 октября 1897 года:

В первой половине месяца получаю обыкновенно журналы. Теперь читаю с интересом сентябрьские книжки. Вскоре рассчитываю получить известие от редакции насчет посланной туда статьи. Если статья будет принята, то я опять выпишу себе несколько журналов — сделаю это уж лучше через ту же редакцию, чтобы не вышло опять какой-нибудь путаницы и двойных экземпляров...

Маняше

...Купи мне «Программы домашнего чтения на 3-ий год систематического курса», цена 50 к., склад на Никитской, дом Рихтера, кв. 3. (Я прочитал сегодня об этой книжечке в «Русских Ведомостях» и хочу посмотреть, что за вещь. Вероятно, есть и в других книжных магазинах, не в одном складе). Подпишись еще для меня на новое ежемесячное издание: «Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф», цена в год 35 копеек (Москва, Кузнецкий мост, № 12). Я хочу посмотреть, что это за издательство. Вообще у меня нет ничего для библиографических справок и для ознакомления с новыми книгами. Если эта штука и вас интересует, то выпишите на свое имя, а мне уже потом пересылайте. Программа этого библиографического издания так широка, а цена так дешева, что невольно является сомнение, не утка ли это? Посмотрим.

Помнится, Анюта или ты писала мне о посылке второго выпуска Меринга *. Не получил. Весьма возможно, что первый прошел случайно.

В. И. Ленин — М. И. Ульяновой, 10 декабря 1897 года:

Получил, Маняша, твое письмо от 24/XI и второй выпуск «Материалов» Вятской губернии. Еще раньше получил «Уложение» ** и «Устав» ***, — не помню, извещал ли о их получении.

* Ф. Меринг. «К истории немецкой социал-демократии. Новое издание». 2-я часть. Штутгарт, 1897.

** «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных».

*** «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями».

Ты пишешь, что «из Москвы еще не принимают» в Минусинск товаров. Может быть, скоро начнется прием? Марк, вероятно, может это узнать. Мне теперь книги не спешны... Если какая-либо книга понадобится для работы,— я напишу, и ее можно выслать бандеролью. А с транспортом не лучше ли обождать куда...

«Программу домашнего чтения» получил, просмотрел. Неинтересно, так что и рецензии писать не хочется.

Журнальчик Вольфа, по началу, недурен и дешев баснословно.

Сеньбоса * я выписал. Зибер ** пока не думаю. Впрочем, деньги будут,— вероятно, выпишу и ее. Мне делатся уступку (15%) в книжном складе Калмыковой, и я выписываю оттуда — удобнее и тем, что вам не хлопотать.

*В. И. Ленин — М. А. и М. И. Ульяновым
и А. И. Ульяновой-Елизаровой, 21 декабря 1897 года:*

Я что-то сбился во всех этих многочисленных посылках, которые мне не то посланы, не то имели быть посланными. Послали ли еще что-нибудь в Красноярск Поповой? Я думаю, что нет, но на всякий случай поручу справиться одному знакомому (из Минусинска), который на днях едет туда.

С книгами спеху нет. У меня их теперь и без того так много, что не слажу...

Маняше

Получил твою открытку от 2.XII и 2 книги Семёнова *** Мерси за них. Их отошлю вскоре, не позже как через неделю, обратно (в среду, 24-го, я боюсь, что почтарь не поедет у нас вовсе)...

Не понял твоей фразы: «Чтобы проникнуть в юридическую библиотеку,— я спрашивала у Каблукова,— надо быть юристом и представить рекомендацию 2-х членов юридического общества? Только? А членом общества самому быть не надо? Я постараюсь через Питер достать себе рекомендацию...

* Ш. Сеньбос. «*Политическая история современной Европы*».

** Н. И. Зибер. «*Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях*».

*** А. Семёнов. «*Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год*». Часть 1-я и 2-я. Спб., 1859.

Анюте...

Saint Simon'a * мне бы хотелось иметь, а также следующие книги по-французски:

К. Marx, Misère de la philosophie, 1896. Paris. 3 frs. 50 **

Fr. Engels, La force et l'économie dans le développement social ***. — — — 2.50

К. Marx, Critique de la philosophie du droit de Hegel ****. 1895. — — — 1.

все из «bibliothèque socialiste internationale» *****,— откуда и Labriola.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Насчет книг Владимир Ильич успокоился: он получил привезенные мною, по его заказу, книги из-за границы, он получил много и русских книг, в том числе взятых Дмитрием Ильичем в научных московских библиотеках..., так что нам в тот год удалось удовлетворить даже *его* жажду в книгах. Получая русские и иностранные библиографические листки, он следил за всей выходящей литературой...

В. И. Ленин —
А. Н. Потресову:

Если не очень стесняться в средствах для выписки книг, то можно, я думаю, и в глуши работать,— я сужу, по крайней мере, по себе, сравнивая свою жизнь в Самаре лет 7 тому назад, когда я читал почти исключительно чужие книги, и теперь, когда я начал заводить привычку выписывать книги.

В. И. Ленин — М. Т. Елизарову, 4 января 1898 года:

Доклад — Лозинского — действительно шедевр глупости⁹. Если П. Б. ***** не будет о нем писать во внутреннем обозрении, то пришлите мне,— если удобно будет найти — номер «Трудов Вольно-экономического общества» с его докладом. Его стоит усадить рядом с г. Южаковым. (Если будете посылать его доклад, купите кстати стенографический отчет о прениях в Вольно-экономическом обществе, 1896 г., насчет денежной реформы. Там отличился тоже какой-то народник, чуть ли не Лозинский.)

* Сен-Симона.

** К. Маркс. «Нищета философии». 1896. Париж. 3 фр. 50.

*** Фр. Энгельс. «Сила и экономика в общественном развитии».

**** К. Маркс. «К критике гегелевской философии права».

***** Интернациональной социалистической библиотеки.

***** Струве.

Что слышали о «Сыне Отечества»? Я написал в СПб., чтобы выписали мне его, если он стоит того. Интересен он ради сидящих в нем народников. Видите ли эту газетку?

*В. И. Ленин — М. А. Ульяновой
и А. И. Ульяновой-Елизаровой, 24 января 1898 года:*

Получил письма от Маняши и от Анюты и две книги: Семенова III том и «Юридический Вестник». За последние Маняше — большое спасибо...

Попрошу еще купить мне книги: *Каблукова* «Лекции по экономии сельского хозяйства» и *В. В.* * «Очерки кустарной промышленности» (1 р. 50). Последняя, может быть, попадет у букинистов, а первая издана недавно для студентов, и Маняша, вероятно, достанет ее, если даже она не поступала в продажу (судя по отсутствию объявлений в «Русских Ведомостях»)...

Анюте

Читал в газетах о выходе твоего перевода Амичиса **. Если есть у тебя свободные экземпляры, — пришли мне. На каких условиях ты переводила? был ли договор, и какой, с издателем?

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 7 февраля 1898 года:

Насчет посылки с Н. К. — я думаю, что книгами надо ее нагрузить поосновательнее, ибо неизвестно, будет ли летом оказия...

Список книг, которые я хотел бы достать, Маняша пусть отошлет Надежде Константиновне — она пошлет в СПб., если, конечно, не поздно уже теперь.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 24 февраля 1898 года:

От Маняши и Анюты получил письма от 9. II, затем «Юридический Вестник» и «Статистический Временник», а также «Дневник съезда» (техников). Спасибо за все. Последний был очень интересен, и Анюте за него особенное спасибо... Я... думал такую вещь сделать: выписать себе «Ниву»... Для меня — полное собрание сочинений Тургенева, обещанное «Нивой» в премию, в 12 томах. И все сие за семь рублей с пересылкой! Соблазнительно очень. Если только Тургенев

* *В. П. Воронцова.*

** *Э. де-Амичис. «Школьные товарищи». Перевод с итальянского А. Ульяновой. Изд-во «Посредник». М., 1898.*

будет издан сносно (т. е. без извращений, пропусков, грубых опечаток), тогда вполне стоит выписать...

Сегодня получил «Русское Богатство» за 1898 г. № 1. «Вестник Финансов» получаю уже давно.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 14 марта 1898 года:

Если книги посылают по железной дороге большой скоростью, а плату берут как за малую скорость, то, конечно, лучше всего отправить товаром. Только когда и куда отправить? Если в Ачинск, чтобы Надежда Константиновна взяла с собой оттуда, то рискованно: пожалуй, книги опоздают и застрянут в Ачинске. Пожалуй, доведется опять в Красноярск отправить и ждать оказии. Теперь я, вероятно, скорее найду оканю...

От Маняши получил «Московские Ведомости» — сначала один номер (забыл, какой), в нем не было интересных статей. Потом вчера еще 4 №-ра (№ 53—56), в которых прочел интересные статейки с травлей марксистов. Мерси за них.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 10 мая 1898 года:

Надя сообщила мне, что ко мне поехали книги по философии и что они проехали мимо куда-то к Иркутску. Почему же это я об этом *ни разу* ничего не слышал?? Не пропало ли какое-либо письмо? Попрошу Анюту разъяснить, в чем тут дело.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 7 июня 1898 года:

...Ящик с книгами я получил в Минусе и привез оттуда с собой.

Е. Ф. Гуцин:

Книги для Ильича брали в (*Минусинском*) музее Старков, Курнатовский и Кржижановский. Ленин, как я помню, брал из библиотеки философские книги, статистические сборники и произведения русских классиков, например, Некрасова, Пушкина, Гоголя и т. д.

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
15 июля 1898 года:*

Я уже писал, кажется, что на мое имя прислан ящик с книгами из Вильны (я еще не получил его). Не могут ли быть это те самые, которые съездили в Иркутск?.. Вот уж не ожидал такой громадной, необъятной задержки!! Значит, все наши старания устроить так, чтобы задержек не было, чтобы оборот был не по

$\frac{1}{2}$ — года, а по $1\frac{1}{2}$ месяца, — пошли прахом?! Это было бы в высшей степени грустно, тем более что все мои шансы на питерские библиотеки с выездом Н. К. рухнули окончательно. Я даже думал уже просить тебя, не удалось ли бы тебе самой повидаться с библиотекарем — для того, чтобы выговорить точные условия о посылке книг, отсылке их, об аккуратных сношениях и проч. Казалось бы, не очень уж мудреная вещь, — а вот $1\frac{1}{2}$ года ровно ничего не выходит. Я думаю уже, что надо махнуть рукой: с «большими расстояниями» воевать не шутка...

Н. К. Крупская: Сколько-нибудь широкого пользования библиотеками, однако, в Шушенском наладить не удалось и из-за трудностей почтового характера.

В. И. Ленин — М. И. Ульяновой, 11 ноября 1898 года:

Насчет газет и книжек, пожалуйста, добывай, что можно. Каталоги присылай всяческие и букинистов и книжных магазинов на всех языках. Хотел было даже сегодня дать тебе одно порученьце, да решил уже отложить пока до следующего раза. Напомню, что писал тебе или Ане прошлый год, именно, что из газет бывают часто особенно интересны официальные органы, содержащие стенографические отчеты о прениях парламента. Если ты разузнаешь, где продают эти газеты (есть ли в Брюсселе только бельгийские или и французские и английские?), и будешь присылать *интересные* номера (ты ведь следишь за газетами, надеюсь?), то это будет очень хорошо.

В. И. Ленин — М. И. Ульяновой, 24 января 1899 года:

Получил, Маняша, от тебя каталоги. Большое merci за них. В них есть кое-что интересное. Собираюсь прислать тебе списочек книг, которые желал бы приобрести. Напиши, ознакомилась ли ты с Брюсселем вообще? с книжным и книгопродавческим делом в частности? Интересно бы почитать стенографические отчеты о некоторых интересных прениях в парламентах. В Париже, например, их можно найти в «Journal officiel»*, который продается, конечно, и отдельными номерами. Не знаю, можно ли его достать в Брюсселе? Вероятно, и в бельгийской правительственной газете печатаются такие же отчеты. Где ты достала английские каталоги? есть ли в Брюсселе книжные английские магазины, или ты выписала из Лондона?..

* «Официальная газета».

Если попадется у букинистов литература по экономике сельского хозяйства во Франции, Англии и т. п. (сельскохозяйственная статистика, enquête'ы*, отчеты английских комиссий) или по истории форм промышленности (между прочим, Babbage, Уре**, — старинные писатели по этому вопросу), то приобрети, буде цены умеренные.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 25 августа 1899 года:

Из присланных Анютой книг особенно рад я Мерингу***; второй том дочитал только что и остался очень и очень доволен.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 17 октября 1899 года:

На этой неделе получил я очень много интересного из дому, дорогая мамочка, и шлю большое спасибо за все. Чрезвычайно рад был познакомиться с новым французским журнальчиком****, который обещает быть очень интересным; да и самое уже появление его под редакцией Лонге очень знаменательный факт. Штутгартские протоколы дочитываю уже, тоже с большим интересом. Наконец, книжка о профессиональном съезде в Москве (полученная мною в пятницу) тоже очень интересна и поучительна*****.

Насчет литературы — затишье... Слышал о новой газете в Питере «Северный Курьер» — собираюсь написать ее, как только увижу в газетах объявление... «Жизнь» вижу изредка; седьмой номер мне прислали совершенно неожиданно прямо из Питера и чуть ли не прямо из редакции (sic!?! *****). «Научное Обозрение» присылают иногда товарищи: его получают несколько близко живущих лиц, с которыми иногда удается и видетсяя.

М. А. Сильвин:

Нелегальную литературу Владимир Ильич получал в ссылке частью с оказией из Красноярска... а частью непосредственно почтой от сестер, — искусно замаскированной в книжных и иных посылках...

* анкеты.

** Баббедж, Юр.

*** «История немецкой социал-демократии», тома 1—2. Штутгарт, 1897—1898.

**** «Le Mouvement Socialiste» («Социалистическое движение»).

***** Так В. И. Ленин говорит о письме, написанном химическим способом.

***** так!?!?!

В Шушенском у Владимира Ильича среди множества столичных и провинциальных изданий можно было видеть и местные, сибирские газеты. Он получал томскую «Сибирскую жизнь» и иркутское «Восточное обозрение». Очень многие ссыльные корреспондировали в эти газеты, главным образом ради заработка...

Владимир Ильич не писал корреспонденций прежде всего потому, что у него не было времени для этого, он всегда был занят более серьезной работой: или писал свои книги, или изучал какой-нибудь вопрос (социально-экономический или философский), или переводил.

О. Б. Лепешинская:

Натура Ленина, его занятия никогда не были пассивными, созерцательными, только вбирающими знания. Получая массу различных сведений, приводя их в определенную систему, перерабатывая их, он немедленно с присущей ему активностью обращал накопленное на развитие революционной борьбы.

«Писать для рабочих...»

О. Б. Лепешинская:

Ильич и в ссылке был в курсе вопросов, волновавших партию, не порывал связей с действующими кадрами партийных работников, не отставал от живой революционной борьбы.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Переписка с Ильичем шла у меня в те годы все время самая деятельная. В обыкновенных письмах он запрашивал книги, давал поручения, писал о своих литературных работах, о своей жизни, о товарищах; в химических я ему писала о ходе революционной борьбы и работы в России, а он посылал свои статьи для отправки их в питерский «Союз борьбы» или за границу — группе «Освобождение труда» для издания.

...В письмах из ссылки... видно, хотя и завуалированное псевдонимами, — иначе и быть не могло, — его (Владимира Ильича) отношение к членам группы «Освобождение труда», к Плеханову и Аксельроду, полная солидарность и глубокое уважение к ним, его сношения с ними как письмами, так и через мои переговоры по его поручению во время заграничной поездки 1897 года.

...Во время моей летней поездки за границу я познакомилась с членами группы «Освобождение тру-

да», отвезла им привет от Владимира Ильича. Они с большим интересом расспрашивали о нем и просили передать ему, что никто в России не пишет так хорошо для рабочих, как он. Я сообщила это ему, конечно, в конспиративном — молоком с водою или химией написанном письме в книге, в номере журнала или в каталоге, как писала ему и из-за границы. По поводу этого отзыва Владимир Ильич написал мне таким же способом, что одобрительный отзыв «стариков», то есть Плеханова и Аксельрода, о его писаниях для рабочих — для него ценнее всего, что он мог бы себе представить.

В. И. Ленин — П. Б. Аксельроду, 16 августа 1897 года:

Я очень и очень рад, что мне удалось-таки получить от Вас письмо (получил вчера, т. е. 15-го августа) и вести о Вас и о Г. В.* Ваши и его отзывы о моих литературных попытках (для рабочих)** меня чрезвычайно ободрили. Я ничего так не желал бы, ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих. Но как это сделать отсюда? Очень и очень трудно, но не невозможно, по-моему. Как здоровье В. Ив.***?

Способ я знаю лишь один,— тот, коим пишу эти строки. Вопрос в том, можно ли найти переписчика, на которого должен пасть нелегкий труд. Вы, видимо, считаете это невозможным и вообще этот способ неподходящим. А другого я не знаю... Как это ни жаль, но я не отчаиваюсь: если теперь не удастся,— может удастся впоследствии. Пока же хорошо бы и то, если бы Вы писали иногда хоть тем способом, который употребляете со «старым приятелем» Вашим****. Тогда можно будет нам не прерывать сношений, а это — самое главное.

Про меня Вам, конечно, рассказывали достаточно, так что добавлять нечего. Живу я здесь в одиночестве. Здоров вполне и занимаюсь понемногу и для журнала***** и для своей большой работы*****.

Жму крепко Вашу руку. Сердечный привет В. Ив. и Г. В. Райчина не видал более месяца. Скоро надеюсь съездить в Минусинск повидать его.

Ваш В. У.

* Плеханове.

** Речь идет о брошюре В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах».

*** Веры Ивановны Засулич.

**** Имеется в виду А. И. Ульянова-Елизарова.

***** «Новое Слово».

***** «Развитие капитализма в России».

А. И. Ульянова-Елизарова:

Письмо Владимира Ильича к П. Б. Аксельроду от 16.VIII.1897 года было получено мною осенью 1897 года в Берлине химией в книге или журнале, как мы с братом переписывались тогда. Оно было вписано в письмо ко мне и в расшифрованном виде, в середине текста моего письма к Аксельроду, переписано мною и послано Аксельроду 29/IX — 1897 года.

А. И. Ульянова-Елизарова — П. Б. Аксельроду:

Получила письмо (*В. И. Ленина*) в ответ на Ваше и решила послать Вам его таким образом, чтобы Вам не разбирать самому «китайскую грамоту»*...

О «Вашем» способе я написала ему на днях, как и вообще обо всем, о чем мы с Вами говорили. Но, вероятно, из того, что он его никак не припомнит, надо вывести, что он считает его неудобным. Не могу не сказать со своей стороны, что я его побаиваюсь. Впрочем и вообще... я, от души желая для него этих работ, так как они дадут ему огромное нравственное удовлетворение, — и боюсь за него.

На днях я с тревогой услышала здесь, что о работах его знают больше, чем бы я думала... Так, Сергей Николаевич (*Прокопович*) в собравшемся у него довольно большом обществе намекнул мне, — совсем не кстати и весьма прозрачно, — что он знает об одной его тактической вещице**. Вещь эта была написана нынешней весной в крайне рискованных условиях (не помню теперь, говорили ли мы с Вами о ней, — кажется, не пришлось); Сергей Николаевич осведомлен о ней, как видно, довольно подробно... Конечно, это бы еще не большая беда была, что знает, если бы он умел знать про себя. Я была очень возмущена, но промолчала, понятно, чтобы не выдать себя. Пишу об этом, чтобы сказать, что выбор переписчика меня немало беспокоит, если даже такой, на вид как будто и серьезный человек, как Сергей Николаевич, не умеет молчать. Не взять ли мне на себя это дело с тем, чтобы пересылать Вам по окончании уже, с верными оканьями, — как Вы думаете об этом? Выгода была бы та, что кроме нас с Вами никто ничего бы не знал...

В письме ко мне «общий знакомый» (*В. И. Ленин*) просит передать «большущий привет» Георгию Валентиновичу и просьбу сообщить ему, какое место в «Капитале» отметил он — «для Тулина»***.

* Далее следует переписанный Анной Ильиничной текст письма *В. И. Ленина* Аксельроду от 16 августа 1897 года.

** По-видимому, речь идет о какой-нибудь листовке или прокламации Владимира Ильича.

*** Псевдоним *В. И. Ленина*.

Как видно из переписанного мною письма Ильича, речь шла о том, чтобы он посылал писания для рабочих за границу, груше «Освобождение труда», для папечатания, и обсуждался вопрос, каким образом наладить это. Владимир Ильич писал, что знает только один способ — химией, но что трудно найти переписчика. Аксельрод считал этот способ чересчур кропотливым и предлагал другой, какой — я уже не помню, но, очевидно, он не был принят ни мной, ни Ильичем, ибо регулярной отправки писаний, как предполагал Аксельрод, не последовало, а некоторые работы, как «Задачи русских социал-демократов», вышедшие за границу, были переправлены, тщательно заделанные в переплетах, с верными оказиями, и, помнится, почтой на верные адреса. Даже личная переписка с Аксельродом ни у Ильича, ни у меня регулярно не установилась.

Вообще Аксельрод был очень неаккуратен и рассеян в отношении переписки, и я недаром опасалась, что как он, так и особенно лицо, которое он найдет для переписки с химических писем, не сумеет соблюсти ту чрезвычайную конспиративность, которая одна только давала возможность Владимиру Ильичу писать свои работы даже в тюремных условиях...

Все более интересное — не только партийное или нелегальное — я, ездившая время от времени в Петербург, выдавая людей, приезжавших оттуда, из других городов, из-за границы, описывала Ильичу на наших «weiss auf weiss» * на листах каталогов, ненужных книг, последних страничках журналов, иногда даже неразрезанных, чтобы еще больше отдалить подозрение в возможности каких-либо зашифрованных сообщений. Ни разу, за все три года ссылки Ильича, ни одно из таких писем не пропало, не обратило на себя внимания. Никто, кроме самых близких людей, не знал, каким способом идет переписка. Все имена, кроме того, зашифровались. Помню, что я описывала стачки московской и близлежащих губерний... Так, на одной небольшой текстильной фабрике рабочие возмутились плутнями хозяина, тем, что он пускал в ход при перемерже сдельной работы аршин в 17 вершков, и торжественно обрезали его. Большой подъем вызвала у меня стачка и в Гусе-Хрустальном. Помню, что я писала по поводу нее: «Шевелится вся мужицкая Русь» — и что Ильич с особенным удовольствием откликнулся на это письмо.

* «Белым на белом», то есть молоком или особыми чернилами на бумаге.

Запись воспоминаний фельдшера Ярошинского:

— Ты бы подальше,— говорил мне урядник,— держался от этих писателей. Смотри, брат, дойдет до исправника либо до губернатора — беда будет. И тебя, и меня укует. Тебе еще полгоря: лекарством везде себе кусок хлеба найдешь, а я куда годен буду, если с меня вот эту самую селедку снимут...

И урядник, дрожавший за свою шкуру, зорко следил за Владимиром Ильичем и обо всем доносил исправнику.

— Все пишет,— рассказывает Ярошинский, говорил про Владимира Ильича урядник.— Должно, из писателей... Я уже доносил об этом господину исправнику не раз: как бы, дескать, ваше благородие, чего не вышло из его писаний...

— Пусть,— говорит,— пишет себе. Лишь бы буянства не чинил или бы чего прочего. А это — ничего.

Из работы В. И. Ленина «Что делать?»:

Члены одного из «Союзов борьбы»*, принимавшие непосредственное участие в образовании нашей партии и в посылке делегата на партийный съезд, основавший ее, договариваются с одним из членов группы «Искры»** об основании особой рабочей библиотеки для обслуживания нужд всего движения. Основать рабочую библиотеку не удастся, и написанные для нее брошюры «Задачи русских социал-демократов» и «Новый фабричный закон» попадают окольным путем и через третьих лиц за границу, где их и печатают.

Н. К. Крупская:

В своих статьях, писанных для рабочих, Ильич ставил вопросы по-серьезному: не упрощая, не вульгаризируя, но говоря все, что надо сказать...

Осенью 1897 года Владимир Ильич работает над второй своей брошюрой для рабочих, написанной по тому же типу, что и первая¹⁰. Брошюра называется «Новый фабричный закон».

Из брошюры В. И. Ленина «Новый фабричный закон»:

Второго июня 1897 года издан новый фабричный закон о сокращении рабочего дня на фабриках и заводах и об установлении праздничного отдыха...

* Речь идет о петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса».

** В. И. Ленин имеет в виду себя.

Значение нового фабричного закона состоит в том, что он, с одной стороны, является вынужденной уступкой правительства, что он *отвоеван* у полицейского правительства соединенными и сознательными рабочими. Издание этого закона показывает *успех* рабочего движения в России, показывает, какую громадную силу заключает в себе сознательное и стойкое требование рабочих масс. Никакие преследования, ни масовые аресты и высылки, ни грандиозные политические процессы, ни затравливания рабочих — ничто не помогло... Неограниченное правительство, которое считается всемогущим и независимым от народа, должно было уступить требованиям нескольких десятков тысяч петербургских рабочих. Мы видели, как незначительны, как двусмысленны эти уступки. Но ведь это только первый шаг. Рабочее движение давно уже вышло за пределы С.-Петербурга; оно развивается все шире, охватывая все глубже массы промышленных рабочих *во всей стране*, и когда все эти массы, руководимые одной партией социалистов, предъявят сообща свои требования, — тогда уже правительство не отделается такой ничтожной уступкой!

С другой стороны, значение нового закона состоит в том, что он необходимо и неизбежно *дает новый толчок* русскому рабочему движению. Мы видели, как закон постарался везде оставить лазейки фабрикантам, постарался оставить в неопределенности самые важные вопросы. Борьба между фабрикантами и рабочими из-за применения этого закона возникнет повсюду; эта борьба охватит гораздо более широкий район, ибо закон распространяется на всю Россию. И рабочие сумеют вести эту борьбу сознательно и твердо, сумеют настаивать на своих требованиях, сумеют обходить те ловушки, которые расставляют им наши полицейские законы против стачек. Введение новых фабричных порядков, изменение в громадном большинстве фабрик по всей России обычного, урочного дня принесет громадную пользу: оно встряхнет самые отсталые слои рабочих; оно пробудит везде самый живой интерес к вопросам и правилам фабричного быта; оно послужит прекрасным, удобным, *законным* поводом для рабочих предъявлять свои *требования*, отстаивать *свое понимание закона*, отстаивать *старые обычаи*, когда они выгоднее для рабочих (напр., отстаивать *обычные праздники*, отстаивать окончание работ по субботам не за 1½ часа, а за 2 и более), добиваться более выгодных условий при *новых соглашениях* о сверхурочных работах, добиваться *более высокой платы*, чтобы сокращение рабочего дня принесло действительную пользу рабочим без всякого ущерба для них.

Н. К. Крупская: В 1899 году (*В. И. Лениным*) написаны были брошюры «О промышленных судах» и «О стачках».

Из статьи В. И. Ленина «О промышленных судах»:

Промышленными судами называются суды, состоящие из выборных от рабочих и хозяев (фабрикантов в промышленности) и разбирающие дела и споры, которые возникают так часто из-за условий найма, из-за определения платы за обыкновенную и сверхурочную работу, из-за расчета рабочих не по правилам, из-за вознаграждения за порчу материалов, из-за неправильного наложения штрафов и т. д., и т. д...

...Промышленные суды, состоящие из выборных от хозяев и рабочих поровну, имеют очень важное значение для рабочих и приносят им много пользы: они гораздо доступнее для рабочих, чем обыкновенные суды, в них меньше волокиты и бумажности, в них судьи понимают условия фабричной жизни и судят более справедливо, они знакомят рабочих с законами, они приучают рабочих к выборам своих представителей и к участию в государственных делах, они расширяют огласку фабричного быта и рабочего движения, они приучают фабрикантов к приличному обращению с рабочими и к правильным переговорам с рабочими, как с равными им людьми...

...До тех пор, пока остаются в России теперешние политические порядки,— то есть бесправие народа, произвол не ответственных перед народом чиновников и полиции,— до тех пор рабочие не могут надеяться на учреждение полезных для них промышленных судов. Правительство очень хорошо понимает, что промышленные суды очень быстро заставили бы рабочих перейти и к более коренным требованиям...

С другой стороны, предположим на минуту, что правительство умышленно, желая обмануть рабочих, ввело бы теперь же промышленные суды, сохраняя в неизменности теперешние политические порядки. Была ли бы рабочим польза от этого? Никакой пользы бы не было: рабочие даже сами не стали бы выбирать в эти суды своих наиболее сознательных, честных и преданных рабочему делу товарищей, потому что они знают, что за всякое открытое и честное слово в России могут схватить человека по простому приказу полиции, бросить его, без суда и следствия, в тюрьму или сослать в Сибирь!

Следовательно, требование промышленных судов с выборными от рабочих составляет только одну частичку более широкого и более коренного требования: требования политических прав народу, т. е. права участ-

водить в управлении государством и заявлять открыто о народных нуждах не только в газетах, но и в народных собраниях.

Из статьи В. И. Ленина «О стачках»:

Рабочие стачки сделались в России в последние годы чрезвычайно частыми. Не осталось ни одной промышленной губернии, где бы не было по несколько стачек. А в крупных городах стачки не прекращаются вовсе. Понятно поэтому, что и сознательные рабочие и социалисты все чаще задаются вопросом о значении стачек, о способах ведения стачек, о задачах участия социалистов в стачках.

Мы хотим попытаться изложить некоторые наши соображения по этим вопросам. В первой статье мы думаем сказать о значении стачек в рабочем движении вообще; во второй статье — о русских законах против стачек, в третьей — о том, как велись и ведутся стачки в России и как следует относиться к ним сознательным рабочим...

Теперь же мы должны указать, что стачки есть... «школа войны», а не самая война, стачки — только одно средство борьбы, только одна форма рабочего движения. От отдельных стачек рабочие могут и должны перейти и действительно переходят во всех странах к борьбе всего рабочего класса за освобождение всех трудящихся. Когда все сознательные рабочие становятся социалистами, т. е. стремящимися к такому освобождению, когда они соединяются между собой по всей стране, чтобы распространять среди рабочих социализм, чтобы учить рабочих всем средствам борьбы против их врагов, когда они составляют социалистическую рабочую партию, борющуюся за освобождение всего народа от гнета правительства и освобождение всех трудящихся от гнета капитала, — тогда только рабочий класс вполне примыкает к тому великому движению рабочих всех стран, которое объединяет всех рабочих и поднимает красное знамя со словами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Н. К. Крупская: Работа над этими брошюрами («Новый фабричный закон», «О промышленных судах», «О стачках») помогла Ленину еще лучше научиться писать и говорить так, что его речи и статьи стали особенно близки и понятны массе.

СВЯЗЬ С ЖИЗНЬЮ

А. И. Ульянова-Елизарова:

Несмотря на самую большую и самую отвлеченную научную работу и наряду с ней Владимир Ильич никогда не отрывался от жизни, ее непосредственного пульса... В этом кроме его выдающихся способностей и прозорливости была его сила.

Н. К. Крупская:

Он (*Владимир Ильич*) жадными глазами вглядывался в жизнь, страстно любил он жизнь — с крестьянами толковал, дела их вел, наблюдал, деревню изучал.

П. Н. Лепешинский:

...С шушенскими богатеями, с деревенской аристократией Ильич старался не иметь контакта. Но к крестьянской бедноте он чувствовал большие симпатии, приходил к ней на помощь... Слишком близко подходить к жизни крестьян для политического изгнанника было невозможно, если он не хотел рисковать осложнениями своей ссыльной жизни — вроде прибавки лишних лет к сроку своей ссылки или этапной прогулки в места более пустынные и более отдаленные. А Ильич слишком дорожил основным делом своей жизни, чтобы ради соблазна дать простор своему чувству действительной симпатии к окружающим «мирным детям труда» в шушенском масштабе рисковать своей будущей свободой, на которую он возлагал большие надежды в связи со своими замыслами по части партийной работы во всероссийском масштабе. Поэтому он был крайне осторожен и старался не дать поводов для местной жандармерии придраться к случаю и затянуть его надолго в ссыльное болото.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Кроме компании ссыльных, в которой Владимир Ильич откровенно излагал свои взгляды, которым охотно помогал в смысле их развития, указания им литературы, он интересовался и жизнью местных крестьян... Но с ними он был, понятно, сдержан в разговорах. Тогдашнее крестьянство и российское, не говоря уже о более отдаленном, сибирском, было политически совсем неразвито. Кроме того, в его положении ссыльного, поднадзорного было бы не только нецелесообразно, но прямо дико вести пропаганду.

Но Владимир Ильич охотно разговаривал с крестьянами, что давало ему возможность изучать их, выяснять себе их мировоззрение; он давал им и советы во всем, что касалось их местных дел... И незаметно на почве этих разговоров, на почве бесед на охоте, Владимир Ильич почерпал и из этого пребывания в деревне, как раньше из пребывания в приволжских деревнях, то знание крестьянства, его психологии, ко-

торое сослужило ему такую большую службу как во время его революционной работы, так и позднее, у кор-
мила правления.

Н. К. Крупская:

Был у Владимира Ильича один знакомый крестьянин, которого он очень любил, Журавлев. Чахоточный, лет тридцати, Журавлев был раньше писарем. Владимир Ильич говорил про него, что он по природе революционер, протестант. Журавлев смело выступал против богатеев, не мирился ни с какой несправедливостью. Он все куда-то уезжал и скоро помер от чахотки.

Другой знакомый Ильича был бедняк (*И. О. Ермалов*), с ним Владимир Ильич часто ходил на охоту. Это был самый немудрый мужичонка — Сосипатычем его звали; он, впрочем, очень хорошо относился к Владимиру Ильичу и дарил ему всякую всячину: то журавля, то кедровых шишек.

Через Сосипатыча, через Журавлева Владимир Ильич изучал сибирскую деревню. Он мне рассказывал как-то об одном своем разговоре с зажиточным мужиком (*А. Д. Зыряновым*), у которого он жил. У того батрак украл кожу. Мужик накрыл его у ручья и прикончил. Говорил Ильич по этому поводу о беспощадной жестокости мелкого собственника, о беспощадной эксплуатации им батраков. И правда, как каторжные, работали сибирские батраки, отсыпаясь только по праздникам.

В. И. Ленин:

Весьма интересно наблюдать, что отношения зажиточного сибиряка к поселенцу (а в этих отношениях вряд ли бы и самый ярый народник решился искать пресловутой общинности!) — в сущности совершенно тождественны с отношениями наших зажиточных общинников к их безлошадным и однолошадным «собратам».

Н. К. Крупская:

По воскресеньям он (*Владимир Ильич*) завел у себя юридическую консультацию. Он пользовался большой популярностью как юрист, так как помог одному рабочему, выгнанному с присков, выиграть дело против золотопромышленника. Весть об этом выигранном деле быстро разнеслась среди крестьян. Приходили мужики и бабы и излагали свои беды. Владимир Ильич внимательно слушал и вникал во все, потом советовал...

Собственно говоря, заниматься юридическими делами Владимир Ильич не имел права, как ссыльный, но тогда времена в Минусинском округе были либеральные.

В. И. Ленин:

...Когда я был в Сибири в ссылке, мне приходилось быть адвокатом. Был адвокатом подпольным, потому что я был административно-ссылным, и это запрещалось, но так как других не было, то ко мне народ шел и рассказывал о некоторых делах. Но самое трудное было понять, в чем дело. Придет баба, начинает, конечно, с родственников, и невероятно трудно было добиться, в чем дело. Я говорю: «Принеси копию». Она рассказывает о белой корове. Ей говоришь: «Принеси копию», тогда она уходит и говорит: «Не хочет слушать без копии о белой корове». Так мы и смеялись в своей колонии над этой копией. Но маленький прогресс мне удалось осуществить: приходя ко мне, тащили копию, и можно было разобрататься, в чем дело, почему жалуются и что болит.

Н. К. Крупская:

Раз пришел крестьянин за двадцать верст посоветоваться, как бы ему засудить зятя за то, что тот не позвал его на свадьбу, где здорово гуляли.

— А теперь зять поднесет, если приедете к нему?
— Теперь-то поднесет.

И Владимир Ильич чуть не час убил, пока уговорил мужика с зятем помириться...

Часто достаточно было угрозы обижаемого, что он пожалуется Ульянову, чтобы обидчик уступил.

А. П. Родин:

Был у нас в селе богатый купец Симон Ермолаев. Хозяйство имел огромное, одного скота более ста голов, пастух свой был. Как-то ермолаевское стадо поломало поскотину и прорвалось на полосу, хлеб поправило. Полоса-то Зацепина была, тоже богатея, но помельче Симона Ермолаева. Взъярился Зацепин, а против Симона не посмел пойти. Богатый с богатым судиться не будет. Виновников среди бедноты искали, так и здесь. Подал в суд Зацепин на бедного мужика Пронникова, моего тестя. Суд присудил взыскать с этого Пронникова в пользу Зацепина 50 рублей деньгами да хлеба сколько-то. Почему? Да только лишь потому, что коровы ермолаевские разломали поскотину как раз в том месте, где Пронников городил. (Раньше выгоны для скота отгораживали от пашни поскотиной и каждый хозяин огораживал определенный участок).

Что делать? Где взять такие деньги, столько хлеба, чтобы отдать Зацепину, да и за что? Обидно стало старнику. Но люди подсказали: «Иди к Ульянову, он поможет».

Пришли мы с тестем к Владимиру Ильичу. Принял он нас приветливо, за руку поздоровался, в комнату провел, усадил, расспросил обо всем подробно. Гово-

«К крестьянской бедноте он чувствовал большие симпатии, приходил к ней на помощь...»

С рисунка художника Н. Жукова

рит, дело поправимое, надо приговор суда обжаловать, прошение написать, только самому, мол, мне писать нельзя, лишь продиктовать могу, чтобы в суде не узнали, кто прошение составлял, и вы, мол, не говорите. Спросил меня, грамотный ли я.

— Грамотный, — отвечаю.

— Вот, — говорит, — и прекрасно.

Дал мне бумаги, ручку, начали мы писать. Он ходит взад-вперед по комнате, диктует, а я пишу. Закончили, он проверил написанное, поправил кое-где ошибки, велел переписать еще раз начисто, а потом и по-

давать в суд. Растолковал подробно, как это сделать, к кому и куда обратиться, обнадежил нас, что все будет хорошо, и сердечно распрощался с нами, сказав напоследок, что если, мол, нужда какая впредь будет или с прощением не выйдет, так заходите непременно. Дивились мы такому обращению. Адвокаты-то раньше очень большие люди были, господа, к ним и попасть-то трудно было, а тут так все просто да хорошо получилось.

Подали мы прошение на пересуд, и остался Зацепин ни при чем. На этот раз суд ему ответил: «Оставить претензии к Пронникову без последствий».

Г. М. Кржижановский:

По воспоминаниям крестьян села Шушенского, опубликованным в печати, видно, какое впечатление производил на них тот исключительно трудовой и правильный образ жизни, который вел Владимир Ильич в ссылке. Его юридическое образование и постоянное корпение над книгами, умение ответить на всякий вопрос и дать вовремя юридический совет быстро создали ему репутацию необычного человека.

Н. К. Крупская:

Если в Питере Ильич был рабкором, в ссылке он стал селькором. Много ходило к нему, как к юристу, крестьян советоваться по судебным делам. И Ильич давал советы, а попутно подробно выспрашивал каждого пришедшего к нему крестьянина или крестьянку об условиях их жизни и труда. Собирал богатейший материал.

П. А. Мезина-Яценко:

Часто к Владимиру Ильичу приходили крестьяне с жалобами, с просьбами написать прошение, у кого какое горе, поделиться не с кем, посоветоваться — все шли к Владимиру Ильичу. Он давал людям советы, прошения составлял, письма писал, помогал, чем только мог, даже иной раз деньгами, хотя сам жил бедно.

И. О. Ермолаев:

Обращался он (*Владимир Ильич*) со мной попросту, но приветливо и уважительно, по имени-отчеству меня всегда называл, руку пожимал, когда со мной здоровался. Никогда со мной никто так не обходился, кричат бывало: «Эй, ты, Сосипатыч!» и все.

Я у Владимира Ильича часто бывал и по охотничьи нашим делам, и «за выручкой». Помню хорошо, как зашел первый раз к нему «за выручкой». Была у меня нужда крайняя — деньги нужны были на подати, к кому бы ни обратился, все отказывали. Что делать? Дай, думаю, у Ильича спрошу. Пошел на квартиру. Поздоровался. Ильич мне навстречу из-за стола вышел (он как раз обедал) и сразу говорит: «Обедать

со мной». Что вы, мол, Владимир Ильич, я сыт, с просьбой к вам. Это, говорит, просьба после, а сейчас за стол, пожалуйста, садитесь, раздевайтесь! Пообедали, он и спрашивает:

— Ну, в чем нужда? Мне кажется, с деньжонками у вас, Иван Осипович, плохо, поди «пенезы» нужны.

— Нужны, Владимир Ильич.

— А сколько?

— Мне бы рублика два.

— Ну, это могу, вот, пожалуйста! — и дает деньги.

Не раз меня выручал Владимир Ильич, когда туго приходилось, и сколько бы я к нему ни обращался за помощью, никогда он мне не отказывал и никогда даже намеком не напоминал, чтобы возратить долг, даже когда и принесешь ему деньги заемные, так отмахивается, сердится, хотя сам жил бедно очень.

Какой он был простой человек! Во всем: в пище, в жизни. Вот в отношении пищи: ел Владимир Ильич все, что ели его хозяева квартиры — крестьяне. У нас в семье Владимир Ильич бывал иногда, хозяйка моя хорошо пекла калачи, угощала Владимира Ильича, он кушал охотно. Потом я попросту частенько приносил Владимиру Ильичу в подарок такие калачи, и он от них не отказывался. Мы эти калачи стали называть в своей семье «политическими». Говорю, бывало, ...жене-то своей:

— Ты напеки-ка «политических» калачей, мы с Владимиром Ильичем на охоту пойдем.

Хороший он был человек, душевный очень.

Е. А. Черкашина: Работали мы как-то на пашне, время — обед, сидим обедаем у шалаша, а Владимир Ильич на охоту ходил и случайно набрел на наш стан. Приветливо поздоровался с нами, и мы пригласили его обедать. Ильич присел и стал есть с нами из общего котла наши простые деревенские щи. О житье-бытье нашем, о работе расспрашивал. Потом дорогу в Шушенское попросил показать и ушел, распрощавшись со всеми за руку. И с тех пор, часто встречаясь в селе, всегда подходил ко мне, здоровался за руку и расспрашивал о жизни. Хороший, простой был человек.

Ф. П. Родин: Смелый был Владимир Ильич. Однажды я такой случай наблюдал. В праздник какой-то это было. Напились мужики и, как обычно, драку затеяли. Стенка на стенку с кулаками. Кое-кто уже валяется, кое у кого и лицо в крови. В такой драке к мужику не подступись — убьет. А Владимир Ильич по улице шел, мимо дерущихся пройти надо было. Вот он и подошел прямо к мужикам, говорит им, что нехорошо драться,

чего вы делите, за что друг друга бьете? И мужики как-то невольно послушались его, разошлись, драку прекратили. А ведь другого, да еще политического, просто убили бы. Вот какой Ильич был!

О. Н. Ермолаев: Как сейчас помню, в то время должен был через Шушенское наместник Сибири проезжать. Тогда всех политических ссыльных... привели в волостное правление. Среди них и Владимир Ильич находился. Приехавший из Минусинска исправник начал было кричать на политических, «паставлять» их. Тогда Владимир Ильич вступил с исправником в спор. Крестьяне, бывшие в волостном правлении, да и я тоже, просто удивились, как это политический ссыльный несколько не боится исправника и прямо зуб за зуб с ним разговаривает. Потом видим, исправник тише, тише и даже фуражку снял, разговаривая с Владимиром Ильичем. Шушенские жители с большим уважением относились к Владимиру Ильичу, потому что он был хороший и смелый человек, начальства не боялся.

Н. К. Крупская: Очень сильно (у Владимира Ильича) было выражено стремление углубленно, по-исследовательски подходить к вопросам...

В Шуше... Ильич расспрашивал (крестьян) необычайно внимательно, стараясь познакомиться с бытом и жизнью.

Всегда органическая какая-то связь с жизнью.

Сельские досуги

П. Н. Лепешинский:

...Говоря о деятельной жизни Ильича в ссылке, нельзя не отметить и тех моментов, которые он посвящал отдыху. Огромная теоретическая работа не могла уж до такой степени поглотить все его минуты, чтобы он не мог позволить себе роскоши поразнообразить свою монотонную ссылную жизнь какими-нибудь способами, дать законный отдых своему напряженно работающему мозгу.

Но этот отдых его заключался не в том, чтобы кейфовать, лежа на постели, и предаваться приятному ничегонеделанию, а в том, чтобы дать работу мускулам своих ног, расшевелить каждый участок своей сосудистой системы, заставить сердце биться здоровым, отчетливым темпом, привести легкие в более деятельное состояние, приятно взбудоражить нервы и вообще фи-

экологически, всем своим существом, почувствовать радость жизни. Словом, и в отдыхе он был так же подвижен и деятелен, как и в процессе самой напряженной работы.

Из всех видов отдыха он особенно любил охоту. Результаты его охотничьих экскурсий в смысле количества подстреленной дичи обычно были минимальны, ибо птицы, на которых направлялось смертоносное дуло его ружья, почти всегда имели повод ехидно посмеиваться над искусством горе-охотника по части стрельбы.

...Но, быть может, даже не в этом, не в этой иллюзии охотничьих достижений заключалась для него главная прелесть охоты. Ведь природу он любил чрезвычайно.

И легко себе представить, с каким наслаждением он шагал по шушенским зарослям и болотцам. Кругом безлюдье, простор и тишина. Пьянят ароматы лугов и лесов, носится запах еловой смолы. Колышется ковыль. Цветы, словно пестрая демонстрирующая толпа счастливых представителей жизни на земле, толпятся вокруг, усмеваются всеми своими колерами, пошевеливают синими, желтыми, белыми, красными головками и будят в душе смутные переживания золотого детства. Вверху — незапятнанная ни единым облачком манящая лазурь.

А мускулистые, пружинистые ноги охотника все шагают и шагают, перепрыгивая с кочки на кочку, а встревоженный вальдшнеп спокойно улетает из-под самого носа.

А. Д. Зырянов:

В ту пору я часто ходил на охоту и всегда приносил много дичи. Когда я приходил с охоты домой, Владимир Ильич, рассматривая убитую мной дичь, расспрашивал, как мне удается столько много добывать. Я ему говорил, что ничего удивительного в этом нет: дичи в окрестностях Шушенского полно, только, знай, стреляй.

И вот однажды, вскоре после того как Владимир Ильич стал у нас жить, я собирался на охоту. Увидя мои сборы, Ильич говорит:

— А можно и мне с вами сходить, посмотреть, как вы охотитесь?

Я ответил:

— А почему нельзя, пойдете!

Пошли мы с Владимиром Ильичем охотиться, на этот раз по берегу речки Шушь, с одним моим пистонным ружьем. Я дал Ильичу из него один раз выстрелить в утку, но по первости у Владимира Ильича ничего не вышло — так утки и не убил.

В этот раз я посоветовал Владимиру Ильичу купить берданное ружье. Вскорости он купил себе старенькую берданку за восемь рублей, и с той поры мы с ним стали уже чаще ходить на охоту.

Охотились мы по первости по берегу речки Шушь на уток, а когда Владимир Ильич завел себе полуболютные сапоги (до этого он ходил на охоту в ботинках), то стали ходить и на озера.

Владимир Ильич страсть как стал увлекаться охотой. Когда я находился на пашне или был занят по хозяйству, он отправлялся на охоту один. И, надо сказать, часто возвращался с богатой добычей. Потом Владимир Ильич познакомился с местным крестьянином-бедняком Сосипатычем и с ним вместе ходил охотиться. Летом Ильич охотился на уток и дупелей, а зимой — на куропаток.

С охоты Владимир Ильич приходил всегда усталый, но веселый и довольный своей добычей. Много Ильич рассказывал... о том, как охотился, где побывал и что интересного встретил.

И. О. Ермолаев:

...Однажды... мы поехали (с Владимиром Ильичем)... на охоту за куропатками на займку Гладково...

Наша первая охота и последующие не были впус-ту: мы всегда возвращались домой с дичью... Охотились в 7—8 верстах от села и никогда на охоте не ночевали. Как видно, Владимиру Ильичу запрещалось отлучаться из села...

Подкрадываться к дичи Владимир Ильич не любил и не хотел, а всегда подходил прямо, не сгибаясь. Когда я спрашивал, почему Владимир Ильич не подкрадывается к дичи, он отвечал:

— А зачем? Эта улетит, найдем другую.

Охотились мы с Владимиром Ильичем довольно часто, так что почти каждую неделю были на охоте.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 12 октября 1897 года:

Охотой я все еще продолжаю заниматься. Теперь охота гораздо менее успешна (на зайцев, тетеревов, куропаток — новая еще для меня охота, и я потому должен еще привыкнуть), но не менее приятна. Как только вывернется хороший осенний денек (а они здесь нынешний год не редки), так я беру ружье и отправляюсь бродить по лесу и по полям... Беру хозяйскую собаку, которую я приучил ходить с собой и которая имеет некоторые (небольшие, правда) охотничьи способности.

М. А. Сильвин: Спортсмен по природе, Владимир Ильич в ссылке любил поохотиться. Он завел себе и собаку, которую дрессировал, выписав для этой цели специальное руководство. Собака, рыжий сеттер, была не первоклассной, не всегда держала стойку и слушалась свистка, но чутье у нее было достаточное. Однако настоящей охотничьей страсти у Владимира Ильича не было. Поехать этак дня на три или на неделю в тайгу или в степи, привезти оттуда ворох дичи,— этого с ним не случалось.

В. И. Ленин — Д. И. Ульянову, 28 ноября 1898 года:

Теперь у нас явилось новое развлечение — каток, который отвлекает сильно от охоты.

А. С. Середкина: Много работал Владимир Ильич, но иногда и отдыхал, но так, что нам в диковинку казалось. У нас ведь как было: обыкновенно крестьяне в свободное время или в праздники напьются водки и горланят песни на всю деревню. Владимир Ильич книги читал, на охоту ходил, зимой же против дома на речке Шушь каток расчистил... Вся молодежь, бывало, выйдет на берег смотреть, как ловко и быстро катается Владимир Ильич. Стала помаленьку и наша молодежь привыкать к такому культурному отдыху, коньки самодельные начали мастерить — колодки деревянные — и вместе с Владимиром Ильичем кататься на льду.

П. П. Черкашин: Познакомился я с Владимиром Ильичем летом на берегу при рыбной ловле... Помню, как только приезжали с рыбалки, увидит Владимир Ильич — приходит помогать выгружать улов. А часто и при его непосредственном участии забрасывали невод и производили улов...

Когда ему предлагали часть из улова рыбы, Владимир Ильич категорически отказывался.

С. К. Желтов: Как-то Владимир Ильич говорит мне, что хочет поехать со мной порыбачить. Я пригласил его. Приехали мы на озеро...

— Ну,— говорит Владимир Ильич,— плохое корыто, надо настоящую лодку сделать.

...Я взял два бревешка, аршина по три, выдолбил их, спарил и в середину бревешко подпихал. Получилась лодка. Владимир Ильич посмотрел, пошутил над моим изделием и плоскотом мою лодку назвал. На этом плоскоте мы и рыбачили с ним. Владимир Ильич все говорил:

— Теперь плоскот у нас хороший, давай, Желтов, морды ставить.

А больше удочками рыбу ловил. Много мы рыбы ловили в то время, только Ильич себе мало брал, все мне отдавал.

И. И. Заверткин: Владимир Ильич любил... послушать музыку. Но в последнем случае у нас, в нашем глухом углу, дело обстояло плохо. Вся музыка заключалась в нескольких гармониях, отчаянно пиликавших по вечерам и праздникам в руках разгулявшейся деревенской молодежи.

Н. К. Крупская: В ссылке (*Владимир Ильич*)... играл в шахматы с большим азартом. Но в с. Шушенском, где он жил, ему не с кем было играть, так что играл во время редких приездов товарищей из соседних сел (Лепешинского из с. Ермаковского, Кржижановского и Старкова из Теси), играл по переписке.

П. Н. Лепешинский: ...За вычетом тех моментов, когда ему (*Владимиру Ильичу*) удавалось отдохнуть на охоте или провести несколько дней в кругу близких товарищей, он почти все свое время посвящал литературной работе, которая отличалась большой продуктивностью за этот период его жизни.

Заряд бодрости

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 25 мая 1897 года:

Получил третьего дня письмо твое, дорогая мамочка, от 5-го мая и отвечаю с первой почтой. Я удивляюсь теперь, в свою очередь, как это вышло так, что я долго не писал в конце апреля: должно быть, пропустил денек-другой за тогдашней сутолокой, а потом писал очень часто и перед отъездом из Красноярска и с дороги. Отсюда пишу тоже часто: каждую неделю. Чаще писать положительно не хватит материала; впрочем, на все письма я отвечаю тотчас, так что иногда выходило, кажется, и по 2 раза в неделю...

Получил письмо Базиля из Теси. Пишет, что Тесь — страшная дрянь, голая пустыня, ни лесу, ни реки вблизи (за 2 версты есть — это ему далеко!), ни охоты, ни рыбной ловли. Так что, значит, если уж перебираться в другое место, то они должны сюда, а мне нет ни малейшего интереса к ним.

Третьего дня, 6-го, получил я, дорогая мамочка, письмо твое и Маняши из Варшавы. Только из него узнал, что вы наконец порешили со всеми своими сомнениями и двинулись в путь. Это отлично. Желаю лучше устроиться и получше отдохнуть это лето. Я не знаю, почему это ты боишься, что скоро почувствуешь Heimweh*. При поездке только на лето? — едва ли. Я буду писать так же часто, как прежде, а добавочных 3—4 дня на почту, при значительности расстояния и до Москвы, значат уже очень немного.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Не видим мы... лично не только никаких следов нытья и уныния, вообще его (*Владимира Ильича*) характеру не свойственных, но никаких жалоб на свое положение... никакого даже кислого тона в описании их. Это происходило, конечно, и потому, что большая часть писем была адресована матери, которой столько приходилось страдать из-за своих детей, что Владимир Ильич, горячо любивший и уважавший свою мать, глубоко чувствовал...

Но эта бодрость насыщала собой письма и к другим членам семьи, и к живущим в то или иное время не вместе с матерью... Помню, что его письма являлись всегда струей ключевой воды на всякое уныние, нервничанье, на всякую апатию, они давали прилив бодрости, заставляли нравственно подбираться. Вместе с тем его самоуверенность не подавляла, а придавала энергию и стремление к более полному проявлению себя, его остроумные шутки вливали жизнерадостность — эту лучшую смазку для всякой работы.

Н. К. Крупская:

Когда Владимир Ильич был в ссылке в 1897 году, еще до моего приезда, в газетах было помещено объявление о смерти Марии Александровны Ульяновой, умершей в Москве. Оскар** рассказывал:

— Пришел к Владимиру Ильичу, а он бледный, как полотно,— говорит: мать у меня умерла.

О смерти какой-то другой М. А. Ульяновой оказалась извещенье.

А. И. Ульянова-Елизарова:

...Владимир Ильич хотел частыми известиями хотя бы до некоторой степени успокаивать мать, очень тяжело переживавшую его заключение и с большой грустью отпускавшую его в далекую ссылку. По своему характеру,— быть с тем из своих детей, обстоятельства для которого складывались хуже,— она непременно

* тоску по родине.

** Оскар Александрович Энгберг.

хотела поехать к Владимиру Ильичу весной, когда выяснится, куда его назначат, чтобы провести вместе с ним лето. С нею собиралась ехать и Мария Ильинична. Ильич всячески отговаривал мать от этого плана, и во всяком случае решено было, что она дождет-ся подробного описания им дороги и условий жизни в назначенном ему пункте. Владимир Ильич поощрял большой план съездить нам обеим с мамой на лето в Швейцарию, куда убеждал сестру Марию Ильиничну ехать еще раньше, бросив гимназию, плохо отражав-шуюся на ее здоровье...

П. Н. Лепешин-ский:

...Владимир Ильич и в обстановке скучной ссылки сохранял свое обычное жизнерадостное лицо, обста-вив свою ссылную жизнь по-своему, по-илически, доступным для него нравственным комфортом...

...Во время своего шушенского пленения Ильич ни-когда не превращался в ослабевшего духом нытика. И здесь для его творческой эмоциональной природы не было недостатка в объектах для деятельной реакции со стороны его ума и нервов. Начиная с шушенского микрокосма (с его крестьянскими интересами глухого сибирского захолустья) и кончая эпопеей мировой борьбы труда с капитализмом, за которой Владимир Ильич внимательно следил из своего сибирского да-лека,— все его занимало и вызывало на какие-нибудь действенные акты.

Г. М. Кржижа-новский:

Когда, бывало, в далекой сибирской ссылке, в скромной деревенской избе села Шушенского, я на-блюдал обычный распорядок рабочего дня Владимира Ильича, то невольно бросалась в глаза особо высокая приподнятость этого человека над тем, что можно счи-тать большой талантливостью и большой работосо-пособностью. И приходилось только удивляться, как этот живой и отзывчивый товарищ, такой любитель общения с природой, вместе с тем с какой-то особой естественной непринужденностью так строит свой жиз-ненный обиход, что каждый прожитый им день дает ему максимальный бросок для движения вперед и для тесного общения с ведущими умами человечества. Выходило так потому, что каждый день Владимир Ильич проявлял именно ту невероятную энергию и без-заветность исканий, которыми он характеризовал ис-торический авангард нашей революции.

*Из отношения енисейского губернатора
в канцелярию московского обер-полицмейстера,
22 августа 1897 года:*

Покорнейше прошу канцелярию объявить вдове действительного статского советника Марии Александровны Ульяновой, ходатайствующей о разрешении ее сыну административному ссыльному Владимиру Ульянову ввиду его болезненного состояния переехать из села Шушенского Минусинского округа для лечения и совместного с нею жительства в г. Красноярск, что ходатайство это ¹¹ оставлено мною без последствий.

В. И. Ленин — М. И. Ульяновой, 7 сентября 1897 года:

Письмо мамино, где она писала о прощении, получил и ответил на него тогда же. Хлопоты Глеба и Базилia о переводе в Минусинск пока ни к чему не приводят, хотя они взялись очень энергично. Я не хлопочу и не намерен пока: жаловаться не могу на Шу-шу-шу, а такого состояния, когда начнешь хлопоты, волнуешься, ждешь ответа, все куда-то собираешься и т. д., — я очень уж не люблю.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 30 сентября 1897 года:

Пишу тебе, дорогая мамочка, ...из Теси...
Здесь тоже все нашли, что я растолстел за лето, загорел и высмотрю совсем сибиряком. Вот что значит охота и деревенская жизнь! Сразу все питерские болести побочу!

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 12 октября 1897 года:

Я вполне здоров, разумеется; занимаюсь; и чувствую себя вполне хорошо.

*В. И. Ленин — М. А. Ульяновой
и А. И. Ульяновой-Елизаровой, 10 декабря 1897 года:*

Это письмо, дорогая мамочка, должно прийти в Москву, по моему расчету, к празднику. Поэтому я и решил послать его с первой же почтой, не откладывая до обычного воскресенья (я привык писать тебе по воскресеньям)...

Надеюсь, что Митя будет уже на свободе ко времени получения этого письма. Вероятно, его долго держать не станут ¹².

Анюте

Читаю я сейчас Labriola, Essais sur la conception matérialiste de l'histoire *. Чрезвычайно дельная и интересная вещь. Мне и пришло в голову: отчего бы тебе не перевести ее? (Оригинал — итальянский, и Каменский ** в «Новом Слове» говорил, что перевод французский не везде и не вполне хорош. Разумеется, тебе необходимо тогда достать оригинал). Книга состоит из трех частей: 1-ая — En mémoire du Manifeste du parti communiste ***; 2-ая — Le matérialisme historique **** (самая большая) и 3-ья — Appendice: Manifeste du parti communiste ***** (французский перевод Лауры Лафарг). Разумеется, годна для перевода лишь 2-ая часть, да и та не целиком (я еще не всю ее прочел). Но выпуски, по-моему, ни в коем случае не отнимут значения у этой чрезвычайно умной зашиты «нашей доктрины» (выражение Лабриола). Пишу сегодня же и в СПб., — не предполагает ли и писатель воспользоваться этим материалом для журнала. Тебе бы можно либо узнать его мнение от Н. К. (я ей пишу), либо прямо предложить ему взяться за перевод.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 4 января 1898 года:

Получил, дорогая мамочка, письмо твое от 15.XII. У нас на этой неделе пропустили одну почту (1.I), — так что я не знаю результата Анютиных хлопот. Наверное, впрочем, кончатся они хорошо, ибо если дело уже перешло в СПб., то, значит, пустяки и больше задержки быть незачем.

Насчет шубы ты боишься совсем напрасно. При моем зимнем костюме (взятом нами всеми из С.-Петербурга) ее вполне достаточно даже для поездок (а ездить приходится очень редко). Гулять же и в ней слишком жарко, и я хожу в ватном пальто, — за исключением немногих холодных дней (вчера, 3-го дня). Вообще зима здесь необычайно теплая. Насчет охоты тоже беспокоиться напрасно: опасного ничего нет. Да теперь, впрочем, конец приходит уже всякой охоте: до весны, верно, теперь...

А. И. Ульянова-
Елизарова:

...Мы видим... умение Владимира Ильича поддерживать в себе спокойное, уравновешенное настрое-

* Лабриола. «Очерки материалистического понимания истории».

** Псевдоним Г. В. Плеханова.

*** Памяти Манифеста Коммунистической партии.

**** Исторический материализм.

***** Приложение: Манифест Коммунистической партии.

ние... как он после тюремного заключения и разных общественных или политических тревожений, пошатывавших это равновесие, прилагал твердые усилия к скорейшему восстановлению его. Он сознавал, что такое равновесие необходимо для всякой умственной и политической работы, являвшейся всегда главным делом его жизни.

М. И. Ульянова:

Товарищи, близко наблюдавшие Владимира Ильича в ссылке, поражались, с каким упорством и энергией он работал и там. Целеустремленность была и здесь его основной чертой.

А. И. Ульянова-Елизарова:

В противоположность большинству ссылных, Владимир Ильич не рвался в более оживленный центр, не стремился к перемене места. На предложение матери похлопотать о его переводе в город... он писал, что не стоит, что временные наезды в Минусинск или Красноярск, по его мнению, лучше, чем постоянная жизнь там. Очевидно, потому, что жизнь в тихом селе и на одном месте давала больше простора и удобств для занятий, ничто не отвлекало от них, как в более людных колониях, где, кроме того, вынужденное безделье порождало те склоки, которые были самой тягостной стороной ссылки.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 14 марта 1898 года:

Насчет просьбы о переводе отсюда я пока не думаю. Теперь еще преждевременно, по-моему. Подожду, вот придет Надежда Константиновна, как там придется устроиться...

За мое здоровье ты напрасно боишься. Я теперь вполне здоров.

Погода теперь стоит хорошая; солнце начинает пригревать изрядно, дорога уже портится. Но зима здесь уступает очень туго и тепла еще нескоро дожидаться.

Письмо это ты, вероятно, получишь около 1-ого апреля или немногим разе раньше. Поэтому поздравляю тебя с днем ангела и с именинницей и Маняшу тоже.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 26 августа 1898 года:

Вчера получил я, дорогая мамочка, телеграмму от 21-го о Митином освобождении и письма твое и Анютинно. Очень был рад всем известиям, особенно первому. Митя освобожден, следовательно, по окончании следствия: теперь интересно узнать, что именно приготавливает для него обвинительная власть. Буду ждать известий, как вы устроитесь на зиму.

Г. М. Кржижановский:

...Когда в период сибирской ссылки в одном из разговоров с Владимиром Ильичем я рассказал ему об определении здорового человека, данным известным в то время хирургом Бильротом, по которому здоровье выражается в яркой отчетливости эмоциональной деятельности, Владимир Ильич был чрезвычайно доволен этим определением.

— Вот именно так,— говорил он,— если здоровый человек хочет есть,— так уж хочет по-настоящему; хочет спать — так уж так, что не станет разбирать, придется ли ему спать на мягкой кровати или нет, и если возненавидит,— так уж тоже по-настоящему...

Я взглянул тогда на яркий румянец его щек и на блеск его темных глаз и подумал, что вот ты-то именно и есть прекрасный образец такого здорового человека.

Глава третья

ЖИТЬ и работать вместе

«Насчет нашей свадьбы...»

Одной дорогой

«Мы с Надей...»

«О нашей жизни...»

Нагрянули с обыском

Часы труда и отдыха

Среди детей

«Насчет нашей свадьбы...»

Запись воспоминаний Н. К. Крупской:

Приехав в Шушенское, где он должен был отбывать ссылку, Владимир Ильич написал Надежде Константиновне... большое письмо, в котором звал ее к себе, просил стать его женой. Надежда Константиновна рассказывала, что в ответном письме она написала: «Ну что ж, женой так женой».

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 10 декабря 1897 года:

Из Теси пишут.., что Зinnaиде Павловне* вышел приговор — 3 года северных губерний и что она перепрашивается в Минусинский округ. Так же намерена, кажется, поступить и Надежда Константиновна, приговор которой с точностью еще неизвестен: вероятно, что-нибудь в этом же роде.

8 января 1898 года Владимир Ильич послал телеграмму директору департамента полиции:

Имею честь просить разрешить моей невесте Надежде Крупской переезд в село Шушенское.

Административно-ссылный *Ульянов*

Из прошения Н. К. Крупской министру внутренних дел:

Выходя замуж за Владимира Ильича Ульянова, находящегося в Енисейской губернии, Минусинском округе, селе Шушенском, я обращаюсь к вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою назначить мне местом высылки, если таковая последует мне в виде наказания, местожительство моего жениха.

Избирая Сибирь местом ссылки, я прошу также о сокращении срока ее до 2-х лет ввиду того, что через 2 года кончается срок ссылки моего жениха, а также ввиду того, что со мною едет мать.

1898 года, января 9-го дня.

Надежда Крупская

С.-Петербург, Литейный пр., д. 35, кв. 18.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 24 января 1898 года:

Надежду Константиновну обнадеживают, что ей заменят 3 года Уфимской губернии 2-мя годами в

* *Невзоровой.*

Шуше, и я жду ее с Елизаветой Васильевной. Подготавливаю даже помещение — соседнюю комнату у тех же хозяев. Если летом еще гости приедут, то можно будет нам занять весь дом (хозяева уйдут в старую избушку на дворе), — а это было бы гораздо удобнее, чем обзаводиться здесь своим хозяйством.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 7 февраля 1898 года:

Получил я вчера, дорогая мамочка, письма твое и всех наших от 22—23. I и очень был рад им, и за все поздравления шлю благодарность. Я так и думал, конечно, что вы будете писать Надежде Константиновне и звать ее заехать к себе; надо надеяться, что это-то ей разрешат. Ну, а насчет перевода в Шу-шу до сих пор я еще ничего не знаю: она все пишет, только «на днях» решится, и дело все тянется. Впрочем, теперь-то уж, наверное, недолго ждать окончательного решения...

Анюта спрашивает — когда свадьба и даже кого «приглашаем»?! Какая быстрая! Сначала надо еще Надежде Константиновне приехать, затем на женитьбу надо разрешение начальства — мы ведь люди совсем бесправные. Вот тут и «приглашай»!

Из отношения петербургского градоначальника енисейскому губернатору:

По ходатайству Н. К. Крупской министерство внутренних дел признало возможным разрешить отбыть определенный ей срок гласного надзора полиции взамен Уфимской губернии в Минусинском округе Енисейской губернии, где водворен ее жених административно-ссылный Владимир Ульянов с предварением ее, что если она по прибытии в ссылку не вступит в брак с упомянутым Ульяновым, то будет переведена в Уфу.

С. М. Арканов:

Обыкновенный крестьянский дом, состоящий из двух комнат: передней избы с громадной русской печью и горницы. В избе печь, очевидно, не топится и никаких признаков хозяйственной утвари и принадлежностей кухни. В горнице, которая имеет окна на улицу и во двор, у одной стены кровать, стол и несколько стульев. Стены и простенки заняты полками с книгами. Влево от входа помещается конторка на 4 ножках с наклонною доскою. У конторки стоит молодой человек с пером в руке. Быть может, он переводит что-нибудь, так как рядом с книгою на конторке виднеется толстый лексикон. Владимиру Ильичу было в то время 28 лет, но он казался солиднее, так

как уже в то время голова его имела мало волос, особенно спереди. Мой фельдшер Д., знакомый, по его словам, с Владимиром Ильичем Лениным, представляет меня хозяину. Я, только что прибывший на участок и не знакомый с местными людьми и обстоятельствами, излагаю Владимиру Ильичу Ленину просьбу о том, не найдет ли он возможным заниматься с моим мальчиком 12 лет по предметам гимназического курса. Даже только бегло обозрев обстановку этого «политического», я был уже убежден в его отрицательном ответе и неуместности своего визита, хотя фельдшер уверял меня, что Ульянов нуждается и наверное возьмется за обучение моего сына... Я видел ученого с большой библиотекой, книги которой часто были даже в переплетах. Владимир Ильич Ленин терпеливо выслушал мою просьбу и тотчас же ответил отказом, хотя обещал передать мое предложение приезжающей к нему на днях невесте, Н. К. Крупской, которая, может быть, согласится заниматься с моим мальчиком.

*Из рапорта минусинского окружного исправника
енисейскому губернатору, 8 мая 1898 года:*

Во исполнение предписания... имею честь донести Вашему превосходительству, что вечером 6 мая прибыла в Минусинск административно-ссылная... Надежда Константиновна Крупская, за которой тотчас же и учрежден гласный надзор. Вчерашнего числа Крупская отправлена по назначению в с. Шушенское, причем тогда же поручено земскому заседателю 3-го участка Минусинского округа учредить за Крупской гласный надзор и иметь наблюдение за вступлением ее в брак с поднадзорным Ульяновым, о чем в свое время последует донесение.

Н. К. Крупская:

В село Шушенское, где жил Владимир Ильич, мы (Н. К. Крупская и ее мать Елизавета Васильевна) приехали в сумерки; Владимир Ильич был на охоте. Мы выгрузились, нас провели в избу. В Сибири — в Минусинском округе — крестьяне очень чисто живут, полы устланы пестрыми самоткаными дорожками, стены чисто выбелены и украшены пихтой. Комната Владимира Ильича была хоть невелика, но также чиста. Нам с мамой хозяева уступили остальную часть избы. В избу набились все хозяева и соседи и усердно нас разглядывали и расспрашивали. Наконец вернулся с охоты Владимир Ильич. Удивился, что в его комнате свет... Ильич быстро взбежал на крыльцо. Тут я ему навстречу из избы вышла. Долго мы проговорили в ту ночь.

Приехали ко мне наконец, дорогая мамочка, и гости. Приехали они седьмого мая вечером, и как раз ухитрился я именно в этот день уехать на охоту, так что они меня не застали дома. Я нашел, что Надежда Константиновна высмотрит неудовлетворительно — придется ей здесь заняться получше своим здоровьем. Про меня же Елизавета Васильевна сказала: «Эк Вас разнесло!» — отзыв, как видишь, такой, что лучше и не надо!..

Твое письмо и с ними и от 20.IV получил. Большое тебе спасибо за присланные вещи. Насчет имеющих прибыть книг Н. К. уже переговорила в Минусинске, и я надеюсь, что получу их скоро и без хлопот. Может быть, и сам привезу, ибо собираюсь съездить в «город».

Насчет пароходов. Н. К. довезли только до Соронки (верст 70 от Минусинска); в Красноярске они прождали неделю. Вода еще низка, и половодье будет приблизительно в конце мая — в начале июня. От Минусинска до Шуши 55 верст. Рейсы здешние пароходы совершают неправильно: расписания нет, но вообще раз установится навигация,— вероятно, будут ходить более или менее правильно и без экстраординарных проволочек. Очень и очень бы хотелось, чтобы тебе удалось сюда приехать...

Да, Анюта спрашивала меня, кого я приглашаю на свадьбу: приглашаю всех вас, только не знаю уж, не по телеграфу ли лучше послать приглашение!! Н. К., как ты знаешь, поставили трагикомическое условие: если не вступит *немедленно* (sic!) в брак, то назад в Уфу. Я вовсе не расположен допускать сие, и потому мы уже начинаем «хлопоты» (главным образом прошения о выдаче документов, без которых нельзя венчать), чтобы успеть обвенчаться до поста (*до петровок*): позволительно же все-таки надеяться, что строго начальство найдет это достаточно «немедленным» вступлением в брак?!

А. И. Ульянова-
Елизарова:

Мать наша собиралась съездить к Владимиру Ильичу на лето и в 1898 году, и он относился к ее поездке в этом году положительно... Но поездке этой не удалось совершиться, главным образом из-за тюремного заключения брата Дмитрия Ильича, тянувшегося почти год. До его освобождения, при полной неопределенности его судьбы, мать не хотела, конечно, ехать, а он был освобожден только 20 августа, когда в Сибири началась уже осень и ехать туда было, несомненно, уже поздно.

«Долго мы проговорили...»

С рисунка художника Н. Жукова

Н. К. Крупская — М. А. Ульяновой, 10 мая 1898 года:

...Добрались мы до Шушенского, и я исполняю свое обещание — написать, как выглядит Володя. По-моему, он ужасно поздоровел, и вид у него блестящий сравнительно с тем, какой был в Питере. Одна здешняя обитательница полька* говорит: «пан Ульянов всегда весел». Увлекается он страшно охотой, да и все тут вообще завязтые охотники...

Володя остался очень неудовлетворен моими рассказами о всех вас, нашел, что этого очень мало, а я рассказала все, что знала.

В. И. Ленин — С. М. Арканову, 10 мая 1898 года:

Спешу уведомить Вас, согласно данному обещанию, о результатах переговоров моих с тем лицом, которому Вы хотели дать одно поручение. Как я и ожидал, это лицо отказалось точно так же от него, и Вам придется, следовательно, обратиться к кому-либо другому¹³.

Готовый к услугам
Владимир Ульянов

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 7 июня 1898 года:

Насчет нашей свадьбы дело несколько затянулось. Прощение о высылке необходимых документов я подал почти месяц назад и в Минусе сам ходил справляться к исправнику о причинах волокиты. Оказалось (сибирские «порядки»!), что в Минусе нет *до сих пор* моего статейного списка, — хотя я уже второй год в ссылке!! (Статейным списком называется документ о ссылке; без этого документа исправник не знает обо мне ничего и не может выдать мне удостоверения.) Придется выписывать его из Красноярска из тюремного правления, — боюсь, что исправник и с этим промешкает. Во всяком случае раньше июля свадьба теперь состояться не может. Просил исправника пустить ко мне на свадьбу тесинцев, — он отказал категорически...

Н. К. Крупская — М. А. Ульяновой, 14 июня 1898 года:

Володя сидит и ведет обстоятельную беседу с мельником о каких-то домах да коровах, ну, а я села написать Вам немного. Не знаю уж, с чего и начать, один день похож на другой, внешних событий никаких...

* Т. Р. Проминская.

В Шуше очень даже хорошо летом. Мы каждый день ходим по вечерам гулять, мама-то далеко не ходит, ну а мы иногда и подальше куда-нибудь отправляемся. Вечером тут совсем в воздухе сырости нет и гулять отлично. Комаров хотя много, и мы пошили себе сетки, но комары почему-то специально едят Володю, а в общем жить дают. Гулять с нами ходит знаменитая «охотничья» собака, которая все время, как сумасшедшая, гоняет птиц, чем всегда возмущает Володю. Володя на охоту это время не ходит (охотник он все же не особенно страстный), птицы что ли на гнездах сидят, и даже охотничьи сапоги снесены на погреб. Вместо охоты Володя попробовал было заняться рыбной ловлей, ездил как-то за Енисей на ночь налимов удить, но после последней поездки, когда не удалось поймать ни одной рыбешки, что-то больше нет разговору о налимах. А за Енисеем чудо как хорошо! Мы как-то ездили туда с массой всякого рода приключений, так очень хорошо было. Жарко теперь. Купаться надо ходить довольно далеко. Теперь выработался проект купаться по утрам и для этого вставать в 6 часов утра.

*Из прошения Владимира Ильича
начальнику Енисейской губернии:*

7 мая сего 1898 года в село Шушенское приехала моя невеста административно-ссыльная Надежда Крупская. Первоначальным местом ссылки ей была назначена Уфимская губерния, но господин министр внутренних дел разрешил ей проживать в селе Шушенском под условием выхода замуж за меня.

Немедленно по приезде моей невесты, 10 мая 1898 года, я подал прошение г-ну Минусинскому окружному исправнику о высылке мне свидетельства на вступление в брак. Так как ответа на это прошение не было, то я в бытность мою в городе Минусинске, в 20 числах мая, лично явился к г-ну исправнику и повторил свою просьбу. Г-н исправник ответил мне, что не может выдать мне свидетельство, так как у него нет моего статейного списка и что по получении моего статейного списка просимое свидетельство будет выслано. Несмотря на это, свидетельство не получено мною и теперь, хотя со времени подачи прошения прошло более полутора месяца. Это непонятное промедление получает для меня особенное значение ввиду того, что моей невесте отказывают в выдаче пособия до тех пор, пока она не выйдет за меня замуж (таков именно ответ, полученный ею сегодня, 30 июня, на прошение о выдаче пособия). Таким образом получается

крайне странное противоречие: с одной стороны, высшая администрация разрешает по моему ходатайству перевод моей невесты в село Шушенское и ставит условием этого разрешения *немедленный* выход ее замуж; с другой стороны, я никак не могу добиться от местных властей выдачи мне документа, без которого вступление в брак не может состояться; и в результате всего виновной оказывается моя невеста, которая остается без всяких средств к существованию.

На основании изложенного имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать зависящее распоряжение:

- 1) о разыскании моего статейного списка или документа о личности, или наведении справки в надлежащем присутственном месте;
- 2) о высылке мне требуемого законом свидетельств или документа на вступление в брак.

Административно-ссылный по политическому делу,
помощник присяжного поверенного

Владимир Ульянов

Село Шушенское,
30 июня 1898 года.

*Из телеграммы енисейского губернатора
минусинскому окружному исправнику,
6 июля 1898 года:*

Немедленно выдайте поднадзорному Ульянову свидетельство для совершения венчания с поднадзорной Крупской.

Н. К. Крупская: Когда я жила в Шушенском, месяца через два пришла официальная бумажка с предложением повенчаться или ехать в Уфу. Мы посмеялись и повенчались. Были мы мужем и женой и хотели жить и работать вместе.

*Из рапорта минусинского окружного исправника
енисейскому губернатору:*

Вследствие предписания от 12 мая с. г. за № 788 имею честь донести, что 10 июля состоящий в с. Шушенском под гласным надзором полиции административно-ссылный Владимир Ильич Ульянов повенчан с таковою же ссылкой Надеждой Константиновной Крупской.

Одной дорогой

Г. М. Кржижановский:

...Уже в то время Владимир Ильич, еще совершенно молодой человек, был человеком исключительно обаятельным. Выбор его, однако, остановился только на Надежде Константиновне. И этот выбор был безошибочен. Трудно было бы найти более верного друга. Трудно было бы найти друга, который давал бы такой минимум осложнений в жизни и такой максимум крепкой поддержки.

Н. К. Крупская:

В ссылке я вышла замуж за Владимира Ильича. С тех пор моя жизнь шла следом за его жизнью, я помогала ему в работе чем и как могла.

З. П. Невзорова-Кржижановская:

Надежда Константиновна была прекрасным товарищем Владимира Ильича. Вместе они читали, вместе работали, ...вместе гуляли и строили планы о жизни и работе после ссылки. Надежда Константиновна, как всегда, отличалась большой и упорной работоспособностью и очень помогала Владимиру Ильичу в его занятиях.

Запись воспоминаний Н. К. Крупской:

Надежда Константиновна рассказывала, что, когда они стали жить вместе с Владимиром Ильичем, у них был уговор: никогда ни о чем друг друга не спрашивать — без величайшего доверия они не мыслили себе совместной жизни. И еще об одном договорились они: никогда не скрывать, если их отношения друг к другу изменятся. Этот уговор они соблюдали все двадцать пять лет совместной жизни.

Запись воспоминаний Г. М. Кржижановского:

...В молодости она (*Н. К. Крупская*) необыкновенно была хороша, что-то во внешности ее было приковывающее, одухотворенное что-то. И русское очень. Коса ниже пояса: бывало, ахали в Шушенском...

А. С. Середкина:

Надежду Константиновну вспоминаю молодой женщиной, тоненькой, с красивой длинной русой косой, с ясными ласковыми глазами, такой приветливой и скромной; всегда при встрече с нами улыбалась, и улыбка у нее была хорошая.

Н. К. Крупская: Мы ведь молодожены были,— и скрашивало это ссылку. То, что я не пишу об этом в воспоминаниях, вовсе не значит, что не было в нашей жизни ни поэзии, ни молодой страсти. Мещанства мы терпеть не могли, мама также, и обывательщины не было в нашей жизни. Мы встретились с Ильичем уже как сложившиеся революционные марксисты,— и это наложило печать на нашу совместную жизнь и работу.

З. П. Невзорова-Кржижановская: Надежда Константиновна жила с Владимиром Ильичем очень дружно, и приятно было посмотреть на них — как эти жизни были спаяны, и работой, и душой, и борьбой.

Запись воспоминаний Н. К. Крупской:

Надежда Константиновна и Владимир Ильич всегда, с самых молодых лет, презрительно относились к буржуазному быту, ненавидели мещанство, сплетни, обывательщину. Они считали, что не может быть семейной жизни вне общественных интересов. Жизнь, пропитанная неискренностью, приспособленчеством, была им отвратительна.

Из письма Н. К. Крупской:

В свое время Владимир Ильич много читал Писарева. Писарев имел на него несомненное влияние. Он об этом как-то говорил. Когда я ехала в Шушенское, это было ранней весной, реки еще не разошлись, и мне пришлось недели две прожить в Красноярске. Я жила тогда у каких-то фельдшерниц и усердно читала Писарева, лежавшего у них на столе. Раньше я о Писареве только слыхала, а тут впервые стала читать его с увлечением.

Когда я приехала в Шушенское и рассказывала как-то Ильичу про фельдшерниц, у которых жила, про их кружок, про то, что я только теперь прочла Писарева,— он рассказывал мне про кружок самарских фельдшерниц и про Марию Ивановну Лебедеву (*ученицу фельдшерской школы в Самаре*). Писарев в соединении с Чернышевским и Марксом создавал особый тип радикализма, которого никогда не знала Европа... Это была не старая показная нигилистичина, показная и крикливая. Но это был глубокий внутренний разрыв со всем помещичье-буржуазным укладом, попытка создать новые, не связанные никакими условностями человеческие отношения.

**«Надежда Константиновна была прекрасным товарищем
Владимира Ильича...»**

С рисунка художника Н. Жукова

Н. К. Крупская: Никогда не было у Ильича ни семейной, ни кружковой замкнутости, столь характерной для старых времен. Он никогда не отделял личное от общественно-го. Это у него сливалось в одно целое. Никогда не мог бы он полюбить женщину, с которой бы он расходился во взглядах, которая не была бы товарищем по работе.

З. П. Невзорова-Кржижановская: Надежда Константиновна была близким товарищем и другом величайшего из гениев человечества, и это, конечно, не могло не оказать на нее своего благотворнейшего воздействия. Вдумчивый борец-коммунист, деловитый и понятливый организатор, исключительно работоспособный и всегда крепкий духом помощник великого Ленина — вот характерные черты Надежды Константиновны. Богатая внутренняя жизнь, высокая культура ее интеллекта, вдумчивая наблюдательность и природная одаренность позволили ей идти одной дорогой с гением и не обезличиваться, оставаться самой собою.

Н. К. Крупская — М. А. Ульяновой, 14 октября 1898 года:

Анюта как-то спрашивала меня, что я делаю. Возьму с одной популярной книжкой («Женщина-работница»), хотелось бы ее написать, да не знаю еще, что выйдет. Это, так сказать, мое главное занятие, а потом так кое-что делаю, что придется: английским языком занимаюсь, читаю, письма пишу, в Володну работу суюсь, гулять хожу, пуговицы пришиваю...

Н. К. Крупская: Когда я писала в ссылке свою первую брошюру «Женщина-работница», Владимир Ильич давал всяческие советы... Давая мне советы, Владимир Ильич и со мной говорил, как с другими начинающими авторами:

— Не кажется ли тебе, что это место лучше было бы сказать так?

Узнав, что я пишу по какому-нибудь вопросу, Владимир Ильич часто находил для меня какой-нибудь интересный материал — вырезку из иностранной газеты, статистическую таблицу и прочее.

«Мы с Надей...»

Н. К. Крупская: Так как у Зыряновых мужики часто напивались пьяными, да семейным образом жить там было во многих отношениях неудобно, мы перебрались вскоре

(10 июля 1898 года) на другую квартиру — полдома с огородом наняли за четыре рубля. Зажили семейно. Летом никого нельзя было найти в помощь по хозяйству. И мы с мамой вдвоем воевали с русской печкой. Вначале случилось, что я опрокидывала ухватом суп с клецками, которые рассыпались по исподу. Потом привыкла.

О. Б. Лепешинская:

Ульяновы жили в Шушенском, занимая в одноэтажном домике (*крестьянки П. А. Петровой*) три комнаты. Первая служила столовой и приемной. В углу стоял столик Надежды Константиновны, а напротив — другой стол, с книгами и газетами. Между столовой и спальней была маленькая комнатка — кабинет Владимира Ильича.

Г. М. Кржижановский:

Владимир Ильич во всем любил порядок и чистоту. Комната его была опрятно убрана. Все вещи лежали на своих местах. Одежда его тоже была аккуратна, никогда, даже в домашней обстановке, он не ходил одетым небрежно.

Запись воспоминаний Н. К. Крупской:

...Владимир Ильич носил русские косоворотки, которые очень любил, а поверх — серый пиджак... Надежде Константиновне запомнилась голубая в мелкую белую полоску. Работал Владимир Ильич чаще всего стоя возле сделанной по его заказу в Шушенском торторки, на которой помещалась лампа...

Обстановка комнаты была очень скромна: несколько деревянных стульев, стол, книжная полка и две деревянных кровати. Мягкой мебели Ленин не любил. Обедали у матери Надежды Константиновны, которая занимала соседнюю комнату.

А. С. Середкина:

Вещей у них (*Ульяновых*) было мало, зато очень много книг... Как сейчас помню Владимира Ильича, молодой он еще был, ходил очень быстро... Владимир Ильич редко к нам заходил, все был занят работой, а если встретимся во дворе, то обязательно поздороваюсь, поговорит о хозяйстве, о делах наших расспросит. Очень много они работали. Всегда можно было видеть Владимира Ильича и Надежду Константиновну у окна, все время они читали или писали днем и ночью. Жили они просто и скромно. Мы дали им свою простую деревянную мебель, кухонную посуду, устроили деревянные кровати, матрацы свои они сами набили соломой.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Вместе с Надеждой Константиновной переводил Владимир Ильич, в целях заработка, книгу супругов Вебб о тред-юнионизме, с английского.

Н. К. Крупская:

Когда я приехала в Шушенское, я привезла с собой Нурока, по которому училась в тюрьме. Ильич знал английский язык лучше меня, я об английском произношении не имела ни малейшего представления, произносила на французский лад. Владимир Ильич слышал, как учительница английского языка учила его сестру Ольгу читать вслух по-английски. Впрочем, Ильич по части произношения тоже был не очень тверд. Я училась произносить по его указаниям...

...С утра мы брались с Владимиром Ильичем за перевод Вебба, который достал мне Струве. После обеда часа два переписывали в две руки «Развитие капитализма». Потом другая всякая работешка была... Поработав, закатывались на прогулки. Владимир Ильич был страстным охотником, завел себе штаны из чертовой кожи и в какие только болота не залезал. Ну, дичи там было! Я приехала весной, удивлялась.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 14 июня 1898 года:

Теперь установилась совсем летняя погода. Жары стоят сугубые; Е. В. особенно трудно их переносит. Мы с Надей начали купаться и наладились на летний режим...

Я вполне здоров. (Надя и Е. В. тоже.) Кончаю перевод *, а затем возьмусь опять за свою работу **.

В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой, 15 июля 1898 года:

Webb'a переписываем набело вдвоем с Надей. К 1/2 августа должны, по условию, сдать на почту. Надоела мне эта переписка (около 1000 писчих страниц на обоих нас) порядком. Но перевод был интересный, ибо книга весьма и весьма дельная.

Н. К. Крупская — А. И. Ульяновой-Елизаровой, 9 августа 1898 года:

...На днях... Вебб придет к благополучному окончанию. Осталось только считать меньше половины. В конце концов перевод вышел, кажется, хорош...

Володя время от времени поглядывает на философию с нежностью и мечтает о том времени, когда он в нее погрузится...

* первого тома книги С. и Б. Веббов.

** над книгой «Развитие капитализма в России».

У нас все по-старому. Новостей никаких. Володя все время усиленно занимался да время от времени ходил на дупелей. Сегодня было собирались схать куда-то за дупелями, да вот уж несколько дней ветер воеет немилосердно, и днем и ночью, дождя нет, а бушует чего-то...

...Володя собирается денька на два съездить в тайгу, посмотреть, что за тайга такая, посбирать ягод, шишек, поохотиться за таежными рябчиками. Разговоры о тайге идут часто, эти разговоры много интереснее разговоров об утках.

Вот, кажется, и все, что можно сообщить нового о нашей жизни.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 16 августа 1898 года:

Сегодня посылаю в СПб. перевод Вебба. Я написал, чтобы гонорар выслали вам: если ёсгиваи^н не знает вашего адреса, то сообщите ему для этого.

О сборнике моих статей* могла бы быть уже весть, но нет, и мы с Надей подумываем о фиаско...

Н. К. Крупская — М. А. Ульяновой, 26 августа 1898 года:

На нас последние дни было сделано «нашествие иноплеменников», частью из Минусы, частью из окрестностей, публика самая разнохарактерная. В нашей мирной жизни это произвело целую сумятицу, и мы к концу несколько очумели. Особенно доняли нас разные «хозяйственные» разговоры о лошадях, коровах, свиньях и т. д. Тут все увлекаются хозяйством, даже и мы было завели пол-лошади (один из здешних обывателей взял из волости под расписку лошадь, мы хотели покупать ей корм и за это могли бы пользоваться лошадью сколько угодно), но наши пол-лошади оказались таким изъезженным конем, который 3 версты везет 1½ часа, пришлось отдать его обратно, и это наше хозяйственное предприятие потерпело фиаско. Зато усердно собираем грибы, рыжиков и груздей у нас куча. Володя сначала заявил, что не любит и не умеет грибов собирать, а теперь его из лесу не вытащишь, приходит в настоящий «грибной раж»... Не думаю, чтобы наш «помещичий дом» был очень холоден, тут раньше писарь жил, так говорит — ничего, тепло. Во всяком случае мы примем все предосторожности: заказали войлоки, замажем тщательно окна, сделаем кругом дома завалинку и т. д. У нас в каждой комнате печь, так что, надо думать, очень холодно-то не будет.

* «Экономические этюды и статьи».

Н. К. Крупская — М. И. Ульяновой, 11 сентября 1898 года:

..Володя укатил в Красноярск, и без него стало как-то пусто, «режим» изменился...

У нас стоит чудная осень, только утренники холодные, а ночью мороз. Потому Володя взял с собой все теплое: теплую шапку, шубу, рукавицы, теплые носки. Он давно уже подавал прошение, зубы у него совсем прошли, а тут разрешение пришло на недельку отправиться в Красноярск. Сначала Володя было думал не ехать, но потом соблазнился. Я очень рада, что он проедется, освежится немного, людей посмотрит, а то засиделся он в Шуше совсем. Он тоже был очень рад этой поездке... Ночью ему плохо спалось, а утром я его разбудила, когда уже ямщик приехал, так он какую-то победную песню запел на радостях. Не знаю, останется ли доволен поездкой. Конечно, не мог не захватить с собой уймы книг: 5 толстых-претолстых книжиц взял да еще в Красноярской библиотеке выписки собирался делать. Надеюсь, книги останутся непрочитанными. В Красноярске Володе вменяется в обязанность купить себе 2 шапки, полотна себе на рубахи, общий тулуп, коньки и т. д. Заказывала я было купить на кофточку дочери Проминского, но так как Володя отправился к маме спрашивать, сколько «фунтов» надо купить на кофточку, то и был освобожден от сей тяжелой обязанности. Получила из Минусы от Володи коротенькую записочку, в которой он хотя и ругается, что парохода ждоть надо, но из которой я тем не менее заключила, что начало путешествия удачно...

Недавно как-то получила письмо от жены писателя (*Нины Александровны Струве*), пишет, что корректуру Володиной книжки (*«Экономические этюды и статьи»*) держит она, уже 7-й лист тогда был. Она побаивалась, что в книжке не выйдет 10 листов — новый закон вышел о числе букв в листе,— тогда Карышева* можно бы присунуть, оно бы и хорошо было, только тогда книжка задержится. Мы ее поджидаем со дня на день.

Н. К. Крупская — М. А. Ульяновой, 27 сентября 1898 года:

Володя приехал из Красноярска третьего дня поздно вечером... Повидал он в Красноярске публику, поговорил о всякой всячине, сыграл партий 10 в шахматы...

Оказалось, что у Володи болел совсем не тот зуб,

* *Статья В. И. Ленина «К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике. Новые статистические подвиги проф. Карышева».*

который он рвал, а другой, который ему и вырвал в Красноярске дантист. Обратная дорога смертельно надоела Володе, хотя он набрал некоторую дозу книг, кроме той уймы, что взял из дому. В Минусе не захотел останавливаться и даже не занес исправнику проходного свидетельства. Купил в Красноярске тулуп. Тулуп предназначается собственно мне, но, в сущности, он «семейный», предназначается для поездок и дальних выходов. Тулуп стоит 20 рублей и такой мягкий, мягкий, что как залезешь в него, так и вылезать не хочется. Вообще купил все, что следовало...

Наконец мы наняли прислугу, девочку лет 15, за 2½ рубля в месяц + сапоги, придет во вторник, следовательно, нашему самостоятельному хозяйству конец.

*П. А. Мезина-
Яценко:*

Около двух лет прожила я в семье Ульяновых... Нравилось мне у них жить. Прежде чем дать мне какую-нибудь работу, меня всегда спрашивали, могу ли я это делать, и если я отвечала «нет», — меня учили, как это делать. Работа была у них не тяжелая. Скота они не держали, стирку отдавали на сторону. Моя обязанность заключалась в том, чтобы помочь Надежде Константиновне приготовить обед, подать на стол, убрать со стола, подмести, сходить куда-нибудь — и все...

Хлеб Ульяновым пекла хозяйка Петрова, а если что нужно было лучше испечь, то Надежда Константиновна сама стряпала, помогала ей Елизавета Васильевна. Иногда они пользовались поварской книгой. Помню я один случай: предложила я им по-сибирски печенюшки испечь, они согласились. Вот я и начала учить Надежду Константиновну по-нашему, по-сибирски, крутить из теста разные фигуры, только у нее сразу не получалось. Первые печенюшки, когда испеклись, то отличались от моих, но Владимир Ильич замечал ее успехи. Возьмет одну печенюшку, ходит с ней по комнате и приговаривает: «это Надя делала», все похваливает. Понравились они ему, часто мы потом их стряпали.

По ночам они долго сидели, работали, все читают да пишут... Я как-то спрашиваю у Надежды Константиновны: «Что вы так много пишете?» Она мне ответила: «Сочиняем книги», и спросила меня, грамотная ли я и хочу ли учиться грамоте. Я сказала, что неграмотная и учиться хочу. Тогда она дала мне азбуку, тетрадь, карандаш и начала со мной заниматься. В ученье я оказалась способная и быстро научилась читать и писать. Вела дневник, где каждый день записывала, что делала. Надежда Константиновна давала

мне интересные книги читать, потом спрашивала, что в них написано,— я ей рассказывала. До сих пор помню про одну книжку, в ней было написано про узника, который содержался в темнице в самых тяжелых условиях. Читая эту книжку, я расплакалась, а Надежда Константиновна увидела мои слезы и говорит:

— Хорошо, Паша, читаешь, с пониманием, так и надо читать книгу.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 11 октября 1898 года:

Меня крайне удивляет упорное молчание Питера: перевод Webb'a послан 15-го августа *, и до сих пор нет даже извещения о получке (послан, разумеется, заказным, на имя склада для передачи П. Б.). О сборнике тоже поразительное молчание: от 7-го августа было последнее письмо, что корректура стоит на 7-ом листе: значит, более половины было готово. Неужели могла выйти задержка более чем на месяц? Вероятно, фиаско, а в этом случае я рассчитывал, что мне-то пришлют все равно книгу (заказной бандеролью — в этом нет ровно ничего неудобного). Недоумеваю, но более склоняемся мы с Надей к мысли о фиаско. Печально это было бы в высшей степени.

Н. К. Крупская — М. А. Ульяновой, 14 октября 1898 года:

У нас уже зима, наша Шушенка замерзла, и снег уже был, но сошел... Ужасно странно, что до сих пор нет ни звука от ёсгиваи'а о книжке, думаем — ухнула. Вообще последнее время почта — самая жалкая. Вчера посмеялись мы порядком. Кроме газет, ничего не было, и мама стала обвинять почтальона в том, что он по злобе скрывает письма, а нас в том, что мало даем ему на чай, наших знакомых — в черном эгоизме и опять нас в том, что мы почтальону вот жалеем денег, а так зря тратим...

*Н. К. Крупская — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
22 ноября 1898 года:*

Самым крупным событием в нашей жизни за последнее время было, конечно, прибытие «этюдов и статей». Ждали мы их ждали, потом поставили крест, и Володя накануне почты пессимистически замечал: что особенного может принести почта? Наконец в одно серенькое утро (10 ноября 1898 года) видим — лезет через забор мальчишка из волости с каким-то громад-

* Перевод был послан 16 августа 1898 года.

ным тюком: оказались бесконечные «этюды», завернутые в волостной тулуп... Настроение быстро изменилось.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 12 декабря 1898 года:

Подали мы с Надей прошение о поездке в Минусинск на праздники на 1 неделю. Письма будем все равно получать, так что адреса изменять не надо.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 3 января 1899 года:

Вчера вернулись мы с Надей из Минусы, дорогая мамочка, где провели неделю у Глеба и Базиля очень весело и встретили Новый год среди товарищей. Тостов при встрече Нового года была масса, и особенно горячо встречен был тост одного товарища «за Эльвиру Эрнестовну и за отсутствующих матерей».

Сегодняшний день еще не можем наладиться на будничныи лад, а с завтра надо опять за работу.

М. А. Ульянова — М. И. Ульяновой:

Послала в Шушу Володе шахматы, а Наде сладкого 17-го декабря, рассчитывая, что получат это на праздниках и уже непременно к Новому году, а получили они только через месяц, около 17 января.

Н. К. Крупская — М. А. Ульяновой, 17 января 1899 года:

...Большое спасибо за посылку, только это уж чрезмерное баловство. Вообще-то говоря, я сладкогрызка порядочная... Впрочем, теперь я и Володю перевожу в свою веру, хронически питаю его сладким каждое послеобеда и послеужина, каждый раз он заявляет, что это «возмутительно», но все же ест, и с удовольствием. ...Часть сластей собираемся оставить до масленой, когда к нам гости приедут, и у нас будет пир на весь мир.

«О нашей жизни...»

Н. К. Крупская — А. И. Ульяновой-Елизаровой, 22 ноября 1898 года:

Кроме «рынков»* еще занятие — каток. Около нашего дома на речке по инициативе Володи и Оскара сооружен каток, помогали учитель (*В. П. Стародубцев*) и еще кое-кто из обывателей. Володя катается

* Имеется в виду работа над книгой «Развитие капитализма в России».

отлично и даже закладывает руки в карманы своей серой куртки, как самый заправский спортсмен... я вовсе кататься не умею; для меня соорудили кресло, около которого я и стараюсь (впрочем, я только 2 раза каталась и делаю уже некоторые успехи), учитель ждет еще коньков. Для местной публики мы представляем даровое зрелище: дивятся на Володю, потешаются надо мной и Оскаром и немилосердно грызут орехи и кидают шелуху на наш знаменитый каток. Дженни очень неодобрительно относится к катку, она предпочитала бы носиться по поскотине, совать морду в снег и приносить Володе всякие редкости вроде старых лошадиных подков... Володей мама недовольна: он недавно самым добросовестным образом принял тертку за гуся, ел и хвалил: хороший гусь, не жирный. Да, еще есть развлечение. На рождество мы собираемся в город, и Володя к тому времени шахматы приготавливает, собирается сразиться не на живот, а на смерть с Лепешинским. Шахматы Володя режет из коры, обыкновенно по вечерам, когда уже окончательно «упишется». Иногда меня призывает на совет: какую голову соорудить королю или талию какую сделать королеве. У меня о шахматах представление самое слабое, лошадь путаю со слоном, но советы даю храбро, и шахматы выходят удивительные.

Н. К. Крупская: Поздней осенью, пока не выпал еще снег, но уже замерзли реки, далеко ходили по протоке — каждый камешек, каждая рыбешка видны подо льдом, точно волшебное царство какое-то. А зимой, когда замерзает ртуть в градусниках и реки промерзают до дна, вода идет сверх льда и быстро покрывается ледком, можно было катить на коньках версты по две по гнушейся под ногами наледи. Все это страшно любил Владимир Ильич.

*Н. К. Крупская и В. И. Ленин — М. А. Ульяновой,
20 декабря 1898 года:*

Володя ушел сегодня неожиданно на охоту, и поэтому пишу я. Это время морозы у нас доходили до 20°, а сегодня тепло, 2½°, вот Володя и соблазнился охотой, тем более, что по теории шушенских охотников теперь самая лучшая охота на тетеревей: в мороз они ничего не ели, а теперь так усиленно питаются, что и охотника не видят. Володя пошел с чужим ружьем, так как свое он сломал: ствол оказался чугунным и сломался от простого падения на лед. Отправили мы ружье в Минусу, но тамошние мастера отказались его чинить. Надо, значит, будет покупать новое. Говорят,

в Минусе продается какая-то очень хорошая двустволка, Володя помышляет ее приобрести. Теперь мы заняты приготовлением к поездке в Минусу. Впрочем, все приготовления состоят в том, что Володя привесил к стене бумажку, на которой и записывается все, что надо купить в городе... Мы поедem в сочельник, а вернемся 1-го или 2-го числа, так что следующее письмо от Володи будет, верно, уже из Минусы. Не знаю, писал ли Володя, что на праздники в Минусу собираются и Курнатовский и Лепешинские, собираются кататься на коньках, играть в шахматы, петь, спорить и т. д...

После окончания «рынков» существует план застесать основательно за языки вообще, а за немецкий в особенности. Володя выписывает из склада русско-немецкий словарь Павловского, а Анюту просит раздобыть Тургенева на немецком языке и какую-нибудь хо-рошую грамматику...

Пришел Володя и бунтуется, чего я не иду на каток и сижу дома. Поэтому кончаю письмо. «С Новым годом!» Крепко целую Вас и Анюту, Дмитрию Ильичу и Марку Тимофеевичу кланяюсь. Мама всем очень кланяется. Пока писать совсем нечего, вот разве после Минусы. Еще раз крепко целую.

Ваша *Надя*

Присоединяю и свое поздравление с Новым годом.

Насчет немецкого перевода Тургенева я бы думал, лучше всего справиться, напр., у Вольфа и взять кстати каталог изданий хоть Реклама. Чтo именно из Тургеневских сочинений, нам безразлично, — только перевод желательнo из хороших. Немецкая грамматика желательна возможно более полная, — особенно синтаксис. Если бы и на немецком языке, это бы даже лучше, пожалуй. Не завязать ли вообще дела с Вольфом по выписке книг и по справкам?..

Всего лучшего. *В. У.*

В. И. Ленин — М. И. Ульяновой, 24 января 1899 года:

Я теперь занят спешной работой: немного осталось, чтобы кончить свою книгу*, а затем придется, вероятно, за журнальную работу взяться. Поэтому и пишу пока немного, тем более, что Надя говорит, что пишет подробнее о нашей жизни.

Н. К. Крупская — М. И. Ульяновой, 24 января 1899 года:

В Шуше у нас народу мало, так приятно было очень на людях побыть. Теперь мы уже знаем весь

* «Развитие капитализма в России».

округ... После Минусы засели за обычные занятия, Володя принялся за «Рынки»... С последней почтой я получила письмо от жены ёсгиваи'а. Письмо полно ликования. Разрешили новый журнал «Начало», разрешили совершенно неожиданно, возня и суета у них идет там теперь страшная. Читая письмо, так и чувствуешь, как там жизнь кипит. Пишет, между прочим, что перевод Вебба очень хорош и уже скоро выйдет. Приятно. У нас стоит чудная ровная зима, о страшных сибирских морозах пока и помину нет, солнце светит повесеннему, и мы уже толкуем о том, что и не заметили, как зима прошла (хотя она вовсе еще не прошла).

В. И. Ленин — Д. И. Ульянову, 26 января 1899 года:

На коньках я катаюсь с превеликим усердием. Глеб показал мне в Минусе разные штуки (он хорошо катается), и я учусь им так ретиво, что однажды зашиб руку и не мог дня два писать. Старое умение все же не забывается. А мощнон этот куда лучше зимней охоты, когда вязнешь, бывало, выше колен в снегу, портишь ружье и... дичь-то видишь редко!

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 7 февраля 1899 года:

Должно быть, Анюта не получила того моего письма (очень уже давно писанного), где я просил прислать 1) какой-нибудь сносный немецкий перевод Тургенева и 2) подробную немецкую грамматику (хоть на немецком языке для немцев, ибо для русских обыкновенно чересчур кратки грамматики). Я хочу основательно взяться за немецкий. Теперь еще попрошу прислать мне русско-немецкий словарь, один из тех, что у нас есть, или Ленстрема или лучше Рейфа с русского на 3 европейских языка. Я выписал было от Калмыковой русско-немецкий словарь Павловского, но оказалось, что он только еще выходит выпусками и вышло лишь около $\frac{1}{2}$.

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
13 февраля 1899 года:*

Меня удивляет, что О. Попова долго не рассчитывается за Webb'a. Надя говорила, что условие было платить во всяком случае, даже при неразрешении книги цензурой. У нас финансы пришли опять к концу. Пошлите, пожалуйста, 200 р. на имя Е. В. Если нет все еще ничего от О. Поповой и не предстоит через 1—2 недели, то я попросил бы уже занять, ибо нам иначе не извернуться.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 17 марта 1899 года:

Получил вчера твое письмо от 28.11, дорогая мамочка. Большое merci за твою карточку. По-моему, вышла она довольно хорошо, и я тем более был рад ей, что имеющаяся у меня карточка довольно уже старая. Очень бы это хорошо было, если бы тебе удалось навестить нас в Шуше,—летом путешествие сравнительно удобное: по железной дороге до Красноярска и на пароходе до Минусы (в начале мая пароходы обыкновенно не доходят еще до Минусы, но летом доходят иногда даже — хотя редко — и до Шуши). Для летнего пребывания Шуша — ничего себе.

Н. К. Крупская:

После зимних морозов буйно пробуждалась весной природа. Сильна становилась власть ее. Закат. На громадной весенней луже в поле плавают дикие лебеди. Или — стоишь на опушке леса, бурлит речонка, токуют тетерева. Владимир Ильич идет в лес, просит подержать Женьку. Держишь ее, Женька дрожит от волнения, и чувствуешь, как тебя захватывает это бурное пробуждение природы.

Н. К. Крупская — М. А. Ульяновой, 4 апреля 1899 года:

Все у нас по-старому, все здоровы, на дворе теплынь — до 17° доходит, в поле местами совсем сухо, и мы гуляем подолгу, видели двух диких гусей и селезня. Володя купил себе новые сапоги для охоты чуть не по поясу, читает в садике, ходит в летнем пальто...

Вы спрашиваете, велика ли наша квартира. Квартира большая, и если Вы приедете — чего бы очень и очень хотелось,—то поместимся все отлично. Помнится, я как-то посылала Вам план квартиры, впрочем, не помню, может, только собиралась. Квартира состоит из 3-х комнат, одна в 4 окна, одна — в 3 и одна — в 1. Правда, в квартире есть крупное неудобство: все комнаты проходные, но когда все свои, то это не такая уж помеха. Мы с Володей думаем отдать Вам ту комнату, в которой живем теперь (в 3 окна), а сами перебраться в среднюю, наша теперешняя комната имеет ту выгоду, что непроходная.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 11 апреля 1899 года:

Во вторник получил я Митину посылку, дорогая мамочка. Большое merci за хлопоты. Ружьем я доволен (пока погода стоит дурная: обычные в этой местности весенние шквалы — сильнейшие ветры из-за Енисея, так что охоты почти не было).

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
1 мая 1899 года:*

Редакцию перевода Webb'a я согласен взять. Редактировать буду, сообразуясь с своим переводом I тома. Раз мне сдана редакция,— нечего ждать, и I том должен поступать сразу в печать, не так ли? Или это еще опять будет зависеть от «сборов» П. Б.??

Только для редакции *необходим* 1) *английский оригинал II том* (у меня есть только первый том) и 2) *немецкий перевод II том* (К. Гуго, у меня есть лишь I-ый том. Вышел в свет и 2-ой). Если эти книги еще не посланы, то, пожалуйста, напиши поскорее, чтобы послали немедленно. Не вышло бы и из-за этого задержки? Нельзя ли поручить кому взять от них эти книги и послать?

Нагрянули с обыском

Н. К. Крупская: Перехватили у кого-то (у И. М. Зобнина, по дороге из Верхолenska, где он отбывал ссылку, отправившего заказное письмо) квитанцию письма Ляховского к Владимиру Ильичу.

На запрос помощника начальника Тобольского губернского жандармского управления помощник начальника Енисейского губернского жандармского управления в Минусинском и Ачинском уездах сообщал:

Уведомляю ваше высокоблагородие, что Владимир Ильич Ульянов, по званию моему помощник присяжного поверенного, сын чиновника, уроженец города Симбирска, по высочайшему повелению, последовавшему 29 января 1897 года, за принадлежность к образовавшемуся в 1894 году в С.-Петербурге социал-демократическому сообществу, имевшему целью противоправительственную пропаганду среди рабочих, выслан в Восточную Сибирь административным порядком на три года, срок конх истекает 29 января 1900 года. Ульянов женат на Надежде Константиновне, урожденной Крупской, состоящей тоже под гласным надзором полиции, и вместе с семейством водворен на жительство в селе Шушенском Минусинского уезда. За время нахождения Ульянова в Минусинском уезде ничего предосудительного в политическом отношении не замечено.

Н. К. Крупская: ...Жандармы придрались к случаю, чтобы учинить обыск.

*Из отношения начальника Енисейского
губернского жандармского управления помощнику
начальника управления в Минусинском и Ачинском уездах,
24 марта 1899 года:*

...Сообщаю вашему высокоблагородию, что вам следует произвести обыск у Ульянова в порядке 1035 ст., и не в очередной объезд, а по прибытии товарища прокурора в г. Минусинск, о командировании которого я уведомил сего числа за № 329 прокурора Красноярского окружного суда и кто будет.

Н. К. Крупская: Обыск произведен был в мае 1899 года. Письмо (*Я. М. Ляховского*) они нашли, оно оказалось очень невинным, пересмотрели переписку — и тоже ничего интересного не нашли. По старой питерской привычке нелегальщину и нелегальную переписку мы держали особо. Правда, она лежала на нижней полке шкафа. Владимир Ильич подсунул жандармам стул, чтобы они начали обыск с верхних полок, где стояли разные статистические сборники — и они так умаялись, что нижнюю полку и смотреть не стали, удовлетворившись моим заявлением, что там лишь моя педагогическая библиотека. Обыск сошел благополучно, но боязно было, чтобы не воспользовались предлогом и не накиннули еще несколько лет ссылки.

*Из постановления помощника начальника
Енисейского губернского жандармского управления:*

1899 года, мая 2 дня, в селе Шушенском, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Николаев, рассмотрев письмо, отобранное мною сего числа при обыске у административно-ссыльного Владимира Ульянова, и принимая во внимание, что таковое ничего предосудительного в политическом отношении в себе не содержит, а также и то, что при производстве сказанного обыска ничего преступного не обнаружено, по соглашению с товарищем прокурора Красноярского окружного суда г. Никитиным, постановил: Владимира Ульянова по поводу отобранного у него письма допросить в качестве свидетеля.

На протоколе обыска расписка:

Протокол обыска читал и ничего добавить не имею.
Владимир Ульянов

*Из протокола допроса В. И. Ульянова
2 мая 1899 года:*

Зовут меня Владимир Ильич Ульянов. От роду имею 29 лет. Звание мое — помощник присяжного поверенного. Постоянно живу в селе Шушенском. На предложенные вопросы объясняю, что взятое у меня письмо со штемпелем в г. Иркутске 20 ноября 1898 года написано ко мне административным ссыльным по политическому делу Яковом Максимовичем Ляховским, который сослан был из Петербурга одновременно со мной и проживает в городе Верхоленске. Ближайшим предметом переписки служила смерть товарища, Николая Евграфовича Федосеева. Ляховский писал мне о подробностях события и о постановке памятника на могиле покойного. Письмо это передано мне почтарем Шушенской волости, насколько помню, в первых числах декабря прошлого 1898 года. Что касается до Ивана Зобнина, то эту фамилию я слышу в первый раз. Больше ничего по данному делу показать не имею.

Владимир Ульянов

*Полицейское изложение отобранного у В. И. Ленина
при обыске письма Я. М. Ляховского:*

...Из него явствует, что Ульянов высылает Ляховскому какие-то деньги, что он, Ляховский, отправил корзину с бумагами покойного Н. Е., т. е. Николая Евграфовича Федосеева, куда-то «в Красн.», вероятно, в Красноярск, и очень беспокоится о судьбе этой посылки; затем говорит, что он послал Ульянову какие-то «2—3 интересных документика», по всей вероятности постановлений верхоленской колонии по делу суда над Юхоцким; далее сообщает о новой партии политических ссыльных, что из письма этого видно, что сбором денег на памятник Федосееву занимался он, Ляховский, и политический ссыльный в Верхоленске Гедеоновский, что в письме этом Ляховский сообщает Ульянову весьма подробные сведения о беспорядках и волнениях среди рабочих на Брянских заводах, из чего можно заключить, что Ляховский получает об этом от кого-то из России систематические сведения, касающиеся революционного там движения.

М. А. Сильвин:

...В мае получил я однажды с сельским почтарем записочку от Владимира Ильича с кратким уведомле-

нием, что у него был обыск, вызванный перехваченным где-то письмом. Я помчался к нему. Обыск производили ротмистр (*правильно: подполковник*) и прокурор, добродушный толстяк, удерживавший ретивого жандарма, о чем Владимир Ильич не без юмора мне рассказывал. Хотя у Владимира Ильича было много нелегалщины, обыск не дал никаких результатов и не имел последствий. Случайно прокурор этот был мне знаком... Он раньше был мировым судьей у нас в Тасеевском. Холостяк, эпикуреец и скептик, он был недурной человек, в особенности после сытного обеда, который я иногда с ним разделял. Мы часто говорили на политические темы, он не без интереса слушал мои новые для него теории, не вызывавшие у него особых возражений, но главным его положением было, что для народных масс решительно все равно, самодержавный или конституционный порядок вещей в стране. Неожиданно для меня он... «по долгу службы» производил обыск у Ильича, видимо, нехотя.

Я весь содрогался при мысли, что глупая, ничтожная случайность могла повести к тому, что Владимир Ильич был бы арестован, его работы прерваны, сам он был бы выслан куда-нибудь в Якутку с удлинением срока ссылки. У него в Шуше, в маленькой комнате между столовой и спальней, служившей кабинетом Ильичу, мы стояли возле стола у окна, и Надежда Константиновна показывала мне небольшой книжный шкаф, в котором вверху, за стеклянными дверцами, стояли разные книги. Ротмистр их долго пересматривал, а затем хотел перейти к осмотру нижней половины шкафа, с деревянными дверцами, где была сложена вся имевшаяся у Владимира Ильича нелегалщина и «неудобная» переписка, но прокурор остановил его, сказав, что это лишнее, что, очевидно, ничего нового этот осмотр не даст, что в шкафу находятся только научные книги и серьезного содержания рукописи, а так как время позднее, то надо кончать. Жандарм не возражал, хозяева, «висевшие на ниточке», вздохнули легче.

Когда Владимир Ильич назвал фамилию прокурора, я вспомнил, что это мой тасеевский знакомец, так сказать, «приятель». Владимир Ильич смеялся этому от души — не знаю, надо мной ли, или над всем происшедшим.

Часы труда и отдыха

М. А. Сильвин:

Несмотря на упорные теоретические занятия... Владимир Ильич в ссылке отличался крепким здоровьем, может быть, благодаря своему правильному образу жизни.

Он регулярно работал определенное число часов в день, ежедневно гулял, зимой, если не был на охоте, катался на коньках или развлекался шахматами.

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
29 мая 1899 года:*

За Webb'a еще не брался. Все жду оригинала (2-ой том) и немецкого перевода (2-ой том). Если выйдет задержка,— вина не моя... Печатается ли I том?..

Я теперь подчитываю кое-что и немного занимаюсь языками.

Н. К. Крупская — М. А. Ульяновой, 20 июня 1899 года:

Охоты пока никакой еще нет, и знаменитое ружье почти не вынимается из чехла. Регулярно ходим каждый день купаться и гулять, собираем щавель, ягоды и т. п... Мы с мамой насадили... всякой всячины (даже дынь и помидоров), и мы давно уже едим свою редиску, салат, укроп. Сад тоже развели, резеда цветет, а остальные цветы (левкой, душистый горошек, маргаритки, анютины глазки, флоксы) еще имеют цветы в более-менее отдаленном будущем, все же сад и маме доставляет удовольствие. Это лето у нас осталась та девочка, которая жила зимой, и потому с хозяйством хлопот нет.

А. С. Середкина:

Уступили мы им (*Ульяновым*) часть своего огорода, и помню, как... они в нем насадили разных овощей, а под окнами устроили клумбы с красивыми цветами. Все ухаживали за огородом и садом.

Владимир Ильич копал грядки в огороде, поливал цветы и всегда со всеми шутил. В садике они устроили беседку из хмеля, в ней Владимир Ильич читал газеты и журналы. Этот уголок всем в селе нравился, такой чистоты и красоты у нас не видели еще, кругом только навоз был да чертополох рос. Мы и соседи по примеру наших квартирантов тоже стали цветы сажать, а семена брали у Надежды Константиновны.

Н. К. Крупская — М. А. Ульяновой, 3 июля 1899 года:

Что ни день, то ветер, ставнями так и хлопает. Впрочем холодов нет, и гулять мы ходим по-прежнему каждый день... Теперь мы все в гости собираемся: есть у нас разрешение в город ехать, но пока разрешение лежит в волости, и мы сами не знаем, поедем или нет. Наладились было ехать, но оказалось, что Василий Васильевич на заводе, а как назад поедет, к нам заедет и вместе зовет ехать, но мы уж позвали Глеба и Зину, чтобы они к тому же времени приехали...

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 1 сентября 1899 года:

Вчера... получили (наконец!) Вебба, II том по-английски (по-немецки — нет; выписываем сегодня) — без всякого письма или известия о первом томе!

Из «Списка изданий, вышедших в России в 1899 году»: С 9-го по 15-е сентября...

Вебб, Сидней и Беатриса. Теория и практика английского тред-юнионизма (Industrial democracy). Том I-й. Перевод с английского Влад. Ильина. (Экономическая библиотека. Под общей редакцией П. Струве). Изд. О. Поповой. Спб., 1900.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 11 сентября 1899 года:

Мы с Надей принялись теперь за второй том Webb'a, не дождавшись ни корректурных листов I тома (которые были бы нам очень полезны для редактирования перевода второго тома), ни немецкого перевода II тома. Эта работа возьмет, пожалуй, довольно много времени.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Заботясь о заработке, он (*Владимир Ильич*) берется за редактирование II тома Вебба, отданного по заказу Струве кому-то другому. Работа эта оказалась очень неблагоприятной: перевод был так плох, что Владимиру Ильичу пришлось, как он рассказывал по возвращении из Сибири, переводить часто почти заново, сбрасывая сделанный перевод под стол.

Н. К. Крупская — М. А. Ульяновой, 17 октября 1899 года:

У нас уже осень, скоро будем кататься на коньках. Оно лучше, а то гулять что-то надоело, да и у Володи охота скоро прекратится. Он сидит теперь над Веббом. Приходится работать ему одному, так как вдвоем еще дольше выходит. Работа довольно скучная...

Г. М. Кржижановский:

...Особенность Владимира Ильича... сказывалась в его особом навыке и умении прямо и без всяких околичностей подходить к сути любого вопроса. Именно эта особенность обуславливала исключительную простоту и, так сказать, *прозрачность* его литературного языка. И, вероятно, трудно найти другого писателя, который в такой степени строго следовал бы совету Некрасова: «Мысли просторно, — словам тесно».

Н. К. Крупская:

Владимир Ильич много работал над своим языком... Я иногда должна была изображать из себя «беспонятного» читателя, который не понимает иностранных и академических терминов, не знает некоторых общеизвестных вещей и т. д.

...Я помню, как меня удивило знание Владимиром Ильичем Некрасова... Владимир Ильич читал беллетристику, изучал ее, любил. Но одно было у Владимира Ильича — у него сливался воедино общественный подход с художественным отображением действительности. Эти две вещи он как-то не разделял одну от другой...

...Владимир Ильич указывал на то, что социалистическая интеллигенция может стать силой, может вести только тогда плодотворную работу, если она примкнет к борьбе рабочего класса — класса, за которым будущее. Как-то раз, разговаривая с Лениным на эту тему в Сибири, мы говорили о Некрасове, о том, что интеллигент — тогда только сила, когда он «утлый свой челнок привяжет к корме большого корабля», то есть когда он свяжет свою судьбу с судьбой рабочего класса.

...В Сибири узнала я, что Ильич не меньше моего читал классиков, не только читал, но и перечитывал не раз Тургенева, например. Я привезла с собой в Сибирь Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Владимир Ильич положил их около своей кровати, рядом с Гегелем, и перечитывал их по вечерам вновь и вновь. Больше всего он любил Пушкина. Но не только форму ценил он. Например, он любил роман Чернышевского «Что делать?»... Я была удивлена, как внимательно читал он этот роман и какие тончайшие штрихи, которые есть в этом романе, он отметил. Впрочем, он любил весь облик Чернышевского, и в его сибирском альбоме были две карточки этого писателя, одна написанная рукой Ильича — год рождения и смерти. В альбоме Ильича были еще карточки Эмиля Золя, а из русских — Герцена и Писарева. Писарева Владимир Ильич в свое время много читал и любил. Помнится, в Сибири был у нас также «Фауст» Гете на немецком языке и томик стихов Гейне.

Среди детей

И. Я. Кайревич: Любил Владимир Ильич нас, крестьянских детей, и находился с нами в большой дружбе.

Н. И. Попков: Гужом мы так за ним (*Владимиром Ильичем*) и ходили. И видно, очень он любил ребят, коли они так к нему льнули. И все ребята звали его по имени отчеству — Владимиром Ильичем. Очень простой и добрый он был человек!

С. К. Ворсин: Помню Ильича прекрасно, хотя и был в то время еще мальчишкой... Из всех других ссыльных он выделялся тем, что уж очень любил поиграть с нами. А нам, детворе, что и надо было! Было лестно и забавно поиграть с большим, но милым дядей, поиграть с политиком, как называли в то время вообще всех политических ссыльных...

Помню, тов. Ленин, играя с нами, часто говорил окружающим про нас:

— Вот наша будущность!

— Вот поколение, которое вступит в новые условия новой жизни.

Н. И. Попков: Бывало, сядем на сыпучий песок и, затаив дыхание, слушаем Владимира Ильича... Говорил он нам о далеких городах, про машины, которые за человека тяжелую работу исполняют, про поезда, что быстро бегут по железным путям. И еще сказывал, что все эти чудо-машины будут у нас в Сибири.

В. В. Потылицын: Морозы в наших краях сильные. Вода (*на реке Шушь*), бывало, выбьет из-под льда, разольется километра на два и замерзнет. У нас это наледью звали. Мы, ребяташки, любили на этой наледи кататься на коньках. Сами делали себе коньки из дерева, поюзья — из железа.

И вот однажды выходит на нашу забаву человек взрослый, не то что мы. Как сейчас гляжу на него: среднего роста, сутуловатый, корпусный... Одет в серую тужурку и сапоги. В руке коньки несет, настоящие, стальные.

А это и был Владимир Ильич.

Подвернул коньки к сапогам и говорит:

— Примете меня к себе?

А нам что? Мы даже рады... Он побежал, мы за ним. С тех пор сильно подружились. Как только он на каток, так и мы туда... Оно хоть и до этого мы там бывали, но тут веселья стало больше. Владимир Ильич с ребятами подружиться умел.

Н. И. Полков:

Мне было лет 10—11 в ту пору. Но крепко запомнилось, как мы, ребята, встречались с В. И. Лениным. Видимо, потому, что никто из взрослых так не обращался с нами хорошо и дружбы такой с ребятами не водил. Выйдет, бывало, В. И. Ленин на лед на коньках кататься, мы тут как тут, уж очень нам было любопытно смотреть...

— Вы чего,— говорит,— не катаетесь?

— Да у нас коньков нет!

— А вы сделайте, отцов попросите помочь.

Вскоре обзавелись мы самодельными коньками почти все. Учил нас Владимир Ильич кататься, быстро мы такие уроки усваивали. Да и как иначе! Учитель был уж очень хороший. Мне крепко врезалось в память, как Владимир Ильич здорово катался на коньках. Делал прыжки, круги, взад-вперед катался, всякие фигуры выделял ногами. Мы пытались догонять, целой ватагой бросимся ловить его, цепью рассыпаемся, окружать начнем, да где там! Он всякими вилюшками выйдет из нашего окружения. Но когда захочет сделать нам приятное, то нарочно в цепь зайдет и как будто сдается. «Ну,— говорит,— поймали»,— и сам громко смеется с нами. Организовал он молодежь и малых ребят каток устраивать, елками его обставляли. Как увидим его на катке, сейчас под окна к другим ребятам: «Айда на каток, Владимир Ильич вышел кататься». Когда бывала пурга и наш каток заносило снегом, Владимир Ильич за расчистку его брался, мы все на помощь ему высыпали, а он шутит с нами, подбадривает нас.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 24 февраля 1898 года:

...Амичиса книга детская. Этого я не знал,— но и детская будет здесь полезна, ибо детям Проминского нечего читать. Я даже думал такую вещь сделать: написать себе «Ниву». Для ребят Проминского это было бы очень весело (картинки еженедельно)...

Дочь
И. Л. Промин-
ского,
Софья Ивановна:

...Из рук Ильича получали мы книжки, игрушки. Помню и модную в то время кофточку-накидку, кремовую с алой лентой, которую подарила мне Надежда Константиновна. Подарки получали Леопольд, Бронислава, Казимир, Люциан — и всегда Владимир Ильич делал это очень деликатно, тактично, чтобы скрывать нашу ребячью жизнь и в то же время не обидеть семью. Помню, как мы с Владимиром Ильичем гуляли, а особенно хорошо помню, как Надежда Константиновна терпеливо учила нас читать, писать, считать. Мама говорила, что таких умных и справедливых людей, как пан Ульянов и пани Надежда, наверное, нет больше на всем белом свете...

Мы еще детьми были, а Леопольд уже увлекался книжками о революции, и Владимир Ильич беседовал с ним, как со взрослым.

Н. К. Крупская:

Было у него (*латыша-поселенца П. И. Кудума*) 14 детей, но выжил один, Минька. Отец был горький пьяница. Было Миньке шесть лет, было у него прозрачное бледное личико, ясные глазки и серьезный разговор. Стал он бывать у нас каждый день — не успеешь встать, а уж хлопает дверь, появляется маленькая фигурка в большой шапке, материной теплой кофте, закутанная шарфом, и радостно заявляет:

— А вот и я.

Знает, что души в нем не чаяла моя мама, что всегда пошутит и повозится с ним Владимир Ильич. Забежит Минькина мать:

— Миничка, не видал ты рубля?

— Видал, ну, посмотрел, валяется на столе, положил в коробку.

Н. К. Крупская — М. А. Ульяновой, 27 сентября 1898 года:

...Купил (*Владимир Ильич*)... игрушек детям Проминского и сынишке катанщика Мине, который живет у нас во дворе... Утром, как узнал, что Володя приехал, второпях схватил материнны сапоги и стал торопливо одеваться. Мать спрашивает:

— Куда ты?

— Да ведь Владимир Ильич приехал!

— Ты помешаешь, не ходи...

— О нет, Владимир Ильич меня любит!

(Володя действительно его любит). Когда же вчера ему дали лошадь, которую Володя привез ему из Красноярска, то он проникнулся к Володе такой нежностью, что даже не хотел идти домой спать, а улегся с Дженькой на полovice. Потешный мальчушка!

И. Я. Кайревич: Был я в то время мальчишкой... и я до сих пор хорошо помню, как... в Новый год Владимир Ильич и Надежда Константиновна устраивали детям у себя на квартире елку. На елке были все дети, шесть человек ссыльного Ивана Лукича Проминского, мальчик Минька и другие крестьянские ребяташки. Елка была хорошо наряжена. Вокруг елки с нами водили хоровод Владимир Ильич и Надежда Константиновна. Пели песни.

А. С. Середкина: Помню рождественские святки, когда мы, деревенские девчата, ходили ряжеными по домам. Владимир Ильич и Надежда Константиновна помогали нам сделать маску посмешнее, советовали, как интереснее нарядиться, а особенно в этом помогала Надежда Константиновна. Очень они любили ребят и хорошо к ним относились. Жили очень согласно и дружно в семье, все были такие приветливые, ласковые.

Глава четвертая

В кругу друзей

«Он учил нас...»

«Съезди к Старикку обязательно...»

Маленький Интернационал

Письма, письма...

Повидаться с товарищами

Побег Райчина

Поездка в Красноярск

На Новый год

«Он учил нас...»

Г. М. Кржижановский:

В своих воспоминаниях о Владимире Ильиче мы всегда отмечаем одно изумительное свойство: его чуткий отбор своих соратников и исключительно внимательное и теплое к ним отношение.

Г. И. Окулова:

Ленин был для них (*товарищей по ссылке*) критерием всего справедливого, неподкупного, честного, мерой их поведения. Они с восторгом рассказывали о том, что Ленин не только читал всего Маркса,— он владел марксизмом, умел применять марксизм как оружие борьбы к российской действительности.

О. Б. Лепешинская:

Годы минусинской ссылки — последние годы XIX века — вспоминаются мне... не только как период подневольной жизни в глуши. Конечно, эта жизнь была по-своему тягостна и трудна. Но в то же время она давала нам возможность многое обдумать, пополнить свой теоретический багаж. Общение с Лениным явилось для нас своего рода школой политической мысли, школой, в которой мы росли и мужали...

Когда я вспоминаю те далекие годы, время ссылки, и спрашиваю себя: «Что же было тогда для нас главным, кто и что было центром, вокруг которого вращались наши мысли и побуждения?» — то ответ всегда бывает один: Ленин. Своей жизнью среди нас, своей деятельностью он создавал атмосферу, которая действовала на нас как бы намагничивающе...

Исключительная интенсивность и плодотворность труда Ленина в ссылке, напряжение и систематичность, с которыми он работал, были для всех нас увлекающим примером. Глядя на него и мы подтягивались и стремились постоянно пополнять свой умственный багаж.

З. П. Невзорова-Кржижановская:

...У нас получилась, хотя и разбросанная по всему Минусинскому уезду, но своя дружная компания, тесно связанная недавней совместной работой, настроением и всем складом мысли.

Связь между всеми поддерживалась перепиской, приездами друг к другу и даже съездами под разными благовидными предлогами. Центром всей социал-демократической ссылки сделался, конечно, Ильич. Он вел огромную переписку со всеми товарищами и связывал у себя все нити. По его же инициативе был у нас организован обмен всеми получаемыми из России книгами, газетами, журналами, русскими и иностранными.

Вся жизнь его, бодрая и деятельная, полная внутреннего содержания и напряжения, невольно подтягивала всех, не давала разлениваться в условиях ссылки, создавала темп.

И в нашей ссылке не было ни скуки безделья, ни нудного настроения, ни склочных историй. Работали, готовились к будущему, занимались с рабочими, следили за российскими делами. Было бодро и хорошо...

Г. И. Окулова:

Владимира Ильича я встретила... осенью 1898 года в Красноярске, куда мне разрешили переехать на несколько месяцев до окончания срока высылки. Встретила очень мимолетно... Но, когда я вспоминаю этот период своей жизни, мне кажется, что я все время находилась под непосредственным влиянием Владимира Ильича. Мне постоянно приходилось слышать от ближайших друзей Владимира Ильича (Глеба Максимилиановича и Василия Васильевича) восторженные отзывы о нем. Не было спора, не было разговора, чтобы они не говорили: «А вот Ильич по этому вопросу думает так-то» или «Интересно, как об этом думает Старики?».

Г. М. Кржижановский:

Недостаточно сказать о Ленине, что он был человек-магнит. Конечно, он был обаятелен, пробуждал к себе чувство восторженной признательности, горячей любви, притягивал, подобно тому как магнит притягивает железо. Ленин был направляющей человеческие умы силой.

...Напряженный темп работы этого необыкновенного человека, который на наших глазах не пропускал ни одного дня, чтобы так или иначе, но несколько не продвинуться вперед в смысле расширения своего умственного багажа, действовал на нас необычайно подбадривающим и подтягивающим образом. Каждому в его присутствии хотелось быть лучше, чем он есть, и вместе с тем так тянуло быть ближе именно к этому яркому и жизнерадостному человеку.

М. А. Сильвин:

Соприкосновение с Владимиром Ильичем было благотворно для каждого из нас — и для меня в частности — в том отношении, что его творческий ум непрерывно работал и будил мысль в других, всегда освежая наши политические интересы. Как когда-то в Петербурге, он и в ссылке, где я виделся с ним сравнительно редко, не отказывал мне в своих методологических указаниях, рекомендуя книги и одалживая свои для прочтения. Так, он дал мне там «Кулачество-ростовщичество: его общественно-экономическое значение» Гвоздева, «Краткий курс экономической науки»

Богданова и другие. В ссылке Владимир Ильич снабжал меня и нелегальной литературой, которую он получал довольно исправно. От него я получил «Манифест» первого съезда, номера «Рабочей Мысли», некоторые издания группы «Освобождение труда», а также брошюру «Задачи русских социал-демократов»...

Он давал мне также женеvские сборники «Работника» и подарил тот из них, где была напечатана моя статья, которую я по его предложению написал в 1895 году.

Всем нам, и мне в том числе, он присылал свои книги, вышедшие к тому времени: «Развитие капитализма в России», «Экономические этюды» и перевод Вебба. По конспиративным соображениям надписей на книгах не делалось, но Курнатовский попросил однажды поставить ему факсимиле, и Владимир Ильич тут же сделал на книге дружескую надпись.

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
9 мая 1899 года:*

Всем ли по моему списку отправил Митя мою книгу*? Если часть должен был отправить В. А.**, то запроси его, пожалуйста, *всем* ли он отправил. П. Н. Лепешинский (село Курагинское Минусинского уезда Енисейской губ.) пишет мне, напр., что *не получил* книги, хотя у меня в списке он был. Я думаю, надо бы иметь еще с десяток-полтора запасных экземпляров...

Е. И. Окулова:

...Кипучая умственно-политическая деятельность Ленина в ссылке, его неустанная переписка с родными по поводу снабжения его книгами из центров России, его общение с товарищами по ссылке по всем животрепещущим политическим вопросам создавали и для них чрезвычайно благоприятную обстановку для теоретической подготовки к будущей революционной деятельности.

Близость В. И. Ленина облегчила и В. К. Курнатовскому знакомство со всеми новейшими политическими течениями и наполнила богатым содержанием его жизнь. Мы видим из его писем, что и он серьезно изучает вопросы, касающиеся бернштейнианства, экономизма, неокантианства, а также народничества, выписывая сам книги, получая их от Ленина и других товарищей, следя за легально-марксистскими журналами того времени и т. д.

* «Развитие капитализма в России».

** Ионов.

В. К. Курнатовский — Е. И. Окуловой, 17 марта 1899 года:

У Владимира Ильича видал уже книгу Kautskj «Die Agrarfrage»*. (Выписать ее можно из книжного склада Калмыковой в Питере. Стоит с пересылкой всего 3 рубля. Примите это к сведению.) Это том в 500 страниц. По словам Владимира Ильича, он является дополнением «Капитала». Я также выписал себе, но еще не получил...

Я принялся за Штамлера**. Вообще благодаря близости (сравнительной) Шушенского в книгах теперь у нас скорее изобилие, чем недостаток.

А. М. Старкова — С. К. Кулику, 25 января 1899 года:

Посылаю Вам при этом письме 3-ю книгу «Нового Слова» и 2 номера «Neue Zeit»***, которые прислал для Вас Владимир Ильич Ульянов.

Ф. В. Ленский:

Владимир Ильич был всегда... интересным и глубоким собеседником, ...обнаруживая всегда искреннейшую и товарищескую простоту и заразительную, всех увлекающую веселость и воодушевление. Нельзя указать ни одного товарища, который не был бы буквально влюблен в этого чуткого, милого, простого товарища, который никогда не давал чувствовать никому своего гигантского превосходства в вопросах теории и практики. Нет, он подходил ко всякому человеку, а к партийному товарищу в особенности, с такой теплотой и горячим сочувствием, что даже самый ледяной человек растанвал перед ним и делался его другом на всю жизнь.

П. Н. Лепешинский:

Своей приветливостью и простотой он (*Владимир Ильич*) производил чарующее впечатление. Он... охотно делился с нами своими задушевными мыслями и настроениями, своими взглядами на ту или иную прочитанную им книжку, сведениями о политических новостях. Но этого мало сказать, что он делился с нами своими интеллектуальными богатствами: он обычно страстно желал, чтобы мы сами стали полными обладателями этих интеллектуальных благ, ему хотелось бы, чтобы мы столь же страстно, с таким же горением пламенной мысли воспринимали тот или иной теоретический вклад в наше мировоззрение, с каким обыч-

* Каутский. «Аграрный вопрос».

** Р. Штамлер. «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории». Лейпциг, 1896.

*** «Новое время».

но и он искал новое в прочитываемой или изучаемой им книжке.

З. П. Невзорова-Кржижановская: ...Мы много занимались, прочли II и III тома «Капитала» Маркса, внесли много поправок в перевод II тома, которые посылали для проверки к Владимиру Ильичу и которые получили его одобрение.

А. С. Шаповалов: Шуря глаза и потирая руки, он (*Владимир Ильич*) знакомился с каждым из товарищей-рабочих, определял, очевидно, его пригодность для будущей революционной работы.

Н. Н. Панин: Первые встречи с Владимиром Ильичем вселили в нас бодрость, сознание правоты нашего дела... В обращении с нами, рабочими, тов. Ленин не давал чувствовать своего неизмеримого превосходства, а своими беседами возбуждал у нас интерес к книге... Так как я был малограмотен, меня прикрепил к тт. Кржижановскому и Старкову для продолжения общеобразовательного курса.

В. К. Курнатовский — Е. И. Окуловой,
17 марта 1899 года:

Он (*Владимир Ильич*) предложил мне и Лепешинскому быть счетчиками в предполагаемой им новой работе (переработка фабрично-заводской статистики России), если только найдется издатель. Придется составить и сосчитать около 20 000 карточек.

О. Б. Лепешинская:

Владимир Ильич, готовясь к отъезду, продумал организацию нашей революционной деятельности после выхода на волю. О своих планах построения партии, о создании общероссийского социал-демократического органа, вокруг которого будет разворачиваться вся работа социал-демократов практиков, Ленин сообщал нам в общих чертах. Но каждому из нас в отдельности он давал совершенно конкретные советы, проявляя при этом большую заботливость. Пантелеймону Николаевичу он сказал:

— Вы семейный, и вам будет лучше всего поехать сначала в Омск. Я уже списался с главным врачом Омской железнодорожной больницы, который женат на сестре Веры Фигнер. Он дал согласие принять Ольгу Борисовну к себе фельдшерницей. В Омске вы проживете некоторое время — до тех пор, когда я смогу вызвать вас для подпольной работы в Россию.

Ф. В. Ленгник: Он (*Владимир Ильич*) учил нас... строить великое здание всепобеждающего коммунизма и в далеких безбрежных пустынях Сибири, где он собирал разбитые кадры борцов коммунизма, чтобы вновь построиться в ряды, распределить роли между собой, наметить план повторной сотой атаки врага.

А. С. Шаповалов: Никто из товарищей интеллигентов-марксистов, живших в ссылке и которых я встречал когда-либо, не умел так располагать к себе рабочих, как он (*Владимир Ильич*), внушить к себе доверие как к вождю, которое никогда, во время самых тяжелых для нашей партии переживаний, не искоренилось во мне, как и у многих и многих товарищей-рабочих, и которое, несомненно, будет всегда жить и все более завоевывать для нашей партии и пролетарской революции сердца и умы рабочих всего мира.

«Съезди к Старику обязательно...»

М. А. Сильвин: В ссылке (*Владимир Ильич*)... никогда не чуждался ссыльных товарищей и в особенности рабочей публики. Его поместительный дом в с. Шушенском всегда был полон местных и приезжавших из окрестностей товарищей, многие оставались даже ночевать и жили у него целыми неделями...

...Пели наши песни часто и много, пели «Красное знамя» на слова Г. М. Кржижановского...

...Нигде не было так оживленно, уютно и просто при таких товарищеских встречах, как у него (*Владимира Ильича*). Со всеми он был одинаково приветлив и радушен... Бывали наездами Шаповалов из Теси, Панин из Ермаковского, Демин из Минусинска. Из старого нашего кружка бывали чаще других Кржижановские и Старковы, а также Ленгник, с которым Владимир Ильич одно время практиковался в разговорной немецкой речи. Из новых, примкнувших к нам в ссылке, приезжали к нему Лепешинские, Курнатовский, Барамзин, Стояновский.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 8 июня 1897 года:

Жду теперь сюда гостей: хотел приехать один товарищ из Минусы; потом Глеб поохотиться. Скучать, значит, не буду.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 10 декабря 1897 года:

Я получил письмо от Глеба, что он подал уже прошение о приезде ко мне на 10 дней на праздники. Надеюсь, что ему разрешат. Для меня это будет очень большое удовольствие.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 27 декабря 1897 года:

У меня теперь живет вот уже несколько дней Глеб, получивший разрешение на 10-дневную поездку ко мне. Живем мы отлично и очень много гуляем, благо погода стоит большей частью очень теплая. После одного дня, когда мороз доходил, говорят, до 36° R (недели полторы назад), и после нескольких дней с метелью («погодой», как говорят сибиряки) установились очень теплые дни, и мы охотимся очень усердно, ...хотя и очень несчастливо. Зимой какая уж тут охота! Прогулки зато приятные. Вследствие праздников почта на этой неделе в среду не ходила (и в пятницу не приходила) — это третий раз за время моей жизни в Шуше пропускают почту — не очень еще много. Благодаря гостю, это проходит, впрочем, почти незаметно.

Г. М. Кржижановский:

Кажется, на первом же году ссылки мне удалось под каким-то предлогом получить разрешение на пребывание в... селе Шушенском, и эта совместная жизнь с Владимиром Ильичем ярко живет в моей памяти. В ту пору он жил еще в полнейшем одиночестве и его рабочий день, продуманный до последней минуты, составлял превосходные чередования крупных порций труда с правильными вкраплениями в обрыв необходимого отдыха. По утрам Владимир Ильич обыкновенно чувствовал необычайный прилив жизненных сил и энергии, весьма не прочь был побороться и повозиться, по какой причине и мне приходилось неоднократно вступать с ним в некоторое единоборство, пока он не уймется при самом активном сопротивлении с моей стороны. А затем, после короткой утренней прогулки, начинались графы нашей учебы. Определенные часы были посвящены работам литературного характера, подготовке материалов по статистическим сборникам, занятиям философией, чтению экономической литературы как нашей, так и западной, а на отдых полагалось и чтение беллетристики.

Газеты мы получали, конечно, с громадным запозданием и сразу целыми пачками. Но Владимир Ильич ухитрялся систематизировать и чтение этих газет: он распределял их таким образом, что каждый день прочитывал только номера, соответствующие темпу за-

поздания, но именно приходящиеся только на определенный день. Выходило, что он каждый день получает газету, только с большим опозданием. А когда я пытался портить этот газетный ритм, злонамеренно выхватывая сообщения позднейших номеров, он затыкал уши и яростно защищал преимущества своего метода.

Запись воспоминаний Г. М. Кржижановского:

Однажды (это было в ссылке), находясь у Владимира Ильича, Глеб Максимилианович почувствовал приступ мигрени. Никаких подходящих медикаментов под руками не оказалось. Владимир Ильич встревожился — чем помочь? И предложил — может, лед на голову? Несмотря на мои протесты, рассказывал Глеб Максимилианович, в мороз, поздно вечером, Владимир Ильич выбежал из дома, наколот льду и положил мне на голову мешок со льдом. Лед таял, и Владимир Ильич побежал во второй раз. Хоть боль и не проходила, я сделал вид, что мне лучше, и этим обрадовал Владимира Ильича...

...У него (Г. М. Кржижановского) пропали сон, аппетит, появилась слабость... Владимир Ильич, поразившийся его болезненным видом, принялся за лечение: с утра — зарядка, завтрак, а затем прогулка.

Глеб Максимилианович рассказывал: «Я скулю, что у меня ноги ватные, что они не идут, а Владимир Ильич упрямо тащит меня под руку и приговаривает: «Вот до того холма дойдем, и обратно». И так каждый день, причем расстояние все удлинялось и удлинялось. И вот чудо — уже на третий день я съел за обедом все, что мне было предложено, стал лучше спать, а в дальнейших прогулках уже не отставал от Владимира Ильича. Так дней в десять... Владимир Ильич меня буквально воскресил и, очень довольный, даже написал об этом своей матери Марии Александровне».

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 4 января 1898 года:

Глеб уехал от меня 3-го дня, прожив 10 (десять) дней. Праздники были нынче в Шу-шу-шу настоящие, и я не заметил, как прошли эти десять дней. Глебу очень понравилась Шу-ша: он уверяет, что она гораздо лучше Теси (а я то же говорил про Тесь! Я над ним подшучивал, что, мол, там лучше, где нас нет), что здесь есть лес близко (по которому и зимой гулять отлично) и прекрасный вид на отдаленные Саяны. Саяны его приводили в восторг, особенно в ясные дни

при хорошем освещении. Кстати, Глеб стал теперь великим охотником до пения, так что мои молчаливые комнаты сильно повеселели с его приездом и опять затихли с отъездом... Здоровье Глеба у меня несколько поправилось благодаря правильному режиму и обильным прогулкам, и он уехал очень ободренный.

М. А. Сильвин:

Было часов девять вечера, когда ямщик подвез меня к воротам одноэтажного, по-деревенски большого дома в Шушенском. Я не предупредил о приезде, и Надежда Константиновна, встретившая меня в передней, была удивлена моим появлением. Вышел Владимир Ильич и, приветствуя, смотрел на меня своими острыми, как буравчики, глазами, внимательно меня наблюдая. Вероятно, он слышал, что я не всегда чувствовал себя хорошо в заключении, и ожидал от меня худшего, но, видимо, остался доволен впечатлением.

На другой день он писал А. И. Елизаровой: «Сегодня приехал Михаил Александрович (Сильвин)... Высмотрит он вполне здоровым и физически и психически; изменился мало; мы очень рады были повидать его».

Меня ввели в большую комнату, служившую столовой и приемной. В переднем углу налево стоял рабочий столик Надежды Константиновны; справа у окна другой стол, заваленный книгами и газетами; возле него мы уселись с Владимиром Ильичем, расспрашивая друг друга о пережитом, о текущих новостях, о старых друзьях. О своих работах он говорил сдержанно... Он тоже мало изменился за прошедшие три года, я бы сказал, несколько пополнил. Общее впечатление было такое же, какое он всегда производил на меня в Петербурге: человек будущего, избранник судьбы, вождь...

Переночевав у Владимира Ильича, я на другой день уехал, с радостью выслушав приглашение побывать у него вновь.

В. В. Старков — А. М. Старковой, 20 августа 1898 года:

Да, приехал я только к обеду, так как, помимо ночевки у Старика, пришлось заночевать еще в одном месте. Дорога через Шушу оказалась гораздо длиннее, чем говорили в городе: через Шушу верст 120—125, а степью 70—75; другими словами, степью верст на 40—50 короче. Это zelo печально, так как, очевидно, не придется так часто заезжать к Старику, как я предполагал.

Порядочно-таки измучился я за дорогу, но все же поездкой очень доволен... Лицезрел на фоне шушен-

ской природы Старика (одно это что-нибудь да значит!).

А. М. Старкова — В. В. Старкову, 30 августа 1898 года:

Из города наши голуби (Г. М. и Э. П. Кржижановские) думают навестить Старика. Хорошо, если бы и тебе возможно было в это время съездить к нему. Или мы с тобой соберемся потом?

О. Б. Лепешинская — П. Н. Лепешинскому, 5 и 7 октября 1898 года:

Сегодня у меня были гости: Окулова, Шаповалов (из Теси) и Чекальский (из Минусинска). Все без разрешения, а главное Чекальский, ведь Курагинское от Минусинска в 65-ти верстах. Все собираются в Шушенское к Ульянову...

А. М. Старкова — В. В. Старкову, 1 ноября 1898 года:

Глеб уехал к Ильичу; приезжал Энгберг и захватил с собой дня на два Глеба. Собираемся все прокатиться, когда приедешь ты...

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 1 ноября 1898 года:

У меня сегодня гостит Глеб, который приехал один на 3 дня...

Пишу мало, потому что опоздал к почте — мы прогуляли целый день. Погода у нас очень хорошая — ясные, морозные и тихие дни; снегу все еще нет.

Н. К. Крупская — М. И. Ульяновой, 11 ноября 1898 года:

К нам приезжал Глеб, и один вечер они с Володей пели немного... Глеб у нас прогостил 4 дня, был без Зины, так как Эльвира Эрнестовна была больна, и она не могла ее оставить. Ходили на охоту, а больше Глеб читал первые две главы «рынок».

Из прошения В. К. Курнатовского енисейскому губернатору, 2 января 1899 года:

По наведенным мною теперь справкам оказалось, что в селе Шушенском я смогу устроиться в материальном отношении лучше, чем в с. Ермаковском. Кроме того, я получил уже обещание от одного лица, живущего в с. Шушенском, взять меня на стол, что при моем расстроенном здоровье для меня очень важ-

но... В силу всех вышеизложенных причин прошу о переводе меня в с. Шушенское.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 30 января 1899 года:

Курнатовский (живет в с. Курагинском, верст 100 от нас) просился в Шушу; отказали; теперь переводится в с. Ермаковское (верст 40 от Шуши), где будет совсем один.

В. В. Старков — А. М. Старковой, 18 февраля 1899 года:

Как бы я хотел, чтобы ты с нами съездила в Шушу! Сегодня получили письмо от Владимира Ильича, в котором он зовет к себе всю минусинскую братню (тебе есть особое приглашение) и вышлет даже за нами тройку. По всей вероятности, поедет большая компания.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 21 февраля 1899 года:

У нас все здоровы; живем по-старому; ждем гостей на этой неделе. Погода стоит весенняя; оттепель вот уже несколько дней.

В. В. Старков — А. М. Старковой, 24 февраля 1899 года:

Сегодня после обеда едем к Старику. Хотели было ехать в четверг, но Старик вчера к обеду прислал уже лошадей.

З. П. Невзорова-Кржижановская: Помню одну нашу поездку в Шушу, зимой в 25-тиградусный мороз.

За один мах мы прокатили 55 верст на мухрявых и быстрых сибирских лошадках по Минусинской степи и вечером были в Шуше. Владимир Ильич жил с Надеждой Константиновной и ее матерью в 3 маленьких комнатах. Его комната была завалена книгами, газетами, статистическими сборниками. Он тогда яростно работал над своей книгой «Развитие капитализма в России». День у него был правильно распределен, и ни одной минуты он не терял даром. Мы своим приездом, конечно, нарушили его распорядок и внесли... порядочную кутерьму. Много разговоров после довольно большой разлуки, прогулки, шахматы, катанье на коньках. Но изредка такие перерывы были все же хороши в однообразной ссыльной жизни.

Помню, на другое утро по приезде, мы устроили бег на коньках по наледи, на реке. Объявили конкурс на «фигуры» и на «скорость». Насчет «фигур» Ильич

сдал некоторым товарищам, но по части скорости ни за что не хотел уступить; из последних сил, но обогнал всех, пришел первым.

Был яркий сибирский морозный день. Сияла и сверкала ледяная гладь со снежными «розами». И было всем тогда молодо, весело, и вся жизнь была впереди, а Старик кипел избытком жизненных сил...

М. А. Сильвин:

Первый мой визит к нему был в конце февраля (1899 года), когда к Владимиру Ильичу съехалось порядочное количество народа справлять масленицу. Были здесь Кржижановские, Старковы, Стояновский, Курнатовский, Барамзин, я и много ссыльных рабочих из Шуши и окрестностей, в том числе Шаповалов. Было очень весело; днем гуляли или катались на коньках по наледям Енисея, причем Владимир Ильич оказался прекрасным конькобежцем... Пели мы наши революционные песни очень плохо, потому что единственный человек с хорошим голосом в нашем обществе был Ленгник; остальные скорее кричали, чем пели, но в хоре принимали участие все, в том числе и Владимир Ильич. Ленгника часто просили петь соло, что он охотно делал; в особенности сильное впечатление производили в его исполнении «Тираны»:

Беснуйтесь, тираны, глумитесь над нами,
Грозите свирепо тюрьмой, кандалами...
За тяжким трудом, в доле вечного рабства
Народ угнетенный вам копнит богатства...
Кровавые слезы потоком струятся,
Враги беспощадно над слабым глумятся,
Но рухнут пред сильным коварные планы,—
И страх, и стыд, и смерть вам, тираны...
и т. д.

Г. М. Кржижановский:

В сибирской ссылке при наших встречах с В. И. Лениным мы частенько распевали обе песни: «Варшавянку» и «Беснуйтесь, тираны», они сделались одними из любимейших песен Владимира Ильича. Он сам пел их с необычайным воодушевлением.

П. А. Мезина-Яценко:

...На масленицу приехали 12 человек. Они веселились, пели песни: «Смело, товарищи, в ногу...», «Смело, братья, смело...». Когда пели про Сибирь, то Елизавета Васильевна плакала. Я тоже иногда пела с ними...

М. Л. Стояновский — С. К. Кулику:

Мы — Кржижановские, Старков, Чекальский, Ковалевский и я, ездили в Шушу. Провели время очень весело: пели, играли в шахматы, читали, катались на коньках и прочее.

В. И. Ленин — М. Т. Елизарову, 28 февраля 1899 года:

Ваша партия в шахматы пришла очень кстати. У нас как раз гостили минусинцы, которые теперь сильно увлеклись шахматами, так что мы сражались с превеликим усердием. Разобрали и Вашу партию. Судя по ней, Вы стали играть гораздо лучше. Вероятно, довольно долго обдумывали каждый ход и (может быть?) пользовались консультацией соседей? А то ведь теперь страшно, пожалуй, и сражаться было бы с человеком, который победил Ласкера!

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 28 февраля 1899 года:

Сегодня мы проводили гостей, дорогая мамочка: приезжали минусинцы, Глеб, Базиль, З. П., тамошние рабочие и пр., пробыли с среды до сегодня (воскресенья). Провели время очень весело и теперь опять беремся за будничные дела. Минусинцы собираются на лето проситься сюда: в городе летом очень скверно. Не знаю только, не привяжут ли их к городу материальные обстоятельства. Если бы их приезд состоялся, то мы провели бы лето прекрасно.

В. В. Старков — А. М. Старковой, 1 марта 1899 года:

Вчера я вернулся от Ильича... Ты спрашивашь, как провели время у Старика? В общем недурно, а подробности расскажу после — сейчас не расскажешь... Передай Пантелеймону Николаевичу, что Гервинуса («История девятнадцатого века от времени Венского конгресса») пришлю ему со следующей почтой. Попроси его прислать поскорее «Материалы (к характеристике нашего хозяйственного развития)», их просил Ильич.

Н. К. Крупская — М. А. Ульяновой, 20 июня 1899 года:

Недавно у нас гости были: во-первых, Анатолий с женой, а потом Лепешинский с женой и трехмесячной девочкой. Анатолий выглядит совсем плохо, вряд ли поправится, а жена совсем убитая, тихонькая такая, тихонькая. Теперь уж Анатолию и здешний благодатный климат не поможет. Лепешинские за те два дня, что у нас пробыли, наполнили нашу квартиру шумом, детским плачем, колыбельными песенками и т. п. Девчурка у них славенькая, но оба они такие нежные родители, что ни минуты не дают девочке покою, поют, танцуют, тормозят ее.

О. Б. Лепешинская:

Два дня, которые мы провели в Шушенском, пролетели незаметно. Ульяновы очень тепло провожали нас, приглашали чаще приезжать. По дороге домой мы говорили, как под влиянием Ильича в каждом из нас растет политическая сознательность, крепнет вера в наше общее дело. Мы говорили, как могуч Ленин, как он прост и велик одновременно.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 7 августа 1899 года:

Сегодня мы ждем гостей: Глеба с женой и Базиля из Минусы. Глеб, говорят, получил разрешение переехать на железную дорогу, чтобы занять место инженера. Конечно, он воспользуется этим, чтобы накопить сколько-нибудь денег на дорогу. А иначе ему и Базилю не так бы легко было выбраться отсюда, а зимой-то и совсем невозможно.

З. П. Невзорова-Кржижановская:

Когда мы к ним (*Ульяновым*) приезжали, время проходило чрезвычайно интересно. Владимир Ильич не любил праздных разговоров. В беседах наших затрагивались самые жгучие вопросы и современности, и революционной борьбы, и работы. А затем ходили на охоту или катались на коньках, смотря по сезону. Посещения Шушенского всегда доставляли огромное наслаждение.

А. М. Старкова — В. В. Старкову, 20 декабря 1899 года:

...Если ты уедешь к Владимиру Ильичу, то ведь ты можешь черкнуть и оттуда...

...Мой Васюточка, съезди к Старикам обязательно. если ты это еще не сделал. Ты у него хоть немного развлечешься и скоротаешь время.

В. В. Старков — А. М. Старковой, 22 декабря 1899 года:

В этом году мы очень печально будем встречать Новый год: к Старикам меня и тесинцев не пустили. Исправник, собственно, пускает, но всех поодиночке, а «группами» отказывается (даже нас с Виктором Константиновичем одновременно не пускает, так как де двое уже составляют группу).

В. В. Старков — А. М. Старковой, 27 декабря 1899 года:

Виктор Константинович уезжает на днях к Старикам. Я писал уже тебе, что меня исправник не пустил. Собственно говоря, он пускает, но лишь после

того, как вернется Виктор Константинович (Виктор Константинович подал прошение первым)... Может быть, съезжу к Старикам после Нового года, чтобы условиться с ним об отъезде, так как я предполагаю ехать с ними...

В. В. Старков — А. М. Старковой, 2 января 1900 года:

Приехал Виктор Константинович, и решено, что я завтра еду к Старикам, если не будет задержки со стороны полиции. Исправник обещал пустить...

Надо навестить Старика, так как он не на шутку болен... Отчасти от переутомления. Он, сверх того, страдает, и в очень сильной степени, бессонницей. Словом, от здорового вида... не осталось и следа.

Маленький Интернационал

*Из донесения енисейского губернатора
в департамент полиции, 3 июля 1897 года:*

Минусинский окружной исправник донес мне, что политический административно-ссылный Иван Лукин Проминский, назначенный г-ном иркутским генерал-губернатором на жительство в Минусинский округ, по прибытии 15 июня в город Минусинск отправлен 16 числа в село Шушенское Минусинского округа для водворения на жительство под гласный надзор полиции сроком на три года.

Т. Р. Проминская:

Владимир Ильич встретил нас в волости очень радушно.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 17 августа 1897 года:

Собираюсь съездить в Минусинск... думаем съездить вместе с Проминским.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 12 октября 1897 года:

Как только вывернется хороший осенний денек... так я беру ружье и отправляюсь бродить по лесу и по полям. Ходим большей частью вместе с Проминским...

О. А. Энгберг:

...*(13 января 1898 года)* я прибыл на поселение в село Шушенское Минусинского уезда. Это был тогда в полном смысле слова медвежий угол. В волостной канцелярии при регистрации я узнал, что здесь живет несколько политических ссыльных, среди них Владимир Ильич Ульянов (Ленин). Мне посоветовали обратиться к нему, так как он пользовался в деревне большим авторитетом и мог помочь устроиться. Увидев меня, Владимир Ильич заявил, что в их лагере прибыло и теперь будет трое. Обещал на следующий день познакомиться с Проминским.

— А сейчас надо позаботиться о квартире,— сказал он.

Напротив... оказалось свободное помещение, и я там поселился.

Так началась наша совместная ссыльная жизнь. В первые же дни В. И. Ленин объяснил мне, как подать прошение, чтобы получить пособие. Заявление я написал под его диктовку. Пособие мне было вскоре назначено.

Н. К. Крупская:

В Шушенском из ссыльных было только двое рабочих — лодзинский социал-демократ, шляпочник, поляк Проминский с женой и шестью ребятами и путилевский рабочий Оскар Энгберг, финн по национальности. Оба — очень хорошие товарищи. Проминский был спокойным, уравновешенным и очень твердым человеком. Он мало читал и не много знал, но обладал замечательно ярко выраженным классовым инстинктом. К своей верующей тогда еще жене он относился спокойно-насмешливо. Он очень хорошо пел польские революционные песни «*Ludu goboszy, rozpaj swoje silv*», «*Pierwszy maj*» * и целый ряд других. Дети подпевали ему, присоединялся к хору и Владимир Ильич, очень охотно и много певший в Сибири. Пел Проминский и русские революционные песни, которым учил его Владимир Ильич.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Пел Ильич... польские революционные песни, которым он научился от ссыльных рабочих поляков, отчасти по-польски, отчасти в русском переводе их, сделанном Кржижановским...

Он восхищался революционными песнями польских рабочих и указывал на необходимость создавать таковые для России.

* «Рабочий народ, познай свою силу», «Первое мая».

Н. К. Крупская: Другой рабочий, Оскар (*Энгберг*), был совсем иного типа. Молодой, он был сослан за забастовку и за буйное поведение во время нее.

А. С. Шаповалов: Тяжелые условия жизни рабочего наложили на Энгберга и Проминского свой отпечаток. У них не была развита привычка к систематическому чтению. Они ее только приобретали под руководством Владимира Ильича... Вследствие этого они не могли использовать свободного времени в ссылке так, как это было им необходимо. Первый посвящал большую часть времени изготовлению обручальных колец из бронзовых удил, стремян и древних наконечников стрел, которые крестьяне находили на полях. Второй обрабатывал большой огород, культивировал табак махорку и возил его продавать на базар в Минусинск. Оба они были симпатичные и славные ребята. Им очень понравился привольный богатый Минусинский край. Оскару Энгбергу гористая местность и сильные морозы зимой напоминали его родину Финляндию. Оба они отмечали в разговорах со мной дружеское отношение к ним со стороны крестьян Минусинского уезда. И финн и поляк поражались отсутствием у местных крестьян национального шовинизма, вражды к представителям других национальностей...

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 14 февраля 1898 года:

Проминскому... по неизвестным причинам убавили пособие с 31 р. в месяц (у него пятеро детей) до 21,— на такую сумму семерым в Шуше никак не прожить, а шляпное мастерство (его профессия) здесь не пойдет. Другой товарищ* уехал в Минусинск лечиться и лег там в больницу.

О. А. Энгберг: Встретившись с Владимиром Ильичем так близко, я понял, насколько отставал от него в смысле своего политического развития. Между нами была целая пропасть. Ульянов сказал, что мне придется заняться самообразованием. У Владимира Ильича была с собой политическая литература на немецком языке, которым я недурно владел. Первая книга, которую я стал изучать под его руководством, была «Эрфуртская программа». Мой учитель с необыкновенным терпением и вниманием разъяснял мне все непонятное, которое после его комментариев становилось ясным. Меня радовало и трогало, что этот большой человек, который, как я это вскоре узнал, был занят серьезнейшим

* *О. А. Энгберг.*

трудом «Развитие капитализма в России», над которым очень много работал, уделял мне столько времени. Мы занимались ежедневно в определенные часы и успели пройти почти всю «Эрфуртскую программу». Она мне раскрыла глаза на положение пролетариата и на многие другие важнейшие политические вопросы. Своей распорядительностью, умением рационально распределить часы, энергией Ульянов привлекал всеобщие симпатии и служил для нас, ссыльных, отличным примером.

Он сделал очень много, чтобы помочь нам перенести тяжесть ссылки. Ведь ссылка была клеткой, куда попадал революционер. Ссылка отрывала революционера от товарищей, от рабочих, от непосредственной революционной работы в массах. И нужна была глубокая вера в правоту своего дела, огромная воля для того, чтобы не пасть духом.

Его непреклонная воля буквально нас заражала.

О. А. Энгберг:

...Зимой на реке Шушенке расчищали каток. Для меня выписали коньки, и вскоре я начал овладевать этим новым для меня спортом... Частенько играли в шахматы. В. И. Ленин значительно превосходил всех в этом искусстве и постоянно нас обыгрывал. Не могу забыть, как вначале он давал мне вперед несколько фигур — королеву, ладью и коня. Попутно, за шахматами, Владимир Ильич никогда не упускал случая углублять мои познания.

Так шли месяцы. Мы жили тесной, дружной семьей. По вечерам собирались для чтения газет и журналов. Владимир Ильич переводил с немецкого. Его часто навещали, отрывали от работы, но он всегда был одинаково приветлив...

Из рассказа В. И. Ленина:

...Про Первое мая. Мне приходит на память давнее прошлое, когда я находился в ссылке... Тогда тоже было Первое мая. Нас было трое — все ссыльные: один финн, один поляк и один русский. Своего рода маленький Интернационал. Мы праздновали Первое мая... Кругом была гнетущая ночь царской реакции...

Тогда нас было трое, далеко от других товарищей.

Запись воспоминаний О. А. Энгберга:

...Напротив, у дома Зыряновых, остановилась телега. На ней сидели две женщины в городских платьях, в шляпках. Орава ребятешек облепила телегу... — Да ведь это невеста Владимира Ильича при-

ехала! — ахнул Оскар, выбежал из избы и в три прыжка перемахнул через улицу.

— Вы Надежда Константиновна? Здравствуйте! — приветствовал Оскар девушку с тонкой талией, в серенькой блузке...

— А вы, наверное, и есть болящий Оскар Александрович? Что-то не похожи на больного! Здравствуйте! — Она протянула ему руку. — Познакомьтесь с моей мамой Елизаветой Васильевной...

...В доме Зыряновых было шумно, весело. Сияющий Владимир Ильич помогал Надежде Константиновне расставлять на столе чашки и упрашивал ее поскорее выдать подарки...

— ...Вот лекарство от вашей болезни, — показала она Оскару на плетеную корзину.

— Да, да, да! Сильнодействующие пилюли, — подтвердил Владимир Ильич.

Оскар нерешительно подошел к корзине, присел на корточки и стал ее распаковывать. Развязал веревки, поднял крышку. Видит — корзина наполнена какими-то свертками в синей промасленной бумаге. Развернул один — и глазам не поверил: шперак — маленькая наковальня для ювелирных работ. Развернул другой, третий, четвертый — полный набор ювелирных инструментов, и на самом дне — ригель*.

— А, ненавистный вам ригель! — воскликнул Владимир Ильич. — Дайте-ка взглянуть.

— Ненавистный, когда он в злой руке, — возразил Оскар и встал в величайшем смущении.

Две худенькие женщины четыре с половиной тысячи верст везли такую тяжелую корзину. Одних пересядок сколько, а ведь где помогут, а где и самим тащить приходилось.

— Это вы виноваты, — сказал с укоризной Оскар Владимиру Ильичу, — я ведь не просил, нет, не просил, только мечту имел.

На токарном станке в деревне делать нечего было, а вот ювелирной работы в здешней церкви много. Оскар как-то сказал об этом Владимиру Ильичу. Сказал — и забыл. А он помнил.

— Владимир Ильич такое письмо о вашей болезни написал, что мы готовы были тащить сюда токарный станок, — сказала, смеясь, Елизавета Васильевна, но Владимир Ильич сделал ей «страшные глаза» и приложил к губам палец.

* Стальной стержень, используемый при изготовлении колец. Золотых дел мастер, у которого учился Энгберг, бил его ригелем по голове.

Н. К. Крупская: Он (*Оскар Энгберг*) много читал всякой всячины, но о социализме имел самое смутное представление. Раз приходит из волости и рассказывает:

— Новый писарь приехал, сошлись мы с ним в убеждениях.

— То есть? — спрашиваю.

— Да и он и я против революции.

Мы с Владимиром Ильичем так и ахнули.

На другой день я засела с ним за «Коммунистический манифест» (приходилось переводить с немецкого) и, одолев его, перешли к чтению «Капитала».

Зашел как-то на занятия Проминский, сидит и посасывает трубочку. Я предлагаю какой-то вопрос по поводу прочитанного. Оскар не знает, что сказать, а Проминский спокойно так, улыбаясь, ответил на вопрос. На целую неделю бросил Оскар занятия.

О. А. Энгберг:

...Она (*Н. К. Крупская*) взяла на себя попечение о моем дальнейшем политическом воспитании. Мы начали переводить с немецкого на русский «Коммунистический манифест». Моя учительница читала эти переводы и вносила в мои рукописи свои поправки. Затем мы стали читать «Капитал» Маркса. За два с половиной года прошли весь первый том. Мой политический уровень заметно возрос.

Н. К. Крупская:

Помню, как мы встречали Первое мая (*1899 года*). Утром пришел к нам Проминский. Он имел сугубо праздничный вид, надел чистый воротничок и сам весь сиял, как медный грош. Мы очень быстро заразились его настроением и втроем пошли к Энгбергу, прихватив с собою собаку Женьку. Женька бежала впереди и радостно тявкала. Идти надо было вдоль речки Шуши. По реке шел лед. Женька забиралась по брюхо в ледяную воду и вызывающе лаяла по адресу мохнатых шушенских сторожевых собак, не решавших войти в такую холодную воду.

Оскар заволновался нашим приходом. Мы расселись в его комнате и принялись дружно петь:

День настал веселый мая,
Прочь с дороги, гора тень!
Песнь, раздайся удаляя!
Забастуем в этот день!
Полицейские до пота
Правят подлую работу —
Нас хотят изловить,
За решетку посадить.
Мы плюем на это дело,
Май отпразднуем мы смело,
Вместе разом,
Гоп-га! Гоп-га!

Спели по-русски, спели ту же песню по-польски и решили пойти после обеда отпраздновать Май в поле. Как наметили, так и сделали. В поле нас было больше, уже шесть человек, так как Проминский захватил своих двух сынишек. Проминский продолжал сиять. Когда вышли в поле на сухой пригорок, Проминский остановился, вытащил из кармана красный платок, расправил его на земле и встал на голову. Дети завизжали от восторга. Вечером собрались все у нас и опять пели. Пришла и жена Проминского. К хору присоединились и моя мать и Паша.

А вечером мы с Ильичем как-то никак не могли заснуть, мечтали о мощных рабочих демонстрациях, в которых мы когда-нибудь примем участие...

Н. К. Крупская — М. А. Ульяновой, 3 июля 1899 года:

Осенью кончается срок у Проминского, и для них теперь вопрос в том, повезут ли их на казенный счет или нет, на свой им не выбраться, семья большая — 8 человек. За это время мы порядком-таки попривыкли к нашим шушенским товарищам, если почему-либо не придет какой-нибудь день Оскар или Проминский, так точно чего-то не хватает...

*21 июля 1899 года Владимир Ильич
от имени И. Л. Проминского пишет прошение
начальнику Енисейской губернии:*

Будучи сослан в Восточную Сибирь на три года, я решил взять с собой так далеко семью (состоящую из жены и шестерых детей) лишь ввиду того, что правительство доставляет на казенный счет семью ссыльного и на место ссылки и обратно на родину, по окончании срока ссылки. 23 октября сего 1899 года кончается срок моей ссылки и возвратиться на родину для меня тем более необходимо, что по своему ремеслу (шляпный мастер) я не в состоянии найти себе здесь никакого заработка. Между тем, для отправки семьи на родину на свой счет я не имею средств, ибо, получая пособие всего по 19 руб. 32 коп. в месяц на семью в восемь человек и не имея никаких заработков, я не в состоянии был скопить на дорогу ни копейки, а напротив, израсходовал даже те несколько рублей, которые были сбережены мною на родине.

Поэтому я имею честь просить сделать зависящее распоряжение об отправки меня и моей семьи по окончании срока ссылки на родину за казенный счет.

Село Шушенское, июля 21 дня 1899 года.

Иван Проминский

В. И. Ленин — С. М. Арканову, 31 октября 1899 года:

Уважаемый г-н доктор!

Если Ваши служебные обязанности позволяют, то не будете ли Вы так добры зайти вечером к моему больному товарищу, Оскару Александровичу Энгбергу (который живет в доме Ивана Сосипатова Ермолаева). Он уже третий день лежит, страдая от сильной боли в животе, рвоты, поноса, так что мы думаем, не отравление ли это?

Примите уверение в искреннем уважении

Владимир Ульянов

С. М. Арканов: Эта просьба Владимира Ильича Ленина была мною исполнена: я оказал Энгбергу соответствующую помощь, и болезнь вскоре окончилась благополучно.

М. А. Сильвин — О. А. Сильвиной, 17 января 1900 года:

В Боготоле я видел Проминского; он истопник на станции, получает 15 рублей в месяц и чувствует себя, видимо, не вполне хорошо; очень желает, чтобы к нему приехала семья, и надеется, не приедет ли она с Владимиром Ильичем¹⁴...

О. А. Энгберг: Владимир Ильич и Надежда Константиновна уехали из ссылки раньше меня. На прощание В. И. Ленин подарил мне на память свою фотографию с надписью¹⁵... Мне захотелось преподнести Надежде Константиновне небольшой подарок. Из старой серебряной крышки от часов я изготовил брелок в форме книги, на котором выгравировал слова «Капитал» Маркса, том I», — на память о наших занятиях. Надежда Константиновна удивилась тому, что в такой глуши можно изготовить столь тонкую ювелирную вещь.

Письма, письма...

А. И. Ульянова-Елизарова:

Со своими товарищами Владимир Ильич все время постоянно поддерживает связь, постоянно пишет нам о них. И в ссылке, как и в тюрьме, вливает он своими письмами бодрость во всех них.

...В письмах к родным из ссылки Владимир Ильич отзывается на все жгучие вопросы тогдашней партийной жизни; в них сквозит намечающийся фарватер его

основного пути, который должен был равно обходить как узость экономизма, так и опасность грозящего расплывчатостью благоволения к либералам, а также и чисто интеллигентское увлечение ревизионизмом, критикой для критики. Он уже в ссылке подбирает товарищей для будущего партийного строительства...

Мы видим... прочность его привязанностей...— длительное, ровное отношение к одним и тем же людям в течение долгих лет. Правда, это были близкие родные, но прочность симпатий, ровность и устойчивость характера из... писем тем не менее вычерчиваются. Затем мы можем также отметить на основании тех же писем прочность убеждений и веры в свое дело: ни тени колебаний, сомнений, увлечений в другую какую-нибудь сторону мы в письмах Владимира Ильича к людям близким, с которыми человек бывает всего откровеннее, не видим...

Мы видим, как жаждет Ильич обычных писем, просто рисующих, не задаваясь какими-либо общими целями, окружающую жизнь, как жадно он прислушивается к ним, просит посылать их чаще.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 18 мая 1897 года:

Что слышно о Колумбе*? Я слышал, что он женился и что он болен. Не знаете ли чего-либо о нем?

Анатолия и Юлия опять засадили в тюрьму: они не хотели ехать, не дождавшись навигации, и вот генерал-губернатор распорядился, чтобы они ждали в остроге!! Пароход в Енисейск должен был идти из Красноярска в 20-х числах мая.

В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой, 25 мая 1897 года:

Булочкиным, когда будешь писать,— пошли поклон от меня. Пусть пришлют мне свои карточки в обмен на мою. В каком положении их дело?

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 19 июля 1897 года:

Ужасно жаль Петра Кузьмича**! Я только из твоего письма получил известие о нем!..

Получил письмо от доктора из Верхоленска (Иркутской губ.), куда он назначен. Там же и Н. Е. Федосеев.

* И. Х. Лалайце.

** Речь идет о П. К. Запорожце.

В. И. Ленин — М. Т. Елизарову, 7 сентября 1897 года:

Читал как-то в «Русских Ведомостях» о неутверждении статистиков в Туле. Не попал ли в число их чикагинец*? Почему он не ответил мне на второе письмо мое, посланное через Маняшу еще из Красноярска?

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 12 октября 1897 года:

Доктор (северный)** просит послать всем привет. (Я переписываюсь и с ним и с Колумбом довольно правильно.)

П. И. Кулябко:

...Мы (*И. Х. Лалаянц и П. И. Кулябко*)... стали получать от него (*Владимира Ильича*) письма из ссылки, из села Шушенского. Тогда Владимир Ильич довольно часто писал нам в Воронеж, где мы временно проживали после частичного провала екатеринославской партийной организации в связи с первым съездом РСДРП. Письма Владимира Ильича дышали необыкновенной бодростью, всегда в них было что-нибудь совсем новое для нас — или о марксистских литературных новинках, или о товарищах, или о своих работах и планах.

В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой, 21 декабря 1897 года:

А карточек и группы так-таки нет да нет!¹⁶ Писал и Надежде Константиновне, — ответа еще не было. Не написать ли сестрам Юлия?

Кстати, получил письмо от 29.X (sic!) от Юлия. Пишет, что живет сносно, поселились все вместе (это гораздо удобнее и дешевле, и кухонная часть была устроилась, конечно, на счет единственной ихней «дамы»***, пособия получили, так что он высмотрит молодцом и ничуть не унывает...

Федосеев и Ляховский не пишут ни слова — черт их знает, что у них там делается!

В. И. Ленин — М. Т. Елизарову, 4 января 1898 года:

Очень удивился, узнав, что чикагинец в Петербурге. Последний раз, как я о нем слышал, — говорили (писали, вернее), что он где-то на Кавказе. Теперь, значит, устроился. Ответа на мое письмо он не шлет,

* В. А. Ионов.

** А. П. Скляренко.

*** жены ссыльного И. П. Мазанова.

и я думаю, что следует мне уже и перестать ждать; да, он, вероятно, и занят теперь много службой и за разъездами мог десять раз забыть. Обойдусь и так. Как Вы его нашли? Как он высмотрит (не в физическом отношении) и какие имеет планы? Какие у него знакомства и не думает ли возобновить литературных попыток?

А. И. Ульянова-Елизарова:

В письмах его (*Владимира Ильича*) проявляется большая чуткость к настроению другого, дружеское, товарищеское внимание — это видно как в заботах о матери и других членах семьи, так и о товарищах...

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 17 января 1899 года:

Анатолий все хворает, бедняга; недавно вынес тиф, и остались какие-то осложнения в легких и в сердце. Советуем ему перебраться в Минусинский округ, ибо в Енисейском климат гораздо хуже...

В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой, 24 января 1898 года:

Н. Е. Ф.* мне не пишет, не отвечает даже, хотя я писал ему 2 письма. Попеняй ему на это, если будешь писать. Об «истории» в Верхотенске я слышал: отвратительный нашелся какой-то скандалист, напавший на Н. Е.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 24 февраля 1898 года:

Получил я сегодня, дорогая мамочка, кучу писем со всех концов России...

Ф. В. Ленгник:

Наряду с углубленной литературной работой Владимир Ильич принимал самое деятельное участие в установлении самых оживленных сношений с группой «Освобождение труда» (Плехановым, Аксельродом, В. Засулич),... а также переписывался с Петербургом, Москвой и другими российскими городами и с товарищами по ссылке, с которыми он находил время переписываться в виде длиннейших писем, в которых освещались иногда очень сложные и интересные вопросы революционного движения или даже философии марксизма.

* Федосеев.

Н. К. Крупская:

Два раза в неделю приходила почта. Переписка была обширная.

...Писала подробно обо всем Анна Ильинична, писали из Питера... Получали письма из далекой ссылки — из Туруханска от Мартова, из Орлова Вятской губернии от Потресова. Но больше всего было писем от товарищей, разбросанных по соседним селам. Из Минусинска (Шушенское было в 50 верстах от него) писали Кржижановские, Старков; в 30 верстах в Ермаковском жили Лепешинский, Вансев, Сильвин, Панин — товарищ Оскара; в 70 верстах в Теси жили Ленгник, Шаповал, Барамзин, на сахарном заводе жил Курнатовский. Переписывались об всем — о русских вестях, о планах на будущее, о книжках, о новых течениях, о философии.

Г. М. Кржижановский:

Мы со Старковым были назначены в село Тесинское, а Владимир Ильич — в село Шушенское, расположенное от нас на расстоянии свыше 100 верст. Это не мешало нам находиться в постоянном общении, причем особенно аккуратным корреспондентом был, конечно, Владимир Ильич. Примерно два раза в неделю мы получали от него письма, благодаря которым были в курсе его собственных работ и тех сведений, которые он получал в результате обширной переписки. Эта переписка возникла не только потому, что письма Владимира Ильича всегда были по существу, всегда давали в сжатой и лаконичной форме глубоко обдуманые ответы по самой сути затрагиваемых тем, но также и вследствие необычайной аккуратности и самодисциплины Владимира Ильича в этом отношении: он мог послать резкий, полемический ответ на полученное письмо, но замолчать или тем более «захалатить» ответ на те запросы, которые к нему поступали, он считал совершенно недопустимым...

Эти письма могли бы послужить ценным материалом для характеристики той мощной подготовительной работы, в которую погрузился Владимир Ильич во время своей ссылки. Мы обсуждали с ним и те вопросы, которые были связаны с многоразличными темами писавшейся им в то время книги «Развитие капитализма в России», и различные новинки доходившей до нас и русской и немецкой литературы, и все то, что по тому времени казалось нам существенным и злободневным...

В период сибирской ссылки мы с В. В. Старковым попробовали заняться переводами с немецкого. Мы послали свой перевод на просмотр Владимиру Ильичу и получили от него обратно нашу рукопись, всю

испещренную его пометками. Он дал нам наглядный урок той высокой требовательности к изложению, великолепным примером которой являются его собственные литературные работы.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 8 марта 1898 года:

Тесинцы пишут, что у Э. Э. отняли пособие: «матери не считаются членами семей» (новые разъяснения!)... Анатолий «выручил», наконец, после долгих мытарств жену. Юлий пишет из Туруханска, что живет сносно...

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 14 июня 1898 года:

Новостей мало, да и то дурные. В Теси сошел с ума товарищ Ефимов (рабочий из Екатеринослава, — мания преследования), и Глеб отвез его в больницу. У Юлия в Туруханске вышла крайне грустная «история»: один из ссыльных (скандалист) поднял против него нелепо-дикие обвинения, последовал разрыв, пришлось разехаться, Юлий живет теперь один, расхворался, развинтились нервы, не может работать. Упаси, господи, от «ссыльных колоний!» и ссыльных «историй»!

С. И. Мицкевич: Во время его (*Владимира Ильича*) и моей ссылки... я вел с Ильичем деятельную переписку. Из конспиративных соображений мы не сохраняли тогда никаких писем, и я их все сжигал. Несколько откликов этой переписки имеются в книге (*В. И. Ленина*) «Письма к родным»...

В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой, 15 июля 1898 года:

Сергей Иванович * писал мне, что берет с удовольствием место врача в Средне-Колымске. Я думаю, что он прав. Лучше же быть за делом: без этого в ссылке пропадешь. А на 2½ тысячи прожить-то, наверное, можно там сносно.

А. И. Ульянова-Елизарова: Самоубийство Федосеева (в июне 1898 года в Верхоленске) очень огорчило Владимира Ильича, который высоко ставил Федосеева и возмущался поднятой против него и погубившей его ссылкой историей.

* *Мицкевич.*

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
15 июля 1898 года:*

О Н. Е. получил вчера письмо доктора. Н. Е. покончил с собой выстрелом из револьвера. 23.VI его похоронили. Оставил письмо Глебу и ему же рукописи, а мне, дескать, велел передать, что умирает «с полной беззаветной верой в жизнь, а не от разочарования».

Не ожидал я, что он так грустно кончит. Должно быть, ссыльная «история», поднятая против него одним скандалистом, страшно на него повлияла.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 2 августа 1898 года:

Из Верхоленска было подробное письмо от доктора, который описывает кончину Н. Е. Федосеева, возвращает письмо от Ани, посланное к Н. Е., но пришедшее уже после его смерти...

Пишет доктор, что крайне грустно повлияла на Н. Е. история гнусных обвинений, поднятых против него каким-то негодяем (из политиков же) по денежным вопросам, что Н. Е. решил потом не брать ни от кого *никаких* пособий (а его решения бывали твердые), что терпел поэтому самые крайние лишения, не мог работать и, по его словам, «когда убедился, что не может работать, решил, что не будет жить»...

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
16 августа 1898 года:*

Вместе с твоим письмом получил известие из Архангельска, что М. Г.* тоже застрелилась (18.VII), получив 16.VII известие о кончине Н. Е. Ужасно это трагическая история! И дикие клеветы какого-то негодяя Юхоцкого (*политический!!* ссыльный в Верхоленске) сыграли в этом финале одну из главных ролей. Н. Е. был страшно поражен этим и удручен... Говорят, дня за 2—3 до смерти он получил письмо, в котором повторяли эти клеветы. Черт знает что такое! Хуже всего в ссылке эти «ссылочные истории», но я никогда не думал, чтобы они могли доходить до таких размеров! Клеветник давно был открыт и решительно осужден всеми товарищами, и я никак не думал, что Н. Е. (обладавший некоторым опытом по части ссыльных историй) берет все это так ужасно близко к сердцу.

* М. Г. Гопфенгауз, друг Н. Е. Федосеева.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 6 декабря 1898 года:

Юлий мерзнет в Туруханске (в квартире — 2° по утрам) и ждет не дождется перевода. Як. М. (Ляховский) пишет, что на памятник Федосееву нужно 180 р., а собрано пока 70 р. — просит передать это всем знакомым. Пишет, что 18.X в Александровскую тюрьму прибыли: А. Ергин, Фрелих, Змеев, Алюшкевич, Талалаев, Тютрюмова-Абрамович и Гольдман. Все идут в Якутку.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 7 марта 1899 года:

От товарищей — мало хороших вестей. Аполлинарию Александровну* пустили на 3 недели в Енисейск. Бедняга Анатолий все болен, температура доходит до 40°. Говорят, что у него чахотка — от него это, разумеется, тщательно скрывают. Дело же об его переводе в Минусинский округ все еще не решается.

Н. К. Крупская: Переписывались и по шахматным делам, особенно с Лепешинским. Играли по переписке. Расставит шахматы Владимир Ильич и сообщает.

П. Н. Лепешинский:

...Одним из самых приятных для меня воспоминаний является то время, когда я заполнял свою скучную, однообразную жизнь в Курагине нетерпеливым поджиданием два раза в неделю писем от Владимира Ильича, с которым я затеял игру по переписке. Эти письма были приятны для меня прежде всего потому, что Владимир Ильич, кроме очередных шахматных ходов, всегда уж, бывало, напишет страничку-другую, в которой поделится своими литературными планами, расскажет, что он сейчас пишет, какая на горизонте появилась новая оппортунистическая звезда и т. д. и т. д. (эти письма, которых у меня накопилось дватри десятка, жандармы во время одного из обысков, кажется, в Пскове, отобрали у меня, и они так где-то и погибли в охранке). Но специфический интерес представляли для меня тогда и очередные ответы моего шахматного партнера. Я возился с этой партией, как чуть ли не с заветной задачей своей жизни. Все мое свободное время (а у меня его было много) уходило у меня на то, чтобы создавать на шахматной доске всевозможные вариации ближайших шахматных комбинаций и выбирать, таким образом, наилучшую из них. А так как Владимир Ильич мог тратить на это дело минуты, а не многие часы в день, то он,

* Якубову.

в конце концов, партию проиграл, и я был счастливейшим из смертных.

П. И. Кулябко: В начале 1900 года мы (*И. Х. Лалаянц и П. И. Кулябко*) получили от Владимира Ильича коротенькое письмецо, где он писал, что скоро уезжает из своей ссылки и будет в центре России.

Повидаться с товарищами

А. И. Ульянова-Елизарова: ...Иногда Владимир Ильич охотно ездил повидаться с товарищами в другое село, верст за 50, за 100... Такие поездки разрешались тогда для встречи Нового года, празднования свадьбы или именин. При этих съездах на 3—4 дня время проводилось, как писал Ильич, «очень весело»: гуляли, отправлялись на дальние охоты и на купанье летом; катались на коньках и играли в шахматы зимою. Беседовали на разные темы, читали отдельные главы из книги Владимира Ильича или обсуждали различные новые направления в литературе или политике.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 19 июля 1897 года:

Из Теси получил вчера известие, что там предстоит свадьба — Базиля с А. М. Зовут меня в шафера. Но это еще не так скоро, конечно.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 30 сентября 1897 года:

Пишу тебе, дорогая мамочка... из Теси. Приехал я сюда вчера вечером. Ехал довольно долго, потому что ехали втроем (я, Базиль и взятый мной мальчик) да с вещами на одной лошади и притом очень ленивой.

Тесинцы устроились отлично. Занимают прекрасную квартиру в большом двухэтажном доме (в Шуше и дома-то такого нет), лучшим в селе...

Разрешение у меня на пять дней и я еду отсюда в пятницу или в субботу прямо в Шушу...

*В. В. Старков — А. М. Старковой,
30 сентября 1897 года:*

В Минусинск съездил хорошо, встретился там со Стариком и притащил его к нам. Он пробудет у нас

до пятницы. Жалобу в окружной суд подали. Меня, по всей вероятности, или совсем освободят от наказания или значительно смягчат его. Сам мировой судья после прочтения апелляционной жалобы изрек: «Да, на основании этой жалобы действительно можно сказать, что наказание назначено слишком строгое». С мировым судьей у нас произошла здоровая перепалка, которая чуть было не кончилась новым протоколом... Напишу подробнее об этом и вообще о поездке в Минусинск после отъезда Старика (в воскресенье)...

От Старика привет.

Г. И. Окулова:

...Однажды меня и тов. Старкова мировой судья присудил к месяцу тюремного заключения за самовольную отлучку с места ссылки (*в Минусинск, к заболевшему ссыльному рабочему*). Владимир Ильич написал апелляционную жалобу в окружной суд, и нам арест заменили 3-мя рублями штрафа.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 12 октября 1897 года:

Расскажу поподробнее о своей поездке. В Минусинске я пробыл только два дня, все время прошло в беготне по лавкам, в хлопотах по делу Базиля (написали мы с ним жалобу на приговор мирового судьи, и сам сей судья признал, что его приговор слишком суров. Посмотрим, чем решит 2-ая инстанция), в посещении знакомых. Политиков теперь в Минусинске довольно много: Тырков А. В. (по делу 1 марта 1881 г.), Тютчев Н. С. и Яковлев Е. К. (народопр авцы), Мельников (народоволец), Блажеевский (польский рабочий), Райчин С. Гр. (наиболее близкий мой знакомый; товарищ и по направлению), Кон Ф. Я. (поляк — интеллигент; отбыл каторгу), Стояновский (по делу Гинзбург; отбыл каторгу). Повидал их почти всех. Думаю, что в зиму удастся еще раз съездить...

В Тесь я поехал вместе с Базилом. Проводил там время очень весело и чрезвычайно доволен был повидать товарищей и пожить в компанийке после моего шушенского сиденья. Компанийка живет однако, хуже, пожалуй, чем я. Т. е. не в отношении квартиры и пр.— в этом-то они устроились лучше,— а в отношении удовлетворенности. Глеб прихварывает изрядно, хандрит частенько; Базиль тоже, оказалось, вовсе не так уж «процветает», хотя это — самый уравновешенный из тесинцев. Э. Э. хозяйничает, очень довольна жизнью в Теси; тоже хворает. Хозяйничать ей нелегко, ибо прислуги нет; в Сибири вообще в дерев-

не очень и очень трудно найти прислугу, а летом прямо невозможно. Поэтому так, как я, на полном пансионе, устроиться можно недурно, а своим хозяйством очень нелегко. Тесинцы живут гораздо «общительнее» (так сказать), чем я: в Теси знакомы с фельдшерницей, затем недалеко (верстах в 15) живут бывшие курсистки*, с которыми они видятся нередко. Я не теряю надежды, что и унылое настроение у них пройдет. Глеб и Базиль имеют теперь работу: без нее они не могли бы жить, ибо пособия имеют лишь 24 руб. (на жену Базилю не хотят давать, ибо женился уже в ссылке).

Н. К. Крупская — М. А. Ульяновой, 14 октября 1898 года:

Ездили мы как-то (11 октября 1898 года) к Курнатовскому, он служит на сахарном заводе, верстах в 20-ти от нас. Было воскресенье, хотя и холодно, но солнце светило с прекрасного голубого неба, мы и покатили. Оделись совсем по-зимнему, Володя в шубу, в валенки, а меня закутали в «семейный» тулуп, я с головой в него ушла совсем. Курнатовский оказался ужасно занят, праздников у него нет, работает по 12 часов в сутки, от работы мы его действительно оторвали, но это ему только полезно, и обед его тоже действительно съели. Осматривали сахарный завод, директор проявлял необычайную любезность к «знатым иностранцам» (несмотря на то, что Володя в своих валенках и зимних брюках походил на великана из «мальчика с пальчика», а у меня все волосы дыбом стояли от ветра), старался оправдать дурные условия, при которых приходится работать рабочим, сам заводил разговоры на эту тему и простер свою любезность до того, что, несмотря на весь свой элегантный и выхоленный вид, бросился подавать Володе табуретку и стирать с нее пыль. Я чуть не расхохоталась.

Н. М. Кондрашов:

Я тогда был в пробельном цехе. Так назывался цех, где сахар вываривали. Жарища и духота стояли страшные. На заводе работали и мои братья Илья и Иван и друг Александр Веселовский. Мы не раз между собой поговаривали о своей судьбе. А как ее облегчить, изменить — не знали. Инженер Виктор Константинович Курнатовский, человек простой и душевный, рассказал однажды о том, как рабочие в России и за границей борются за облегчение своей жизни. Мы впервые тогда услышали слово «забастовка». Вот

* Г. И. и Е. И. Окуловы.

и решили сами забастовать — потребовали от хозяина перехода на трехсменную работу. А заводчик взял и уволил всех. Но поскольку заменить нас некем было, вынужден был принять снова на работу...

Директор завода Шишмарев и незнакомые мужчина и женщина ходили по цехам. Затем подошли ко мне и моему товарищу Александру Веселовскому. Виктор Константинович Курнатовский улыбнулся, а приезжий внимательно посмотрел на нас. Тут директор и Курнатовский отошли, а мужчина кивнул мне. Я подошел.

— Это вы ратуете за три смены? — спросил он приветливо.

Я рассказал ему, как было дело. Приезжий повернулся к женщине и проговорил:

— Очень интересно.

А потом ко мне:

— Значит, пока не вышло?

Он расспрашивал о нашей жизни, о работе. А когда снова подошли директор и Курнатовский, на прощанье легко кивнул мне головой. Позже я узнал от Виктора Константиновича, что это был политический ссыльный из Шушенского Владимир Ульянов.

С. М. Арканов:

Сюда (в село Ермаковское) приезжал В. И. Ленин, и это надолго служило злобою дня как в среде ссыльных, так и у их знакомых. Уже и тогда авторитет этого самого последовательного ученика К. Маркса стоял очень высоко в среде товарищей.

М. А. Сильвин:

...Однажды у меня в Ермаковском, в период весеннего перелета, когда утки летали над самой избой и саднились на болотце за огородом, он (*Владимир Ильич*), услышав характерный посвист полета, схватил со стены ружье и через несколько минут вернулся с парой уток. В ту же весну 1899 года мы ходили с ним на тока, но неудачно: тетерсва почему-то не прилетали, хотя чуфыканье их раздавалось кругом. Вероятно, я ошибся местом. Мне было досадно, что гость мой вернется ни с чем с этой верной охоты. В напряжении ожидания вдруг я увидел в предрассветной мгле, что перед нами маячат по степи какие-то неясные фигуры животных.

— Козы, — возбужденно шепчу я Ильичу.

В тех местах козы были нередки.

— Что вы, — расхолодил меня Владимир Ильич, — это лошади... эквус ординарис, — прибавил он юмористически по-латыни. Я был очень сконфужен. Так мы и вернулись ни с чем.

Вечером того дня у меня дома Владимир Ильич

категорически отказался лечь спать на моей кровати, единственной в моем жилище, и мы все трое: В. И. Ленин, я и В. К. Курнатовский, не желавший потерять ни одной минуты свидания с Ильичем и оставшийся у меня ночевать, расположились на ночлег прямо на полу, на одном только ковре.

Мы просили Владимира Ильича рассказать о своем путешествии за границу, о своих впечатлениях от Плеханова и его группы. О Плеханове, однако, он нам не говорил, а рассказывал о рабочих митингах, на которых ему случалось быть во Франции и Германии, об ораторских приемах докладчиков, которыми они будили внимание слушателей, разнообразя серьезную речь шутками и анекдотами. Говорил он о практицизме европейской жизни. Популярный оратор, если он имеет несколько предложений выступить, идет на то или иное собрание, считаясь с тем, где ему больше заплатят, предпочитая получить десять марок в одном месте, чем пять в другом, может быть, более важном для целей пропаганды.

— Вот вы вернетесь из ссылки,— продолжал он,— вам будет трудно жить, но все-таки к вам многие будут относиться с сочувствием, вас как-нибудь устроят, дадут вам какую-нибудь работу, поддержат вас. За границей классовая вражда дала бы вам себя больно почувствовать в подобном положении, там вам никто не поможет. В наших общественных отношениях еще много неясного, расплывчатого, нет резко очерченных граней...

Владимир Ильич снисходил... до игры (*в шахматы*) со мной.

Однажды в Ермаковском он, лежа на кровати и читая газету, играл, не смотря на доску, одновременно с нами троем: со мной, Курнатовским и Паниным — и дал всем нам мат очень быстро; правда, все мы были игроки отменно плохие.

Н. К. Крупская:

Ездили мы еще в Тесь. Пришло как-то раз письмо от Кржижановских — «Исправник злится на тесинцев за какой-то протест и никуда не пускает. В Теси есть гора, интересная в геологическом отношении, напишите, что хотите ее исследовать». Владимир Ильич в шутку написал исправнику заявление, прося не только его пустить в Тесь, но в помощь ему и жену. Исправник прислал разрешение нарочным. Наняли двуколку с лошадей за три рубля — баба уверяла, что конь сильный, не «жоркий», овса ему мало надо — и покатили в Тесь. И хоть не «жоркий», конь стал у нас посереде дороги, но все же до Теси мы добрались. Владимир Ильич с Ленгником толковали

о Канте, с Барамзиным — о казанских кружках; Ленгник, обладавший прекрасным голосом, пел нам; вообще от этой поездки осталось какое-то особенно хорошее воспоминание.

А. С. Шаповалов: Летом 1899 года, возвращаясь однажды из волости, я заметил одноколку, показавшуюся из-за угла. Седоки — мужчина и женщина — не могли быть крестьянами. Оба были одеты в городские костюмы. А молодая женщина с миловидным бледным лицом носила на голове даже городскую шляпу. «Не новые ли это ссыльные?» — явилась у меня мысль, но, всмотревшись внимательнее в них, я торопливо побежал навстречу одноколке. В седоке я, к своей радости, узнал Владимира Ильича, а в его спутнице — Надежду Константиновну.

Первой меня узнала Надежда Константиновна.

— Володя, — услышал я, — ведь это Александр Сидорыч.

У Надежды Константиновны было необыкновенно милое, симпатичное лицо, которое делалось еще привлекательнее, когда она улыбалась.

— Здравствуйте, Александр Сидорыч. Как хорошо, что мы вас встретили. Куда это вы?

— Едемте ко мне, — сказал я. — Во-первых, это в двух шагах отсюда, во-вторых, у меня хозяйка — свой человек, и, наконец, Фридрих Вильгельмович и Егор Васильевич ушли еще вчера с вечера на охоту и вернутся вечером.

Я жил в это время у крестьянки Ветвиновой, на той же площади, где находилась волость. Я ввел Владимира Ильича и Надежду Константиновну в свою комнату, указал им воду для умывания, заказал чаю и «шаньги», а сам сбегал на квартиры товарищей Ленгника и Барамзина и оставил у каждого по записке с извещением о приезде Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Когда я вернулся в свою комнату, хозяйка уже вносила кипящий самовар и большое блюдо с только что испеченными горячими румяными «шаньгами». Владимир Ильич и Надежда Константиновна, умывшись с дороги, сидели перед столом и рассматривали мои книги и тетрадь, в которую я вносил свои заметки, выдержки из прочитанных книг, цитаты, цифровой материал и прочее. В той же тетради было переписано множество революционных гимнов и стихотворений наших русских поэтов.

Заваривая кирпичный чай, настолько твердый, что его приходилось крошить предварительно большим ножом и даже топором, я заметил, что на лице Владимира Ильича показалась улыбка удовольствия, ко-

гда он увидел у меня первый том «Капитала» Карла Маркса, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Бельтова (Плеханова) и другие книги, которые я читал и перечитывал.

Просматривая мою тетрадь и наткнувшись в ней на стихотворение Никитина «Вырыта заступом яма глубокая...», он вдруг сказал:

— Как, и это стихотворение у вас записано? — в его голосе слышался оттенок удивления и легкой иронии.

— А это что? — переспросил он вдруг, указывая на другую тетрадь, где был переписан от руки «Манифест коммунистической партии». — Это вы сами переписали? Откуда достали перевод?

— Нет, не я, — ответил я. — Это перевод Старкова и его жены.

— Вот как! Это интересно, — сказал Владимир Ильич.

— Володя, Володя, — произнесла Надежда Константиновна, — смотри, Александр Сидорович немецким языком занимается, даже «Neue Zeit» читает. Скажите, — обратилась она ко мне, — вы часто в немецко-русский словарь заглядываете?

— Нет, — ответил я, движимый каким-то ложным стыдом, мешавшим мне сознаться, что немецкий язык мне дается с чрезвычайным трудом и что, если я и читал «Neue Zeit», то почти не выпуская из рук немецко-русский словарь. И я сказал неправду: — нет, не часто. При этом мне сделалось так совестно, что краска стыда залила мне лицо. Я покраснел до ушей.

— А я, — ответил в свою очередь Владимир Ильич просто, но с оттенком грусти, — я так часто прибегаю к помощи словаря.

От этих слов, в которых сказалась свойственная Владимиру Ильичу необыкновенная скромность, я еще больше смешался и покраснел. Я желал бы провалиться сквозь землю. К счастью для меня, вошла хозяйка и вслед за ней только что вернувшиеся из поездки на озеро гг. Ленгник и Барамзин.

Мы направились к Егору Васильевичу Барамзину, у которого комната была больше и вообще удобнее для разговора. В то время и в ссылке нужно было остерегаться ушей жандармов.

Оживленный обмен мнений, начавшийся у Владимира Ильича с Ф. В. Ленгником и Е. В. Барамзиным, продолжался все три дня, до самого отъезда Владимира Ильича в село Шушенское.

Поговорить, конечно, было о чем. Лично я, перей-

дя на сторону марксизма, все же не представлял себе, что и в нем могут появиться течения, такие же чуждые пролетариату и ошибочные, как и народовольчество...

Владимир Ильич понял тогда, что и в ссылке пришла пора действовать, подбирать товарищей для грядущей борьбы. Действительно, оставалось немного времени, всего год и даже меньше, до окончания срока ссылки Владимира Ильича. Приехав в Тесь, он решил, очевидно, столкнуться с новыми товарищами, жившими в Теси, с Ф. В. Ленгником и Е. В. Барамзиным. Особенно тов. Ленгник подавал тогда большие надежды как революционер.

Насколько я помню, в разговорах, продолжавшихся у Владимира Ильича в Теси с товарищами целых три дня, пришлось начать с вопроса о народничестве, которое, как известно, утверждало, что капитализм в России невозможен, что он «мертворожденный».

Егор Васильевич Барамзин принадлежал, очевидно, к той категории народников, которые «совмещали» народничество с марксизмом. Тов. Барамзин в то время не видел большой разницы между городским рабочим и русским обездоленным, доведенным до нищеты крестьянином. Обоих он считал одинаково доступными социалистической пропаганде...

Много и долго спорил Ленин с Ленгником... Но силы оказались в конце концов неравными. Перевес оказался на стороне Ленина, и оба его противника в споре, и Барамзин и Ленгник, торжественно признали себя побежденными...

Барамзину Ленин ответил, что община не может иметь решающего значения в момент, когда дело идет о создании партии рабочего класса, которая поведет могучий рабочий класс к свержению самодержавия, к захвату государственной власти для проведения в жизнь социалистического строя...

Конечно, товарищеские беседы не ограничивались лишь этими темами.

Накануне отъезда Владимира Ильича мы все взобрались на Георгиевскую гору. Отсюда, когда смотришь на восток, открывается вид на реку Тубу с ее рукавами и островами, и она кажется сверху светлой извилистой лентой между двумя грядами гор, нависшими над тубинской долиной. Когда посмотришь на юг, видишь огромное предгорье Саянского хребта. Горы, как огромные, внезапно застывшие волны, становясь чем дальше, тем выше, громоздятся одна за другой и уходят в даль, где на горизонте видны иногда снеговые вершины самых высоких хребтов. Но это бывает сравнительно редко. Но Владимиру Ильичу

чу повезло. Как будто для него, когда солнце склонялось к закату, горизонт вдруг очистился, и перед нашими изумленными глазами проступили сквозь голубую мглу блестящие снеговые вершины этих далеких гор...

— Ну, товарищи,— услышал я его голос,— завтра я уезжаю.

— Как жаль,— сказал с грустью Ленгник,— как миг пролетели эти три дня.

— Правильна французская поговорка: «столкновение мнений рождает истину»,— вставил Барамзин,— в спорах с вами мы обрели, в особенности я, истину, которой теперь мы будем служить.

На другое утро Владимир Ильич уехал обратно в село Шушенское.

З. П. Невзорова-Кржижановская:

...Получили возможность выехать на займку. Займка эта была на крутом берегу бесчисленных протоков Енисея... По лесенке можно было спускаться в протоку и там купаться. Место было очень красивое...

На займку к нам иногда наезжали товарищи... Приезжал (в июле или августе 1899 года)... и Владимир Ильич из Шуши с Надеждой Константиновной. Вместе гуляли, пели хором революционные песни, без конца говорили о будущей нашей жизни и деятельности.

Побег Райчина

Н. К. Крупская:

Были в Минусе и ссыльные народовольцы — Кон, Тырков и другие, но они держались отдельно. Старики относились к социал-демократической молодежи недоверчиво: не верили в то, что это настоящие революционеры.

А. С. Шаповалов:

Старая народовольческая ссылка в г. Минусинске в 1898 году, не разгадавшая в новых товарищах — в марксистах вообще и в В. И. Ленине в особенности — той силы, которой суждено было историей сыграть в революции такую решающую роль, проявила также совершенно недопустимо высокомерное отношение к рабочим-марксистам, начавшим в это время приходить в ссылку. Особенно вызывающе держал себя народопрavec, бывший старый народник с 1874 года... Тютчев.

— Улица пошла теперь в ссылку,— говорил он по адресу рабочих-марксистов.

Н. К. Крупская:

На этой почве незадолго до моего приезда в село Шушенское в Минусинском уезде разыгралась ссыльная история. Был в Минусе ссыльный, социал-демократ Райчин, заграничник, связанный с группой «Освобождение труда». Он решил бежать. Достали ему денег на побег, дня побега не было назначено. Но Райчин, получив деньги, пришел в очень нервное состояние и, не предупредив никого, бежал.

Ф. Я. Кон:

В одно прекрасное утро надзиратель во время своего обычного обхода явился с книгой, в которой в графе Райчина значилось: «Райчин уехал в Бию» — деревню, довольно далеко отстоявшую от Минусинска. На следующий день и еще два дня потом — такая же надпись... Надзиратель на пятый или шестой день отметил в книге: «Райчин не вернулся», а в следующие дни, когда Райчин уже пробирался за границу: «Райчина нет!» ...Эти записи прекратились, когда С. И. Мельников (*ссыльный*) под словами «Райчина нет!»... приписал: «и не будет!»

После восьми-десяти дней с момента побега прозводить обыски у ссыльных не было никакого смысла, и в этом отношении побег Райчина не повлек за собой никаких последствий.

А. С. Шаповалов:

Побег тов. Райчина произошел безусловно с ведома и одобрения Владимира Ильича. Но последний жил от Минусинска в 60 верстах, в селе Шушенском. Поэтому он не мог принимать непосредственного участия в организации этого побега.

М. А. Сильвин:

Старики обиделись на то, что молодые не предупредили их о побеге социал-демократа Райчина, о котором сами знали заранее. В этом было усмотрено обидное недоверие, причем указывалось, что побег мог повести к обыскам с серьезными последствиями для них, ни о чем не предупрежденных и ничего не подозревавших товарищей. Слово за слово — страсти разгорелись. В пылу полемики Райчин и его интересы как-то стусевались и на первый план выступил вопрос престижа. Спорящие стороны созывали собрания, на которых не однажды появлялся Владимир Ильич, резко защищавший независимость молодых и правоту их образа действий.

П. Н. Лепешинский:

В. В. Старков был почему-то взят ими (*ссыльными народовольцами*) под подозрение в соучастии с Райчиным в заговоре и в нарочитом обмане остальной ссыльной братии.

Дело дошло до товарищеского суда. Приехал из Шуши Владимир Ильич и взял на себя представительство интересов обвиняемой стороны (Старкова и Кржижановского). Он великолепно повел тактику формально-юридического процесса... Не давая воли своим субъективным реакциям на политические выпады противников, он с карандашом и бумажкою в руках записывал их ответы на предлагаемые им вопросы. На чем основано такое-то утверждение или такая-то квалификация? Где факты? Какие документальные доказательства? Какие улики? Имеются ли свидетельские показания? И т. д. и т. д.

А как раз вот по части именно фактов, улики, документов у обвинителей дело обстояло очень плохо по вполне понятным причинам, а именно потому, что и самое обвинение возникло, как плод расстроенного воображения и как результат больных нервов закиших в ссылку людей, а не в силу каких-либо похожих на правду фактических данных.

Метод Владимира Ильича, холодно замкнувшегося в оболочку формалиста-юриста, положительно губил стариков. Они, видимо, жаждали проявления вспышки раздражения у другой стороны, какой-нибудь истерической выходки, потери душевного равновесия у противника, каких-нибудь неосторожных с его стороны слов, чтобы иметь повод разодрать ризы свои и таким образом с честью выйти из своего затруднительного положения, в которое они были поставлены тактикой Владимира Ильича, но этот последний не давал им возможности ни охнуть, ни вздохнуть. К счастью для них, слишком темпераментный Глеб Максимилианович не выдержал тона. Его, что называется, прорвало. Поддавшись на какую-то наивную провокацию, он вышел наконец из себя и патетически выразил ту мысль, что если, мол, нас здесь подозревают в гнусности, то и мы должны наплевать на эту гнусную, вздорную трагикомедию.

Само собой разумеется, что его слова потонули в шуме протестов, благородного негодования и истерических выкриков. В результате получился полный разрыв дипломатических сношений.

Владимир Ильич мог только, уходя с «суда» домой, сокрушенно покачать головой и с упреком заметить Кржижановскому, что тот испортил ему всю музыку.

А. С. Шаповалов: В поведении Владимира Ильича в этой истории можно усмотреть симптоматическое значение. Его поведение как бы говорило, что в будущей борьбе Владимир Ильич всегда будет отстаивать интересы

рабочего класса и не будет останавливаться перед расколом с теми, кто осмелится выступать против рабочих.

Н. К. Крупская: Когда я приехала, Владимир Ильич рассказал мне про нее (*ссылочную историю в Минусинском уезде*).

— Нет хуже этих ссылочных историй,— говорил он,— они страшно затягивают, у стариков нервы больные, ведь чего только они не пережили, каторгу перенесли. Нельзя давать засасывать себя таким историям — вся работа впереди, нельзя себя растрчивать на эти истории.

И Владимир Ильич настаивал на разрыве со стариками.

Помню собрание, на котором произошел разрыв. Решение о разрыве было принято раньше, надо было провести его по возможности безболезненно. Рвали потому, что надо было порвать, но рвали без злобы, с сожалением. Так потом и жили врозь.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 2 августа 1898 года:

Я очень рад, что Анюта хочет известить всех о том, чтобы не посылать на имя С. М.*. Эта глупая особа получила недавно опять для меня** и хочет раздуть из этого целую «историю»¹⁷... Конечно, я не обращаю внимание на эти глупые выходки (вызванные, вероятно, нашей ссорой с минусинской публикой), и книги, посланные ей, получаю. Но больше приятнее было бы не получать. Если не все еще оповещены, то пусть Анюта напишет и остальным.

Н. К. Крупская: Владимир Ильич ничего так не презирал, как всяческие пересуды, вмешательство в чужую личную жизнь. Он считал такое вмешательство недопустимым.

Когда мы жили в ссылке, Владимир Ильич не раз говорил об этом. Он говорил о необходимости тщательно отгораживаться от всяких ссылочных историй, возникающих обычно на почве пересудов, сплетен, чтения в чужих сердцах, праздного любопытства. Это — засасывающее мещанство, обывательщина.

* Фридман.

** посылку с книгами.

Поездка в Красноярск

*Из прошения Владимира Ильича
начальнику Енисейской губернии:*

Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить мне приехать на одну неделю в город Красноярск для обращения к специалисту по зубным болезням. Местный врач, после неоднократных безуспешных попыток, признал себя некомпетентным в данном случае, а дантиста в настоящее время в г. Минусинске нет.

г. Минусинск, 12 августа 1898 года.

Помощник присяжного поверенного
Владимир Ульянов

Поданию подлежит господину минусинскому окружному исправнику.

*Из донесения енисейского губернатора
иркутскому генерал-губернатору:*

Имею честь представить Вашему Высокопревосходительству, что административно-ссылному, состоящему под гласным надзором полиции в Минусинском округе, Владимиру Ульянову, согласно его ходатайства и представленных двух медицинских свидетельств минусинского городского врача Смирнова о состоянии его здоровья, а также ввиду болезни Ульянова, требующей скорой подачи помощи, мной разрешено названному ссылному прибыть на одну неделю в г. Красноярск для лечения.

Два медицинских свидетельства и прошение Ульянова при сем представляются.

Губернатор *Плец*

*Из отношения канцелярии иркутского
генерал-губернатора енисейскому губернатору:*

Канцелярия, по приказанию г. генерал-губернатора, имеет честь покорнейше просить распоряжения Вашего Превосходительства об установлении наблюдения за своевременным возвращением административно-ссылного Ульянова в Минусинск по окончании лечения в Красноярске.

Н. К. Крупская:

В сентябре 1898 года Владимир Ильич получил разрешение поехать в Красноярск лечить зубы. Он чрезвычайно рад был поездке, но и во время этой

поездки собирався делать выписки в Красноярской библиотеке.

А. М. Старкова — В. В. Старкову, 8 сентября 1898 года:

Завтра еду в Красноярск вместе с мамой. Все вышло так неожиданно, что я не могу прийти в себя. Ее печень болит не на шутку...

Сколько времени придется пробыть в Красноярске — неизвестно. Все зависит от характера болезни... Пока едем на деньги Владимира Ильича, который вместе с нами отправляется в Красноярск лечить свои зубы.

Из рапорта помощника минусинского исправника енисейскому губернатору, 9 сентября 1898 года:

...Имею честь донести, что административно-ссылный Владимир Ульянов сего числа выехал из Минусинска в Красноярск на пароходе «Красноярец» по выданному вчерашнего числа проходному свидетельству за № 143. Об этом одновременно сообщено красноярскому полицмейстеру.

Л. Н. Скорняков: Я встречался с тов. Лениным раза два-три в квартире тов. П. А. Красикова, тоже высланного в Красноярск, у которого тов. Ленин проживал в тот приезд в Красноярск....

В одно из посещений, когда я заговорил с тов. Лениным о своем желании организовать рабочий кружок, Владимир Ильич, к моему величайшему удолетворению и радости, сказал:

— С этого и надо начинать!

Запись воспоминаний Л. Н. Скорнякова:

Владимир Ильич узнал, что хотя социал-демократическая группа связана с рабочими, но работы среди них не ведет. Он посоветовал организовать социал-демократические кружки на железной дороге и на пристани, активнее вовлекать рабочих в революционную деятельность.

Из составленного иркутским прокурором «Обзора революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897—1907 гг.»:

В... Красноярске под влиянием и при участии политических ссыльных образовалось несколько тайных кружков...

Ближайшее ознакомление с деятельностью этих кружков приводит к выводу, что их возникновение есть результат усилий политических ссыльных подготовивших во что бы то ни стало почву для местной революционной работы.

П. А. Красиков: Ильич знал, что я был привлечен за сношения с Плехановым и его группой. Сам он, как известно, ездил в 1895 году в Женеву и Цюрих и завязал уже тесные сношения с группой «Освобождение труда».

Владимир Ильич спросил меня, какие остались у меня личные отношения с Плехановым.

Я, помню, подробно рассказал ему о всех моих отношениях с Плехановым, Аксельродом и Засулич. Я рассказал, в каком тяжелом материальном и физическом состоянии я знал Плеханова, почти без средств как для издания марксистской литературы, так и для собственного существования, с гнездящимся в его организме туберкулезом, с женой, которая готовилась стать врачом, но еще почти ничего не зарабатывала, с тремя дочерьми, из которых одна умерла от менингита, причем обнаружилась потрясающая картина той нужды, в которой жила семья Плеханова. Я описал жалкий вид костюма Плеханова, бахрому его брюк, порывчатость пальтишка и цилиндра, вечный бронхит и бледность его щек...

Владимир Ильич, как это он всегда умел делать, внимательно слушал мой рассказ, не прерывая его, но отдельными замечаниями и полувопросами направляя разговор в нужное ему русло. Когда я сообщил, что мои отношения с Плехановым я смело могу назвать дружескими, что виделись мы с ним почти каждый день, что в трудную для него минуту (смерть и похороны дочери) он трогательно обратился ко мне и я товарищески помог ему всем, чем только мог, Владимир Ильич сказал:

— Ну вот, как вы, конечно, знаете, теперь дело с Плехановым стоит уже иначе. Мы сделали и сделаем все, чтобы привлечь и сберечь для нашего общего дела такой блестящий ум и сделать общим достоянием такую огромную литературную силу. Вот эта книжка,— он указал на лежащую у меня на столе книгу Бельтова (*«К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»*),— прекрасная книжка, и в то же время она дала Георгию Валентиновичу изрядную сумму франков. Когда я видел его в 1895 году, от штанов с бахромой уже не осталось и следа! А теперь мы смело можем сказать, что он нужды уже никогда не увидит. Но дружба с ним, и в том числе

личная, нам очень важна. У революционеров его за-
кала личная связь, личная симпатия играют огром-
ную роль.

Л. Н. Скорняков: ...Вместе с Лениным и Красиковым мне пришлось
быть у П. И. Кускова (*красноярского адвоката*). Он
числился тогда в рядах «экономистов».

Беседа у Кускова касалась ряда волнующих в
тот период вопросов теории и практики марксистского
движения. Говорил почти исключительно Владимир
Ильич; наше участие сводилось лишь к отдельным за-
мечаниям, а хозяин квартиры как-то робко и неуве-
ренно защищал свои позиции по теории «экономизма».

Когда после нескольких часов беседы мы в 2—
3 часа ночи возвращались домой по улицам спавшего
уже города, кто-то из нас заметил, что Кусков забыл
угостить нас чаем и что хотелось бы покушать. Вла-
димир Ильич громко и добродушно захохотал, под-
черкнувши, что хозяин квартиры просто растерялся.

Выход из положения, конечно, был найден.

Еще два часа продолжался наш разговор в квар-
тире тов. Красикова, но уже за чаем и с закусками,
добытыми у моих родителей.

*О. Б. Лепешин-
ская:*

Тоня (*Старкова*) сообщила мне, что сейчас в Крас-
ноярске находится Владимир Ильич Ульянов, кото-
рый приехал из Шушенского полечиться.

— Не сходить ли тебе к нему? — предложила она.

Возможность увидеть Ленина привлекала меня...

Во время нашего разговора с Тоней раздался
стук в дверь — и на пороге показался сам Владимир
Ильич.

Узнав о моем приезде, он, оказывается, сам по-
спешил разыскать меня. Приветливо поздоровавшись,
он просто, как старый знакомый, принялся расспра-
шивать о жизни казачинской ссыльной колонии, о
каждом из ее членов в отдельности. Все интересовало
его: и кто чем живет, и каково материальное положе-
ние товарищей, каковы взаимоотношения между пред-
ставителями народовольцев и социал-демократов, он
интересовался, не преследует ли ссыльных полиция,
занимаются ли они литературной работой.

Искренняя заинтересованность в судьбах людей,
человечность проглядывали в каждом его слове... Пе-
редо мной был в высшей степени сердечный и обхо-
дительный человек. Это умение Ильича сходитьсь с
самыми различными людьми, привлекать их к себе с
первого знакомства не раз поражало меня и во время
последующих встреч с ним.

Я постаралась ответить на все интересовавшие Ленина вопросы. Рассказала о казачинском житье-бытье, о стычках с урядником.

— Да, да, я слышал об этом,— заметил Владимир Ильич и затем, несколько неожиданно, спросил: — А вы, кажется, едете на новую службу?

Оказывается, он и об этом осведомлен. Меня это не могло не удивить, однако позднее я поняла, что осведомленность Ильича о других ссыльных не была результатом беспредметного любопытства. Дело в том, что, находясь в любых условиях, он старался сгруппировать, объединить наиболее последовательных марксистов, подготовить их для дальнейшей революционной работы. Он естественно становился центром, вокруг которого сплачивались другие товарищи. Они-то и информировали его о людях, которые могли быть полезны нашему делу.

— Ну, а муж тоже собирается переехать? — поинтересовался Ленин.

— Если удастся, то обязательно.

— Надо сделать, чтобы удалось,— сочувственно сказал Владимир Ильич.— А в Минусинск, на пароходе, отправимся вместе... Вообще необходимо нам всем быть ближе друг к другу,— добавил он.

По отношению ко мне, готовившейся стать матерью, он проявил себя заботливым и чутким товарищем.

Ильич спросил меня:

— Чего бы вам сейчас хотелось поесть?

Я, смеясь, ответила:

— Мой младенец хочет омаров.

Послать так я решила только потому, что считала просьбу мою невыполнимой. Я была в полной уверенности, что Ильич и не подумает принимать мои слова всерьез. Но не успела я добавить, что шучу, как он схватил фуражку и быстро вышел на улицу. Смотрю — он вскоре возвращается с раздобытыми в каком-то магазине консервами из омаров.

И после этого, собираясь в обратный путь и зная, что я еду в том же направлении, он освободил меня от всяких хлопот, связанных с дальнейшим нашим передвижением до Минусинска: сам позаботился о приобретении билетов, сам закупил продовольствие на дорогу.

Почти сразу же после этой встречи с Лениным, под ее свежим впечатлением, я написала мужу в Казачинск — насколько ошибочным было мое первоначальное представление об Ильиче как о малодоступном человеке и каким приветливым и обаятельным он оказался на самом деле.

*О. Б. Лепешинская — П. Н. Лепешинскому,
13 сентября 1898 года:*

Здесь Ульянов, вчера искал меня познакомиться — и нашел. Какой он милый — прелесть! Мы поедем все вместе, если поправится Тонина мать, если же нет, то с Ульяновым только.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 16 сентября 1898 года:

Живу я здесь*, дорогая мамочка, вот уже несколько дней. Завтра думаю ехать, если пароход не запоздает на сутки. Ехать придется без А. М. и Э. Э. (я ведь, кажется, писал тебе из Минусинска, как устроилась у нас с ними совместная поездка?). Э. Э. легла в больницу здешнюю; один из докторов — знакомый А. М. и Э. Э., кажется, устроилась там недурно и чувствует себя хорошо. Точного диагноза врачи все еще не могут поставить: либо это — простая боль от ухаба (она упала из экипажа месяца 1½—2 тому назад), либо — нарыв печени, болезнь очень серьезная, продолжительная и трудно поддающаяся лечению. Ужасно жаль мне бедную А. М., которая еще не оправилась после смерти своего ребенка и после своей болезни; она волнуется по временам до того, что с ней чуть ли не делаются нервные припадки. Оставлять ее одну здесь очень бы не хотелось, но у меня кончается срок и ехать необходимо. Попрошу здешних товарищей навещать ее. Финансы мои, вследствие поездки, необходимости помочь А. М. и сделать кое-какие закупки, сильно истрепались. Пошли, пожалуйста, Елизавете Васильевне (у которой я сделал заем) около половины той суммы, которую должны были прислать за (весь) перевод Webb'a...

Поездкой своей сюда я очень доволен: вылечил себе зубы и проветрился несколько после 1½-годового шушенского сидения. Как ни мало в Красноярске публики, а все-таки после Шуши приятно людей пови-дать и поразговаривать не об охоте и не о шушенских «новостях». Ехать назад придется довольно долго (суток 5 или около того): против воды пароходы тащатся по Енисею чертовски медленно. Сидеть придется в каюте, потому что погода стоит чрезвычайно холодная (одет я, разумеется, по-зимнему и купил еще здесь тулуп для Нади, так что меня никакой холод не проберет). Я запасаюсь свечами и книгами,

* в Красноярске.

чтобы не умереть со скуки на пароходе. Со мной поедет, вероятно, Лепешинская, жена ссыльного, которая едет на службу в село Курагинское (верст 40 от Минусинска, где живет наш товарищ Курнатовский); ее мужа перевели туда же...

Сейчас видел А. М. и узнал, что Эльвире Эрнстовне гораздо лучше, так что доктора не видят теперь ничего опасного и обещают, что дней через 8 она выйдет совсем здоровой и в состоянии будет ехать в Минусинск. Это все очень приятные вести.

О. Б. Лепешинская:

В назначенный день (20 сентября 1898 года) мы двинулись по Енисею из Красноярска в Минусинск. Не помню уж, на каком мы ехали пароходе, но в общем это было какое-то малосильное судно, вяло шлепавшее колесами и медленно двигавшееся против течения могучей сибирской реки. Погода стояла ясная, тихая; и плавание это оказалось отличной прогулкой.

Владимир Ильич, как-то особенно проникновенно и тепло любивший природу и по-человечески просто общавшийся с нею, не уставая любовался окрестностями Красноярска. А окрестности эти и впрямь необычайно живописны!.. Далеко, к самому горизонту, уходит темно-зеленая стена лесов — енисейская тайга. Под набегающим ветром она колышется, словно волны моря. На холмистых и скалистых берегах высятся раскидистые кедры и сосны, могучие ели. Вдалеке величественным каменным поясом поднимаются Куйсумские хребты, отроги Саян, а здесь, поближе, как острова, вздымаются знаменитые «Столбы» — гряды причудливых отвесных скал... Необыкновенно хорошо!

В девятиместной каюте вместе с Лениным помещались я, моя воспитанница пятнадцатилетняя девочка Лена Урбанович, Тоня Розенберг с матерью и еще пять незнакомых нам пассажиров. Из соображений конспирации политических разговоров мы не вели.

Выходя изредка на палубу, Ильич любовался дивными видами енисейской природы. Однако здесь он бывал неподолгу, чаще оставался в каюте. Наши места находились по соседству. В один из дней, когда мы оба, расположившись на своих койках, углубились в чтение, я невольно обратила внимание на частый шорох страниц. Я оторвалась от чтения и бросила взгляд на Ленина. То, что я увидела, поразило меня: он читал с необыкновенной быстротой: едва я успевала прочитывать в своей книге несколько строчек,

как Владимир Ильич уже перелистывал страницу. Пригляделась к его раскрытой книге, увидела, что она на немецком языке,— и удивленно спросила:

— Владимир Ильич, вы что же, читаете книгу или только просматриваете?

Ильич удивленно поднял глаза.

— Разумеется, читаю. И очень внимательно, заметьте. Она стоит того.

— Да, но разве можно так быстро читать?

— Вот оно что,— улыбнулся Ильич.— Вы правы: я читаю быстро. Но так надо. Я себя приучил к этому. Мне необходимо очень много прочесть. Поэтому медленно мне читать нельзя.

За несколько дней, проведенных на пароходе, Ильич прочитал столько, сколько иной и за полгода не прочтет. Так я впервые столкнулась с изумлявшей многих способностью Ленина необычайно быстро схватывать содержание всякого печатного или рукописного труда, причем прочитанное усваивалось им не как мимолетное впечатление, а прочно, основательно, до мельчайших подробностей. В этом проявлялась колоссальная, ни с чем не сравнимая емкость его ума.

А. М. Старкова:

Я везла свою больную маму к себе домой, а Владимир Ильич... тоже возвращался в Минусинск этим же пароходом. С нами ехала еще О. Б. Лепешинская с молодой приемной дочерью. Все время пути Владимир Ильич продолжал также неутомимо работать, и я была поражена, как необыкновенно сосредоточенно и в то же время необыкновенно быстро и легко проглатывал он громадные тома, полные цифр и таблиц. Видя, как легко читает Владимир Ильич, я подумала, что тоже смогу легко разобраться в этом серьезном материале. Но это был самообман. Только у Владимира Ильича серьезная работа проделывалась так легко, ибо он обладал редким складом ума, гениальной самособранностью и целесообразностью во всем, и у него, как у мага и волшебника, все было ясно, логично и гармонично...

Почему-то запомнился мне один разговор Владимира Ильича со мной о современной семье и о положении в ней женщины с развитым самосознанием.

Отстаивая мысль о разделении труда в семье и вообще скептически относясь к общественной работе замужней женщины, я в то же время сетовала на то, что женщина всегда в семье подавляется всякими обязанностями и разменивается, работая на членов семьи. Владимир Ильич упорно убеждал меня

в неверности моих взглядов, отстаивая полное равноправие полов, и горячо мне говорил, немного картая:

— Вы, жены, сами виноваты, балуете своих мужей, а потом и жалуетесь на свою судьбу. А вы предоставьте своим мужьям заботиться о себе, и вы будете свободны. Пусть сами чинят белье и сами пришивают пуговицы.

Приблизительно так выражался Владимир Ильич, а я смущалась такими положениями и отчаянно спорила, так как не могла допустить, чтобы такой складки человек, как Владимир Ильич, тратил свое драгоценное время на штопку носков и всякие другие житейские мелочи...

Всю дорогу Владимир Ильич меня распропагандировал, уверяя, что только жены виноваты в житейской неспособленности своих мужей, и всегда лукаво-добродушно посмеивался над моими неумелыми доводами.

О. Б. Лепешинская:

Заметила я тогда и другую особенность его (*Владимира Ильича*) характера: стремление использовать свое время с максимумом полезности. Пустой болтовни — просто так, для времяпрепровождения — он терпеть не мог... Всю дорогу он читал, писал, занимался интересующим его делом. И только во время завтрака, обеда и ужина разговаривал просто так, без видимого дела. Впрочем, потребность в шутке в нем никогда не иссякала; юмор, смех он любил и всегда умел их понять и оценить. В связи с этим припоминается один веселый эпизод из тогдашнего путешествия.

Со мной в Минусинск ехала дочь жившего в Казачинском крестьянина Урбановича — Лена. Девочка эта была большой проказницей. Заметив, что Ильич целыми днями сосредоточенно сидит над книгой, совершенно не обращая внимания на окружающее, она решила над ним пошутить, никому об этом не сказав.

Лена надела чьи-то брюки, мужское пальто и шляпу, взяла тросточку, нацепила на нос пенсне — и незнаваемо преобразилась в молодого человека. Едва наступили сумерки и Ленин вышел на палубу для вечерней прогулки, как за ним по пятам стала назойливо следовать какая-то странная личность.

Ленин, не видя возможности избавиться от такой внезапно возникшей «тени», прервал прогулку и, возмущенный, вернулся в каюту.

— Черт знает что, — сказал он, — даже и здесь шпионят!

Он хотел еще более возмутиться, заметив, что его преследователь вошел за ним в каюту: но Лена в это время быстро скинула маскарадное одеяние — и раздался общий смех. Веселее и заразительнее всех хохотал сам Ильич.

Медленно тянулся к югу пароход. Далеко позади остались красноярские «Столбы», на которых местная революционная молодежь вывела на самых неприступных и далеко заметных местах революционные лозунги, красовавшиеся там, к бессильной злобе жандармов.

Примерно посреди пути у нас возникло неподвижное затруднение... Енисей изрядно обмелел. Пароход то и дело останавливался в поисках фарватера и намного отстал от расписания. У большинства пассажиров, рассчитывавших на то, что их поездка в Минусинск займет не более трех дней, пришел к концу запас продуктов. Буфета же никакого на борту не имелось. Приходилось потуже затягивать пояса — и все заволновались: как выйти из создавшегося положения? В те времена у крестьян не было в обычае выносить к пароходу продукты для продажи.

Всех выручил Ильич. Со своей всегдашней деликатностью и стремлением помочь людям он — во время очередной остановки из-за мели — заявил, что пойдет в расположенное на берегу село за продуктами.

— Захватите с собой корзинку,— предложила я ему.

— Она мне не понадобится,— сказал Ленин.

Тогда я стала настаивать:

— Возьмите меня с собой. Вы же один не донесете.

Но Ильич снова заявил:

— Не надо,— и, смеиваясь, быстро скрылся в прибрежных зарослях.

Прошло несколько времени — и мы с палубы видим, как к реке приближается целое шествие. Впереди идет Владимир Ильич, а за ним тянутся вереницей крестьяне: кто с корзиной яиц, кто с мешком хлеба, кто с ведром молока... Пришли и остановились на берегу. Вся публика с парохода мигом бросилась раскупать продукты. Опасность «помереть с голодухи» миновала, и все пассажиры наперебой благодарили Ленна.

В Минусинск мы прибыли только на шестой день. Там мы распрощались. Владимир Ильич уехал в село Шушенское.

На Новый год

Н. К. Крупская: На Новый год ездили в Минусу, куда съехались все ссыльные социал-демократы.

П. Н. Лепешинский: Время от времени его (*Владимира Ильича*) тянуло пожить на людях. Правда, он не искал никакого иного общества, кроме полутора дюжин товарищей, рассеянных по разным углам Минусинского уезда, и даже чуждался общения с политическими ссыльными не социал-демократами. Но зато он охотно мечтал о тех немногих днях, когда, по уговору, вся наша ссыльная минусинская братня (социал-демократов) должна была съехаться, чтобы совместно, в своей тесной товарищеской семье, провести время.

Квартирка, в которой скучивались «съездовцы», наполнялась шумом и гамом. Ни дать ни взять — пчелиный улей! Все спешили наговориться, наохотаться, наспориться, словом, насытить свои изголодавшиеся души счастьем общения с близкими по духу людьми. И Ильич не только не скучал в этом обществе, а наоборот, был наиболее жизнерадостным членом его. У него за последние месяцы накопилось много вопросов, которые он хотел бы обсудить сообща. Для него присутствие десятка товарищей — это ведь уже настоящая кружковая обстановка для дискуссий... Два-три дня, отведенных судьбою в лице минусинского исправника для шушенского отшельника в качестве праздника, который он должен использовать, чтобы выложить перед минусинской товарищеской средой тысячи вихрящихся в его голове мыслей и расширитель их мозги отчаянным «спором» (что очень напоминало «драку» между медведицей и ее медвежатами в интересах тренировки малых детенышей) — эти два-три дня проходят как единый миг для всех минусинцев, а в том числе и для Ильича...

Никто из нас не отличался таким естественно простым, милым, хорошим отношением к окружающим людям, такой чуткостью, деликатностью и таким уважением к свободе и к человеческому достоинству каждого из нас, его товарищей и единомышленников.

Правда, опасно было слишком неосторожной рукой залезать в его умственную кладовую с намерением нарушить сложившийся там порядок идей. Если нападения на него со стороны какого-нибудь спорщика принимают слишком уж претенциозный характер, он никогда не прочь принять вызов, но зато уж тот только держись...

Ошибочно, однако, было бы думать, что у Владимира Ильича только и было на уме, как бы под-

ловить того или иного завравшегося болтунишку и тяжеловесными ударами своей страшной логики уложить его наповал. Что касается нас, близких к нему товарищей, то он очень благодушно смотрел на пробелы и дефекты нашей мысли, относясь к нам скорее как педагог, чем как полемист. Увлекаясь какими-нибудь новыми теоретическими построениями, он был полон жажды поделиться своими интересными идеями с нами, приобщить нас к облюбованному им источнику интеллектуальных наслаждений и поднять наше сознание до уровня его мысли. В таких случаях он буквально нянчился с нами, как со своими питомцами.

А. С. Шанова-лов:

Политические ссыльные — марксисты съехались в Минусинск по инициативе Владимира Ильича для обсуждения вопроса об основании товарищеской кассы взаимопомощи...

Владимиру Ильичу исполнилось тогда 28 лет. Он был полон сил и жизни. Наружностью он походил на молодого крестьянина. Лицо у него было простое, мужицкое, русское. Но глаза его сразу обличали необыкновенного человека. Они сияли умом. На губах играла характерная для него усмешка. Он производил впечатление человека, любящего не фразы, а дело, у которого интеллект господствует над чувством.

Засмотревшись на него, я совершенно забыл плотно захлопнуть двери, и белый пар и холод наполнили комнату.

— Да закрывайте, наконец, дверь, Сидорыч! Экий вы мямля! Дверей затворить не можете. Батюшки, холоду-то напустил. Да снимайте ваш полушубок, шапку и рукавицы. Знакомьтесь с Владимиром Ильичем и садитесь обедать. Экий вы, право, — кричала на меня Зинаида Павловна, которая представляла полную противоположность своей приятельнице Надежде Константиновне Крупской. В то время как последняя, бледная и скромная, чаще всего сидела молчаливо или тихо с кем-нибудь беседовала, первая, красноречивая, неугомонная, не могла спокойно усидеть на месте...

И теперь, видя, что я окоченелыми руками очень мешкотно закрываю двери, она, нетерпеливо оттолкнув меня от двери и быстро захлопнув ее, громко закричала:

— Экий медведь, право, этот Сидорыч. Да идите же к столу. Мы еще не обедали, поджидая вас.

Владимир Ильич сидел в центре за столом, потирая руки и лукаво шуря глаз, наблюдал эту сцену.

— Мне много о вас рассказывали,— сказал он, когда я познакомился с ним,— и Глеб и Зинаида Павловна.

Несмотря на единогласные отзывы о Владимире Ильиче как о, бесспорно, самом выдающемся из всех известных нам в то время товарищей, никто из нас не мог предполагать той огромной роли, которую суждено было ему сыграть в русской и мировой революции...

Основные черты его характера — огромную любовь к рабочему классу, непримиримую ненависть к царизму и буржуазии, выдающиеся способности, необыкновенное упорство, настойчивость в работе, трудоспособность, скромность и простоту — можно было заметить у него уже тогда, в ссылке.

В тот день в Сибири, в Минусинске, у Кржижановских, знакомясь с новыми товарищами, Владимир Ильич принял участие в обсуждении вопроса об организации товарищеской кассы взаимопомощи. Все товарищи, имевшие, кроме казенного пособия, побочные заработки, были обложены особым процентом отчисления в пользу кассы. Присутствовали на этом собрании, насколько я помню, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, А. М. Старкова, З. П. Невзорова, Н. К. Крупская, В. И. Ленин, В. К. Курнатовский, Н. Н. Панин, М. Д. Ефимов, Оскар Энгберг и я.

Владимир Ильич подолгу разговаривал с каждым из рабочих и вообще с каждым новым товарищем. У всех нас осталось уже с того времени большое доверие к нему, как к учителю и вождю партии.

Выслушав рассказ о моем революционном прошлом, узнав из него, что я принимал участие в подпольной народо-вольческой типографии, Владимир Ильич заинтересовался вопросом об устройстве наиболее идеального типа подпольного типографского станка, который обладал бы максимальной производительностью и в то же время был бы легок для переноски, мал размерами и удобен для прятания...

Если в то время я вообще преклонялся перед личностью интеллигента-революционера, то тем более перед Владимиром Ильичем.

А. М. Старкова:

Прекрасно помню... нашу последнюю общую встречу Нового года в Минусинске... Встреча была устроена в нашей семье (семья В. В. Старкова жила вместе с семьей Г. М. Кржижановского). С нами все время ссылки жила наша мать, которая сумела нам создать уютную и здоровую атмосферу большой и хорошей семьи. Поэтому к нам всегда с удовольствием приходили товарищи, и поэтому у нас был устроен этот...

вечер... Съехались все друзья со всех углов нашей округи...

Владимир Ильич живо со всеми перекидывался шутками, с удовольствием участвовал в хоре и часто возвращался к намечающейся будущей революционной работе.

С глубокой верой в свою правоту смотрел Владимир Ильич в грядущее, и этой бодростью он подтягивал слабых и заряжал новыми силами здоровых.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 28 декабря 1898 года:

Пишу тебе, дорогая мамочка, из Минусинска; приехали сюда мы с Надей на праздники и останемся до 1-го. Проводим время здесь превосходно. Такого отдыха от занятий только и можно было желать.

П. Н. Лепешинский:

Игра творческих сил в нем (*Владимире Ильиче*) говорила гораздо сильнее, чем в ком бы то ни было из окружавших его людей. Во время своей молодости, будучи в ссылке, он необычайно охотно и со всем пылом страсти отдавался всякого рода физическому и умственному спорту.

...Когда я впервые познакомился в Минусинске с Владимиром Ильичем, то с нетерпением жаждал померяться с ним силами на шахматной доске. Старков и Кржижановский, которых я систематически обыгрывал во время нашего этапного путешествия в вагоне из Петербурга в Москву и из Москвы в Сибирь, были очень высокого мнения о моем шахматном искусстве и подзадоривали и меня и Ильича поскорее засесть за шахматный стол. Мы не заставили себя долго уламывать и чуть ли не через четверть же часа после первого свидания сидели друг против друга, углубившись в игру.

Не без некоторого волнения я стал передвигать пешки и фигуры. Скоро результат игры выяснился: я торжественно и чудно партию проиграл.

— Ну что ж! Это со мною иногда случается, в особенности если я начинаю играть с новым партнером, к манере игры которого я не успел еще привыкнуть. Вот посмотрим, что скажет вторая партия.

Но и другая партия кончилась для меня столь же печально.

— О-о, черт побери, реванш, скорее реванш!!

Но и третья и четвертая партии имели тот же финал при общем ликовании моих старых шахматных противников — Старкова и Кржижановского.

Нечего делать, как это ни неприятно было для самолюбия, но пришлось согласиться на игру с компенсацией сил: Ильич снимал у себя какую-нибудь лег-

кую фигуру, и тогда шансы на победу уравновесились.

Помню, между прочим, как мы втроем, то есть я, Старков и Кржижановский, стали играть с Ильичем по совещанию. Роль лидера тройственного соглашения принадлежала, конечно, мне, но лежавшая на мне обязанность выяснять перед своими союзниками значение тех или иных ходов удваивала напряжение моих сил и моего внимания. И — о счастье, о восторг! —...Ильич терпит поражение. Он уже потерял одну фигуру, и дела его совершенно не важны. Победа обеспечена за нами.

Рожи у представителей шахматной «антанты» — веселые, плутовские, с оскалом белых зубов — все более и более ширятся.

«Антанта» зло подсмеивается над добываемым противником и в шутливой болтовне выражает свой неподдельный восторг, смакуя удачные последствия того гениального хода белых, который для черных оказался весьма роковым, а между тем не замечает того, что полуразбитый, но еще не капитулировавший враг сидит в застывшей позе над доской, как каменное изваяние, олицетворяющее сверхчеловеческое напряжение мысли. На его огромном лбу с характерными «сократовскими» выуклостями выступили капельки пота, голова низко наклонена к шахматной доске, глаза неподвижно устремлены на тот уголок ее, где сосредоточен был стратегический главный пункт битвы... Ни единый мускул не дрогнет на этом, словно вырезанном из кости, лице, на широких висках которого напряглись синеватые жилки...

Легкомысленная «антанта» ничего этого не замечает.

Первый забил тревогу ее лидер.

— Ба, ба, ба, это что-то нами непредвиденное... — голосом, полным тревоги, реагирует он на сделанный Ильичем великолепный маневр. — Гм... гм... це дило треба розжуваты, — бормочет он себе под нос.

Но увы! разжевывать нужно было раньше, а теперь уже поздно. Двумя-тремя «тихими» ходами упорный противник «антанты» под шумок ее преждевременного ликования создал совершенно неожиданную для союзников ситуацию, и боевое «счастье» им изменило.

С этого момента их лица все более и более вытягиваются, а у Ильича глаза загораются лукавым огоньком. Союзники начинают переругиваться между собою, попрекая друг друга в ротозействе, а их победитель весело-превесело улыбается и вытирает платком пот со лба.

*Н. К. Крупская—
М. А. Ульяновой:* Праздники мы провели в Минусе отлично, встряхнулись надолго. На рождество в город съехался почти весь округ, так что Новый год встретили большой компанией, и встретили очень весело. Разъезжаясь, все говорили: «А славно мы встретили Новый год!» Главное, настроение было отличное. Сварили глинтвейн; когда он был готов, поставили стрелку на 12 часов и проводили старый год с честью, пели все, кто во что горазд, провозглашали всякие хорошие тосты: «за матерей», «за отсутствующих товарищей» и т. д., а в конце концов плясали под гитару. Один из товарищей (*по-видимому, П. Н. Лепешинский*) отлично рисует, он обещал нарисовать некоторые выдающиеся моменты встречи Нового года. Вот если он исполнит свое обещание, Вы получите ясное представление о нашей встрече Нового года. Вообще время провели по-праздничному, Володя с утра до вечера сражался в шахматы и... всех победил, конечно... Даже катались на тройке! Зато и умаяли же мы хозяев!

*Н. К. Крупская—
М. А. Ульяновой:* Еще пели, по-польски пели и по-русски. У Василия Васильевича гитара, так пели под аккомпанемент гитары. Читали также, ну и болтали вдоволь. Особенно хорошо встречали Новый год (между прочим, Володю качали, я первый раз видела эту процедуру и посмеялась вдоволь).

П. Н. Лепешинский: ...Пение принадлежит к числу не последних номеров в нашей программе. Я уже говорил... о мастерстве В. В. Старкова по части организации хоров и о его большом тяготении к этого рода эстетическому наслаждению. Но особую страстность и бьющую ключом жизнь в наши вокальные увлечения вносит Владимир Ильич. Когда дело доходит до выполнения нашего обычного репертуара, он входит в раж и начинает командовать:

— К черту «такую ее долю»,— выкрикивает он (любимая вещь у Василия Васильевича — тягучая меланхолическая песня «Така ж ни доля, о боже ж мий мылый»).— Давайте зажарим: «Смело, товарищи, в ногу»!

И тотчас же, чтобы избежать дальнейших парламентских проволочек по части вырешения вопроса о естественной очереди предлагаемого им номера,.. он спешит затянуть своим несколько хриплым голосом, представляющим нечто среднее между баритоном, басом и тенором:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнув в борьбе...

И когда ему кажется, что честная компания недостаточно отчетливо фразирует козырные места песенки, он, с разгоревшимися глазами, начинает энергично в такт размахивать кулаками, нетерпеливо притопывать ногой и подчеркивает, в ущерб элементарным правилам гармонии, нравящиеся ему места напряжением своих голосовых средств, причем очень часто, к ужасу Василия Васильевича, с повышением какой-нибудь ответственной ноты на полтона или даже на целый тон...

И водрузим над землю
Красное знамя труда! —

гремит его «нечто вроде баритона», заглушая все остальные голоса...

Глава пятая

Анализ экономики России

«У меня в голове планы...»

Рецензии и статьи

Титанический труд

Издательские хлопоты

Продолжение «Капитала»

«У меня в голове планы...»

Н. К. Крупская: Когда в 90-е годы у нас стал складываться марксизм, революционные марксисты старались пробиться в легальную печать, чтобы через эту печать усилить свое влияние. Однако в подцензурной печати царской России в те годы революционным марксистам можно было протаскивать свои идеи лишь в прикрытой, замаскированной форме. Писать приходилось «рыбьим языком», намеками. Марксистские статьи того времени трудночитаемы. И все же это было необходимо. Ильич не раз указывал на пример Чернышевского, который в труднейших цензурных условиях своего времени умел сказать очень многое...

Протаскивать революционные марксистские взгляды можно было лишь в статьях теоретического характера, вроде статей о статистике, о рынках и т. п., но и то царская цензура научилась очень скоро отыскивать их, расшифровывать «рыбий язык» и вычеркивать отовсюду всякий проблеск живой марксистской мысли.

Для легальных журналов того времени Владимир Ильич писал: для «Начала», для «Нового Слова», но легальных журналов сам никаких не редактировал, ни в какие редакции не входил.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 17 августа 1897 года:

...Я теперь отвлекся от своей главной работы писанием одной статьи *...

В. И. Ленин — М. Т. Елизарову, 7 сентября 1897 года:

Посылаю Вам, Марк, заказной бандеролью свою статью *... Перешлите ее, пожалуйста, поскорее (она и то запоздала) писателю вместе с прилагаемым при сем письмом к нему.

Из статьи В. И. Ленина «Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности»:

Мы намерены познакомить читателей с материалом, собранным переписью, с приемами его обработки, с выводами, которые следуют из данных относи-

* Имеется в виду статья «Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности».

тельно *экономической действительности* наших «кустарных промыслов». Мы подчеркиваем слова: «экономической действительности», ибо мы ставим вопрос только о том, что есть в действительности, и почему эта действительность именно такова, а не иная. Что же касается до распространения выводов из данных о Пермской губернии на все «наши кустарные промыслы» вообще, то читатель убедится из нижеследующего в законности такого распространения, ибо в Пермской губернии виды «кустарничества» чрезвычайно разнообразны и охватывают *всевозможные* виды его, о каких только сообщалось когда-либо в литературе кустарных промыслов.

Н. К. Крупская:

В 1897 году, когда... шла острая борьба с народниками, совершенно неправильно представлявшими себе путь развития к социализму, Ленин написал статью «Перлы народнического прожектерства». Народник Южаков развивал планы, как дать возможность овладеть знаниями сыновьям и дочерям крестьян, создав в деревнях на хозрасчете гимназии, при которых были бы большие хозяйства. Богатые крестьяне платили бы за своих детей, а дети бедняков платили бы за свое содержание и обучение трудом. Сохранялись при этом дух и программы старой гимназии времен царизма. Ленин страшно возмущился этим проектом. Южаков считал, что можно без всякой борьбы, сохраняя существовавшее классовое деление и самодержавный строй, создать многочисленные сельские гимназии для крестьян. Цензурные условия заставляли Ленина говорить прикрито, иносказательно, намеками, но Ильич сказал все же, что хотел, доказал всю утопичность этого «проекта», его бессилие, все непонимание Южаковым русской действительности, классового характера русского строя, доказал крепостнический дух всего проекта, прикреплявшего молодежь к земле, превращавшего крестьянскую молодежь в подневольных батраков, не имеющих права даже в 25 лет жениться без разрешения школьного начальства. Южаковскому проекту Ленин противопоставлял единую трудовую общеобязательную школу, где бы давались и серьезные знания и где бы все ученики работали.

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
24 января 1898 года:*

У меня теперь в голове все планы об издании своих статей особой книгой. Я получил на днях «Экономические этюды» Н. Водовозова, и они меня натолк-

нули на эту мысль. Издавать брошюрой статью о кустарях очень неудобно. Гораздо лучше соединить вместе статью о Сисмонди и о кустарях. Тогда можно издать без предварительной цензуры (для этого нужно 10 листов, а тут будет около 12, т. е. около 200 страниц), — а это гораздо удобнее. Озаглавить бы можно хоть. «К оценке романтических учений народничества». Содержание такой книги было бы интереснее и разнообразнее. Пропустит ли цензура перепечатку статьи из закрытого журнала * — вот, по-моему, главный вопрос. Но надо бы думать, что пропустит, ибо статья отвлеченная, печаталась довольно давно и задолго до закрытия. Пишу об этом же Н. К., чтобы она спросила совета у писателя. Ждать, покуда осуществятся их новые планы, мне не хочется. Да и статьи-то обе мало пригодны для журнала, по большому объему. Для журнала пусть пойдут остальные статьи, присоединять которые к книге я считаю опасным (не пустят) и не совсем удобным (характер совсем иной). Статья о кустарях — вполне мирная, с обилием цифри. Что касается до финансовой стороны, то она, по-моему, гораздо проще цензурной. Полагая цену в 1 р. 50 к. и только 1000 экземпляров **, можно считать 500 р. на издание, столько же книгопродавцам и автору. 500 экземпляров окупят издание, и столько-то, наверное, продается.

Вопрос: кому взять на себя издательство? В Питере не на кого положиться. Разве Марк не возьмет ли на себя хлопот (закупка бумаги, договор с типографией), а Маняша — корректуру ***? Если бы этот план осуществился, то я прислал бы тотчас исправления к статье о Сисмонди (необходимо разбить на §§ и исправить важные опечатки). Тогда телеграфируй мне: «присылай исправления». По моему расчету, при удаче можно бы успеть выпустить книгу в апреле, если не раньше.

Мне кажется, следовало бы попробовать самим, не дожидаясь планов новословцев — «Улита едет...». Потом досадно, что пишешь — ни к чему, а между прочим, и заработок нужен. Возразят, может быть, что статьи совсем разнородные, но, по-моему, это не беда: у Н. Водовозова тоже разнородные, мало ли вообще

* Журнал «Новое Слово» был закрыт в декабре 1897 года.

** При 2000 экземпляров можно понизить цену до 1 р. 25 коп.

*** Очень сложной корректуры не будет, ибо 1/2 книги — перепечатка, а другая 1/2 — с рукописи, переписанной мною тщательно набело.

издают сборников статей. Притом есть в них и общее: обе — критика народнической экономики, одна — отвлеченная, другая — по русским данным. Отвечай мне, пожалуйста, поскорее на этот счет: осуществим этот план или нет? Если да, то надо браться за него, не теряя времени.

В. И. Ленин — М. Т. Елизарову, 14 февраля 1898 года:

Надежда Константиновна пишет мне, что писатель предложил найти либо деньги для издания моих статей, либо издателя, и что она поэтому не будет брать от него рукописей. Я ответил ей, чтобы взяла их и переслала Вам, потому что «искать» ведь можно много лет, да и кому же охота будет брать на себя порядочную возню? За составление исправлений к Сисмонди возьмусь на днях, не дожидаясь от Вас ответа на одно из предыдущих писем, и как только кончу, — пришлю Вам. (Сделанное писателем предложение важно для меня лишь потому, что доказывает осуществимость этого плана в цензурном отношении, а меня собственно это только одно и интересовало)...

По получении этого письма можно бы уже, я думаю, начать переговоры с типографиями (во множественном числе потому, что придется, пожалуй, искать и торговаться) и приискать магазин бумаги. Пока эти предварительные изыскания тянутся, — я пришлю поправки, и тогда можно сразу будет приступить к печатанию. Мне кажется, желательно не упускать времени, чтобы книга могла выйти в апреле.

*Из донесения цензора Елагина в цензурный комитет,
7 апреля 1897 года:*

Обновленная редакция (*журнала «Новое Слово»*) состоит, по-видимому, верной принятому ею направлению модного в настоящее время экономического материализма. В редкой из статей журнала нет упоминания или цитирования знаменитого автора «Капитала» Маркса — основателя экономического понимания истории. В настоящей (*апрельской*) книге из статей подобного характера обращают на себя внимание: 1) «К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты» К. Т-на... Полемизируя с покойным экономистом Эфрусси, К. Т-н старается доказать неправильность экономических выводов Сисмонди, этого старого швейцарского экономиста, горячего сторонника мелкого производства.

Посылаю Вам сегодня, Марк, заказной бандеролью исправленную статью о Сисмонди. Исправлений оказалось меньше, чем я думал,— только корректорские да разделение на главы (две) и параграфы. Надо думать, что наборщикам несравненно легче набирать с печатного и что поэтому ошибок должно быть меньше и корректорского труда (он все-таки *совершенно необходим*) тоже значительно меньше. Посылаемые мною вырезки можно прямо и отдать в типографию, только надо непременно *строго* наказать, чтобы их не теряли... (а то большей частью теряют рукописи) и чтобы присылали *вместе с корректурным листом каждый раз и оригинал* (рукопись или вырезку) — без этого корректировать посторонним лицам (не автору) будет *страшно трудно* (говорю по опыту), и получится масса самых неприятных недоразумений и ошибок. Надеюсь, что у Маняши найдется время для того, чтобы взять на себя корректуру. Вообще очень важно, чтобы корректура лежала с начала до конца на одном лице, а то возникает путаница из-за знаков, которые ставит корректор, и кроме того забывают обыкновенно проверить при последующих корректурах (нужны минимум две корректуры), исправлены ли ошибки, указанные при первой корректуре, и не сделано ли нового вранья при исправлении. Типографская аккуратность и изящность издания очень важны.

Статью (вместе с этим письмом) Вы получите в самом начале марта, и если бы тотчас же приступить к печатанию и вести его без задержек и торопя типографию,— тогда, может быть, удалось бы к пасхе кончить и представить в цензуру. А это бы очень хорошо; вероятно, и сбыт книги сильно замедлится, если она выйдет только в мае. Буду ждать от Вас известий о ходе дела.

Думается мне все насчет других двух статей (о «наследстве» и о Южакове): с одной стороны, осторожность говорит, что не надо их печатать; а с другой стороны, жаль бросить,— особенно последнюю... Она же притом разбирает книгу, а не журнальную статью... Попробовать разве? Если бы опытные люди не нашли невозможным, то, пожалуй, я бы не прочь попробовать. Надо тогда вычеркнуть несколько мест, упоминающих о покойном журнале (у меня нет черновика статьи о Южакове, так что это надо будет уже сделать издателю. Тут работы очень немного), а затем поместить их в конце и так, чтобы при устранении их (буде начальство потребует) не повредить предыдущие. Считая расход на издание около 40 р. на

лист,— убыток вышел бы на этих статьях (обе листа 4) не очень большой. Во всяком случае задерживать-то из-за них книгу уже ни в каком случае не стоит.

Если Вам все еще не прислали рукописей из Петербурга, то напишите экстренное письмо Надежде Константиновне о немедленной высылке,— и приступайте к печатанию посылаемого мною сегодня.

В. И. Ленин — М. Т. Елизарову, 28 марта 1898 года:

Разумеется, раз так невозможны цензурные условия,— нечего и думать издавать в Москве. С чего же рисковать так большой суммой денег, имея в перспективе (*в лучшем случае*) оттяжку в 1—1½ года?? Надо собрать рукописи, заклеймить в бандероли — и впрячь в Питер, к писателю, благо он так любезен, что берет на себя хлопоты. А про деньги ему написать, что они есть; чтобы он известил, сколько нужно; и чтобы взялся за издание осенью, не теряя времени, как только найдет возможным по своим занятиям.

Таков финал 2-месячной переписки! Надеюсь, что Вы еще ничего решительного не предприняли? Если купили бумаги,— можно переслать ее в Питер, а если уже отдали набирать, то заплатить за набранные листы.

В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой, 15 июля 1898 года:

Очень был рад узнать, что ты послала écrivain'у деньги на издание. Мерси большое за это. Буду ждать теперь событий. Кстати: напиши, пожалуйста, чтобы мне выделили 25 экземпляров авторских: я разошлю товарищам и знакомым. Когда получишь их, пришли мне 12—15 штук сразу; об остальных я напишу тогда тебе, куда послать.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 26 августа 1898 года:

Анютино письмо очень интересно, и я с удовольствием узнал, что мои опасения насчет фиаско были преждевременны. Посылаю сегодня же (по тому же адресу, как и это письмо) заказной бандеролью свою статейку, написанную на днях*. Перешлите ее, пожалуйста, écrivain'у с просьбой попытаться поместить куда-либо: если поздно уже в сборник, то в один из

* Имеется в виду статья «К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике. Новые статистические подвиги проф. Карышева».

журналов («Мир Божий» или, пожалуй, удобнее — «Научное Обозрение») ¹⁸. Я не знаю, удобно ли мне посылать рукописи прямо в СПб... Буду посылать покуда вам.

В. И. Ленин — М. И. Ульяновой, 11 ноября 1898 года:

После долгих ожиданий получил-таки свой сборник *.

Из донесения петербургского охранного отделения в департамент полиции, 18 ноября 1898 года:

Вышло в свет и продается в книжном магазине «Знание» (донесение мое за № 195) новое произведение легальной социал-демократической литературы под заглавием: «Экономические этюды и статьи Владимира Ильина», С.-Петербург, типография Лейферта, 1899 г.

Названный автор более известен под другим своим псевдонимом — «Тулин». Под таким псевдонимом печатались его статьи в «Новом Слове» и в каком-то социал-демократическом сборнике, не пропущенном цензурою **. Настоящую его фамилию знают немногие, так как социал-демократы держат ее в большом секрете, оберегая в этом авторе одного из своих вожаков. В действительности это — политический ссыльный Владимир Ильин Ульянов, родной брат террориста Александра Ульянова, казненного в 1887 году.

На копии донесения — две пометки.

Первая:

Господин министр желает ознакомиться с этим изданием, просит жандармское управление доставить 1 экз.

Вторая:

Исполнено 20/XI.

М. А. Сильвин:

От Владимира Ильича, которого я уведомил в своем водворении, получил я коротенькое приветствие. Сюда же в Тасеевское прислал он мне свою только что вышедшую книгу «Экономические этюды и статьи». Просматривая... этот экземпляр.., я вижу, что в

* «Экономические этюды и статьи».

** Имеется в виду сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», в котором была помещена работа В. И. Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

нем рукой Владимира Ильича сделаны исправления опечаток, показывающие, с каким тщанием он относился к внешности своих книг, просматривать корректуры которых он за дальностью расстояния не имел возможности.

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой
и М. Т. Елизарову, 6 декабря 1898 года:*

Удивительно, что *écrivain* отверг предложение о платном корректуре (для «этюдов») — опечаток масса, и особенно удручают меня те, искажающие смысл, список которых я послал и тебе и ему. Жду на днях ответа, — удастся ли куда-либо приткнуть их; а это необходимо...

Да еще насчет «Этюдов» просьба: присылайте мне печатные отзывы, которые встретятся вам или знакомым, а то я здесь мало слежу за текущей прессой...

...Досадно, что «Этюды» изданы в малом числе экземпляров¹⁹.

*Из рецензии М. А. Сильвина (Бера) на сборник
В. И. Ленина «Экономические этюды и статьи»
(«Енисей», Красноярск, 9 декабря 1898 года):*

Давно не приходилось нам испытывать такого наслаждения при чтении научной книги, какое доставили нам «Экономические этюды» г. Ильина оригинальностью и смелостью мысли, широтой точки зрения, любовью к истине, страстной жаждой к ее раскрытию, презрением к иллюзиям и самообману. «Конец народничества» — вот заглавие, которое мы охотно дали бы этой книге. Мы впервые в русской литературе встречаем в книге г. Вл. Ильина беспощадную критику мешанских утопий современного народничества, основанную на тщательном изучении и умелой группировке данных русской экономической действительности. Осмеивая пустые фразы об «особых путях для отечества», об «ошибочности» нашего пореформенного экономического развития и т. п., указывая, как мало в этих фразах оригинальности и основательности, высмеивая благожелательные фантазии наших «кустарных» экономистов, немилосердно искажающих действительность в угоду теории, автор, — и в этом его огромная заслуга, — вскрывает классовый, именно мелкобуржуазный, характер народничества, показывает, как все практические пожелания народнической программы, в случае их осуществления, были бы выгодны классу мелких собственников-предпринимателей...

В противоположность расплывчатому, неопреде-

ленному смешному «мы» народников, замазывающих классовые противоречия, г. Вл. Ильин стремится вести рассуждения с точки зрения интересов определенного общественного класса.

М. А. Сильвин:

Еще из Тасеевского я послал Владимиру Ильичу номер газеты «Енисей» от 9 декабря 1898 года с моим отзывом о его «Экономических этюдах».

Статья ему, видимо, понравилась, и он, говоря о ней, спросил, не мне ли принадлежит заметка о той же книге в «Известиях книжных магазинов товарищества М. О. Вольф» (в Петербурге), также написанная в сочувственном тоне. Я сказал, что к этому непричастен, но Владимир Ильич усомнился, не скромничаю ли я, и посмотрел на меня испытующе.

Рецензии и статьи

А. И. Ульянова-Елизарова:

Все труды, которые он (*Владимир Ильич*) клал на изучение материалов.., писание легальных и нелегальных статей и брошюр... рассматривались им... как нечто вполне естественное и само собой разумеющееся. В этом проглядывает также большая работоспособность Владимира Ильича и свойственная ему выдержка и настойчивость в проведении взятой им на себя работы.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 14 февраля 1898 года:

Получил я, дорогая мамочка, от Маняши книгу (Булгакова) * и благодарю ее за нее... Книжечка Булгакова... недурна, но глава об обороте мне не понравилась, а формулировка вопроса о внешнем рынке у него не совсем точна. Конечно, я очень рад был присылке ее.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 30 января 1899 года:

Сегодня прочитали в «Русских Ведомостях» объявление о «Начале» **. Хорошо, что я успел как раз к

* С. Булгаков. «О рынках при капиталистическом производстве. Теоретический этюд».

** Речь идет о выходе нового научного и литературно-политического журнала «Начало», органа «легальных марксистов».

началу «Начала» окончить свои «рынки»... и теперь можно будет на свободе работать помаленьку что-либо текущее. Одну книжечку получил для рецензии, но еще не успел прочесть*.

А. И. Ульянова-Елизарова:

...Недовольство по отношению Струве все нарастает. Владимир Ильич жалуется, что он не ставит его в известность относительно того, какого тона надо придерживаться в рецензиях на книги авторов-марксистов, сотрудников «Начала». Считаю, что критика в марксистском журнале должна быть направлена общим флангом против народников, Владимир Ильич рецензии на марксистские книги составлял в примирительном тоне, который мало нравился ему самому.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 3 февраля 1899 года:

... Попрошу Анюту переслать... писателю, вместе с прилагаемой рецензией на книгу Гвоздева. Мне прислал эту книгу писатель «для рецензии», и потому я счел неудобным отсюда отказываться. Но не очень-то приятно было писать рецензию. Книга мне не понравилась: ничего нового, общие места, слог местами невозможный (разные «попустительства сельскохозяйственными занятиями» и т. п.). А в то же время единомышленник и противник народников, а — главное — сотрудник «Начала». Как ни не нравится мне этот «самарский дух», я решил все-таки сдержаться и наполнить рецензию на $\frac{1}{5}$ замечаниями против народников и на $\frac{1}{5}$ — замечаниями против Гвоздева. Не знаю уже, понравится ли редакции: я не знаю, в каких она отношениях с «самарцами».

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 7 февраля 1899 года:

Посылаю... одну рецензию**, которую попрошу переправить писателю.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 21 февраля 1899 года:

Посылаю, дорогая мамочка, еще одну рецензию, которую прошу переслать писателю***...

* Имеется в виду книга Р. Гвоздева «Кулачество-ростовищество, его общественно-экономическое значение».

** на книгу Парвуса «Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис. Экономические очерки».

*** По-видимому, рецензию на книгу «Торгово-промышленная Россия. Справочная книга для купцов и фабрикантов» (рецензия была напечатана в № 3 журнала «Начало» за 1899 год).

«Научное обозрение» почему-то не считает нужным послать мне ни 1-ой книжки журнала, ни оттиска моей статьи *. Слышал о возражении П. Струве, но пока не видал его.

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
28 февраля 1899 года:*

Только от минусинцев получил № 1 «Научного обозрения» со статьей П. Б. Струве против Ильина. Думаю ответить, хотя, по-моему, статья П. Б. больше за меня, чем против меня.

Н. К. Крупская — М. И. Ульяновой, 7 марта 1899 года:

Володя теперь ушел целиком в ответную статью Струве. Все тот же вечно новый вопрос о рынках. Вообще Володе придется, кажется, посвящать немало времени на полемику и защиту положений, выставленных им в «Этюдах».

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 7 марта 1899 года:

Кончаю теперь статейку ** в ответ Струве. Напугал он преизрядно, по-моему, и может вызвать этой статьей не мало недоразумений среди сторонников и злорадства среди противников. Думаю, если не удастся поместить ответ в журнале (хотя бы ввиду того, что Туган-Барановский или Булгаков опередят меня своими ответами; мне до сих пор не послана январская книжка «Научного обозрения!»), — включить его в «рынки» в качестве четвертого приложения (статька не более как в 1 печатный лист). Конечно, в журнале было бы лучше ²⁰.

В. И. Ленин — А. Н. Потресову, 27 апреля 1899 года:

На статью Струве о рынках я послал ему ответ. Сестра пишет мне, что ответ этот будет помещен в «Научном обозрении» и что там же и П. Б. собирается отвечать. Я не могу согласиться с Вами, что «центр тяжести вопроса заключается в конкретной невозможности абстрактно мыслимого положения», и главное мое возражение П. Б-чу состоит именно в том, что он смешивает абстрактно-теоретические и конкретно-исторические вопросы. «Конкретно невоз-

* «Заметка к вопросу о теории рынков» («Научное обозрение», № 1 за 1899 год).

** «Еще к вопросу о теории реализации».

можно» не только представленная Марксом реализация, но и представленная им поземельная рента, и представленная им средняя прибыль, и равенство заработной платы стоимости рабочей силы, и многое другое. Но невозможность осуществления в *чистом* виде вовсе не есть возражение. Противоречия между своими утверждениями в «Этюдах» и в «Научном Обозрении» я никак не могу усмотреть, а равно и «буржуазного апологетизма», которым так напугал читателей Струве. Что особенно мне не понравилось в его статье, это неуместное припутывание критической философии и замечания вроде того, что Марксово учение о стоимости и прибыли «*бесспорно* страдает противоречивостью». Ведь П. Б. прекрасно знает, что это *спорно*, — к чему же сеять туман в голове публики, *не получающей* пока ни от одного из представителей «новой критической струи» систематического доказательства этой противоречивости и исправления ее?

Н. К. Крупская — М. И. Ульяновой, 17 марта 1899 года:

Володя теперь сильно увлекается Каутским «Agrarfrage», пишет рецензию о нем.

Из рецензии В. И. Ленина на книгу К. Каутского «Аграрный вопрос»:

Марксизму недоставало до сих пор работы, систематически рассматривающей капитализм в земледелии. Теперь Каутский пополнил этот пробел первым отделом своей объемистой (450 стр.) книги, озаглавленной: «Развитие сельского хозяйства в капиталистическом обществе» (стр. 1—300).

...Каутский ставит перед собой не какой-нибудь частный вопрос, напр., об отношении крупного и мелкого производства в земледелии, а общий вопрос о том, овладевает ли капитал сельским хозяйством, преобразует ли он в нем формы производства и формы собственности и как именно идет этот процесс...

Выяснив основные черты развития капитализма в земледелии, Каутский переходит к доказательству исторически преходящего характера этой системы общественного хозяйства...

Надо надеяться, что книга Каутского появится и в русском переводе.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 21 марта 1899 года:

Посылаю тебе, дорогая мамочка, заметку (или рецензию) свою на книгу Каутского; попрошу Анюту переслать ее.

Из донесения цензурного комитета в Главное управление по делам печати, 28 апреля 1899 года:

...(Мысль) об обогащении кулаков и мироедов на счет разорения деревни и о закабалении мужиков в экономическое рабство при существовании общины высказана... в отделе новых книг (*апрельского номера журнала «Начало»*) в статье Вл. Ильина, на стр. 168 и 169 по поводу книги Каутского: «Die Agrarfrage».

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
11 апреля 1899 года:*

Со следующей почтой пошлю на мамино имя статейку о Каутском и Булгакове. Перешлю ее, пожалуйста, писателю с просьбой ответить тебе поскорее, принимает ли ее редакция. Я считаю весьма возможным, что не примет, потому что *écritain*, вероятно, за Булгакова и найдет полемику неудобной, тем более — резкую полемику. Елико возможно, старался смягчить свой тон, но все же никак не могу хладнокровно говорить об этой возмутительно-профессорской и нелепой статье, которая вносит страшный диссонанс. Конечно, я не хочу стеснять редакцию в праве «исправлений», но об этом писать не надо, ибо это следует само собой, если автор не оговаривает специально. Если не примут, извести меня, пожалуйста, поскорее; а статью направь, если можно, в «Жизнь» или в «Научное Обозрение» («Мир Божий» навряд ли примет). От писателя никаких известий по литературной части нет, и мы не надеемся получить их. Между тем писать без постоянных и правильных сношений чертовски неудобно. Например, давным-давно, еще в январе я писал им (Надя писала), что собираюсь написать о Каблукове: они не сообщили, что имеют уже другую статью. Не знаешь ничего насчет рецензий. (Рецензию на Каутского следовало бы похерить или отдать в другое место ввиду этой статьи против Булгакова.)

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
29 мая 1899 года:*

Насчет предложения написать краткий курс политической экономии ты мне раньше ничего не писала. Я решил отказаться от этого предложения: трудно писать по заказу... трудно поспеть к осени. Да и вообще мне хочется поменьше писать теперь и побольше подчитать.

...Посылаю статью о сисмондистах, которую ты

просила, и ответ Нежданову. Последний удобнее бы всего поместить в «Жизни» же²¹... Хотя если «Начало» оживет, паче чаяния, то я, конечно, предпочел бы его.

Титанический труд

В. И. Ленин:

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ работа... должна... направиться на конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития; она должна вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками. Она должна дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплуатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие.

Н. К. Крупская:

Особо бросается в глаза у Ленина-теоретика выбор тем. Он брал ту или другую тему не просто потому, что эта тема интересна, требует разработки, а потому, что данная тема в данный промежуток времени была особо актуальна для рабочего движения. Например, в начале рабочего движения вопрос о том, развивается у нас в России капитализм или не развивается, имел решающее значение. От этого вопроса зависело все направление революционной деятельности в России. И Ленин берется за серьезнейшую исследовательскую работу «Развитие капитализма в России».

З. П. Невзорова-Кржижановская:

Владимир Ильич... продолжал работу, начатую им в тюрьме. Это была работа над книгой «Развитие капитализма в России». К нему шли целые корзины книг, журналов русских и иностранных.

*А. А. Ванеев — Н. А. Рукавишниковой,
28 августа 1897 года:*

Пишу тебе, мой друг, всего несколько строчек. Дело вот в чем. Один из моих товарищей, Владимир Ильич, просил меня достать для него два земских сборника — по Нижегородскому и Балахнинскому уездам. Я обещал ему в надежде, что моя кузина, по старой памяти, не откажется похлопотать. Я мог бы

написать и непосредственно к кому-нибудь из статистиков, да не знаю, кто остался из моих знакомых.

Выслать нужно, конечно, поскорее.

В крайнем случае можно будет и воротить.

*А. А. Ванеев — Н. А. Рукавишниковой,
22 октября 1897 года:*

Спасибо за сборники Нижегородского и Балахнинского уездов. Недавно прочел в «Русском Богатстве» в числе новых книг, поступивших в редакцию, «Материалы земских исследований по Лукояновскому уезду». Если сможешь достать — вышли (не для меня, конечно).

П. И. Кулябко: По просьбе Владимира Ильича мы (*И. Х. Лалаянц и П. И. Кулябко*) посылали ему из Воронежа толстейшие статистические сборники Воронежского земства и другие материалы по статистике, нужные ему для его работы.

Г. М. Кржижановский: Для своей фундаментальной работы «Развитие капитализма в России» он (*Владимир Ильич*) проделал поистине циклопический труд личной переработки и проверки фолиантов земской статистики...

Н. К. Крупская: ...Установлено, что для того, чтобы написать свою книжку «Развитие капитализма в России», ему (*В. И. Ленину*) пришлось пользоваться 583 книгами. В «Развитии капитализма в России» есть ссылки на эти книги... Прочтя эти книги, он не только смог написать такую большую и важную книгу, как «Развитие капитализма», но в то же время прекрасно изучил тогдашнюю жизнь рабочих и крестьян.

Г. М. Кржижановский: Наблюдая работу Ленина над книгой, я всегда поражался его особому умению быстро отделять пшеницу от плевел. Процесс чтения, как и письма, носил у него исключительно быстрый характер, сказывались навыки работы, исключительная собранность, умение сосредоточить мысль. Он как бы листал книгу и немедленно подмечал ее слабые и сильные стороны.

Читая книгу, прошедшую через его руки, невольно становишься на его точку зрения: так метко расставлены его подчеркивания, его восклицательные и вопросительные знаки, это выразительное ленинское «гм, гм...», и вам сразу становится ясным ход ленинских мыслей.

*Н. К. Крупская — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
9 августа 1898 года:*

Сегодня Володя кончил свои «рынки», теперь ему остается только сократить их, и в шляпе дело.

Н. К. Крупская — М. И. Ульяновой, 11 сентября 1898 года:

«Рынки» Володя собирается кончить к Новому году, хотя несколько сомневается.

В. И. Ленин:

...Первый черновик «рынков» я мазал и сокращал самым беспощадным образом.

Г. М. Кржижановский:

Работал Ленин необычайно сосредоточенно, сразу же целиком погружался в работу, и видно было, что она доставляет ему наслаждение.

Писал Владимир Ильич четким «бисерным» почерком, с изумительной быстротой. Листки с выписками выглядели у него так же аккуратно, как и переписанные набело рукописи.

Этих листов с выписками из книг и с заметками было у Владимира Ильича огромное количество...

Особенное внимание он уделял статистическим сборникам: из цифровых данных — «точных и бесспорных фактов» — создавалась правдивая картина положения в стране. Вспоминая Шушенское, я так и вижу Владимира Ильича со счетами, на которых он часами складывал цифры, он сопоставлял, сравнивал и затем снова проверял их на счетах.

Иногда он вдруг откладывал книгу в сторону и прохаживался по комнате, раздумывая над прочитанным, потом вновь углублялся в чтение.

Он любил обдумывать свои мысли на ходу. Нередко во время прогулок он обсуждал с нами то, что собирався написать.

А когда писал, то время от времени перечитывал написанное вслух.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 11 октября 1898 года:

«Рынки» свои я кончил в черняке и начал отделять окончательно. Переписка набело пойдет одновременно, так что я думал по частям отправлять и печатать по мере присылки, чтобы не вышло задержки (первую посылку рассчитываю отправить самое позднее через месяц): если бы с декабря началось печатание, то как раз могло бы еще поспеть в этот сезон.

Необходимо только (в случае фиаско предыдущего *)
найти издателя и заключить с ним договор.

Н. К. Крупская — М. А. Ульяновой, 14 октября 1898 года:

...Последнее время он (*Владимир Ильич*) по уши ушел в свои «рынки» и пишет с утра до вечера. Первая глава уже готова, мне она показалась очень интересной. Я... должна судить о ясности изложения «рынков», стараюсь быть как можно «беспонятнее», но особенно придаться ни к чему не могу.

Г. М. Кржижановский: Мне пришлось быть первым читателем его работы

«Развитие капитализма в России». В период сибирской ссылки он присылал ко мне все свои рукописи этой книги для их первого просмотра и обмена мнениями. Я неоднократно негодовал на Владимира Ильича, что по мере своей работы он, на мой взгляд, слишком многое зачеркивал и слишком сурово сжимал объем книги. Когда книга была закончена, я убедился, что Владимир Ильич был совершенно прав и в этом случае, но и по сие время жалею, что, по-видимому, утеряны рукописи первоначальных набросков.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 1 ноября 1898 года:

Если Анята в самом деле думает ехать в СПб., то кстати бы было и предпринять что-либо насчет моего большого сочинения **. 2 первые главы я вышлю вскоре (через 1—1½ недели) уже прямо Аняте: по крайней мере, буду знать, что с ними. Тогда же напишу и о моих планах насчет этого сочинения.

А. И. Ульянова-Елизарова: ...Сроки, назначаемые им (*Владимиром Ильичем*)

для окончания его «Развития капитализма в России» или той или другой главы этой книги, обычно выдерживаются...

В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой, между 7 и 11 ноября 1898 года:

Посылаю сегодня на мамино имя две тетрадки «рынков». Это — две первые главы, приблизительно около ¼ или ⅓ всей работы. Всего глав — восемь, я теперь кончаю подготавливать 3-ью главу, так что в январе, по всей вероятности, все будет закончено, так как Надя переписывает довольно быстро, по мере

* сборника «Экономические этюды и статьи».

** труда «Развитие капитализма в России».

того, как я пишу. Несмотря на то, что сокращения я предпринимаю против первого черного наброска самые основательные, — размер все же получается препорядочный. В первых двух главах, по моему подсчету, около 270 тысяч букв, т. е., считая печатный лист в 33 тысячи букв, около 8½ печатных листов. Во всей книге будет, значит, около 35—40 печатных листов, — я еще надеюсь не превзойти 35-ти листов, ибо и это даст претолстый том (560 стр.)...

Печатать можно бы (и должно бы) начать теперь же (потому должно бы, что иначе не выйдет к весне); посылать дальше можно по главам, и я могу обещать, что запаздывать не стану...

Предисловие книги посылаю не для печати (его придется, вероятно, переделать или дополнить со временем), а для того чтобы дать представление о плане всей книги. Оглавление буду присылать дальше вместе с каждой главой. Если окажется ненужным такое подробное оглавление (хотя, по-моему, подробные оглавления много удобнее для читателя), тогда можно сократить его, оставив одни названия параграфов.

Н. К. Крупская — М. И. Ульяновой, 11 ноября 1898 года:

Ты думаешь, «рынки» кончены? Вовсе нет. Будут кончены совсем только к февралю. Володя с утра до вечера пишет все, на другое что у него почти совсем и времени не остается.

*Н. К. Крупская — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
22 ноября 1898 года:*

Теперь Володя ушел уже решительно и окончательно в свои «рынки», жадничает на время страшно, у Проминских мы не были уже несколько месяцев, по утрам Володя просит будить его в 8 часов и даже 7½...

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой
и М. Т. Елизарову, 6 декабря 1898 года:*

Я кончил четыре главы, и сегодня даже переписка их набело заканчивается, так что на днях посылаю вам еще III и IV главы. В феврале, я надеюсь, вы получите всю книгу. Кстати, если будете читать рукопись, — пожалуйста, присылайте свои замечания. У меня в черняке сделаны разметки страниц по беловику, так что я могу прислать исправления.

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
12 декабря 1898 года:*

Посылаю сегодня же на мамино имя заказной бандеролью 3-ью и 4-ую главы «рынков»...

Сделай, пожалуйста, в рукописи 2 исправления... Я думаю, не безопасно с первого абзаца говорить о «противниках»...

Ответь, пожалуйста, о получении этих исправлений...

Писал я в статистическое отделение Тверской губернской земской управы, прося выслать *сводный сборник* (т. XIII, выпуск I, 1897). Не посылают, ка-нальи. Нет ли у тебя кого из знакомых, нельзя ли достать? Неужели Красноперов (если он там) откажет?

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
28 декабря 1898 года:*

Я кончил еще 2 главы (5 и 6-ую), из которых пятая уже переписана. Надеюсь в течение января все закончить.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 3 января 1899 года:

Шестая глава моей книги кончена (еще не переписана); надеюсь недели через четыре кончить все.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 10 января 1899 года:

Пятую и 6-ую главу пришлем вскоре; а с окончанием, может быть, выйдет опоздание, но не большое. Думаю, что за ними-то дело уже, наверное, не встанет...

Посылаю добавление ко II главе, к стр. 152-ой бевлика.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 17 января 1899 года:

Посылаю с этой почтой заказной бандеролью на твоё имя еще две тетради своей книги (главы V и VI) (+отдельный листок, оглавление); в этих двух главах около 200 тыс. букв да еще приблизительно столько же будет в двух последних главах.

Н. К. Крупская — М. И. Ульяновой, 24 января 1899 года:

После Минусы засели за обычные занятия, Володя принялся за «Рынки». Теперь пишет последнюю главу, и к февралю они будут уж готовы.

В. И. Ленин — Д. И. Ульянову, 26 января 1899 года:

Ошибку в начале II § IV главы (стр. 346) ты отметил совершенно верно, спасибо за это. Надо 41.^з миллиона четвертей, а не 14.^з. У меня в I-ом черновике было верно, а во втором черновике я описался и не заметил нелепости. *Пожалуйста, пошли эту поправку тотчас же.* Насчет «рациональности» в словах Каблукова поправки не нужно, по-моему; бесспорно, что Каблуков понимает здесь «резонность», а не техническую рациональность, но ведь и я тоже понимаю здесь под рациональностью резонность, а не техническую рациональность. Смысл моей насмешки тот, что довод Каблукова состоит в тавтологии, ибо народники считают натуральное хозяйство «резонным». Вправе ли читатель понимать «рациональность» во втором случае иначе, чем в первом (т. е. в словах Каблукова иначе, чем в моих словах той же тирады)?

Плантаций табачных считалось действительно 75—95—650 тысяч (т. е. 75 000—95 000—650 000).

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 30 января 1899 года:

...Сегодня наконец-то покончил (*работу над книгой «Развитие капитализма в России»*). В среду отправим последние две главы...

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 3 февраля 1899 года:

Посылаю тебе сегодня, дорогая мамочка, остальные две тетради своих «рынков», главы VII и VIII, затем два приложения (II и III) и оглавление двух последних глав. Наконец-то покончил я с работой, которая одно время грозила затянуться до бесконечности. Попрошу Анюту переслать ее поскорее писателю...

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 7 февраля 1899 года:

Со следующей почтой пошлю еще маленькое добавленье к VII главе. Надеюсь, не будет поздно.

М. А. Ульянова — М. И. Ульяновой, 5 марта 1899 года:

...Если Володя пишет, то только о «Рынках» с разными примечаниями, замечаниями и прочее, прочее, а о себе — ничего.

В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
17 марта 1899 года:

Посылаю еще Postscriptum к *предисловию*. Если только не поздно, очень бы хотелось напечатать его, чтобы сослаться на замечательную книгу Каутского *. Может быть, если даже предисловие уже набрано, возможно набрать еще и Postscriptum? Напиши мне, пожалуйста, по получении этого письма, возможно ли это и когда вообще ожидается окончание.

Издательские хлопоты

Е. Д. Стасова:

Анна Ильинична оказывала огромную помощь Владимиру Ильичу в его работе. Сначала это была доставка в тюрьму и в ссылку литературы и всевозможных материалов для его книги «Развитие капитализма в России», потом хлопоты по изданию этой работы... Анна Ильинична бегает по издательствам, договаривается и о формате книги и о шрифте, а потом наблюдает и за самым печатанием, выполняя работу корректора. Иногда это было особенно тяжело ввиду того, что на ее руках была серьезно болевшая мать. Корректору требовала не только чисто технических, но и глубоких политических знаний, так как зачастую приходилось заменять формулировки, подыскивая такие выражения, которые пропустила бы цензура.

В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
между 7 и 11 ноября 1898 года:

Не взялась ли бы издать книгу г-жа М. Водовозова?..

Если найдется издатель,— с ним надо заключить точный договор, причем высылку корректурных листов чрезвычайно бы желательно поставить необходимым условием [опечатки, например, в таблицах другим лицам, кроме автора, очень трудно заметить; затем могут быть исправления и дополнения и т. д.]. Escrivain писал мне весной, что можно бы печатать по частям в «Научном Обозрении» или в другом журнале. Я, конечно, не против этого, но только вряд ли хоть один журнал захочет брать такую большую вещь — слишком это уже необычно бы было. Правдоподобнее, что взяли бы для помещения одну-другую главу. Вторая глава, например, да и первая тоже, представляют из

* «Die Agrarfrage» («Аграрный вопрос»).

себя вполне самостоятельное целое. В этих отчасти видах мы и поторопились послать готовую часть немедленно. Только при отдаче в журнал необходимо точно условиться о времени помещения и оговорить право автора печатать всю книгу теперь же, не дожидаясь окончания статьи в журнале...

...Названия параграфов следовало бы и в книге набирать не жирным шрифтом и не курсивом (это слишком торжественно), а напротив, самым мелким петитом. Это и места меньше возьмет и более будет соответствовать назначению этих заглавий. Насчет таблиц я тоже думаю, что их всего удобнее было бы набирать мелким шрифтом, чтобы они занимали как можно менее места.

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
22 ноября 1898 года:*

Получил сразу оба твои письма, от 1 и 4.XI. Это имеет свои хорошие стороны, что издание перешло к Водовозовой: по крайней мере, определеннее будет стоять дело... Я намерен воспользоваться предложением Водовозовой (которой при свидании передай, разумеется, всяческие от меня благодарности) издать мои «рынки»,— и насчет финансовых условий предлагаю уже тебе (если это тебя не затруднит) переговорить с нею: я не знаю, что выгоднее, определенный ли гонорар или «вся чистая прибыль»... Но вот что всего важнее при условии об издании: обеспечить *вполне хорошую* корректуру. Без этого *положительно не стоит* издавать... Безусловно необходим вполне интеллигентный и платный корректор,— это надо поставить непременно условием, и я и сам охотно соглашусь заплатить такому корректору хоть двойную плату ввиду того, что автор не может корректировать сам. Особенно с этими таблицами — врут в них отчаянно. А в «рынках» таблиц куча. Затем (несмотря даже и на наилучшую корректуру) *необходимо* пересылать мне листы последней корректуры немедленно, лист за листом, и я буду присылать список опечаток. Замедление в выходе от этого будет (при аккуратной пересылке) максимум в месяц; это не беда, лишь бы книга была издана опрятно. Насчет времени издания — можно бы начать и теперь... для меня бы это особенно удобно было, ибо по первым листам я бы успел сообщить не одни опечатки, а, может быть, что-либо и существеннее. Формат и печать желательны такие, чтобы на одной странице было около 2400 букв,— тогда вся работа уместится на 30 листах, круглым счетом 500 страниц (большее же число страниц было

бы уже, вероятно, излишним и обременительным для читателя). Наконец, насчет диаграммы во II главе — надо обратить на нее особое внимание, чтобы в ней не было ошибок. Пожалуйста, переговоры обо всем этом с Водовозовой и отвечай мне по получении этого письма поскорее.

А. И. Ульянова-Елизарова:

...Обращает на себя внимание... большая скромность (*Владимира Ильича*)... Так, он долго не соглашался, чтобы его большой, основательный труд был озаглавлен «Развитие капитализма в России»...

В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой и М. Т. Елизарову, 6 декабря 1898 года:

Если петит и таблицы стоят дороже, то на «рынке» придется издателю особенно много израсходовать, ибо и таблиц масса и диаграммы есть. Общий размер книги выходит, насколько я теперь могу судить, меньше, чем я предполагал, но все же около 450 печатных страниц... Таблицы желательно бы очень печатать все петитом, — а то они берут массу места, теряют в наглядности и удобстве обозреваемости для читателя. Особенно неудобны те таблицы, которые печатаются на целой странице боком (т. е., чтобы читать их, надо переворачивать книгу). Для читателя это все очень важно. Вот бы хорош был тот шрифт, которым напечатаны таблицы в приложениях Водовозовской книжки «Землевание и сельское хозяйство»; таким бы шрифтом и набирать все таблицы во II главе и в других главах (во II главе всего больше таблиц; в остальных — несравненно меньше, но есть все же). Обо всем этом надо переговорить с издательницей, а также и о пересылке мне корректурных листов (как я уже писал). Для скорости издания можно бы печатать в 2-х типографиях, отдельно часть 1-ую (первые 4 главы) и часть 2-ую, с отдельной нумерацией страниц. Кстати, о предложении Марка переменить заглавие и сделать 2-томным. Это, по-моему, вряд ли удобно. Заглавие более скромное и более тяжеловесное удобно в видах цензурных; перемена заглавия потребовала бы от меня массы мелких, но именно потому и обременительных, поправок в тексте. На два тома разбивать не стоит: если взять за норму формат и шрифт «Этюд», то каждый том вышел бы *меньше* этой книжки (да и продавать отдельно нельзя по томам, ибо изложение ведется общее, с общими ссылками на разные главы и т. д.). Что до цены, то выше 3-х рублей я и не предполагал и считал бы более высокую цену нежелательной (а более низкую невыгодной). Число же

экземпляров желательно как можно больше *... Относительно цензурных препятствий для «рынков», — я их не жду, если не наступит периода особо-отменных строгостей и гонений на нашего брата. А если хорошо расходятся «этюды», то уже, наверно, много лучше пойдут «рынки». Это бы следовало внушить издательнице. Еще вопрос о числе авторских экземпляров... Я думаю, надо взять их 50, ибо придется послать на этот раз большему числу лиц, и иногда обмениваться с земско-статистическими изданиями.

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
12 декабря 1898 года:*

Я произвел более точный подсчет размеров всего написанного; в первых 4-х главах — около 500 тыс. букв... Это меньше, чем я предполагал (а вторая половина будет меньше первой). Значит, мои опасения излишни; достаточно и такого шрифта, при котором на одной странице только 2 тыс. букв. И против издания двумя отдельными томами ничего не имею: решайте сами с издательницей. Только вот цифры, цифры! — наврут в них жестоко, если не будет у меня корректуры.

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
28 декабря 1898 года:*

С советами писателя соглашаюсь (теперь же сдать в типографию, взять размер и шрифт книги Туган-Барановского ** и не посылать сюда корректур). Недостаточно компактным шрифт «Кризисов» не будет: выйдет около 500 страниц...

Вторую корректуру, конечно, согласен доверить тебе и очень, очень буду благодарен за эту тяжелую и неблагодарную работу. Но платный корректор все же безусловно необходим; по-моему, мало 2 р. за лист; дайте 3 рубля и больше за две корректуры и возьми себе третью (а не 2-ую) корректуру. Для опечаток пришлите мне (не отдельными листами, а по 5—10 листов сразу). Вот только посылать тебе черновик я считаю не совсем удобным: мне нужны иногда дополнения, вставки и пр., а без черновика я не могу этого сделать. Нельзя ли больше заплатить корректору и обязать его посылать тебе вместе с корректурой и

* Вполне согласен с Марком, что «должно» не менее 2400. Только вот что издательница скажет!

** Имеется в виду книга М. И. Туган-Барановского «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь».

листочки беловика? Если это будет невозможно,— тогда, конечно, вышло черновик (ты можешь затребовать его телеграммой: «вышли черновик»).

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 10 января 1899 года:

Насчет корректуры «рынков» меня, признаться, не успокоило заявление писателя, что рукопись «образцово хороша»: писатель уже раз проявил себя плохим корректором, да и вообще не его это дело и не по нем — аккуратно вести столь хлопотливое дело. Поэтому я думаю, что все-таки надо бы настаивать на 3-х корректурах, а не двух (последняя в Москве) и на непосредственных сношениях Анюты с корректором. Я боюсь,— не вышло бы так же плохо, как с «Этюдами»; это будет очень грустно. Но вообще отсюда крайне трудно, даже невозможно давать ответы на все мелкие и частные вопросы: их решение необходимо там, на месте. Поэтому я и не придираюсь насчет перемены заглавия, хотя оно мне и не нравится, соображение насчет того, что с широким заглавием лучше «пойдет», тоже не нравится. Заглавие нарочно было выбрано поскромнее. Впрочем, раз в подзаголовке оно сохранено,— это не так важно и, повторяю,— все мелкие вопросы необходимо должны решаться немедленно на месте... Если можно и удобно будет,— очень бы желал получить последнюю корректуру, хотя бы листов по 5—10 раз.

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
13 февраля 1899 года:*

Получил твое письмо от 27.I и чрезвычайно рад был узнать новости насчет «рынков». Если письмо мое от 10/I было, как ты пишешь, чрезмерно пессимистическим, то это, пожалуй, выйдет чрезмерно оптимистическим. Очень и очень благодарен В. А. *, Мите и особенно тебе за все хлопоты с книгой, за судьбу которой — со стороны удовлетворительности издания — я теперь уже вполне спокоен...

С громадным интересом жду первых двух глав,— вторая в типографском отношении самая трудная. Ты прекрасно сделала, что убедила В. А. не исправлять «от разума»... Насчет резкостей я теперь вообще стою за смягчение их и уменьшение их числа. Я убедился, что в печати резкости выходят неизмеримо сильнее,

* Ионову. Будучи статистиком-профессионалом, он вел корректуру статистических таблиц в книге Ленина «Развитие капитализма в России».

чем на словах или в письме, так что надо быть поумереннее в этом отношении... Насчет таблиц тоже я очень и очень доволен, что ты убедила не опускать дробь, печатать их особым шрифтом и ниже целых величин, не ставить таблиц боком. Если это и удорожит несколько изданий,— беда не такая большая. Судя по твоему приблизительному определению стоимости издания при 2,4 тыс. экз., можно, вероятно, будет назначить и цену умеренную, не более двух с половиной*. Впрочем, относительно всего этого вполне предоставляю решать тебе. Очень интересно также посмотреть, удачна ли выйдет диаграмма? Что говорят о ней статистики (В. А. и другой)? Мне делали несколько замечаний относительно ее необычности. Достигает ли она цели наглядности и вразумительности?

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
28 февраля 1899 года:*

...Большое merci за... белые листы «рынков». Последними я остался в высшей степени доволен. Трудя тебе с ними было, вероятно, масса, но зато опечаток почти нет. В таблицах не нашел вовсе опечаток (хотя ты пишешь об них), в тексте — самые пустяки. Шрифт, по-моему, удовлетворительный. Выйдет так около 30 листов (это максимум, вероятно, еще меньше), — как раз столько, сколько я и рассчитывал. Таблицы набраны превосходно. Особенно хорошо, что десятичные знаки отчетливо выделены и что нет боковых таблиц. Таблицы, набранные петитом (стр. 46) и непарелью (стр. 39), вышли очень удачно, — я не мог бы желать ничего лучшего. Заголовки и номера параграфов тоже набраны вполне подходящим шрифтом. Одним словом, на этот раз мне ни капельки не приходится жалеть о том, что автор не может корректировать. С одной из следующих почт напишу тебе список моих знакомых, которым попрошу послать книгу прямо из России. Псылка массы экземпляров ко мне и рассылка их отсюда и дороже стоит и вообще менее удобна. Надеюсь, ко времени получения этого письма вторая глава останется уже далеко позади, — а это в корректорском отношении действительно самая ядовитая глава. Насчет предисловия подумаю

* Желательно было бы, для удешевления книги для публики, продавать на наличные из конторы журнала и т. п. с уступкой, напр. за 1³/₄ рубля. Не знаю только, осуществимо ли это.

еще: может быть, пришло новое, а то так пусть старое остается.

Список опечаток пишу здесь же.

В. К. Курнатовский — Е. И. Окуловой, 17 марта 1899 года:

Работа Владимира Ильича «О рынках» уже печатается с января и скоро, должно быть, появится в свет.

В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой, 17 марта 1899 года:

Получил... беловые листы*. В общем и целом я очень доволен ими: издание выходит чистое, таблицы ясные и без опечаток, боковых таблиц очень мало. Не знаю вот, как вышла диаграмма? Посылаю список опечаток в 4—11 листах. Здесь попались некоторые (подчеркнутые мной), затрудняющие чтение или изменяющие смысл (хотя таких очень немного). Может быть, найдешь удобным сделать так: кроме списка опечаток в конце книги приложить в начале (вклеить) листочек с просьбой исправить прежде, чем читать, важнейшие опечатки, из коих-де вот эти (подчеркнутые мной) существенны, а остальные указаны в конце книги. Кажется, иногда это делается.

Так как никогда и никакое издание без опечаток не мыслимо, то я могу сказать (вопреки твоему ожиданию), что чувствую себя *вполне* удовлетворенным. Ни в какое сравнение с «Этюдами» это издание, по аккуратности, не идет; опечаток мало, и большинство — совершенно неважные.

Насчет оглавления сделайте, как хотите: ограничиться ли одними §-ами или добавить и составленное мною подробное содержание.

Посылаю список моих знакомых, коим попрошу послать книгу по выходе. Придется Мите повозиться с отправкой такой кучи бандеролей!

*Объявление в газете «Русские Ведомости»
15 апреля 1899 года:*

...Новое издание М. И. Водовозовой. *Владимир Ильин*. «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности». Цена 2 р. 50 к. Стр. 480.

* второй и третьей глав книги «Развитие капитализма в России».

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
1 мая 1899 года:*

Получил... свою книгу*...

Внешним видом книги я очень доволен. Издана прекрасно благодаря большим хлопотам твоим с корректурой. И цену ты хорошо сделала, разумеется, что повысила. Раз учащимся будет еще скидка в 25%,— этого вполне достаточно. Всем ли знакомым разослали книги? Я думаю, надо еще взять запасных автору десятка по-тора экземпляров: придется обменивать на разные сборники и пр.

Продолжение «Капитала»

В. И. Ленин:

...Для русских социалистов почти тотчас же после появления «Капитала» главным теоретическим вопросом сделался вопрос о «судьбах капитализма в России»; около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения.

Н. К. Крупская:

Маркс был переведен на русский язык еще в 60-х годах. Но надо было еще Маркса перевести на язык русских фактов. Это сделал Ленин в своей книге «Развитие капитализма в России».

П. Н. Лепешинский:

Народники не допускают и мысли о возможности развития капитализма в России (не видя того, что Россия давно уже основательно и бесповоротно вступила на путь капиталистического развития). Они ссылаются при этом на отсутствие предпосылок для такого развития: дескать, на завоевание внешних рынков у запоздавшей с приходом на жизненный пир России нет достаточно больших шансов, а в самой-де России, где разделение труда «не выросло из глубины народной жизни», где, по мнению народников, вследствие разорения мелких производителей покупательная сила населения падает,— в России внутренний рынок сокращается. Вот почему Ленину в этот период приходится больше всего возиться с вопросами экономики и черпать широкою рукою необходимые для его полемики с народниками аргументы из экономического учения Маркса. Он много внимания посвящает проблеме внутреннего рынка. пишет по этому по-

* «Развитие капитализма в России».

воду ряд статей и посвящает этому же вопросу свой большой труд: «Развитие капитализма в России» (подзаголовок книги: «Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности»).

Н. К. Крупская: В 1899 году вышла книга Ленина «Развитие капитализма в России», где он на массе фактического материала доказал, что и у нас в России развивается капитализм, несмотря на отсталость нашей страны.

Из предисловия В. И. Ленина к первому изданию книги «Развитие капитализма в России»:

В предлагаемой работе автор задался целью рассмотреть вопрос: как складывается внутренний рынок для русского капитализма? Известно, что вопрос этот поставлен уже давно главными представителями народнических воззрений (во главе их гг. В. В. и Н.—он), и наша задача будет состоять в критике этих воззрений. Мы не считали возможным ограничиться в этой критике разбором ошибок и неправильностей во взглядах противников; нам казалось недостаточным для ответа на поставленный вопрос привести факты, говорящие об образовании и росте внутреннего рынка, ибо могло бы являться возражение, что такие факты выбраны произвольно и опущены факты, говорящие против. Нам казалось необходимым рассмотреть и попытаться изобразить весь процесс развития капитализма в России в его целом. Само собою разумеется, что такая широкая задача была бы не под силу отдельному лицу, если бы не внести в нее ряд ограничений. Во-первых, как видно уже из заглавия, мы берем вопрос о развитии капитализма в России исключительно с точки зрения внутреннего рынка, оставляя в стороне вопрос о внешнем рынке и данные о внешней торговле. Во-вторых, мы ограничиваемся одной пореформенной эпохой. В-третьих, мы берем главным образом и почти исключительно данные о внутренних чисто русских губерниях. В-четвертых, мы ограничиваемся исключительно одной экономической стороной процесса. Но и за всеми указанными ограничениями остающаяся тема чрезвычайно широка. Автор отнюдь не скрывает от себя трудности и даже опасности брать столь широкую тему, по ему казалось, что для разъяснения вопроса о внутреннем рынке для русского капитализма безусловно необходимо показать связь и взаимозависимость отдельных сторон того процесса, который происходит во всех областях общественного хозяйства. Мы ограничиваемся поэтому рассмотрением основных черт процесса,

предоставляя дальнейшим исследованиям более специальному изучению его.

План нашей работы таков. В I главе мы рассмотрим, возможно более кратко, основные теоретические положения абстрактной политической экономии по вопросу о внутреннем рынке для капитализма. Это послужит как бы введением для остальной, фактической части сочинения и избавит от необходимости многократных ссылок на теорию в дальнейшем изложении. В трех следующих главах мы постараемся охарактеризовать капиталистическую эволюцию земледелия в пореформенной России, именно во II главе будут разобраны земско-статистические данные о разложении крестьянства, в III — данные о переходном состоянии помещичьего хозяйства, о смене барщинной системы этого хозяйства капиталистическою, и в IV — данные о тех формах, в которых происходит образование торгового и капиталистического земледелия. Три дальнейшие главы будут посвящены формам и стадиям развития капитализма в нашей промышленности: в V главе мы рассмотрим первые стадии капитализма в промышленности, именно в *мелкой крестьянской (так наз. кустарной) промышленности*; в VI главе — данные о капиталистической мануфактуре и о капиталистической работе на дому и в VII главе — данные о развитии крупной машинной индустрии. В последней (VIII) главе мы сделаем попытку указать связь между отдельными, изложенными выше, сторонами процесса и дать общую картину этого процесса.

Из книги В. И. Ленина «Развитие капитализма в России»:

Внутренний рынок для капитализма... создается параллельным развитием капитализма в земледелии и в промышленности, образованием класса сельских и промышленных предпринимателей, с одной стороны, — сельских и промышленных наемных рабочих, с другой стороны...

Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка. Нет ни одной отрасли народного хозяйства, подчиненной капиталистическому производству, в которой бы не наблюдалось столь же полное преобразования техники...

Другая особенность развития капитализмом общественных производительных сил состоит в том, что рост средств производства (производительного потребления) далеко обгоняет рост личного потребле-

ния... Эта особенность вытекает из общих законов реализации продукта в капиталистическом обществе и находится в полном соответствии с антагонистической природой этого общества.

Н. К. Крупская:

Вся полемика с народниками того времени, с «друзьями народа», вертелась около вопроса: возможно ли в русских условиях, при самодержавии, при полном политическом бесправии масс, в условиях развивающегося капитализма, путем артелей, товариществ, кооперирования мелких производителей поле-гоньку да потихоньку, без всякой политической борьбы вращаться в социализм? Владимир Ильич доказывал, что это — наивная и вредная утопия. Не против артелей и товариществ, не против кооперирования мелких производителей говорил он, а о необходимости пред-посылке для того, чтобы это кооперирование получило смысл, о необходимости политической борьбы, борьбы за власть. После завоевания власти будет другой разговор. Характерно, что писал по этому поводу Ильич в своем «Развитии капитализма», окончательно идейно угробившем легальных народников. Там он приводит цитату из 3-го тома «Капитала» Маркса: «Мелкая земельная собственность, по самой своей природе, исключает развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, скотоводство в крупных размерах, прогрессивное применение науки».

И созвучно этому Ильич пишет: «Систематическое употребление машин в сельском хозяйстве с такой же неумолимостью вытесняет патриархального «среднего» крестьянина, с какой паровой ткацкий станок вытесняет ручного ткача-кустаря». И далее: «Крупная машинная индустрия и в земледелии, как и в промышленности, с железной силой выдвигает требования общественного контроля и регулирования производства». «Развитие капитализма» писалось для легальной печати. Поэтому там нельзя было сказать открыто: при капитализме индустриализация земледелия ведет к разорению крестьянства, к пролетаризации; тогда, когда власть будет в руках пролетариата, индустриализация поведет неизбежно к коллективизации сельского хозяйства. Все это надо было говорить намеками, между строк. И к тому, что сказано было им выше, Ильич прибавляет: ««У нас» повышать технику в состоянии только сельские предприниматели. «У нас» этот прогресс сельских предпринимателей, мелких и крупных, неразрывно связан с разорением крестьянства и образованием сельского пролетариата». «У нас», взятое в кавычки, означало «при капитализме».

Настоящее сочинение написано в период кануна русской революции, во время некоторого затишья, которое наступило после взрыва крупных стачек 1895—1896 годов. Рабочее движение тогда как бы ушло в себя, распространяясь вширь и вглубь и готовя для начала демонстрационного движения в 1901 году.

Тот анализ общественно-хозяйственного строя и, следовательно, классового строения России, который дан в настоящем сочинении на основании экономического исследования и критического разбора статистических сведений, подтверждается теперь открытым политическим выступлением всех классов в ходе революции. Вполне обнаружилась руководящая роль пролетариата. Обнаружилось и то, что его сила в историческом движении неизмеримо более, чем его доля в общей массе населения. Экономическая основа того и другого явления доказана в предлагаемой работе.

Далее, революция обнаруживает теперь все более и более двойственное положение и двойственную роль крестьянства. С одной стороны, громадные остатки барщинного хозяйства и всевозможные пережитки крепостного права при невиданном обнищании и разорении крестьянской бедноты вполне объясняют глубокие источники революционного крестьянского движения, глубокие корни революционности крестьянства, как массы. С другой стороны, и в ходе революции, и в характере разных политических партий, и во многих идейно-политических течениях обнаруживается внутреннее противоречивое классовое строение этой массы, ее мелкобуржуазность, антагонизм хозяйских и пролетарских тенденций внутри нее. Коллебанье обнищавшего хозяйчика между контрреволюционной буржуазией и революционным пролетариатом так же неизбежно, как неизбежно то явление во всяком капиталистическом обществе, что ничтожное меньшинство мелких производителей наживается, «выходит в люди», превращается в буржуа, а подавляющее большинство либо разоряется совсем и становится наемными рабочими или пауперами, либо живет вечно на границе пролетарского состояния. Экономическая основа обоих течений в крестьянстве доказана в предлагаемой работе...

Предлагаемое читателю сочинение посвящено анализу предреволюционной экономики России.

М. И. Водовозова — А. И. Эртлю, 13 июля 1899 года:

Успех моих некоторых последних изданий просто поразителен, — я говорю о книге Ильина «Развитие капитализма в России». Я издала ее весной и, несмотря на наступление лета и отлив молодежи из столиц перед пасхой, эта книжка расходится с невероятной быстротой... Успех Ильина объясняется, помимо блестящих литературных и научных данных, еще, главным образом, тем, что он трактует об образовании внутреннего рынка в связи с аграрным вопросом в России и разложением крестьянства... Нельзя читать эту книгу без самого захватывающего интереса.

В. И. Ленин:

Что доказывал и доказал Ильин? Что развитие аграрных отношений в России идет капиталистически и в помещичьем хозяйстве и в крестьянском, и вне и внутри «общины». Это раз. Что это развитие уже *бесповоротно* определило не иной путь развития, как капиталистический, не иную группировку классов, как капиталистическую. Это два.

Из-за этого был спор с народниками. Это надо было доказать. Это было доказано... Когда мы боролись с народниками за доказательство того, что этот путь неизбежно и бесповоротно — капиталистический, мы были вполне правы и мы не могли *не* сосредоточить всей силы, всего внимания на вопросе: капитализм или «народное производство». Это было и естественно, и неизбежно, и законно.

А. В. Луначарский: За время ссылки он (*Владимир Ильич*) написал решающий труд, вполне легальный («Развитие капитализма в России»), в котором доказывал всю неправильность народнических представлений о невозможности развития капитализма в России, — труд настолько основательный, так мастерски маневрировавший огромным статистическим материалом, что он сразу выдвинул Владимира Ильича... в первые ряды... исследователей русского хозяйства.

В. И. Ленин — А. Н. Потресову, 27 июня 1899 года:

Ваш отзыв о моей книге * очень меня обрадовал. Думается все-таки, что насчет перевода ее вряд ли Вы не преувеличили: сомнительно, чтобы немцы стали читать вещь, переполненную чисто местными, так

* «Развитие капитализма в России».

сказать, и мелкими фактами. Правда, Н.— она * вот перевели (но у него была уже очень большая репутация и рекомендация, вероятно, Энгельса, хотя последний и собирался разнести ее, по словам мониста). Встречали ли Вы отзывы об ней в немецкой литературе? Если я не ошибаюсь, его и на французский перевели. Меня несколько удивили Ваши слова, что Вам «наконец удалось добыть» мою книгу... Разве Вы не получили ее из Москвы или Питера? Я просил отправить ее Вам, как и всем остальным своим знакомым, и они все получили ее. Если Вы не получили, сообщите, и я напишу еще в Москву. В печати до сих пор не видел отзывов о ней, да раньше осени и не жду встретить,— впрочем, из газет я читаю только «Русские Ведомости», продолжающие «с тактом молчать»...

*Из рецензии И. И. Лузина на книгу В. И. Ленина
«Развитие капитализма в России», опубликованной
в грузинской газете «Квали» («Борозда»)
25 июля 1899 года:*

Книга Владимира Ильина примечательна прежде всего своим строго научным, объективным характером исследования...

Молодой экономист проанализировал весь богатый материал, который дает земская и официальная статистика, привел в соответствующую систему цифры и весьма убедительно доказал свои выводы. Вместе с тем он подверг уничтожающей критике взгляды гг. Воронцовых, Н.-онов, Карышевых, Каблуковых и других, продемонстрировав их научную неграмотность...

Прочеть книгу Ильина мы усиленно советуем всем читателям **.

*Из рецензии Б. В. Авилова на книгу В. И. Ленина
«Развитие капитализма в России»
 («Образование», 1899, октябрь, № 10):*

Ильин... в своей книге показывает, что развитие капитализма — это прежде всего разложение самого «народного производства», возникновение новой исторической формы *народного хозяйства*, переустройство всех общественных отношений. Он прослеживает

* Имеется в виду книга Н.— она (Н. Ф. Даниельсона) «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства».

** Перевод с грузинского Ш. И. Чивадзе.

эту эволюцию во всех сферах народнохозяйственной жизни...

Книга Ильина представляет собой чрезвычайно систематическое и удачное проведение определенной точки зрения, определенной схемы экономического развития, сообразно которой он очень удачно конструирует богатый материал... Это единство и последовательное проведение одной идеи составляет крупное достоинство... книги Ильина. Благодаря выдержанности своей основной точки зрения автор разбирается во всех самых сложных явлениях жизни и умеет дать им правильное освещение, так что перед читателем из массы отдельных фактов встает связанная в целое картина процесса экономического развития... Книга Ильина по глубине и последовательности его анализа, несомненно, является крупным вкладом в нашу экономическую литературу.

А. И. Эртель:

Тут (в книге В. И. Ленина «Развитие капитализма в России») ключом бьет живая мысль, тут сила и дерзость. А это теперь важнее всего.

*Из перехваченного полицией письма
политзаключенного Московской тюрьмы,
30 августа 1899 года:*

От книги («Развитие капитализма в России»)... я в полном восторге. Прочел, не отрываясь и, жаль, не успел в другой раз прочесть — торопился вернуть.

*Ц. С. Бобровская
(Зеликсон):*

Товарищи стали снабжать меня (в Харьковской тюрьме) книгами, среди которых была и вышедшая тогда легально книга Ленина «Развитие капитализма в России». Никогда не забыть огромного удовлетворения, которое давало внимательное изучение фундаментального ленинского труда.

*Из передовой статьи омской газеты «Степной край»,
3 августа 1901 года:*

Мы рекомендовали бы познакомиться с 2-й главой известной книги В. Ильина «Развитие капитализма в России», который доказывает, что... прогрессы зажиточного меньшинства ложатся... тяжело на массу крестьянской бедноты.

*Я. А. Берзинь-
Зиемелис:*

...В олонеккой ссылке я наряду с другими основными трудами по марксизму старательно изучал книгу В. Ильина... «Развитие капитализма в России».

Ем. Ярославский: По этой книге («*Развитие капитализма в России*») десятки тысяч людей, боровшихся в царской России против царя, помещиков и капиталистов, изучали народное хозяйство и приходили к тому же выводу, к какому пришел Ленин,— к необходимости создать союз рабочего класса и крестьянства, для того чтобы ликвидировать остатки крепостничества, уничтожить помещичье землевладение, создать революционную партию пролетариата для борьбы за социализм.

Глава шестая

За чистоту марксизма

Орудие борьбы

«Необходима серьезная война...»

Против Бернштейна

Грозящая опасность

Протест семнадцати

Орудие борьбы

М. А. Сильвин: В ссылке он (*Владимир Ильич*) особенно следил за тем, что делается в революционной среде, в каком направлении работает социалистическая мысль.

А. И. Ульянова-Елизарова: ...Еще в Сибири... струя неокантианства в марксизме побудила его (*Владимира Ильича*) взяться за изучение философии.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 2 августа 1898 года:

На днях получил часть книг (большей частью по философии) из купленных мне Анютой. Те книги, которые получены теперь для меня, еще в Минусинске; они содержат продолжение философских книг.

Н. К. Крупская — М. А. Ульяновой, 20 июня 1899 года:

Володя усиленно читает всякую философию (это теперь его официальное занятие), Гольбаха, Гельвеция и т. п. Я смеюсь, что с ним скоро страшно будет говорить, так он этой философией пропитается.

П. Н. Лепешинский: Владимир Ильич, насколько помнится, тщательно изучал в ссылке «Науку логики» (а может быть, и другой труд) Гегеля и требовал... и от нас, окружавших его товарищей, достаточного внимания к идеям этого философского трактата.

Н. К. Крупская: ...Философия для Владимира Ильича была тоже орудием борьбы, и еще в Сибири он чрезвычайно много занимался вопросами философии, конечно, постольку, поскольку там под руками были соответствующие книги..., которые удалось с собой привезти. Над этими книгами Владимир Ильич и работал. Тогда уже он придавал занятиям по философии чрезвычайно большое значение. Ему приходилось спорить с тов. Ленгником по некоторым философским вопросам, и он тогда подчеркивал, что философия нужна для того, чтобы найти правильный подход к оценке всех явлений.

Ф. В. Ленгник: В сибирской ссылке я стал интересоваться вопросами философии и, между прочим, также философией Юма и Канта. Скептицизм Юма особенно, по-видимому, гармонировал с той безнадежной обстановкой, в которой протекала тогда сибирская ссылка... Философия же Канта была мне привита еще с детства вместе с германскими классиками, из которых особенно

Шиллер, как известно, был пламенным энтузиастом кантианства.

Владимир Ильич, вероятно, от товарищей узнал об этих моих увлечениях, и у нас с ним завязалась чрезвычайно оживленная переписка по философским вопросам.

П. Н. Лепешинский:

Их (*Владимира Ильича и Ф. В. Ленгника*) письма друг к другу иногда представляли целые длинные трактаты по философии.

А. С. Шаповалов:

Переписка Ленгника с Лениным началась еще из села Казачинского. Ленин сам настолько интересовался философией, что чуть ли не с первого слова, как только познакомился с Ленгником, завел с ним беседу по вопросам философии. Так как Ленгник был человеком самоуверенным, гордым, с очень развитой индивидуальностью, настойчивостью, обладавшим большой эрудицией и страстностью темперамента, беседа нередко переходила в серьезный диспут. Ф. В. Ленгник, исходя из неокантианства, подвергал сомнению возможность познать все. Соглашаясь, что идеалистическое мировоззрение неизбежно увенчивается верой в бога, он приводил мнение одного из философов, что бог есть «извечное отрицание всех сомнений и колебаний». На основании этого он полагал, что марксисту, отрицающему существование бога и идущему в ногу с выводами науки, присуще сомнение в возможности познать все тем более, что сомнение считается матерью всякого познания. Оба они, и Ленин и Ленгник, были в полном расцвете сил и способностей, и каждый из них, вполне естественно, стремился победить в споре противника...

Насколько я запомнил, Ленин, не отрицая за человеком вообще (и за марксистом, в частности) права на известные сомнения и колебания, без чего невозможен никакой прогресс, отстаивал со всем присущим ему умением могущество человеческого разума. Он ссылался в подтверждение своих слов как на историю науки, так и на историю всех великих открытий, которые доказывают, что человеческий разум, проникая в глубь явлений, открывает то, что вчера еще считалось недоступным для человека, делает сегодня ясным и понятным то, что вчера еще было закутано туманом неизвестности.

В общем, марксист не должен говорить, что ум человека ограничен, но, наоборот, он должен утверждать, что нет никаких преград для человеческого разума, идущего в познании природы все вперед от победы к победе. Марксизм, идущий в ногу с выводами науки,

отстаивающий научное познание мира, представляет собою жизнеутверждающее мировоззрение, открывающее для развития человеческой личности самые широкие перспективы. Коснувшись сомнений и колебаний, присущих «мыслящему человеку», Ленин, насколько это удержалось в моей памяти, говорил, что они не должны посягать на целостность марксистского мировоззрения и нарушать партийной дисциплины.

Ф. В. Ленгник:

Я старался его (*Владимира Ильича*) обратить в свою веру, излагал ему поэтическую красоту кантовской «Критики практического разума», а иногда ударялся в крайний скептицизм, опираясь на Юма и его блестящего ученика Шопенгауэра, который тоже привлек мое скучающее в ссылке внимание. В своих ответных письмах Владимир Ильич, насколько я помню, очень деликатно, но и вполне определенно выступил решительным противником и юмовского скептицизма и кантовского идеализма, противопоставляя им жизнерадостную философию Маркса и Энгельса. Он с жаром доказывал, что *не может быть никаких границ человеческому знанию, которое должно прогрессировать и отделяться от идеалистической, буржуазной шелухи по мере роста революционного рабочего движения*, которое должно определить не только поведение и мирозерцание самого рабочего класса — насковзь ясное, жизнерадостное и захватывающее своей простой красотой, — но и поведение и мирозерцание своих классовых противников и заставит их вместо туманных, заоблачных теорий и мечтаний говорить языком фактов и огнем баррикад...

Через несколько уже писем Владимира Ильича я был поколеблен до самого основания. Я бросил своих идеалистических философов и устремился к изучению философии марксизма, для которой мои увлечения были уже далеким-далеким прошлым. «Анти-Дюринг» стал моей настольной книгой, и этим избавлением на всю жизнь от идеалистического плена я всецело обязан дорогому, милому, бесценному Владимиру Ильичу...

В. И. Ленин — А. Н. Потресову, 2 сентября 1898 года:

Получил вчера Ваше письмо от Н. VIII. со списком книг и бандероль — «Archiv». Статья «выдающегося политикоэконома» в высшей степени интересна и превосходно составлена. Автор располагал, очевидно, богатым материалом, счастливо попавшим ему в руки. Вообще в области публицистики он оказывается едва ли даже не лучшим писателем, чем в чисто экономической сфере...

Обратили ли Вы внимание в «Русском Богатстве» на статьи *Н. Г.* (в 2-х последних книжках) против «материализма и диалектической логики»? Преннтересны ведь — с отрицательной стороны. Я должен сознаться, что некомпетентен в поднятых автором вопросах, и меня крайне удивляет, почему это автор «*Beiträge zur Geschichte des Materialismus*» * не высказывался в русской литературе и не высказывается решительно против неокантианства, предоставляя Струве и Булгакову полемизировать о частных вопросах этой философии, как будто бы она уже вошла в состав воззрений русских учеников **. Уж наверное для философских-то статей нашлось бы место не в одном из наших журналов, да и книга могла бы пройти свободно. Полемика его с Бернштейном и Конрадом Шмидтом меня интересует в высшей степени, и я крайне жалею, что никак не могу достать «Времени» ***. Был бы Вам зело благодарен, если бы Вы смогли помочь мне в этом... Нет ли у Вас того номера «Нового Времени», где была (несколько лет тому назад) статья того же автора о Гегеле (30-летняя годовщина смерти — что-то в этом роде)? «Новое Время» не получается ни мной, и никем из товарищей здешних, хотя из Питера обещали послать!..

Интересна еще в «Русском Богатстве» (за июль) статейка Ратнера о «Капитале». Меня всего сильнее возмущают подобные любители золотой середины, которые не решаются прямо выступить против несимпатичных им доктрин, виляют, вносят «поправки», обходят основные пункты (как учение о классовой борьбе) и ходят кругом да около частностей.

А. Н. Потресов:

Поощренные немецким бернштейнианством, русские «легальные марксисты», со Струве и Туган-Барановским во главе, скоропалительно быстро меняли свой идеологический фронт...

И соответственно этому в письмах Ленина... так же быстро меняется тон в отношении к героям этого сдвига и крепнет сознание необходимости открытого разрыва с ними, открытой и непримиримой борьбы.

* Автор книги «Очерки по истории материализма» *Г. В. Плеханов.*

** Речь идет о полемике между *П. Б. Струве* и *С. Н. Булгаковым* по поводу книги немецкого философа-неокантианца *Р. Штаммлера* «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории».

*** Имеются в виду статьи *Г. В. Плеханова* «Бернштейн и материализм» и «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса», опубликованные в немецком журнале «Новое Время».

Насчет «сногшибательных открытий» русских учеников и их неокантианства я прихожу все в большее и большее возмущение. Прочел статью Туган-Барановского в № 5 «Научного Обозрения»... Черт знает что за глупый и претенциозный вздор! Без всякого исторического изучения доктрины Маркса, без всяких новых исследований, на основании ошибок в схемах (произвольное изменение нормы прибавочной стоимости), на основании возведения в общее правило исключительнейшего случая (повышение производительности труда без уменьшения стоимости продукта: абсурд, если только взять это как общее явление), на основании этого заявлять о «новой теории», об ошибке Маркса, о перестройке... Нет, не могу я поверить Вашему сообщению, что Туган-Барановский становится все более Genosse *...

Да, еще эта идея различия «социологических» и «экономических» категорий, пущенная Струве (в № 1 «Научного Обозрения») и повторяемая и П. Берлином (в «Жизни») и Туган-Барановским. По-моему, не обещает ничего, кроме бессодержательнейшей и схоластичнейшей игры в дефиниции, называемой кантианцами громким именем «критики понятий» или даже «гносеологии». Я решительно не понимаю, какой смысл может иметь такое различение?? как может быть экономическое вне социального??

Кстати о неокантианстве. На чью сторону Вы становитесь?. Перечитал я, после Stammer'a **, статьи Струве и Булгакова в «Новом Слове» и нашел, что с неокантианством действительно необходимо почитаться серьезно. Я уже не утерпел и вклеил замечания и вылазки против него и в ответ Струве (на его статью в «Научном Обозрении»...)... Говорю: «не утерпел», ибо очень хорошо сознаю свою философскую необразованность и не намерен писать на эти темы, пока не подучусь. Теперь именно этим и занимаюсь, начавши с Гольбаха и Гельвеция и собираясь перейти к Канту. Главнейшие сочинения главнейших классиков философии я достал, но неокантианских книг не имею (выписал только Ланге). Сообщите, пожалуйста, нет ли их у Вас или Ваших товарищей и не могли ли бы Вы поделиться ими.

По тому же вопросу крайне заинтересовала меня рецензия в № 5 «Начала»... на книгу Богданова. Не

* товарищем.

** Штаммера («Хозяйство и право»).

понимаю, как мог я пропустить объявление о выходе этой книги. Выписал ее только теперь. Я уже по первой книге Богданова заподозрил мониста, а заглавие и содержание второй книги усиливают мои подозрения. И как же неприлично-бессодержательна и неприлично-надменна эта рецензия! Ни слова по существу и... выговор за игнорирование кантианства, хотя из слов самого рецензента видно, что Богданов не *игнорирует* кантианства, а *отвергает* его, стоя на иной точке зрения в философии... Я думаю (если я не ошибся насчет Богданова), что эту рецензию невозможно будет оставить без ответа. Не понимаю только одного, как *мог* Каменский оставить без ответа статьи Струве и Булгакова в «Новом Слове» против Энгельса! Не объясните ли Вы мне этого?

А. С. Шаповалов: Когда разговор зашел об А. Богданове, сочинения которого на философскую тему появились уже тогда, Владимир Ильич оценил его как очень крупную личность, но уже тогда указывал на некоторые его уклоны от революционного марксизма.

В. И. Ленин: Те ученики Маркса, которые зывают: «назад к Канту», не дали до сих пор ровно ничего, доказывающего необходимость такого поворота и наглядно представляющего выигрыш теории Маркса от оплодотворения ее неокантианством. Они даже не исполнили падающей на них прежде всего обязанности — подробно разобрать и опровергнуть ту отрицательную оценку неокантианства, которую дал Энгельс. Наоборот, те ученики, которые пошли назад не к Канту, а к философскому материализму до Маркса, с одной стороны, и к диалектическому идеализму, с другой стороны, дали замечательно стройное и ценное изложение диалектического материализма, показали, что он представляет из себя законный и неизбежный продукт всего новейшего развития философии и общественной науки.

«Необходима серьезная война...»

О. Б. Лепешинская:

Не прекращая решительной борьбы против народничества, Ильич развивает активнейшую теоретическую деятельность, которая служит борьбе против русского и международного оппортунизма.

А. И. Ульянова-Елизарова:

...Сильно беспокоят и возмущают Владимира Ильича новые ревизионистские течения в марксизме. Не получая долго книги Бернштейна *., Ильич ознакомился сначала с его сторонником Булгаковым по статье его в «Начале» и с заграничными ревизионистами в «Neue Zeit».

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
4 апреля 1899 года:*

«Начало», № 1—2, получил наконец от товарищей. (Пожалуйста, подпишись для нас на журнал, если еще не подписалась...) ...Булгаков же меня просто взбесил: такой вздор, сплошной вздор и такая бесконечная профессорская претенциозность, что это черт знает что такое! ** Недаром его уже похвалили в «Сыне Отечества»! Посмотрим, как он кончит. Я думаю писать «о книге Каутского и о статье г. Булгакова».

В. И. Ленин — А. Н. Потресову, 27 апреля 1899 года:

Начну с того, что меня теперь наиболее интересует и волнует, — со статей Булгакова в 1—2 и 3 книжках «Начала»... Если на Вас статья Булгакова произвела «отталкивающее» впечатление и «жалкое», то меня она привела прямо-таки в иступление. До сих пор, сколько я ни читал и перечитывал Булгакова, я решительно не могу понять, как мог он написать такую сплошь вздорную и до невозможности неприличную по тону статью и как редакция сочла возможным не оградить себя хоть единым замечанием от солидарности с таким «разносом» Каутского...

Я прочитал книгу Каутского еще до появления статьи Булгакова и не нашел у последнего ни одного сколько-нибудь осмысленного возражения против Каутского, а *извращений* мыслей и тезисов Каутского — массу...

Я уже написал и недели 2 тому назад отправил в редакцию первую статью «Капитализм в сельском хозяйстве (О книге Каутского и о статье г. Булгакова)» и теперь берусь за вторую по поводу окончания статьи Булгакова...

Вообще вся эта «новая критическая струя» в марксизме, которой увлекаются Струве и Булгаков (П. Б. наверное за Булгакова), мне кажется крайне

* «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии».

** Речь идет о статье С. Булгакова «К вопросу о капиталистической эволюции земледелия».

подозрительной: громкие фразы о «критике» против «догмы» и проч.— и ровно никаких положительных результатов критики.

Из статьи В. И. Ленина
«Капитализм в сельском хозяйстве»:

В номере 1—2 «Начала» (отд. II, стр. 1—21) помещена статья г. С. Булгакова «К вопросу о капиталистической эволюции земледелия», посвященная критике сочинения Каутского об аграрном вопросе. Г. Булгаков совершенно справедливо говорит, что «книга Каутского представляет собою целое мирозерцание», что она имеет крупное и теоретическое, и практическое значение. Это — едва ли не первое систематичное и научное исследование вопроса, который вызывал и продолжает вызывать горячие споры во всех странах даже между писателями, солидарными в общих воззрениях и признающими себя марксистами. Г-н Булгаков «ограничивается негативной критикой», критикой «отдельных положений книги Каутского» (которую он «кратко» — мы увидим, что слишком кратко и очень неточно излагает для читателей «Начала»)...

Мы не сомневаемся, что и в России книга Каутского вызовет не мало споров между марксистами, что и в России одни из них будут против Каутского, другие за него. По крайней мере, пишущий эти строки самым решительным образом расходится с мнением г. Булгакова, с его оценкой книги Каутского.

В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
1 мая 1899 года:

Мне не очень-то понравилось, что П. Б. сдал в «Научное Обозрение» мой ответ ему: не хочет ли он избегать в «Начале» полемики? Если да, то моя статья о Булгакове не пойдет, наверное. Я получил наконец «Начало», обе книжки и полные. В общем и целом — очень понравилось. Но булгаковская статья возмутительна. Он *прямо извращает* Каутского, а тут еще эта выходка против *Zusammenbruch'a** — отзыв бернштейновской «критики» (книжку Бернштейна отказался склад выслать. Просил Маняшу: не знаю, привезет ли. Не достанешь ли ты?). Пишу вторую статью против него. Конечно, полемика между своими неприятна, и я старался смягчать тон, но замалчивать разногласия уже не только неприятно, а *прямо вредно*, — да и нельзя замолчать тех коренных разногласий между

* краха, крушения (капитализма).

«ортодоксией» и «критицизмом», которые выступили в марксизме немецком и русском. Противники все равно пользуются уже разногласиями (Михайловский в № 4 «Русского Богатства»). Можно ведь, полемизируя между собой, оговорить общую солидарность против народников. Я хочу сделать это в конце статьи. Один из главных недостатков Булгакова это именно тот, что он не указал точно, в чем он солидарен с Каутским против народников.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 9 мая 1899 года:

В следующее воскресенье пошлю на твое имя рукопись с своей статьей*: если вы уедете, то устройте так, чтобы ее переслали по назначению.

В. И. Ленин — А. Н. Потресову, 27 июня 1899 года:

Статью Булгакова в «Archiv'e» прочитал. Писать ответ ему еще и для немецкой публики я не думаю: во-1-х, по-немецки мне не написать; во-2-х,— и это главное, ибо переводчика с русского найти бы, может быть, и удалось,— для немецкой публики совсем не годится статья в том духе, как я написал для русской, т. е. с подробным изложением книги Каутского. На специальные указания Булгакова (по данным германской статистики) я не могу ответить, ибо не имею материалов. Об общей точке зрения его (кантианской и... бернштейновской, если можно так выразиться) тоже не возьмусь писать для немцев. Думаю, что внести поправку в представление немцев о русских учениках действительно надо, но для этого (если бы никто не взялся написать особой статейки) достаточно бы простой заметки о моей статье против Булгакова, когда эта статья напечатается в русском журнале. Вот если она вовсе не напечатается... за смертью «Начала» и за отказом «Жизни» или цензуры... тогда дело примет существенно иной вид...

Сообщение Ваше о начавшейся в Питере реакции против марксизма было для меня новостью. Недоумеваю. «Реакция» — значит, из среды марксистов? Каких же? Того же П. Б.? Он ли это и его К^о развивают тенденцию к единению с либералами?? С великим нетерпением буду ждать Ваших разъяснений. Что «критики» только путают публику, не давая ровно ничего, с этим я вполне согласен, а равно и с тем, что с ними

* Речь идет о второй статье «Капитализм в сельском хозяйстве».

(особенно по поводу Бернштейна) необходима будет серьезная война (только будет ли, где воевать..?). Если П. Б. «совершенно перестанет быть Genosse», — тем хуже для него. Это будет, конечно, громадной потерей для всех Genossen, ибо он человек очень талантливый и знающий, но, разумеется, «дружба — дружбой, а служба — службой» и от этого необходимость войны не исчезнет.

В. И. Ленин — М. И. Ульяновой, 7 августа 1899 года:

Прочел П. Н. Скворцова о рынках в № 7 «Научного Обозрения» * — по-моему, дает крайне мало, и точка зрения автора для меня неясна. Моего ответа Струве ** все нет, — черт знает, что за безобразие и что за бестолковщина!

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 25 августа 1899 года:

Прошлое воскресенье вернулись мы домой, дорогая мамочка, и получили из дому Маннины письма с вырезками (большое merci за них), затем «Neue Zeit» от Анюты и оттиски (2) моих статей против Левитского²³...

Молчание писателя меня возмущает... Статьи о «рынках» не помешают, о против-Булгаковской статье ни слуху ни духу. Я думаю, следовало бы взять у него все рукописи и передавать в редакции самим с тем, чтобы получать точные и своевременные ответы о помещении и сноситься непосредственно. Мне самому, конечно, это неудобно, но Анюта могла бы, я думаю, если только другие дела ей позволяют уделять время на это: лучше же пересылать прямо, чем пересылать писателю. Если он задержал мою статью против него только ради того, что он сам еще не кончил своего ответа на нее, — то это уже просто свинство! Самому ему писать нет смысла, — не отвечает.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 11 сентября 1899 года:

Посылаю тебе вместе с этим письмом заказную бандероль с исправлениями моей статьи насчет Булгакова. Попрошу Анюту внести эти исправления в рукопись (отрезав старое и вклеив новое) и снести с редакцией относительно помещения. Желательно бы поскорее точно узнать судьбу статьи.

* «К вопросу о рынках (По поводу заметки г. Петра Струве «К вопросу о рынках при капиталистическом производстве»)».

** Имеется в виду статья «Еще к вопросу о теории реализации».

Из статьи В. И. Ленина «Некритическая критика»:

Неужели Струве, ухитрившийся уже (в русской литературе, заметьте) усмотреть «вред» (sic!) от повторения Маркса, не заметил и не замечает вреда от некритического повторения модных поправок модной буржуазной «науки»? Как далеко надо было отойти от марксизма, чтобы прийти к подобному взгляду и к такому непростительному «закрыванию глаз» на современное «шатание мысли»!

Против Бернштейна

В. И. Ленин: Мне еще хорошо памятно то время, когда Бернштейн начал свою оппортунистическую пропаганду, закончившуюся социал-патриотизмом, изменой и банкротством II Интернационала.

В. И. Ленин — А. Н. Потресову, 27 апреля 1899 года:

О выходе новой книги Бернштейна я знаю, и написал ее, но вряд ли вышлют. Из статьи о ней в «Frankfurter Zeitung» * и в «Жизни»... я вполне убедился в том, что я понимал отрывочные статьи Бернштейна неверно и что он заврался действительно до невозможности, до того, что его приходится именно begraben **, как выразился автор «Beiträge zur Geschichte des Materialismus» в открытом письме к Каутскому. Новые для меня возражения Бернштейна против материалистического понимания истории и проч. (по «Жизни») поражают своей слабостью. Если П. Б. такой горячий защитник Бернштейна, что чуть не «ругается» из-за него, то это очень и очень печально, ибо его «теория» против *Zusammenbruch*'а — непомерно узкая для Западной Европы — и вовсе негодна и опасна для России. Знаете ли Вы, что ее уже утилизируют наши «молодые» (ультраэкономисты), которые в одном издании так изложили штутгартские прения, что у них Бернштейн, Пеус и др. явились защитниками «экономики, а не политики»? Что думает П. Б. о подобных «союзниках»?

В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
9 мая 1899 года:

Очень интересны теперь прения в Германии о книге Бернштейна, — а я не видел ни этой книги ни чего-либо написанного о ней (кроме случайных заметок в «Frankfurter Zeitung»). Жаль очень.

* «Франкфуртской Газете».

** хоронить.

В. И. Ленин — М. И. Ульяновой, 22 августа 1899 года:

Очень я обрадовался, Маняша, прочитав, что ты получила, наконец, для меня Бернштейна, которого я ждал и жду с великим нетерпением. Мне уже из Якутки писали, что читают Бернштейна, а здесь все еще нет!! И чем больше кричат о нем, пользуются им разные тупоголовые буржуи и «молодые» (во всех смыслах) не буржуи, тем необходимее скорее ознакомиться с этим «новейшим» героем оппортунизма.

9.X. 99 нового стиля будет Parteitag* в Ганновере и будут говорить о Бернштейне. Очень бы хотелось иметь отчеты о нем. Постарайся, пожалуйста, достать мне их: это вполне возможно одним из следующих путей. Напиши своим знакомым (я просил бы и Аню сделать это) за границей выслать те номера газеты, в коих будет отчет, хотя бы даже «Frankfurter Zeitung», которая проходит в Россию... Если сама будешь тогда за границей, то, пожалуйста, купи эти номера и пришли.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 1 сентября 1899 года:

Вчера мы получили книгу Бернштейна, Вандервельда и 2 номера «Московских Ведомостей»...

Насчет книги Бернштейна я решил, что могу эту считать своей: Маняша точно не написала, что ее обязательно вернуть к такому-то сроку, а написала, что приняла меры к получению другого экземпляра. Мне же эта книжка очень нужна...

Книгу Бернштейна мы тотчас же принялись с Надей читать и больше половины прочли, и содержание ее все больше нас поражает. Теоретически — невероятно слабо; повторение чужих мыслей. Фразы о критике, и нет даже попытки серьезной и самостоятельной критики. Практически — оппортунизм (фабианизм, вернее: оригинал массы утверждений и идей Бернштейна находится у Webb'ов в их последних книгах), безграничный оппортунизм и пассивизм, и притом все же трусливый оппортунизм, ибо программы Бернштейн прямо трогать не хочет. Вряд ли можно сомневаться в его фиаско. Указания Бернштейна на солидарность с ним многих русских... совсем возмутили нас. Да, мы здесь, должно быть, и вправду совсем «стариками» стали и «отстали» от «новых слов»..., списываемых у Бернштейна. Напишу Анюте вскоре подробнее на эту тему...

Свою статью против Булгакова я нахожу теперь необходимым несколько изменить и дополнить. Сде-

* партийный съезд.

лаю это по имеющемуся у меня черновику. Анюту же попрошу вытребовать себе немедленно *вторую статью* и продержат ее у себя до получения от меня исправлений...

P. S. «Frankfurter Zeitung», как оказалось, получается здесь невдалеке, так что выписывать ее не стоит. Маняшу я попрошу попытаться достать мне (выписать из Дрездена или поразузнать через знакомых) номера «Sächsische Arbeiterzeitung» * за 1898 год 1) со статьями Parvus'a ** против Бернштейна и 2) за 1898 год, номера 253, 254 и 255 ²⁴.

Из статьи В. И. Ленина «Некритическая критика»:

Разногласие между теми марксистами, которые стоят за так назыв. «новую критическую струю», и теми, которые стоят за так назыв. «ортодоксию», состоит в том, что те и другие в *разных направлениях* хотят претворять и развивать марксизм: одни хотят оставаться последовательными марксистами, развивая основные положения марксизма сообразно с изменяющимися условиями и с местными особенностями разных стран и разрабатывая дальше теорию диалектического материализма и политико-экономического учения Маркса; другие отвергают некоторые более или менее существенные стороны учения Маркса, становаются, напр., в философии не на сторону диалектического материализма, а на сторону неокантианства, в политической экономии — на сторону тех, кто приписывает некоторые учения Маркса «тенденциозности» и т. п. Первые обвиняют за это вторых в эклектизме и, по моему мнению, обвиняют совершенно основательно. Вторые называют первых «ортодоксальными», и, употребляя это выражение, никогда не следует забывать, что оно дано противниками в полемике, что «ортодоксальные» отвергают не критику вообще, а лишь «критику» эклектиков...

Из статьи В. И. Ленина «Наша программа»:

...Мы спрашиваем теперь: что же внесли нового в эту теорию *** те громогласные «обновители» ее, которые подняли в наше время такой шум, группируясь около немецкого социалиста Бернштейна? *Ровно ничего*: они не подвинули ни на шаг вперед той науки, которую завещали нам развивать Маркс и Энгельс;

* «Саксонская рабочая газета»,

** Парвуса.

*** теорию Маркса.

они не научили пролетариат никаким новым приемам борьбы; они только пятились назад, перенимая обрывки отсталых теорий и проповедуя пролетариату не теорию борьбы, а теорию уступчивости — уступчивости по отношению к злейшим врагам пролетариата, к правительствам и буржуазным партиям, которые не устанут изыскивать новые средства для травли социалистов. Один из основателей и вождей русской социал-демократии, Плеханов, был вполне прав, когда подверг беспощадной критике новейшую «критику» Бернштейна, от взглядов которого отреклись теперь и представители германских рабочих (на съезде в Ганновере).

Мы знаем, что на нас посыплется за эти слова куча обвинений: закричат, что мы хотим превратить социалистическую партию в орден «правоверных», преследующих «еретиков» за отступление от «догмы», за всякое самостоятельное мнение и пр. Знаем мы все эти модные хлесткие фразы. Только нет в них ни капли правды и ни капли смысла. Крепкой социалистической партии не может быть, если нет революционной теории, которая объединяет всех социалистов, из которой они почерпают все свои убеждения, которую они применяют к своим приемам борьбы и способам деятельности; защищать такую теорию, которую по своему крайнему разумению считаешь истинной, от неосновательных нападений и от попыток ухудшить ее — вовсе еще не значит быть врагом *всякой* критики.

Из работы В. И. Ленина «Что делать?»:

Социал-демократия должна из партии социальной революции превратиться в демократическую партию социальных реформ. Это политическое требование Бернштейн обставил целой батареей довольно стройной согласованных «новых» аргументов и соображений. Отрицалась возможность научно обосновать социализм и доказать, с точки зрения материалистического понимания истории, его необходимость и неизбежность; отрицался факт растущей нищеты, пролетариации и обострения капиталистических противоречий; объявлялось несостоятельным самое понятие о «*конечной цели*» и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетариата; отрицалась принципиальная противоположность либерализма и социализма; отрицалась *теория классово́й борьбы*, неприложимая будто бы к строго демократическому обществу, управляемому согласно воле большинства, и т. д.

Таким образом, требование решительного поворота от революционной социал-демократии к буржуазному

социал-реформаторству сопровождалось не менее решительным поворотом к буржуазной критике всех основных идей марксизма.

Н. К. Крупская: Теперь Каутский — один из самых видных предателей рабочего дела, но тогда он считался революционным социал-демократом. Когда другой немецкий социал-демократ, Бернштейн, поднял в конце девяностых годов знамя борьбы с марксизмом, стал доказывать, что надо пересмотреть учение Маркса, что многое в учении Маркса устарело, отжило свой век, что цель (социализм) — ничто, а движение — все, — Каутский тогда выступил против Бернштейна в защиту учения Маркса. Благодаря этому имя Каутского было в то время окружено ореолом наиболее революционного и последовательного ученика Маркса.

*В. К. Курнатовский — Е. И. Окуловой,
14 ноября 1899 года:*

Что касается наших умственных интересов, то они по-прежнему сосредоточиваются пока на выяснении (или, вернее, на «желании выяснить») отношении неокантианства к историческому материализму и на полемике против Bernstein'a. Владимир Ильич писал, что должен скоро получить новую книгу Каутского против Bernstein'a. Книгу эту очень хвалят.

Н. К. Крупская: Как-то прислал Потресов на две недели книжку Каутского против Бернштейна*, мы побросали все дела и персвели ее в срок — в две недели.

М. А. Сильвин: Одна его (*Владимира Ильича*) переводная работа, относящаяся к осени 1899 года, особенно мне запомнилась. К этому времени была получена Владимиром Ильичем книга Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» о пересмотре старых революционных принципов социал-демократии и возражения Каутского на эту книгу. Перевод книги Каутского, сделанный на обыкновенных ученических тетрадях, исписанных мелким почерком Владимира Ильича, переходил у нас из рук в руки, путешествуя по всем окрестным колониям, из Минусинска в Тесь, оттуда в Ермаковское, опять в Шушу. Я помню эти тетради уже в сильно потрепанном виде. Мы переписывали их и пересылали в другие, более отдаленные колонии. Случалось, они путешествовали очень далеко.

* Имеется в виду книга К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика». (Штутгарт, 1899).

*В. В. Старков — А. М. Старковой,
18 и 20 декабря 1899 года:*

...В настоящее время мы с Виктором Константиновичем (*Курнатовским*) очень... заняты... спешной работой (перепиской), так заняты, что даже тебе приходится писать спешно...

Сегодня я черкну тебе всего несколько строк, так как страшно некогда: кончаем переписку, чтобы отправить сегодня с почтарем Старнику. Торопимся так потому, что эта вещь предполагается для печати, и Старик думает опередить возможность появления другого перевода этой книги (*Каутский. «Против Бернштейна»*), тем более что «Научное Обозрение» обещало уже помещение ее в своем журнале. Всю эту неделю пишем с Виктором Константиновичем, не вставая, и записались до судороги в пальцах. Вчерашний вечер просидели особенно долго...

*В. К. Курнатовский — Е. И. Окуловой,
23 декабря 1899 года:*

Не читали ли Вы книгу К. Каутского против Бернштейна («Bernstein und das sozialdemokratische Programm» *)? Книга в *высшей* степени интересная и богатая материалом.

Мы перевели здесь эту книгу на русский язык и подготовили извлечение из нее для цензуры. Надежда на то, что удастся провести через цензуру хотя бы эту половину, очень незначительна. Но «попытка не пытка»...

*Из рецензии В. И. Ленина на книгу К. Каутского
«Бернштейн и социал-демократическая программа»:*

Конечно, истина выше всего — говорит Каутский, и если Бернштейн пришел к искреннему убеждению в неверности своих прежних взглядов, то его прямой долг с полной определенностью высказать свое убеждение. Но в том-то и беда, что Бернштейну недостает именно прямоты и определенности: его брошюра поразительно «энциклопедична»... она затрагивает массу проблем, бездну вопросов, но *ни по одному* из этих вопросов не дает цельного и отчетливого изложения новых взглядов критика. Критик только излагает свои сомнения, бросая едва затронутые им трудные и сложные вопросы без всякой самостоятельной разработки. От этого — саркастически замечает Каутский — и происходит такая странная вещь, что сторонники Бернштейна пони-

* «Бернштейн и социал-демократическая программа».

мают его книгу самым различным образом, а противники Бернштейна все понимают его одинаково...

Избитое обвинение в фатализме, которое повторяет и Бернштейн, опровергается уже самыми основными посылками исторической теории Маркса. Нельзя все сводить к развитию производительных сил, говорит Бернштейн. Надо «принимать в расчет» и другие факторы.— Очень хорошо, отвечает Каутский, но ведь это должен делать всякий исследователь, каким бы познанием истории он ни руководился. Кто хочет заставить нас отказаться от метода Маркса, метода, который так блестяще оправдал себя на деле и продолжает себя оправдывать, тот должен идти одним из двух путей: либо он отказывается вообще от идеи закономерности, необходимости исторического процесса, и тогда он выбрасывает, значит, за борт все попытки научного обоснования социологии. Либо он должен показать, каким образом можно из других факторов (например, этические взгляды) вывести необходимость исторического процесса,— показать анализом, который мог бы выдержать хоть отдаленное сравнение с анализом Маркса в «Капитале». Бернштейн не только не делает ни малейшей попытки сделать это, но, ограничившись бессодержательным общим местом о «принимании в расчет» других факторов, *продолжает* пользоваться в своей книге старым материалистическим методом, как будто бы он не объявил его недостаточным!..

Мы слышали, что часть рассмотренной книги Каутского предполагают перевести на русский язык. Это было бы очень желательно...

Грозящая опасность

Н. К. Крупская:

Когда началось рабочее движение, оно носило экономический характер. Рабочие объединялись для борьбы против грубого обращения, низкой заработной платы, чрезмерного рабочего дня и т. д., устраивали забастовки. И часто добивались успеха. У многих создавалось такое впечатление, что рабочим важно только держаться дружно, что в этом вся сила. Некоторые тогдашние марксисты договаривались до того, что утверждали, что не нужно никаких революционных теорий, что сама жизнь покажет рабочим, что надо делать.

Тогда выходила нелегальная газета «Рабочая Мысль», там один рабочий корреспондент написал: «Не надо нам никаких Марксов и Энгельсов, мы сами

рабочие, мы сами знаем, куда идти». Вот вокруг этого вопроса — нужна ли революционная теория или не нужна революционная теория — разгорелся очень большой и горячий спор.

А. И. Смирнов:

Как то раз приехал я в с. Ермаковское к Сильвину летом погостить несколько дней. Неожиданно приехал к нему и Владимир Ильич Ульянов-Ленин. Познакомившись с ним, мы разговорились и продолжали разговор, начав с вечера, часов до 2-х ночи.

Расспросив сначала, что я читал по рабочему вопросу, политической экономии и другим предметам, Владимир Ильич предложил мне ответить на вопрос:

— Что важнее для рабочих сейчас: экономические требования или политические?

Зная по опыту, какими знаниями в то время обладали рабочие, я ответил:

— При настоящих условиях большой безграмотности среди рабочих, взятие политической власти не даст того, что нужно, и вот почему: нет ни опытных администраторов из рабочих, ни инженеров, ни ученых, ни людей, способных охватить с общественной стороны какое-либо явление жизни и т. п., и, таким образом, все те жертвы, которые будут неизбежны при борьбе за политическую власть, окажутся напрасными.

Немного помолчав, Владимир Ильич опять задал вопрос:

— А как вы и что разумеете под экономическими требованиями?

— Требования экономические, — ответил я, — есть этап неизбежный при развитии капитализма. Сами фабрики и заводы, где скопляются массы рабочих, являются школой коллективного труда, но этому труду недостает знания, необходимого для овладения производством, а отсюда и необходимы требования технических школ, специальные училища и т. п. для рабочих. Точно так же необходимы охрана здоровья рабочих, их семейств, 8-часовой рабочий день, больницы, бани и хорошие помещения для жилья, чтобы дать молодому поколению здоровье и знание для дальнейшей борьбы за улучшение своего экономического положения.

— Все это так... но меня интересует вопрос: как можно это сделать, если сейчас власть у лиц, сознательно не желающих дать именно то, о чем вы говорите. Ведь поступая так, давая рабочим знания и исполняя их желания, власть сама себя подорвет, а на это она не пойдет.

— Объясните мне, — продолжал он, — как можно сделать, чтобы путем экономических требований стать господами положения?

На этот вопрос я не сумел ответить. Тогда Владимир Ильич шутя сказал:

— Вы сейчас в Сибири в ссылке, почему? Да просто потому, что власть-то ведь у них и вы чуть покусались на их барыши, как сейчас же вас сюда. Знайте, пока у рабочих власть не будет в руках, до тех пор ничего у них не будет, ни школ, ни жилья и прочего.

— Отдельные рабочие могут изменить свои тяжелые условия жизни на лучшие, но как класс рабочие не будут лучше жить. Этому учит история классовой борьбы,— закончил он.

М. А. Сильвин: Когда я в январе 1899 года впервые приехал в Шушенское и Владимир Ильич дал мне свежие номера «Рабочей Мысли», заговорив о ней тоном, полным негодования и злости, я, ознакомившись с газетой, подумал сначала, что ее направление и содержание логически вытекают из агитации на почве экономических требований... Но я еще не вполне отчетливо сознавал то, что прекрасно понимал Ленин,— что рабочее движение, предоставленное самому себе, неизбежно выливается в тред-юнионизм, ударяется в постепеновщину, аполитичность. Изменившееся положение вещей, сравнительно уже развитое рабочее движение и рост политической сознательности в передовых отрядах рабочего класса требовали теперь внесения большей ясности в лозунги практической работы, подчеркивания общих задач движения и прежде всего его политических задач.

Ем. Ярославский: Получив в ссылке газету «экономистов» «Рабочая Мысль» со статьей «Наша действительность», Ленин написал статью «Попытное направление в русской социал-демократии», в которой указал, что в лице «экономистов» появились русские последователи международного оппортунизма, то есть пособники буржуазии.

Из статьи В. И. Ленина «Попытное направление в русской социал-демократии»:

...Как объяснить возникновение... попытного направления в русской социал-демократии? Одними личными качествами редакторов «Раб. Мысли», одним влиянием модной бернштейниады объяснить дело, по нашему мнению, нельзя. Дело объясняется, по нашему мнению, главным образом особенностью в историческом развитии русской социал-демократии, которая породила — и временно должна была породить — узкое понимание рабочего социализма...

...Распространение агитации привело социал-демократов в соприкосновение с низшими, наименее развитыми слоями пролетариата; привлечение этих слоев требовало от агитатора умения приспособляться к самому низкому уровню понимания, приучало ставить на первый план «требования и интересы данной минуты» и отодвигать широкие идеалы социализма и политической борьбы. Раздробленный, кустарный характер социал-демократической работы, крайне слабая связь между кружками разных городов, между русскими социал-демократами и их заграничными товарищами, обладающими и более солидными знаниями и более богатым революционным опытом и более широким политическим кругозором, естественно, вели к тому, что эта (*совершенно необходимая*) сторона социал-демократической деятельности безмерно преувеличивалась и могла в сознании отдельных лиц привести к забвению остальных сторон, тем более, что с каждым крахом наиболее сознательные рабочие и интеллигенты выбывали из строя действующей армии и прочная революционная традиция и преемственность не могли еще выработаться. Вот в этом-то безмерном преувеличении одной стороны социал-демократической работы и видим мы главную причину печального отступления от идеалов русской социал-демократии. Прибавьте сюда увлечение модной книжкой, незнание истории русского революционного движения и детскую претензию на оригинальность, — и вы получите все элементы, образующие «попятное направление в русской социал-демократии»...

Русская социал-демократия и в лице ее основательниц, членов группы «Освобождение труда», и в лице тех русских социал-демократических организаций, которые основали «Российскую социал-демократическую рабочую партию», признавали всегда два следующие основные положения: 1) Сущность социал-демократии: организация классовой борьбы пролетариата с целью завоевать политическую власть, передать все средства производства в руки всего общества и заменить капиталистическое хозяйство социалистическим; 2) Задача русской социал-демократии: организовать русскую рабочую революционную партию, которая ставит своей ближайшей целью — ниспровержение самодержавия, завоевание политической свободы. Кто отступает от этих основных положений (точно сформулированных в программе группы «Освобождение труда» и выраженных в «Манифесте Российской социал-демократической рабочей партии»), тот отступает от социал-демократии.

*В. И. Ленин — А. Н. Потресову,
27 апреля 1899 года:*

Если под успехами ультраэкономистов Вы разумеете выход Волгина * и его ближайших товарищей, то я знаю об нем **; меня это крайне тяжело поразило, и я теперь недоумеваю, как там обстоит дело, и чем чревато будущее. Страшно вредно, по-моему, что этот спор с ультраэкономистами не попал *вполне и целиком* в печать: это было бы единственное серьезное средство для выяснения дела и установления известных точных принципиальных положений. А то теперь хаос полный!

Ф. В. Ленгник: Зоркий глаз нашего руководителя (*В. И. Ленина*) не только заметил вовремя эту надвигающуюся на нас беду — «экономизм», но и сделал ее ясной для всех, наметил план борьбы за очистку наших рядов от измены и предательства.

М. А. Сильвин: Когда я сказал Владимиру Ильичу, что жду к себе невесту, он отнесся к этому сообщению с таким живым интересом, какого я от него не ожидал, и дал мне несколько практических указаний, как ускорить это дело. В моем письме Ольге Александровне (*Панперек*) от 27 апреля 1899 года я вижу такие строки:

«Я уже подал прошение о документах губернатору, но Ульянов, мой сосед, женатый в ссылке, советует тебе в Красноярске зайти лично к губернатору и попросить ускорить отсылку попу удостоверения моей личности».

Причина интереса Владимира Ильича к моим семейным делам была очень проста. Он чрезвычайно обрадовался редкому случаю верной оказии, с которой можно было получить без всякого риска много любопытного.

В том же письме я писал Ольге Александровне:

«Вышеупомянутый сосед, живущий в Шуше, в сорока верстах, В. И. Ульянов, которому я много обязан в своем духовном развитии, узнав, что ты ко мне едешь, спрашивает: не можешь ли ты по пути или перед отъездом заехать к его сестре (Подольск, Московской губернии, Броницкая улица, дом Виноградова, А. И. Елизарова). Она, вероятно, отправит брату с тобой что-нибудь. Ты мне сделаешь большое одолжение, если не откажешь ей в этом».

* Псевдоним Г. В. Плеханова.

** Имеется в виду происшедший в ноябре 1898 года на I съезде «Союза русских социал-демократов за границей» раскол между «экономистами» и группой «Освобождение труда».

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 1 мая 1899 года:

Мих. Алекс. (Сильвин) написал мне, что его невеста хочет выехать к нему в конце мая (не ранее 23-го). Ее фамилия: Папперек (Ольга Александровна), адрес: г. Егорьевск Рязанской губ. (она там учительница прогимназии). Если надумаешь ехать, то, может быть, отправитесь вместе. Во всяком случае будет удобная okazия. Мих. Ал. просил ее заехать в Подольск, но необходимо, конечно, списаться с ней, ибо обстоятельства могут ей помешать заехать. Ермаковское — в 40 верстах от нас (там живет М. А.); дорога туда из Минусы через Шушу.

М. А. Сильвин:

1 августа (1899 года) мы (М. А. Сильвин и О. А. Папперек) были в Шуше у Ульяновых и Владимиру Ильичу была вручена обстоятельная посылка. Он схватил ее жадно, и пока Надежда Константиновна собирала чай и занимала нас разговором, он сидел, затворившись в своем кабинете, откуда вышел, видимо, довольный.

В тот же день он уведомлял Анну Ильиничну о получении okazии.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 1 августа 1899 года:

Приехали гости: М. А. с женой и др. Извини, что кончаю письмо. Все мы здоровы и все шлют приветы. Анюте пишу вскоре насчет «Credo» (очень меня и всех интересующего и возмущающего) подробнее.

А. И. Ульянова-Елизарова:

В одну из своих поездок из Москвы в Петербург... я зашла, как обычно, к Александре Михайловне Калмыковой. У нее был в то время книжный магазин на углу Литейного и Невского (кажется, Литейный, 60), который служил в некотором роде штаб-квартирой. Там можно было узнать о жизни социал-демократических организаций, о всех переменах и изъятиях, происшедших в них...

Я получала от нее разные питерские новинки, которые пересылала или пересказывала в письмах Владимиру Ильичу в ссылку.

И вот раз она передала мне ту, составленную Прокоповичем и Кусковой, программу, которая известна теперь под именем «Credo», сказав, что хотя составители сами не работают, но имеют некоторое влияние среди «молодых».

По возвращении в Москву я к очередному химическому письму брату, которые писала в книгах и журналах, прибавила и это, химически переписанное, про-

изведение. Стремясь, естественно, к возможной краткости и сжатости при этом кропотливом и утомительном способе переписки, я дала документу первое пришедшее в голову краткое название, написав: «Пошлю тебе некое «Credo» «молодыхх»...»

Поэтому, когда из ответа Владимира Ильича я увидела, какое глубокое возмущение оно вызвало, когда я узнала о намерении выступить с протестом против него, я обвиняла себя, что неточность его обозначения в моем письме придавала ему в глазах брата большее, чем следовало, значение. И я поспешила объяснить, что именем «Credo» «документ» назван мною...

Ф. В. Ленгник:

В «Кредо» довольно сбивчиво и неумело излагался взгляд на ход развития рабочего движения в разных странах и (делался) ряд выводов для русского рабочего движения. Основной вывод состоял в том, что русские рабочие должны сохранять свою самостоятельность как класс лишь в области защиты своих профессиональных интересов, в отношении же борьбы с царизмом русские рабочие должны поддерживать ту политическую борьбу, которую уже ведет буржуазное общество, и не должны образовывать своей собственной политической партии.

Г. М. Кржижановский:

Когда до наших минусинских степей дошло послание госпожи Кусковой, ее известное «Кредо» («Верую»), в котором она старалась доказать неосмотрительность политической проповеди среди пролетариата, которому-де на ближайшее время уготованы лишь пути экономической борьбы, а вся борьба политического характера должна быть отнесена на иждивение «белой кости», то есть господ либералов и всякого рода разночинной интеллигенции,— отношение к этому посланию среди наших ссыльных было весьма различное. Но лишь один Владимир Ильич правильно оценил всю ту губительность искривления сознания пролетариата, которая могла быть связана с таким хвостизмом и пресмыкательством перед куцым российским либерализмом, и всю близорукость этих якобы практических сторонников чисто экономической борьбы... В такие моменты Владимир Ильич всегда был начеку, всегда кипел негодованием по адресу такого рода противников.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 25 августа 1899 года:

Насчет credo der Jungen* я был прямо-таки поражен бессодержательностью этих фраз. Это не credo, а

* программы молодых.

просто какой-то жалкий набор слов! Собираюсь написать об этом поподробнее.

О. Б. Лепешинская:

...В том-то и состояла прозорливость Ленина, что за этим — казалось бы, не очень значительным — событием он видел гораздо большее: определенную закономерность развития буржуазной идеологии, ее попытку повлиять на рабочий класс. Он считал нужным заявить о том, что революционные социал-демократы продолжают борьбу за чистоту своих взглядов и за их боевую направленность.

Протест семнадцати

П. Н. Лепешинский:

Получивши из Петербурга рукопись с этим «кредо», Владимир Ильич взволновался, как охотник, почувявший близость очень крупной дичи. Он сейчас же составил себе план отповеди авторам «Credo» и набросал проект протеста против этого нового символа веры. Было решено «Протест» сделать коллективным, и для этой цели всем товарищам собраться в с. Ермаковском (именно в Ермаковском, главным образом потому, что А. А. Ванеев был уже в это время окончательно прикован к постели и не мог бы приехать в Минусинск или иной какой-нибудь пункт).

А. С. Шаповалов:

Мы, так называемые тесницы, то есть Барамзин, Ленгник и я, приехали сначала в г. Минусинск. Оттуда уже в обществе гг. Кржижановского, Невзоровой, Старкова и Старковой мы отправились в село Шушенское к тов. Ленину...

Переночевав в Шушенском, после долгих сборов, на нескольких подводах мы двинулись из степного села Шушенского в таежное село Ермаковское. Проехали пыльные улицы села под любопытными взглядами крестьян. Сейчас же за селом, как обычно в Минусинском округе, началась полоса дикого ириса. Саженой на 70 повсюду кругом поле казалось голубым от множества стеблей этого цветка. Затем пошел мелкий лес, в котором сосны росли вперемежку с березами. На встречавшихся полянах цвели во множестве красивые желтые лилии, красные пионы. Кое-где из травы выглядывали яркие цветы «жаркие». В более сырых местах синели колокольчики и синевато-красноватый «венерин башмачок». Привлекали взор душистые цветы дикого шиповника. Слышно было кукование ку-

кушки, крики пестрых сорок. Из-под кустов у дороги с шумом вылетали стаи куропаatok. Изредка попадались совершенно черные сибирские вороны. Незаметно дорога пошла на подъем. Лошади пошли шагом. Мы соскочили с телег и пошли пешком.

Но вот мы достигли вершины. Я оглянулся: внизу еще виднелось вдали село Шушенское; слева блестела на солнце широкая лента Енисея с его «протоками»; за рекой маячила Абаканская степь, на которой водились тогда табуны диких свободных сибирских коней. Солнце невероятно жгло. На горизонте с юга привлекали внимание изломы и пики вершин далекого Саянского хребта, сверкавшие ослепительно ярким светом. Красота развернувшейся картины приковывала внимание. Казалось, что эти горы не что иное, как гигантские стены, скрывающие за собой какое-то сказочное волшебное царство. Я взглянул на товарищей: они недолго любовались красотой далеких гор; у них был вид людей, все внимание которых в этот момент было поглощено игрой в шахматы, которую вел тов. Ленин на память, сидя на отдельной телеге, имея против себя двух противников — Старкова и Лепешинского, сидевших на другой телеге, у шахматной доски, не отрывавших глаз от фигур и задумывавших какой-то особый коварный ход. Они не заметили, что уже исчезли из глаз далекие Саянские горы и что дорога за перевалом пошла дремучим бором. По обе стороны извилистой дороги стояли высокие столетние сосны, пихты и кедры. Стройные высокие стволы уходили высоко вверх в небо. Сверху доносился глухой непрерывный шум. Казалось, что где-то далеко шумело море. Но это шумели вершины деревьев от набегавшего на них ветра. Внизу же было тихо и прохладно. Пахло смолистой хвоей; набегала грусть. Крепкие кони все бежали вперед. Извилистая дорога то и дело открывала один вид красивее другого. Товарищи все еще увлечены были игрой. Вверху над нами в узкой полосе неба, распластав крылья, высоко-высоко летали орлы. Но вот лес стал редеть. Уже не видно толстых в три обхвата гигантских сосен. Еще немного — и за поворотом замелькали крыши села Ермаковского.

М. А. Сильвин:

Нас было семнадцать человек, а считая мою жену — восемнадцать; из них местных, ермаковцев, было только восемь: Лепешинские, Сильвины, Ванеевы, Панин и Курнатовский, остальные десять были приезжие, и конечно, мы были рады просто повидаться и не могли достаточно наговориться друг с другом. Три дня провели у нас гости, обедали все вместе по очереди у

меня и у Лепешинских, гуляли в окрестностях села, беседовали.

О. Б. Лепешинская:

Наша квартира была более просторной, чем другие, занимаемые ссыльными; поэтому и было решено провести предварительное обсуждение резолюции у нас.

Так и встает перед глазами просто и непритязательно обставленная большая комната в нашей квартире на втором этаже крестьянского бревенчатого дома, где мы собрались. Над столом — висячая керосиновая лампа с плоским жестяным абажуром; по правую сторону от входа, в обоих углах — простые книжные полки; а возле окна — портрет Маркса, нарисованный Лепешинским. На столе — обязательный самовар, кое-какие закуски, а вокруг — кто на деревенской лавке и табуретах, кто на стульях, а кто-то даже на пустом ящике — расселись участники протеста.

Присутствуют петербургский рабочий А. С. Шаповалов, Е. В. Барамзин и Ф. В. Ленгник, приехавшие из Тесинского. Из Минусинска прибыли Г. М. Кржижановский с женой З. П. Невзоровой, В. В. Старков и А. М. Старкова; из Шушенского — В. И. Ленин и Н. К. Крупская, а также петербургский рабочий Оскар Энгберг. Здесь же «ермаковские» — М. А. Сильвин, Н. Н. Панин, В. К. Курнатовский и я с Пантелеймоном Николаевичем... Ванеев, прикованный к постели тяжелой болезнью, и его жена Д. В. Труховская, не оставявшая больного, — отсутствуют.

Кипя сдержанным негодованием, Владимир Ильич говорит о том, что появление программного документа «экономистов» не случайно...

П. Н. Лепешинский:

...Владимир Ильич горячо доказывал многим из нас, что «Средо» очень симптоматично, что прозевать этого явления нельзя, что «экономизм» — грядущая болезнь нашей социал-демократии.

Теперь, оглядываясь назад, можно удивляться лишь тому, что для доказательства этих простых истин среди кучки подобранных революционных марксистов Ильичу понадобилось много говорить и даже горячо говорить, убеждая, разъясняя... Но читатель должен вспомнить, что это было время, когда «экономизм» только-только еще намечался как определенное течение, когда лейб-орган «экономистов» — «Рабочая Мысль» еще только пока нащупывала свою линию, когда отзвуки заграничного «рабочедельства» еще не доходили до таких медвежьих углов, как Минусинский уезд, когда стачечная стихия, дававшая тон и главное

содержание революционному моменту, приковывала вообще внимание всех марксистов к особой природе рабочих выступлений и когда нужна была исключительная дальновзоркость Владимира Ильича, чтобы предвидеть дальнейшие этапы внутривнутрипартийной борьбы.

А. С. Шаповалов: Брала слово, помнится, тт. Ленгник, Лепешинский и Энгберг. В своих речах Владимир Ильич указывал на большую опасность, которая грозит рабочему движению от уклона в сторону экономизма, определенно выраженного в «Кредо» Кусковой. Он выступал против ограничения марксизма, против его искажения и опошления, говорил об исторической роли русского рабочего класса как передового борца (гегемона) в русской революции. Он повторил опять, что партия рабочего класса, партия революционного марксизма, должна занять в надвигающейся великой русской революции такое же почетное место, какое занимала во время Великой французской революции партия якобинцев по отношению к партии жирондистов.

О. Б. Лепешинская: Заключительное очень оживленное заседание, на котором была принята резолюция, известная в партийной литературе как «Протест российских социал-демократов», происходило в квартире Анатолия Ванеева. Он доживал последние дни и уже не вставал с постели. Его кровать вынесли в большую комнату, где собрались все товарищи. Началось обсуждение «Протеста».

М. А. Сильвин: Владимир Ильич, сразу же избранный председателем, сел на скамье за простой крашенный стол, стоявший в углу, а по бокам на скамьях и стульях разместились остальные.

П. Н. Лепешинский: Нельзя сказать, чтобы единогласие было достигнуто сразу, без всяких прений. Наоборот, и тут, как всегда водится, выделилась оппозиция к проекту и «слева» и «справа». А. А. Ванеев возмущался мягкостью тона резолюции и требовал более категорического, более решительного осуждения авторов одного документа. В то же самое время Ф. В. Ленгник настаивал на том, чтобы изъять из резолюции те места, которые устанавливают связь новой линии русских «молодых» социал-демократов с шатаньем философской марксистской мысли среди оппортунистических элементов немецкой социал-демократии (неокантианцев). Он ссылался при этом на то, что в данном случае непосвященным, рядовым марксистам,

заброшенным в сибирскую глушь, трудно из своего непрекрасного далека судить о подлинном настроении умов в европейских центрах жизни и лучше поэтому отказаться от гипотетических суждений.

В. В. Старков — А. М. Старковой: ...Александр Сидорович (*Шаповалов*)... сообщил мне, что после... дебатов Фридрих Вильгельмович (*Ленник*) заявил ему следующее:

— Ну и вздули же меня! Должен был отказаться от некоторых своих взглядов и признать, что с некоторыми вопросами недостаточно знаком.

М. А. Сильвин: ...Для большинства из нас был неожиданным тот решительный и определенно политический шаг, который рекомендовался нам Ильичем, — опубликование нашего протеста. Ему, внимательно следившему за марксистской литературой — как нашей журнальной, так и заграничной, за ростом ревизионизма — как в теории, так и в сфере практической политики, давно уже подметившему в статьях Струве, Туган-Барановского, Булгакова и других легальных марксистов желание притупить острые углы марксистской идеологии и вынуть из нее революционное жало, — ему была совершенно ясна необходимость такого нашего публичного выступления, каким было «Антикредо». Помимо принципиальных соображений, ему хотелось еще и заявить, что ни направление, им представляемое, ни персонально руководимая им группа лиц отнюдь не умерли и не собираются сдавать без боя своих революционных позиций, — наоборот, готовят новое наступление.

А. С. Шаповалов: В этой резолюции, как и в заключительных словах брошюры Владимира Ильича «Что такое «друзья народа»...», уже во весь рост встает личность Владимира Ильича, как прозорливого гениального вождя рабочих, как будущего бессменного часового в течение десятилетий на страже интересов рабочего класса. Уже тогда он видел много дальше и понимал много глубже, чем большинство его современников и товарищей.

Резолюция указывает на огромное значение борьбы за теорию революционного марксизма для рабочего класса, говорит о необходимости умелого внедрения теории марксизма в жизнь и борьбы против ее искажения и опошления. Как на пример последнего он указывает на бернштейнианство в Германии и на «Кредо» экономистов, Кусковой и Прокоповича, в России...

Владимир Ильич изобличал «Кредо» экономистов в прямой лжи, когда госпожа Кускова утверждала, что рабочие в Западной Европе никогда не принимали участия в политической борьбе, в искажении марксизма, когда она говорила, что марксизм игнорирует экономическую борьбу, и в невежестве относительно прошлого русского революционного рабочего движения, когда она утверждала, что создание в России самостоятельной политической партии рабочего класса было бы равносильно переносу на нашу почву чуждых нам задач. Он определял это течение как попытку направить российское рабочее движение по узкому экономическому руслу под видом борьбы за «правовые формы», передать в руки либерально-буржуазных элементов руководство политической борьбы рабочего класса.

Идти по этому пути для русского марксизма было бы равносильно политическому самоубийству. Предостерегая от последнего и призывая на борьбу с тенденциями «Кредо», Владимир Ильич так определял задачи партии рабочего класса.

На русских революционных марксистах лежит обязанность создания самостоятельной политической, революционной партии рабочего класса. Задача этой партии заключается в захвате политической власти с целью проведения в жизнь социалистического строя. На пути к этой цели, в борьбе с самодержавием, рабочий класс России и его партия выступают в роли передового борца (гегемона) в демократической революции.

Партия рабочего класса, вооруженная теорией революционного марксизма, опираясь на фабричных, заводских и других рабочих, поддерживает и группирует вокруг себя революционное движение всех угнетенных классов и является защитником всех угнетенных народов.

Главным союзником в этой борьбе с самодержавием у партии рабочего класса являются миллионы угнетенных и разоренных крестьян, которых партия рабочего класса привлекает в свои ряды.

Говоря о главнейшем вопросе тактики революционного марксизма, затронутом в «Кредо» экономистов, об экономической и политической борьбе рабочего класса, он рассматривал его диалектически, говоря, что бывают времена, когда революционным марксистам приходится обратить большее или меньшее внимание то на экономическую, то на политическую борьбу. В единой классовой борьбе пролетариата марксизм объединил и экономическую и политическую борьбу.

*Из написанного В. И. Лениным
«Протеста российских социал-демократов»:*

...Мы считаем себя обязанными... предостеречь всех товарищей от грозящего соращения русской социал-демократии с намеченного уже ею пути, именно: образования самостоятельной политической рабочей партии, неотделимой от классовой борьбы пролетариата и ставящей своей ближайшей задачей завоевание политической свободы...

Русские социал-демократы должны объявить решительную войну всему кругу идей, нашедших себе выражение в «сredo»...

Мы приглашаем все группы социал-демократов и все рабочие кружки в России обсудить вышеприведенное «сredo» и нашу резолюцию и высказать определенно свое отношение к поднятому вопросу, чтобы устранить всякие разногласия и ускорить дело организации и укрепления Российской социал-демократической рабочей партии.

О. Б. Лепешинская:

После длительного и жаркого обсуждения и уточнения «Протест» был единогласно принят и подписан всеми участниками собрания у постели умирающего А. А. Ванеева.

А. С. Шаповалов:

Резолюцию Владимира Ильича подписали следующие товарищи: В. И. Ленин (Ульянов), Н. К. Крупская, Г. М. Кржижановский, З. П. Невзорова, П. Н. Лепешинский, В. К. Курнатовский, Н. Н. Панин, Оскар Энгберг, О. Б. Лепешинская, В. В. Старков, А. А. Ванеев, А. М. Старкова, Е. В. Барамзин, А. С. Шаповалов, Д. В. Ванеева, М. А. Сильвин, Ф. В. Ленгник. Товарищи Чекальский, Ефимов, Проминский, Ковалевский, не присутствовавшие по тем или иным причинам при выработке ее, позднее присоединились к ней.

В. И. Ленин — М. А. Ульяновой, 11 сентября 1899 года:

Приходится сообщить тебе, дорогая мамочка, очень грустную новость: 8-го IX умер Анатолий и 10. IX мы его похоронили в селе Ермаковском. Надежды на выздоровление не было уже давно, и в последнее время болезнь развивалась страшно быстро.

М. А. Сильвин:

Приняв «Протест» в окончательном виде, постановили переслать его Плеханову для опубликования и разослать по колониям политических ссыльных, чтобы собрать под ним возможно больше подписей.

Владимир Ильич взял это на себя и послал «Протест» Потресову в Вятскую губернию, Мартову в Туруханск и, кажется, еще куда-то в Забайкалье.

А. С. Шаповалов: ...Интересно, что появление «Кредо» вызвало такой же протест социал-демократов, живших в ссылке в городе Орлове Вятской губернии. Подписан он там был В. Воровским, А. Потресовым, И. Гуревичем, Захаровым и другими.

М. Н. Лядов: Почта к нам (в *Верхоянск*) шла долго, приходила редко, не чаще 6 раз в год. Новости мы узнавали только через новых ссыльных, которые попадали в наше проклятое место. И вот уже в 1899 или 1900 году мы получили письмо Владимира Ильича. Он рассказывал нам, что вот в России и правительством. Владимир Ильич рассказывал в письме, что они, 17 ссыльных Енисейской губернии, уже послали протест против этих новоявленных «друзей рабочего класса» и приглашал и нас присоединиться к этому протесту. Мы долго и горячо обсуждали это письмо и целиком присоединились к протесту. С первой же оказией послали наш протест за границу.

О. Б. Лепешинская: Казалось бы, что может значить мнение небольшой кучки сосланных в Сибирь социал-демократов, обретающихся где-то в глуши... Но их голос прозвучал по всей России и имел большое значение для нашей партии, потому что в этом написанном ленинской рукой документе была с исключительной остротой раскрыта сущность опаснейшего течения в рабочем движении — «экономизма» — и показаны пути борьбы с ним.

А. С. Шаповалов: Таким образом, объединение товарищей во главе с Владимиром Ильичем, создавшее через год, в декабре 1900 года, организацию «Искры», началось еще в ссылке на почве протеста против уклона в сторону «экономизма».

Надо сознаться, что вряд ли кто-нибудь из нас, кроме самого автора резолюции, мог ожидать, что принятое нами решение наложит такой глубокий отпечаток на всю борьбу рабочего класса в России. Но при-

ная резолюция явилась, по существу, резолюцией революционного марксизма. В этом было ее огромное значение. Только потому, что наша партия и весь русский рабочий класс вступили в борьбу, вооруженные самым лучшим оружием против буржуазии — теорией революционного марксизма, они могли совершить тот путь борьбы и побед, который теперь кажется почти сказочным.

Наша партия в лице ее вождя Владимира Ильича, борясь против искажения и опошления теории марксизма, в то же время обладала искусством умелого внедрения ее в жизнь. Благодаря этому в стране, где капитализм только что начинал развиваться и где рабочий класс составлял меньшинство населения, пролетариат и его партия могли сыграть такую огромную роль, увлечь за собой миллионы крестьян и победить в борьбе.

Глава седьмая

Как создать партию

Задачи русских социал-демократов

С чего начать?

Возвращение

Задачи русских социал-демократов

Н. К. Крупская: Пропаганду среди крестьян в то время (в ссылке) Владимир Ильич не вел не потому, чтобы им не повредить, при случае вел, но, как видно из брошюры «Задачи русских социал-демократов», он считал, что сейчас это не то звено, за которое надо ухватиться, все силы надо направить на развитие рабочего движения.

*Из предисловия В. И. Ленина к сборнику
«За 12 лет»:*

За статьей против Струве (1894—1895 гг.) * идут «Задачи русских социал-демократов», написанные в конце 1897 г. на основании опыта работы с.-д. в Петербурге в 1895 году. Те взгляды, которые в других статьях и брошюрах настоящего сборника излагаются в виде полемики с правым крылом социал-демократии, в этой брошюре изложены в положительной форме.

*Из предисловия В. И. Ленина ко второму изданию
брошюры «Задачи русских социал-демократов»:*

Социал-демократия была тогда ** единой идейно, и тогда же сделана была попытка добиться также единства практического, организационного (образование Российской социал-демократической рабочей партии). Главное внимание социал-демократов было тогда устремлено... на идейную борьбу с противниками социал-демократии, с одной стороны, на развитие практической партийной работы,— с другой...

Предлагаемая брошюра и отражает в себе особенности тогдашнего положения и тогдашних «задач» социал-демократии. Брошюра зовет к углублению и расширению практической работы... Брошюра обращается к противникам социал-демократии со своими принципиальными разъяснениями, к народолюбцам и народоправцам, стараясь рассеять те недоразумения и предубеждения, которые заставляют их сторониться от нового движения.

* Статья В. И. Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

** в 1894—1898 годах.

В настоящее время... наиболее животрепещущим вопросом является, с нашей точки зрения, вопрос о *практической* деятельности социал-демократов... Теперь теоретические воззрения социал-демократов представляются в *главных и основных своих чертах* достаточно выясненными. Нельзя сказать того же о *практической* стороне социал-демократизма, о его политической *программе*, о его приемах деятельности, его тактике. Именно в этой области господствует, кажется нам, больше всего недоразумений и взаимного непонимания, препятствующего полному сближению с социал-демократизмом тех революционеров, которые в теории отрешились вполне от народолюбчества, а на практике — либо приходят самой силой вещей к пропаганде и агитации среди рабочих, даже более: к постановке своей деятельности среди рабочих на почву *классовой борьбы*; либо стремятся выделить *демократические* задачи в основу всей программы и всей революционной деятельности...

Поэтому нам кажется особенно своевременной попытка разъяснить *практические* задачи социал-демократов и изложить те основания, по которым мы считаем их программу наиболее рациональной...

Практическая деятельность социал-демократов ставит себе, как известно, задачей руководить *классовой борьбой* пролетариата и организовать эту борьбу в ее обоих проявлениях: социалистическом (борьба против класса капиталистов, стремящаяся к разрушению классового строя и организации социалистического общества) и демократическом (борьба против абсолютизма, стремящаяся к завоеванию в России политической свободы и демократизации политического и общественного строя России)...

Перед русской социал-демократией еще громадное, едва начатое поле работы. Пробуждение русского рабочего класса, его стихийное стремление к знанию, к объединению, к социализму, к борьбе против своих эксплуататоров и угнетателей проявляется с каждым днем все ярче и шире... В настоящее время мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла, когда промышленность «процветает», торговля идет бойко, фабрики работают всюду и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия, акционерные общества, железнодорожные сооружения и т. д. и т. д. Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим

«процветанием» промышленности. Такой крах разорит массу мелких хозяйчиков, бросит массы рабочих в ряды безработных и поставит, таким образом, перед всеми рабочими массами в острой форме те вопросы социализма и демократизма, которые давно уже встали перед каждым сознательным, каждым думающим рабочим. Русские социал-демократы должны позаботиться о том, чтобы этот крах застал русский пролетариат более сознательным, более объединенным, понимающим задачи русского рабочего класса, способным дать отпор классу капиталистов, пожинаящих ныне гигантские барыши и стремящихся всегда сваливать убытки на рабочих,—способным вступить во главе русской демократии в решительную борьбу против полицейского абсолютизма, связывающего по рукам и по ногам русских рабочих и весь русский народ.

Итак, за работу же, товарищи! Не будем терять дорогого времени! Русским социал-демократам предстоит масса дела по удовлетворению запросов пробуждающегося пролетариата, по организации рабочего движения, по укреплению революционных групп и их взаимной связи, по снабжению рабочих пропагандистской и агитационной литературой, по объединению разбросанных по всем концам России рабочих кружков и социал-демократических групп в единую *социал-демократическую рабочую партию!*

П. Н. Лепешинский:

...Значение ее (брошюры «Задачи русских социал-демократов»)... гораздо больше, чем простой отзвук на современный ей момент в развитии рабочего движения. Это воистину *программная* статья, определяющая на много лет вперед практическую работу социал-демократии и ее политическую программу в связи с постановкою вопросов (для многих социал-демократов в то время очень сложных и темных) о пропаганде и агитации, об отношении промышленного пролетариата городов и социал-демократии к другим слоям угнетенных масс, о разнице между политической борьбой пролетарских масс и заговором и т. д.

Ем. Ярославский:

В этой небольшой книжечке (брошюре «Задачи русских социал-демократов») Владимир Ильич правильно решил вопрос о том, как должно быть поставлено социалистическое движение в такой отсталой стране с большинством крестьянского населения, как наша страна... Тов. Ленин в этой маленькой книжечке ясно и отчетливо поставил вопрос о задачах рабочего класса. Он показал рабочим, что они должны немедленно приняться за политическую борьбу, что на бур-

жуазию им нечего надеяться. То, что в Западной Европе, например, в Великой французской революции, сделала буржуазия, то должно быть взято на свои плечи рабочим классом, например, уничтожение остатков крепостного права... Надо построить такую партию, чтобы она была способной вести рабочий класс в бой и против царского правительства и против буржуазии.

Рукопись этой маленькой книжечки удалось разными тайными путями доставить за границу... группе «Освобождение труда»... Когда до них дошла эта рукопись, то эти старики — Плеханов, Аксельрод и Засулич — очень обрадовались...

*Из предисловия П. Б. Аксельрода
к первому изданию брошюры В. И. Ленина
«Задачи русских социал-демократов»:*

...Как революционер, счастливо соединяющий в себе опыт хорошего практика с теоретическим образованием и широким политическим кругозором, наш автор прекрасно сознает необходимость сосредоточения всех активных сил нашей партии на деятельности среди фабрично-заводских рабочих...

Для эмигрантов, давно уже оставивших родину, чрезвычайно приятно чувствовать и сознавать себя вполне солидарными с наиболее мыслящими и инициативными руководителями революционного движения в России. Не могу поэтому отказать себе в удовольствии отметить, что и в вопросе об отношении русской социал-демократии к народным массам, стоящим вне городского промышленного пролетариата, и к другим оппозиционно-прогрессивным слоям мы вполне солидарны с автором.

М. А. Сильвин:

От него (*Владимира Ильича*) я получил... брошюру «Задачи русских социал-демократов».

При возвращении ему этой брошюры Владимир Ильич спросил мое мнение о ней. Я отозвался восторженно, говоря, что здесь сформулировано именно то, что мы (может быть, не так ясно) сознаем, и что эта работа имеет программный, руководящий характер.

— Автор, вероятно, Плеханов,— прибавил я, не зная, что автор сам Владимир Ильич.

Он промолчал.

*Ц. С. Бобровская
(Зеликсон):*

В 1899 году, выполняя поручение Харьковского комитета партии, я с большими предосторожностями, в корзине с прочей нелегальной литературой, достави-

ла из Вильно в Харьков несколько десятков экземпляров брошюры «Задачи русских социал-демократов». В период разброда и шатания в кругах российской социал-демократии ленинские «Задачи», где так четко, так ясно намечались пути практической деятельности, сыграли огромную роль на местах.

*В. И. Ленин — М. А. Ульяновой,
27 декабря 1897 года:*

Посылаю статейку свою * для журнала. Хорошо бы переслать ее поскорее: может быть, поспела бы к январской книжке ²⁵.

*Из статьи В. И. Ленина
«От какого наследства мы отказываемся?»:*

...Ученики — гораздо более последовательные, гораздо более верные хранители наследства, чем народники. Не только они не отрекаются от наследства, а, напротив, одной из главнейших своих задач считают опровержение тех романтических и мелкобуржуазных опасений, которые заставляют народников по весьма многим и весьма важным пунктам отказываться от европейских идеалов просветителей. Но само собою разумеется, что «ученики» хранят наследство не так, как архивариусы хранят старую бумагу. Хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством, и к защите общих идеалов европеизма «ученики» присоединяют анализ тех противоречий, которые заключает в себе наше капиталистическое развитие, и оценку этого развития с вышеуказанной специфической точки зрения...

...Если говорить о «наследстве», которое досталось современным людям, то надо различать два наследства: одно наследство — просветителей вообще, людей, безусловно враждебных всему дореформенному, людей, стоящих за европейские идеалы и за интересы широкой массы населения. Другое наследство — народническое... Смешивать две эти различные вещи было бы грубой ошибкой, ибо всякий знает, что были и есть люди, хранящие «традиции 60-х годов» и не имеющие ничего общего с народничеством.

...Задача нашей статьи — опровержение весьма распространенных в либерально-народнической прессе выдумок, будто «русские ученики» отрекаются от «наследства», порывают с лучшими традициями лучшей части русского общества и т. п... На самом деле...

* «От какого наследства мы отказываемся?»

сочинители этой выдумки валят с больной головы на здоровую, утверждая, будто бесповоротный разрыв «учеников» с *народничеством* знаменует разрыв с лучшими традициями лучшей части русского общества. Не наоборот ли, господа? Не знаменует ли такой разрыв *очищение* этих лучших традиций от *народничества*?

В. И. Ленин — А. Н. Потресову,
26 января 1899 года:

Насчет «Наследства» я должен был согласиться с Вашим мнением, что считать его за нечто единое — плохая традиция плохих (80-х) годов... Принимать наследство от Скалдина именно я нигде не предлагаю. Что принимать наследство надо от других людей, — это бесспорно. Мне сдается, что защитой (от возможных нападений противников) для меня будет примечание на стр. 237, где я имел в виду именно Чернышевского и мотивировал причины неудобства взять его для параллели*. Там же признано, что Скалдин — *liberal-konservativ***, что он «не типичен» для 60-х годов, что «типичных» писателей взять «неудобно», — у меня не было статей Чернышевского и нет, да и не переизданы еще главные из них, да и я вряд ли бы сумел обойти при этом подводные камни. Затем еще защищаться бы стал тем, что ведь я дал точное определение того, что я разумею под «наследством», о котором веду речь... Забыл еще едва ли не главную свою «защиту»: если Скалдин — «раритет», то буржуазный либерализм, более или менее последовательный и чистый от народничества, — не раритет, а очень широкая струя 60-х и 70-х годов. Вы возражаете: «От совпадения до преемственности дистанция огромного размера». Но ведь суть-то статьи в том, что-де необходимо очистить буржуазный либерализм от народничества. Если это верно и *если это осуществимо* (особенно важное условие!), тогда результатом очистки, остатком после очистки будет именно буржуазный либерализм, не только совпадающий со скалдинским, но и преемственный по отношению к нему. Так что, ежели меня будут изобличать, что от Скалдина я принимаю наследство, то я вправе буду ответить, что я обязуюсь лишь *очищать* его от примесей, а сам-то я в стороне стою и, кроме чистки разных авгиевых дворов, у меня

* См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, примечание на стр. 520.

** умеренный консерватор.

еще более приятные и более положительные занятия есть... Ну, я, кажется, уже увлекся и вообразил себя и вправду «защищающимся»!

*В. И. Ленин — А. И. Ульяновой-Елизаровой,
13 февраля 1899 года:*

Вопрос о том, «от кого мы получили наследство» совсем не тот вопрос, который поставил я, отвечая Михайловскому, отрекаемся ли мы от того наследства, «на которое накидываются «Московские Ведомости» и которому я дал точное определение *. Если бы завязалась полемика с самарцами ** по принципиальному вопросу об отношении марксизма к либерально-просветительным течениям и о роли и значении «внеэкономического», то это было бы очень интересно и полезно.

*В. И. Ленин — М. Т. Елизарову,
28 февраля 1899 года:*

Насчет «ополчения» «правоверных» за статью о «наследстве» с интересом жду печатных проявлений. Принципиальный вопрос насчет «поддержки», по-моему, очень важен (в связи с вопросом об «экономике» и внеэкономических отношениях. Кстати, связывают ли эти вопросы ополчающиеся?). Если бы удалось побеседовать на эту тему с людьми, не ограничивающимися одной гвоздещиной (читали книгу Гвоздева о кулачестве? По-моему, очень и очень слаба), то это было бы очень полезно и очень интересно.

В. И. Ленин — А. Н. Потресову, 27 апреля 1899 года:

Один знакомый прислал мне и «Журнальные заметки» А. П. (о «наследстве» и «наследниках»). Интересно: в продолжении предполагалась ли дальнейшая полемика со мной или нет? Статья А. П. мне чрезвычайно понравилась... Разногласия между нами я, признаться, не вижу: Вы берете иной вопрос — не о том, как относятся ученики к русскому демократизму вообще, отказываются ли они от него (я исключительно об этом писал), а о том, каковы были отношения между разного вида демократами в доброе старое время. Я интересовался только той ошибкой Ми-

* См. V главу статьи В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?» (Полн. собр. соч., т. 2, стр. 543—550).

** с П. П. Масловым и редакцией «Самарского вестника».

хайловского, будто мы отказываемся от демократизма вообще, — а Вы берете — *другую его ошибку*, «смазывание» существенно важных различий в «наследстве». Видел примечание Маслова в № 3 «Научного Обозрения», направленное против меня, но оно меня, признаться, не заинтересовало.

В. И. Ленин — М. И. Ульяновой, 11 ноября 1898 года:

Получили мы, Маняша, твое письмо и были ему очень рады. Взялись сейчас за карты и начали разглядывать, где это — черт побери — находится Брюссель. Определили и стали размышлять: рукой подать и до Лондона, и до Парижа, и до Германии, в самом, почитай, центре Европы... Да, завидую тебе. Я в первое время своей ссылки решил даже не брать в руки карт Европейской России и Европы: такая, бывало, горечь возьмет, когда развернешь эти карты и начнешь рассматривать на них разные черные точки. Ну, а теперь ничего, обтерпелся и разглядываю карты более спокойно; начинаем даже нередко мечтать, в какую бы из этих «точек» интересно было попасть впоследствии. В первую половину ссылки, должно быть, больше смотрелось назад, а теперь — вперед.

Н. К. Крупская:

По мере того как приближался срок окончания ссылки, все больше и больше думал Владимир Ильич о предстоящей работе.

...Л. Толстой где-то писал, что едущий первую половину дороги обычно думает о том, что он оставил, а вторую — о том, что ждет его впереди. Так и в ссылке. Первое время больше подводились итоги прошлого. Во второй половине больше думалось о том, что впереди.

...В 1899 году, когда она (*Мария Александровна*) приехала в Петербург хлопотать о том, чтобы Владимира Ильича из Енисейской губернии перевели за границу или хотя бы куда-нибудь ближе к Питеру, директор департамента полиции Зволянский зло ей сказал:

— Можете гордиться своими детками: одного повесили, а о другом также плачет веревка.

Мария Александровна поднялась и, полная достоинства, сказала:

— Да, я горжусь своими детьми.

А. И. Ульянова-Елизарова:

По всем отзывам и письмам он (*Владимир Ильич*) был вполне здоров во все три года ссылки... Но первым горестным возгласом матери, когда он... поднялся на лестницу нашей квартиры, было: «Как же писали, что ты поправился? Какой ты худой!» — И мне

запомнилось его похudevшее, желтое и нервное лицо с отросшей бородой. Оказалось, что, как утверждали и Ильич и Надежда Константиновна, здоровье его было действительно в хорошем состоянии, но что он сдал за последние месяцы, когда нервничал из-за неопределенности: «как бы не прибавили срока». Особенно стала давать себя чувствовать эта нервность после бывшего у него летом обыска.

...Чувствуется, что чисто кабинетные работы все менее удовлетворяют Ильича. Новые, злободневные книги и статьи — в России и за границей, новые направления — ревизионизм и кантианство, — одним словом, проявления жизни в умонастроениях и в политике, просачиваясь, понято неполно и с запозданиями, в его глушь, нервнируют его и заставляют усиленное стремиться к центрам.

В. И. Ленин — А. Н. Потресову, 27 июня 1899 года:

Мой срок кончается 29.I.1900. Только бы не прибавили срока — величайшее несчастье, постигающее нередко ссыльных в Восточной Сибири. Мечтаю о Пскове. А Вы о чем?

А. И. Ульянова-Елизарова:

Еще в 1898 году писала я Ильичу подробно о I партсъезде со слов одного из участников его — Степана Ивановича Радченко — и помню, что Владимир Ильич горячо отозвался на это сообщение как на факт, имеющий большое значение.

Н. К. Крупская:

Съезд состоялся весной 1898 года, на нем было решено основать партию, назвать ее Российской социал-демократической партией. На съезде был принят Манифест, официальным органом партии была признана нелегальная газета киевских социал-демократов «Рабочая Газета», которой вышло уже два номера...

Съезд состоял всего из нескольких человек. Мало могла я рассказать об этом I съезде Ильичу, когда приехала к нему вскоре после съезда в ссылку.

П. Н. Лепешинский:

Каково... значение I съезда партии? Положил ли он прочное основание в деле объединения нашей партии? На это можно ответить: и да, и нет. Нет, потому что практически он не привел к единству. Почти все участники съезда были сметены зубатовской метлой в первые же дни после съезда, когда долгая подготовка Зубатовым плана «ликвидации» русских социал-демократов закончилась колоссальным разгромом почти всех организаций (11 марта 1898 года было аре-

стовано по всей России около 500 человек). Партия осталась не только по-прежнему распыленной, но и страшно обескровленной... Но самое главное это то, что первый съезд не дал партии оформленной программы, которая смогла бы охранить партию от идейных колебаний и шатаний, смогла бы обеспечить ей твердое идейное единство.

И в то же время огромный шаг к созданию рабочей социал-демократической партии в России был сделан... Пишущий эти строки хорошо помнит то впечатление, которое произвела на Ильича — в то время шушенского отшельника — первая весть о состоявшемся в Минске съезде партии. Он радовался как ребенок. Он с величайшей гордостью заявил нам, своим ближайшим товарищам по ссылке и единомышленникам, что отныне он член Российской социал-демократической рабочей партии. Мы тоже все с большим удовольствием подхватили этот новый для нас мотив и как будто сразу выросли в своих собственных глазах.

...Первый съезд партии явился исходной точкой для последующей работы социал-демократии.

Н. К. Крупская: В 1899 году, в ссылке, когда он (*Владимир Ильич*) получил подробные сведения о I съезде (*партии*), он начал обдумывать вопрос о подготовке II съезда. Он видел, какая большая подготовка должна быть проведена, чтобы II съезд заложил подлинный фундамент единой мощной партии.

...В Шуше все время он (*Владимир Ильич*) думал о деле... как объединить все разрозненные начинания, как создать партию, как сделать ее подлинным руководителем рабочих масс... О работе думал он больше всего. О программе партии думал он, о тактике, которой надо держаться...

Жизнь в ссылке была подготовкой к революционной работе.

С чего начать?

Н. К. Крупская: Начались среди наших оппортунистов после I съезда разговорчики, что и вообще-то говоря нашей партии программа не нужна, что много есть спорных вопросов и т. д. и т. п. И вот в 1899 году в ссылке Владимир Ильич пишет статью «Проект программы нашей партии» — статью, которую тогда не удалось напечатать даже в нелегальной прессе, но которая

бросает яркий свет на дальнейшие споры о программе. Возражая тем, кто утверждал, что программа может помешать развертыванию полемики, что она «свяжет», Ильич писал в вышеупомянутой статье:

«Мне кажется, наоборот: это еще один довод *за* необходимость программы... для того, чтобы полемика не осталась бесплодной, чтобы она не выродилась в личное состязание, чтобы она не повела к путанице взглядов, к смешению врагов и товарищей, для этого безусловно необходимо, чтобы в эту полемику внесен был вопрос о программе. Poleмика только в том случае принесет пользу, если она выяснит, в чем собственно состоят разногласия, *насколько они глубоки*, есть ли это разногласия по существу или разногласия в частных вопросах, мешают ли эти разногласия совместной работе в рядах одной партии или нет. *Только* внесение в полемику вопроса о программе может дать ответ на все эти, настоятельно требующие ответа, вопросы; — только определенное заявление обеими полемизирующими сторонами своих *программных* взглядов. Выработка общей программы партии, конечно, отнюдь не должна положить конец всякой полемике, — но она твердо установит те основные воззрения на характер, цели и задачи нашего движения, которые должны служить знаменем борющейся партии, остающейся сплоченной и единой, несмотря на частные разногласия в среде ее членов по частным вопросам»...

Программе Ильич придавал *громкое организующее значение*. В той же статье — «Проект программы нашей партии» он писал:

«В настоящее время насущный вопрос нашего движения состоит уже не в разбитии прежней разрозненной «кустарной» работы, а в *соединении, в организации* (курсив мой.— *Н. К.*). Программа необходима для этого шага; программа должна формулировать наши основные воззрения, точно установить наши ближайшие политические задачи, указать те ближайшие требования, которые должны наметить круг агитационной деятельности, придать ей единство, расширить и углубить ее, возведя агитацию из частной, отрывочной агитации за мелкие, разрозненные требования в агитацию за всю совокупность социал-демократических требований. Теперь, когда социал-демократическая деятельность встряхнула уже довольно широкий круг и интеллигентов-социалистов и сознательных рабочих, настоятельно необходимо *закрепить связь между ними программой и дать, таким образом, всем им прочный базис для дальнейшей, более широкой, деятельности*» (курсив мой.— *Н. К.*).

В основу программы партии Ленин предлагал тог-

«О работе думал он больше всего. О программе партии думал он, о тактике, которой надо держаться...»

С рисунка художника И. Жулова

да положить «Проект программы русских социал-демократов», выработанный в 1885 году группой «Освобождение труда», внеся в нее ряд поправок, делавших программу более актуальной... Правильная формулировка в программе положений марксизма должна была застраховать от основных ошибок оппортунизма, сужения задач рабочего движения, непонимания сути того, в чем должна заключаться борьба с самодержавием, смещения легальной оппозиции с борьбой за низвержение самодержавия, недооценки роли партии вообще и ее ведущей роли в политической борьбе, застраховать от переоценки русской либеральной буржуазии, от иллюзии, что социализм может быть достигнут мирным путем, а не путем классовой борьбы.

*Из написанного В. И. Лениным
«Проекта программы нашей партии»:*

...Вот каковы должны быть, по нашему мнению, составные части программы Российской социал-демократической рабочей партии: 1) указание на основной характер экономического развития России; 2) указание на неизбежный результат капитализма: рост нищеты и рост возмущения рабочих; 3) указание на классовую борьбу пролетариата, как на основу нашего движения; 4) указание на конечные цели социал-демократического рабочего движения,— на его стремление завоевать для осуществления этих целей политическую власть,— на международный характер движения; 5) указание на необходимый политический характер классовой борьбы; 6) указание на то, что русский абсолютизм, обуславливая бесправие и угнетение народа и покровительствуя эксплуататорам, является главной помехой рабочего движения, и потому завоевание политической свободы, необходимое и в интересах всего общественного развития, составляет ближайшую политическую задачу партии; 7) указание на то, что партия будет поддерживать все партии и слои населения, борющиеся против абсолютизма, будет вести войну против демагогических происков нашего правительства; 8) перечисление основных демократических требований,— затем 9) требований в пользу рабочего класса и 10) требований в пользу крестьян с объяснением общего характера этих требований.

М. И. Ульянова:

...Попав в ссылку в глухое сибирское село, за четыре с лишним тысячи верст от культурных центров, он (*Владимир Ильич*) продолжает революционную работу. Не только его легальные произведения были направлены к продвижению идей марксизма, к борьбе

с народниками и «легальными марксистами», он пишет в ссылке и нелегальные произведения: брошюру «Задачи русских социал-демократов», статьи для партийного органа «Рабочая Газета», редактором которой он избирается заочно на I съезде партии. Так велик в то время был уже его авторитет в партии.

Н. К. Крупская: Киевская «Рабочая Газета» провалилась вместе с арестами членов I съезда. В 1899 году ЦК Бунда взялся продолжать издание киевской «Рабочей Газеты», стал подготавливать № 3.

В. И. Ленин: Центральный комитет Бунда чрез посредство одного провинциального городка * обращается к одному из членов «Искры» ** с предложением принять на себя редакцию возобновляемой «Рабочей Газеты» и получает, конечно, согласие. Предложение затем изменяется: предлагают сотрудничество, ввиду новой комбинации с редакцией. И на это получается, разумеется, согласие.

*Из письма В. И. Ленина
к редакторской группе «Рабочей Газеты»:*

Посылаю, согласно Вашей просьбе, три статьи для газеты и считаю нужным сказать несколько слов по поводу моего сотрудничества вообще и сношений между нами в частности.

...Успешное сотрудничество я считаю возможным лишь при следующих условиях: 1) аккуратные сношения редакции с сотрудником, с извещением о судьбе всех рукописей (принятие, отклонение, изменение) и с сообщением всех изданий вашей фирмы; 2) подпись моих статей особым псевдонимом (если посланный мною затерялся, то выберите любой сами); 3) согласие редакции с сотрудником в основных взглядах на теоретические вопросы, на ближайшие практические задачи и на характер желательной постановки газеты (или серии брошюр).

Я надеюсь, что редакция согласится на эти условия...

О том, как я смотрю на задачу газеты и план ее ведения, вы увидите из статей, и я очень желал бы знать, насколько мы солидарны по этому вопросу...

Насчет размера, пишете Вы, не стесняться. Я думаю, пока есть газета, предпочитать газетные статьи и разбирать в них даже брошюрные темы,— предло-

* Туруханска.

** В. И. Ленин имеет в виду себя.

ставляя себе впоследствии эти же статьи переработать в брошюры. Темы, которыми я предполагаю заняться в ближайшем будущем, следующие: 1) проект программы — вышло вскоре; 2) вопросы тактики и организации, подлежащие обсуждению будущего съезда российской социал-демократической рабочей партии; 3) брошюру о правилах поведения рабочих и социалистов на воле, в тюрьме и ссылке.; 4) о стачках (I — их значение, II — законы о стачках; III — обзор некоторых стачек последних годов); 5) брошюра «Женщина и рабочее дело» и пр.

Из статьи В. И. Ленина «Наша программа»:

Мы стоим всецело на почве теории Маркса: она впервые превратила социализм из утопии в науку, установила твердые основания этой науки и наметила путь, по которому должно идти, развивая дальше эту науку и разрабатывая ее во всех частностях. Она раскрыла сущность современного капиталистического хозяйства, объяснив, каким образом наем рабочего, купля рабочей силы, прикрывает порабощение миллионов неимущего народа кучке капиталистов, владельцев земли, фабрик, рудников и пр. Она показала, как все развитие современного капитализма клонится к вытеснению мелкого производства крупным, создает условия, делающие возможным и необходимым социалистическое устройство общества. Она научила видеть под покровом укоренившихся обычаев, политических интриг, мудреных законов, хитросплетенных учений — *классовую борьбу*, борьбу между всяческими видами имущих классов с массой неимущих, *с пролетариатом*, который стоит во главе всех неимущих. Она выяснила настоящую задачу революционной социалистической партии: не сочинение планов переустройства общества, не проповедь капиталистам и их прихвостням об улучшении положения рабочих, не устройство заговоров, *а организацию классовой борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества...*

Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются в ча-

стности к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России...

Каковы же главные вопросы, возникающие при применении к России программы, общей всем социал-демократам? Мы сказали уже, что суть этой программы состоит в организации классовой борьбы пролетариата и в руководстве этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и устройство социалистического общества. Классовая борьба пролетариата разделяется на экономическую борьбу (борьбу против отдельных капиталистов или против отдельных групп капиталистов за улучшение положения рабочих) и на политическую борьбу (борьбу против правительства за расширение прав народа, т. е. за демократию, и за расширение политической власти пролетариата)...

Русский рабочий класс сумеет и один вести свою экономическую и политическую борьбу, даже если бы он не получал помощи ни от какого другого класса. Но в политической борьбе рабочие не стоят одиноко. Полное бесправие народа и дикий произвол башибузуков-чиновников возмущают и всех сколько-нибудь честных образованных людей, которые не могут помириться с травлей всякого свободного слова и свободной мысли, возмущают преследуемых поляков, финляндцев, евреев, русских сектантов, возмущают мелких купцов, промышленников, крестьян, которым не у кого искать защиты от притеснений чиновников и полиции. Все эти группы населения, взятые отдельно, неспособны к упорной политической борьбе, но когда рабочий класс поднимет знамя такой борьбы, — ему отовсюду протянут руку помощи. Русская социал-демократия встанет во главе всех борцов за права народа, всех борцов за демократию, и тогда она станет непобедимой!

Из статьи В. И. Ленина «Наша ближайшая задача»:

Русское рабочее движение находится в настоящее время в переходном периоде. Блестящее начало, которым ознаменовали себя социал-демократические организации рабочих Западного края, Петербурга, Москвы, Киева и других городов, завершилось образованием «Российской социал-демократической рабочей партии» (весной 1898 года). Сделав этот громадный шаг вперед, русская социал-демократия как бы исчерпала на время все свои силы и вернулась назад к прежней раздробленной работе отдельных местных организаций. Партия не перестала существовать, она

только ушла в себя, чтобы собраться с силами и поставить дело объединения всех русских социал-демократов на прочную почву. Осуществить это объединение, выработать для него подходящую форму, освободиться окончательно от узкой местной раздробленности — такова ближайшая и самая насущная задача русских социал-демократов...

Местная социал-демократическая работа достигла у нас уже довольно высокого развития. Семена социал-демократических идей заброшены уже повсюду в России; рабочие листки — эта первая форма социал-демократической литературы — знакомы уже всем русским рабочим, от Петербурга до Красноярска и от Кавказа до Урала. Нам недостает теперь именно сплочения всей этой местной работы в работу одной *партии...*

Мы думаем, что в настоящее время самая насущная задача состоит в том, чтобы взяться за решение этих вопросов, и что для этого мы должны поставить своей ближайшей целью — *организацию правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии*. Мы думаем, что на организацию этого дела должна быть направлена в течение всего ближайшего будущего *вся* деятельность социал-демократов. Без такого органа местная работа останется узким «кустарничеством». Образование партии, — если не организовано правильное представительство этой партии в известной газете, — останется в значительной степени одним словом. Экономическая борьба, не объединяемая центральным органом, не может сделаться *классовой* борьбой всего русского пролетариата. Ведение политической борьбы невозможно без того, чтобы вся партия высказывалась по всем вопросам политики и направляла отдельные проявления борьбы. Организация революционных сил, дисциплинирование их и развитие революционной техники невозможно без обсуждения всех этих вопросов в центральном органе, без коллективной выработки известных *форм и правил ведения дела*, без установления — чрез посредство центрального органа — *ответственности* каждого члена партии перед всей партией...

Но возможна ли и при каких условиях возможна правильная и сколько-либо устойчивая постановка такого органа? Об этом мы поговорим в следующий раз.

Из статьи В. И. Ленина «Насущный вопрос»:

За основание и прочную постановку органа партии — а следовательно, и самой партии — мы можем

и должны взяться немедленно. Необходимые для такого шага условия есть налицо: местная работа ведется, и очевидно, что она пустила уже глубокие корни, ибо все учащающиеся погромы приводят только к небольшим перерывам; на место павших в бою быстро становятся свежие силы. Издательские средства и литературные силы имеются у партии не только за границей, но и в России. Вопрос, следовательно, стоит о том, следует ли ту работу, *которая уже ведется*, продолжать вести по-«кустарному» или следует организовать ее в работу одной партии и сделать так, чтобы она вся отражалась в одном общем органе.

Здесь мы подходим к насущному вопросу нашего движения, к его больному пункту — организации...

Против нас, против маленьких групп социалистов, ютящихся по широкому русскому «подполью», стоит гигантский механизм могущественнейшего современного государства, напрягающего все силы, чтобы задавить социализм и демократию. Мы убеждены, что мы сломим в конце концов это полицейское государство, потому что за демократию и социализм стоят все здоровые и развивающиеся слои всего народа, но, чтобы вести систематическую борьбу против правительства, мы должны довести революционную организацию, дисциплину и конспиративную технику до высшей степени совершенства. Необходимо, чтобы отдельные члены партии или отдельные группы членов специализировались на отдельных сторонах партийной работы, одни — на воспроизведении литературы, другие — на перевозке из-за границы, третьи — на развозке по России, четвертые — на разноске в городах, пятые — на устройстве конспиративных квартир, шестые — на сборе денег, седьмые — на организации доставки корреспонденций и всех сведений о движении, восьмые — на ведении сношений и пр. и пр. ...

Только общий орган партии, последовательно проводящий принципы политической борьбы и высоко держащий знамя демократизма, будет в состоянии привлечь на свою сторону все боевые демократические элементы и использовать все прогрессивные силы России в борьбе за политическую свободу. Только тогда глухую ненависть рабочих к полиции и к властям удастся превратить в сознательную ненависть к самодержавному правительству и в решимость вести отчаянную борьбу за права рабочего класса и всего русского народа! А построенная на такой почве и строго организованная революционная партия будет представлять из себя, в современной России, крупнейшую политическую силу!

Г. М. Кржижановский:

Там же, в сибирских снегах, продуман был В. И. Лениным решающий план строительства нашей партии. Полицейским ухищрениям царско-помещичьей своры надо было противопоставить несокрушимый заграничный центральный орган партии. Так задумана была «Искра» — та искра, которая разгорелась в несокрушимое пламя. Страна должна была покрыться сетью большевистских комитетов, спаянными на специальном Всероссийском съезде партии твердыми положениями устава и возглавленными ее руководящей силой — Центральным Комитетом. Острое оружие партийного слова должно быть направлено на непримиримую борьбу со всеми соглашателями, со всеми отщепенцами от революционных заветов Маркса и Энгельса, сбивавших революционный класс с революционных путей.

Н. К. Крупская:

Задумал он (*Владимир Ильич*) ее (*газету*) еще в ссылке. На опыте знал он, как трудно издавать нелегальную газету в России; вечные провалы делали невозможным регулярный выход газеты, постоянные аресты нарушали всякую преемственность. А между тем до зарезу нужна была общерусская газета. По мысли Ильича, она должна была быть коллективным пропагандистом, коллективным агитатором, коллективным организатором. Она должна была освещать все события русской и международной жизни под углом зрения революционного марксизма, выковывать у рассеянных по всей стране революционеров единое понимание происходящих явлений, она должна была зажигать их чувством ненависти к существующему самодержавному строю, ко всему капиталистическому укладу, должна была учить единству действия, организовывать для борьбы. Нелегальная газета должна была подготавливать условия для создания на деле партии революционного пролетариата.

Перед глазами Ильича был пример Герцена, создавшего вольную русскую прессу за границей, выпускавшего с 1857 по 1867 год за границей «Колокол», имевший такое громадное влияние на русскую интеллигенцию, был пример группы «Освобождение труда».

Еще в ссылке задумал Ильич издавать за границей общерусскую газету, об этом переписывался с Мартовым, бывшим в ссылке в далеком Туруханске, и Потресовым, сосланным в Орлов, Вятской губернии.

Г. М. Кржижановский:

Очень памятна мне одна из последних моих прогулок с Владимиром Ильичем по берегу широкого Енисея. Была морозная лунная ночь, и перед нами открылся бесконечный саван сибирских снегов. Влади-

мир Ильич вдохновенно рассказывал мне о своих планах и предположениях... Организация печатного партийного органа, перенесение его издания за границу и создание партии при помощи этого центрального органа, представляющего, таким образом, своеобразные леса для постройки всего здания революционной организации пролетариата,— вот что было в центре его аргументации. Мне, признаться, на первых порах показалось, что он переоценивает роль такой партийной газеты и что это происходит лишь потому, что за длительный срок пребывания в ссылке ему самому поневоле приходилось делать односторонний нажим лишь в сторону литературной деятельности.

Жизнь показала всю правильность намеченного Владимиром Ильичем пути.

Возвращение

*Из извещения департамента полиции В. И. Ленину,
5 января 1900 года*²⁸:

От департамента полиции объявляется уроженцу г. Симбирска помощнику присяжного поверенного Владимиру Ильину Ульянову, что по рассмотрении в особом совещании, образованном на основании 34 ст. положения о государственной охране, обстоятельств дела о названном лице, господин министр внутренних дел постановил: воспретить ему, Ульянову, по освобождении его 29 января 1900 года от надзора полиции, жительства в столицах и С.-Петербургской губернии впредь до особого распоряжения, а в губерниях: Московской, Тверской, Ярославской, Рязанской, Владимирской, Костромской, Нижегородской, Тульской, Пермской, Уфимской, Орловской, Екатеринославской, Бакинской, Варшавской и Петроковской, Белостокском уезде Гродненской губ., Области войска донского и гг. Вильне, Киеве, Николаеве, Одессе, Харькове, Риге, Юрьеве, Либаве, Казани, Томске, Елисаветграде, м. Кривом Роге Херсонской губ., а также в Иркутске и Красноярске, с их уездами, в течение трех лет, сроком по 29 января 1903 года.

*А. И. Ульянова-
Елизарова:*

Оставалось выбирать среди очень немногих городов. Владимир Ильич выбрал еще в Сибири Псков, как более близкий к Петербургу...

В. В. Старков — А. М. Старковой, 6 января 1900 года:

Вчера вечером вернулся от Старика... Старика застал бодрым и здоровым. И очень хорошо провел у них время. Какой он славный, отзывчивый человек! Подробно расспрашивал о том, как ты себя чувствуешь, как устроилась и прочее...

Весь вечер того дня, как я к ним приехал, мы провели в мечтаниях. Уж и помечтали же! Старик советует нам, после того как мы пробудем некоторое время в Самаре и устроим свои дела, устремить наши взоры куда-нибудь на юг, например в Севастополь, где, говорят, есть большие железнодорожные и паровозные мастерские и где, следовательно, мне, может быть, удастся достать работу. Его советы совпадают с моими собственными планами. Что ты на это скажешь?..

Впрочем, все это дела довольно еще далекого будущего, и пишу тебе об этом лишь потому, что нахожусь еще под впечатлением разговоров.

*В. В. Старков — А. М. Старковой,
9 января 1900 года:*

...Я ходил в полицию по просьбе Владимира Ильича узнать, когда и как будут извещены сельчане (то есть те, кто отбывал ссылку в селениях Минусинского округа) об окончании срока: будут ли вызваны для этого в город или же их известят через волость и не будет ли в последнем случае промедления?.. После справки с «документами» помощник исправника ответил нам, что сельчане будут извещены 29-го на месте жительства и промедления не будет, так как-де теперь это зависит только от полиции (другими словами, распоряжений свыше она не ждет, и она, конечно, заранее сделает все необходимое). Секретарь сказал даже, что со следующей почтой разошлют извещения по волостям. Значит, задержки не будет.

*В. И. Ленин — В. В. Старкову,
12 января 1900 года:*

Из волости сообщают (приватным и окольным путем), что пришла бумага о моем освобождении и об отправке Нади в «Уфимский город». Мы нанимаем поэтому ящика с тем, чтобы в пятницу 28-го он поехал с вещами, а 29-го рано утром отвез нас в город.

Н. К. Крупская — М. А. Ульяновой,
19 января 1900 года:

Вещи отправляем 28-го, а 29-го двигаемся сами. Едем компанией: с Василием Васильевичем (*Старковым*) и Ольгой Александровной (*Сильвиной*). Собирались ехать и Лепешинские, но я сильно сомневаюсь, чтобы они собрались к сроку. О. А. торопится к Михаилу Александровичу (*Сильвину*), его назначили в Ригу, В. В. тоже торопится. Выедем из Минусы, вероятно, 30-го. Боюсь только, чтобы не вышло какой-нибудь задержки из-за меня. Недавно только нам пришлось в голову узнать, надо ли мне хлопотать о разрешении ехать на свой счет. В. В. справлялся у исправника, и оказалось, что об этом надо хлопотать в департаменте полиции, сам же исправник выдать мне проходного свидетельства не может, так как не получил относительно меня никаких предписаний. Пошлём сегодня телеграммы в департамент и Книповичам, но вряд ли не выйдет новой какой путаницы. В Уфе Володя хочет остановиться дня на два, чтобы узнать, как вырешится, оставят ли меня в Уфе или отправят в какой-нибудь Стерлитамак или Белебей. Теперь у нас только и разговору, что о дороге. Книги уложили в ящик и свесили, выходит около 15-ти пудов. Книги и часть вещей отправляем транспортом, впрочем, вещей у нас будет, кажется, не очень много. Ввиду морозов хотели заказать кошеву с верхом, но в городе достать нельзя, а тут заказывать сомнительно, такую еще, пожалуй, сделают, что не доедет до Ачинска. Теплой одежды много, авось не замерзнет, да и погода, кажется, собирается потеплеть: Оскар вчера видел где-то облачка, а сегодня утром было только 28 градусов. Хуже всего то, что мама все студится, вот теперь кашляет опять. Мы-то с Володей выходим каждый день, несмотря на морозы, и к воздуху привыкли, а мама не знаю как уж доедет. Хочется поскорее, чтобы прошло время до 29-го, ехать, так ехать. Положим, отъезд так уж близко, что мама сегодня собралась было стряпать в дорогу пельмени. Нам советуют брать в дорогу непременно пельмени, остальное все замерзнет. Вот мама и собирается настряпать уйму этого снадобья, без жиру и луку.

Читается теперь мало. Володя, впрочем, пишет ответ Скворцову*. Сегодня отсылаем, наконец, Вебба, препорядочно он-таки надоел.

* Имеется в виду статья «Некритическая критика (По поводу статьи г-на П. Скворцова «Товарный фетишизм» в № 12 «Научного Обозрения» за 1899 г.)».

О. Б. Лепешинская:

Собираясь в обратный путь, молодая часть ссыльной колонии вела себя довольно беспечно. Но Ленин, несмотря на всю свою занятость, нашел время, чтобы подумать и позаботиться обо всех, и принял в организации поездки самое деятельное участие.

Еще за месяц до отъезда я получила от Владимира Ильича письмо. В нем он давал два дружеских наказа: приготовить хорошо крытый зимний венок для моей маленькой дочки и меховой мешок. Кроме того, он просил заготовить «на всю отъезжающую братию» тысячи две замороженных пельменей. Советы эти были очень кстати, и я с признательностью оценила внимание и предусмотрительность Ильича.

Н. К. Крупская:

Рекой по ночам разливалась Паша, ставшая за два года настоящей красавицей. Минька суетился, перетаскивая к себе домой остающуюся бумагу, карандаши, картинки и прочее, приходил Оскар Александрович, садился на кончик стула, видимо, волновался, принес мне подарок..., заглядывали то и дело в комнату хозяйка или соседка, недоумевала наша собака, что весь этот переполох должен означать, и ежеминутно отворяла носом все двери, чтобы удостовериться, все ли на месте, кашляла мама, возясь с укладкой, деловито увязывал книги Владимир Ильич.

А. С. Середкина:

Около двух лет прожили они у нас и уехали, когда кончился срок ссылки Владимира Ильича. Жаль нам было расставаться с ними: квартирантами своими мы гордились перед всем селом. Да и люди все очень уважали и любили их.

Когда они уезжали, то распрощались с нами тепло и сердечно...

Н. К. Крупская:

Доехали до Минусы, где мы должны были захватить с собой Старкова и Ольгу Александровну Сильвину. Там уж собралась вся наша ссыльная братия, было то настроение, которое бывает, когда кто-нибудь из ссыльных уезжает...

П. Н. Лепешинский:

Кругом нас радостные, счастливые, взволнованные лица. Все полны оживленными хлопотами по снаряжению в далекую дорогу. Владимир Ильич суетится больше всех и торопит остальных со сборами. Приятные мечты о будущем, перспективы дальнейшей революционной работы..., возвращение в культурные центры жизни — все это подымало настроение окружающих до небывалого восторженного состояния. Шутки, смех и победные, бодрые песни без конца.

И только наше «святое семейство», поверженное в бездну уныния, стоит в стороне от этого заразительного веселья и от этой кипучей суматохи. Болезнь дочурки основательно, по-видимому, приковала нас к тому месту, из которого мы с таким же праздничным настроением, с такой же радостной душой, как и остальные товарищи, стремились выпорхнуть на вольную волюшку.

О. Б. Лепешинская:

...Кое-кто не удержался от упреков в наш адрес: — Эх вы, революционеры, завели ребенка — обузу...

Никогда не забуду, как Ильич, с всегдашней своей чуткостью и тактом, горячо вступился за нас, молодых родителей:

— Очень хорошо, что есть ребенок! Значит, будет еще одна революционерка — Оля Лепешинская. А вы не огорчайтесь, я сейчас вызову врача.

С поразительной заботливостью он утешал нас, разыскал и привел врача и даже ночью вставал и приходил справиться о состоянии Оли.

— Ну какая беда, — бодро говорил он. — Выедете неделей позже. Ничего за это время не случится.

П. Н. Лепешинский:

Вот уже поданы тройки. Выносятся узлы и чемоданы. Последние поцелуи и горячие рукопожатия.

— До свидания, друзья...

— Надеюсь, скоро увидимся...

— Ах, вашими бы устами да мед пить...

Ушли. На улице побрякивают бубенчики. Слышны веселые голоса мужчин, усаживающих женщин в возки... Скрипят ворота, едут... Голоса и бубенцы затихают...

М. А. Сильвин:

29 января 1900 года Ольга Александровна (*Сильвина*) выехала из Минусинска вместе с Ульяновыми и Старковым. Как она мне потом рассказывала, на проводы собралась почти вся наша колония: Курнатовский, Шаповалов, Барамзин, Лепешинский и другие. Выехали в двух кошევках: в одной сидели Владимир Ильич со Старковым, в другой — Надежда Константиновна с матерью и Ольга Александровна. На первой же остановке дамы заявили, что им тесно, и Надежда Константиновна перекочевала к Старкову, а Владимир Ильич уселся рядом с ямщиком на облучке в других санях. День был морозный, и у Владимира Ильича зябли руки... Артельным старостой всю дорогу был Владимир Ильич; он расплачивался с ямщиками и с хозяйками на остановках за постой

и самовары. Харчами довольствовались большей частью взятыми при отъезде из дома; в их числе были и традиционные замороженные пельмени, гремевшие в мешке, как каленые орехи; ими засыпали чугунок кипятку, и суп был готов.

Н. К. Крупская: Ехали на лошадях 300 верст по Енисею, день и ночь, благо луна светила вовсю. Владимир Ильич заботливо засупонивал меня и маму на каждой станции, осматривал, не забыли ли чего, шутил с озябшей Ольгой Александровной.

*Запись воспоминаний крестьян селений
Листвягово, Быскар, Анаш, Светлолобово,
Петропавловка, Медведское,
Назарово Енисейской губернии:*

...Накануне отъезда ямщики узнали, что на Енисее еще не застыла большая полынья, от Майдашинских писаных скал до Комарковского быка, а в Потрошиловской протоке образовалась глубокая наледь. Пришлось ехать летним трактом — через селения Бедру, Городок, на Листвягово, с выходом на Енисей, к казачьей станции Бузуновской...

На половине от Минусинска до села Городок с небольшого перевала открылся живописный вид на реку Тубу и Затубинские горы с красивой Меттиховской гривой...

Зимняя дорога от Городка до Листвягово пролегла по широкому лугу в пойме реки Тубы.

Владимиру Ильичу и его спутникам пришлось переезжать через незамерзающий поток Шептерек...

Обе тройки остановились. Лошади испугались, хрюпели, били копытами землю, не шли в воду. Передний ямщик передал вожжи Владимиру Ильичу, прыгнул с облучка, перешел вброд по перекату мелководный Шептерек. Лошади рванулись вслед, и полозья с шумом, скрежетом и визгом заскользили по галечнику. Задняя тройка промчалась через Шептерек смелее...

Луговая дорога круто нырнула в протоку Инзу. Осилев подъем у колодца, тройки вбежали в улицу (*Листвягово*) и остановились у дома Михаила Марьясова, дружка нанятых ямщиков...

После завтрака Владимир Ильич вручил хозяйке серебрянный полтинник, по гривне с человека. Хозяин объявил, что лошади поданы. Все пассажиры быстро оделись, вышли во двор, где нетерпеливые тройки, гремя бубенцами, рвались в дорогу...

Дорога шла подъемом на хребет Тепсей. Сидя на облучке спиной к ветру, Владимир Ильич хорошо видел долину Тубы, степные холмы, полосы сосновых

боров, Егорьевскую и Еловую горы у села Тесь. Вдалеке синели Саяны...

В Оглахтынском ущелье дорога привела в казачью станицу Бузуновскую...

Недалеко от села Абаканского Владимир Ильич напомнил ямщику Марьясову, чтобы тот сначала подъехал к дому Романовского Иосифа Ивановича²⁷ и оставил там пассажиров, а сам на обеих тройках отправился бы к своим «друзжкам» по ямщицкой «веревочке»...

После обеда путники, напутствуемые добрыми пожеланиями провожающих, тронулись в дальнейшую дорогу...

От Беллыка до Быскара дорога пролегла по правому берегу Енисея, затем пересекла Прорву, вышла на остров и под красивейшей скалистой сопкой Чолпан тянулась до самого Быскара...

Абаканские ямщики Калягин и Панов имели в Быскаре каждый свою «веревочку». Калягин заезжал к Иннокентию Красикову, Панов — к Михаилу Орешкову...

Надвигался вечер, остановка сокращалась. Владимир Ильич попросил побыстрее заложить лошадей.

Под вечер мороз усилился. Ямщики Красиков и Орешков взяли с собой запасные дохи. Одна из них предназначалась Владимиру Ильичу. Сидя на облучке, вместе с ямщиком, он больше, чем пассажиры в кошевах, нуждался в дополнительной защите от пронизывающего холода.

Рассказы ямщиков, очень живые, искрящиеся народным юмором, порой заставляли пассажиров забывать об утомительном и трудном пути...

Поздним вечером тройки одолели тяжелый участок пути, приблизились к сосновому бору, на опушке которого показались огни села Анаш...

Тройки взбежали с протоки по отлогому Церковному взвозу, миновали церковь, свернули налево в Поповский переулочек и въехали во двор «друзжка» Красикова по ямщицкой «веревочке» Терехина.

Пужинав, путники расположились в теплой горнице на короткий ночлег, с тем чтобы перед рассветом снова двинуться в дальнейший путь на Светлолобово...

Перед рассветом, после «третьих петухов», Терехин накормил и напоил две тройки лошадей, зашел в избу, чтобы разбудить своих пассажиров, но они уже при свете сальных свечей завтракали пельменями, пили горячий кирпичный чай со свежим молоком...

Когда возки выехали из Анашинской протоки на Енисей к Черному камню, окончательно рассвело.

«Зимняя дорога пролегла по широкому лугу... Вдалеке синели Саяны».

С рисунка художника О. Верейского

За островом показался Красный камень, где находилась пашня декабристов Крюковых...

Преодолевая перевал с Енисея на Чулым по дороге в Светлолобово, Владимир Ильич снова многое узнал о сибирских краях из рассказов анашинских и светлолобовских ямщиков...

В селе Светлолобово... анашинский ямщик Терехин доставил пассажиров к своему «дружку» по ямщицкой «веревочке» — Фирсову.

Вслед за Терехиным к дому Фирсова подъехали ямщики из Ужура и Рыбалки. Чтобы сократить стоянку, ямщики решили обменяться пассажирами.

После небольшого отдыха петропавловский ямщик Шиндяев пригласил Владимира Ильича и его спутников занять места в кошевах...

К обеду Владимир Ильич с попутчиками добрались до Рыбалки и на усталых лошадях въехали во двор Шиндяева...

В Медведском Шиндяев сдал пассажиров своему «дружку» по ямщицкой «веревочке» Дементию Сидоренко и получил с Владимира Ильича за прогоны за два станка двенадцать рублей...

В Назарово заехали к Донову. Тот послал за Белошапкиным. Ямщики пошли запрягать лошадей, а пассажиры сели за поздний ужин...

Владимир Ильич поторапливал ямщиков: хотелось побыстрее совершить последний перегон по Ачинск-Минусинскому тракту.

Луна хорошо освещала путь. Свежие тройки, оглашая морозный воздух колокольчиками, понесли по Нагорной... улице к Чулыму. Низкие берега реки тройки проскочили легко, и ухабистая дорога вскоре во-

шла в лесную полосу южного склона хребта Арга...

Начался подъем на гору Осиновую, поросшую густым осинником, березняком и сосной...

С вершины Осиновой горы дорога спустилась к деревне Малый Улуй, затем промелькнула деревня Каменка и, наконец, после небольшого подъема, вышла на невысокую Ачинскую гору.

Вдали показались многочисленные столбики серо-сызых дымков и клубы пара над железнодорожной станцией Ачинск.

М. А. Сильвин:

Приехали на станцию (*Ачинск*) почти к самому поезду и ехали, конечно, третьим классом. Владимир Ильич почти все время лежал на верхней полке и читал.

В Омске простились со Старковым, который остался там временно, жена его уже работала там же на станции фельдшерницей.

В Уфе Ольга Александровна (*Сильвина*) рассталась с Ульяновыми, так как Надежда Константиновна должна была заканчивать здесь срок своей ссылки.

Н. К. Крупская:

Очень жаль было расставаться, когда только что начиналась «настоящая» работа, но даже и в голову не приходило, что можно Владимиру Ильичу остаться в Уфе, когда была возможность перебраться поближе к Питеру.

А. И. Ульянова-Елизарова:

...Из ссылки Владимир Ильич поехал не только революционером, имевшим опыт и определенно выкристаллизовавшуюся индивидуальность, которая была уже авторитетом в подполье; не только человеком, выпустившим научный труд, но и укрепившим, в результате трехлетней жизни в самой деревенской гуще, свое знание крестьянства — этого основного слоя населения России.

На этом заканчивается первая часть биографии Владимира Ильича, до его возвращения из ссылки, до того времени, когда — в возрасте 30 лет — он взялся снова вплотную за революционную работу, но уже в несравненно более широком масштабе; за ту работу, которая сплотила революционный российский пролетариат и привела его к победе.

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

Примечания

¹ Газета «Самарский вестник» находилась в руках «легальных марксистов» с 12 октября 1896 по 16 марта 1897 года.— 23.

² На письме имеется пометка Юдина: «9 марта 1897 года». К фамилии «Ульянов» им же дана сноска: «Владимир Ильич».— 30.

³ Предположение Владимира Ильича не оправдалось: Г. М. Кржижановский, как и остальные ссыльные, ехал на казенный счет.— 35.

⁴ Свидания с Г. М. Кржижановским и В. В. Старковым удалось добиться только А. М. Старковой и ее матери Эльвире Эрнестовне Розенберг, приехавшей вскоре в Красноярск.— 37.

⁵ Сибирский исследователь-краевед Е. И. Владимиров, записавший рассказ З. П. Кржижановской (так же, как и рассказы П. Н. Лепешинского, Г. И. Окуловой, В. М. Крутовского, Л. Н. Скорнякова, А. А. Потехина, Х. Х. Исламова, И. Я. Миронова), установил, что под вечер 30 апреля пароход «Св. Николай» пришвартовался к берегу, возле часовни, построенной для служения молебных «о плавающих и путешествующих». Над рекой вздымались скалистые горы из темного известняка. «Выветривание скальных пород придало поистине сказочную красоту горам. Они предстают взору путников в виде гигантских колонн, то куполов, то развалин древних замков» («Поездки и встречи». Новосибирск, 1966, стр. 58).— 47.

⁶ Е. Ф. Гущин ошибается: Феликс Кон прибыл в Минусинск только 9 июня 1897 года и поэтому не мог быть в мае вместе с Владимиром Ильичем в библиотеке Минусинского музея.— 52.

⁷ К моменту водворения Владимира Ильича в Шушенском должность надзирателя за политическими ссыльными там была упразднена и гласный надзор за ними осуществляли десятские во главе с сельским старостой и волостным заседателем.— 64.

⁸ Окружной исправник Стоянов незаконно требовал у А. А. Ванеева сдачи принадлежавшего ему охотничьего ружья.— 66.

⁹ Доклад М. А. Лозинского «Крестьянская поземельная собственность и меры предупреждения обезземеления крестьян» был сделан 13 декабря 1897 года в Вольном экономическом обществе.— 75.

¹⁰ Первая брошюра для рабочих, написанная В. И. Лениным в 1895 году, называлась «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах».— 84.

¹¹ Прощение енисейскому губернатору было написано М. А. Ульяновой 6 августа 1897 года.— 101.

¹² За участие в революционных студенческих кружках Д. И. Ульянов был исключен из Московского университета, с 7 ноября 1897 до 20 августа 1898 года находился в тюрьме, а затем после ссылки в Тулу жил под гласным надзором полиции в г. Подольске Московской губернии.— 101.

¹³ Педагогическая деятельность политических ссыльных считалась властями крайне предосудительной и могла повлечь увеличение срока ссылки. Поэтому Владимир Ильич и Надежда Константиновна вынуждены были отказаться от нее.— 112.

¹⁴ По дороге из ссылки, проезжая станцию Боготол, Владимир Ильич и Надежда Константиновна встретились с И. Л. Проминским и его сыном Владиславом.— 164.

¹⁵ Свои фотографии с автографом в память о совместном пребывании в ссылке Владимир Ильич послал О. А. Энгбергу и И. Л. Проминскому из Москвы в феврале 1900 года.— 164.

¹⁶ Кроме фотокарточек Н. К. Крупской и сестер Невзоровых Владимир Ильич ожидал присылки группового снимка руководителей петербургского «Союза борьбы», сделанного в феврале 1897 года.— 166.

¹⁷ В связи с побегом С. Г. Райчина, получившего на имя жены минусинского врача С. М. Фридман деньги из-за границы, последняя отказалась предоставлять в дальнейшем свой адрес для присылки литературы и денегсылным революционерам.— 183.

¹⁸ Статья «К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике. Новые статистические подвиги проф. Карышева» была напечатана в сборнике В. И. Ленина «Экономические этюды и статьи».— 209.

¹⁹ «Экономические этюды и статьи» вышли тиражом 1200 экземпляров.— 210.

²⁰ Статья «Еще к вопросу о теории реализации» была напечатана в августе 1899 года в журнале «Научное Обозрение» № 8.— 213.

²¹ Статья «Ответ г. П. Нежданову» опубликована в декабре 1899 года в журнале «Жизнь» № 12.— 216.

²² Предисловие ко второму изданию книги «Развитие капитализма в России» написано В. И. Лениным в 1907 году.— 234.

²³ Статьи В. И. Ленина против либерального народника Н. В. Левитского до настоящего времени разыскать не удалось.— 250.

²⁴ В приложениях к указанным номерам «Саксонской рабочей газеты» опубликована статья Г. В. Плеханова «За что нам его благодарить? (Открытое письмо Карлу Каутскому)», содержащая резкую критику Э. Бернштейна.— 253.

²⁵ Поскольку журнал «Новое Слово» был закрыт правительством в декабре 1897 года, статья Владимира Ильича в нем опубликована не была. Она вошла в сборник «Экономические этюды и статьи».— 279.

²⁶ Это извещение было объявлено В. И. Ленину 28 февраля 1900 года, когда он уже находился в Пскове.— 294.

²⁷ Е. И. Владимиров, записавший воспоминания крестьян ряда селений Енисейской губернии, отмечает: «Иосиф Иванович Романовский был сослан в Сибирь за участие в польском восстании 1863 года... С конца 80-х годов поселился в селе Абаканском... В его доме находили приют политические ссыльные» («Поездки и встречи». Новосибирск, 1966, стр. 104).— 300.

Указатель использованных источников

- «А. А. Ванев». Составитель писем Н. А. Забурдаев. Горький, 1962, стр. 144—145, 150, 162—164, 166.— *56, 46, 65, 216—217.*
- Арканов С. Воспоминания о пребывании Владимира Ильича Ульянова (Ленина) в с. Шушенском. «Пролетарская революция», 1929, № 1, стр. 87—88, 89.— *108—109, 164, 175.*
- «Архивные документы к биографии В. И. Ленина (1887—1914)». «Красный архив», 1934, № 1, стр. 120, 121, 122—123, 124—125, 126, 129.— *15, 21, 57, 101, 107, 131, 184, 209, 294.*
- Беляевский С. В. И. Ленин в Шушенском. Красноярск, 1970, стр. 50—51, 58—59, 71, 72, 73—74, 75, 76—77, 78—79, 81—82, 89, 118, 136, 178.— *58, 59, 90—94, 97, 108, 109, 134, 137, 138, 140, 148, 261, 278—279, 297.*
- Человек большого сердца. «Правда», 1960, 23 марта.— *163.*
- Беляевский С., Городецкий Н. Здесь был Ленин. Красноярск, 1968, стр. 28, 31, 33—34.— *65, 114, 115, 119.*
- Бобровская (Зеликсон) Ц. Записки подпольщика. 1894—1917. М., 1957, стр. 22.— *237.*
- Бухшис В. А. Мои воспоминания о В. И. Ленине. «Амурская правда» (Благовещенск), 1927, 22 мая.— *38.*
- «Виктор Константинович Курнатовский. 1868—1912». Биографический очерк, составленный по документам, письмам и воспоминаниям его товарищей по революционной работе. Составила Ек. Окулова. М., 1948, стр. 39, 43—44, 45, 46.— *145, 147, 229, 255, 256.*
- «В. И. Ленин в сибирской ссылке. 1897—1900». Составители М. А. Москалев и Е. Т. Горская. Красноярск, 1942, стр. 75, 87—89, 130, 131—132, 179.— *52, 77, 95—96, 114, 123—124, 152—153.*
- «В. И. Ленин в с. Шушенском». (Воспоминания сибирских крестьян). «Красная нива», 1924, № 7, стр. 172.— *98.*
- Виноградов-Ягодин Ф. Обыск у В. И. Ленина в с. Шушенском в 1899 г. «Каторга и ссылка», 1935, № 1, стр. 19, 20.— *130, 131—132.*
- «Владимир Ильич Ленин». Биографическая хроника. Том I. 1870—1905. М., 1970, стр. 240.— *295.*
- «Владимир Ильич Ленин». Рисунок Николая Жукова. М., 1968. Вступительная статья Марии Прилежаевой.— *115.*
- Владимиров Е. Поездки и встречи. В. И. Ленин в Сибири. 1897—1900 гг. Новосибирск, 1966, стр. 25—26, 27—29, 30, 36, 41, 59—61, 62—63, 67, 69, 70, 71, 73, 75, 76, 83, 86, 100, 101, 102—103, 104, 105—106, 109—110, 111—113, 114, 115.— *28, 29—30, 37, 45, 47—48, 49—52, 185, 299—302.*
- Воскресенская З. Костры. Рассказы о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969, стр. 13—14, 15—16.— *160—161.*
- «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». 1. М., 1956, стр. 173, 228, 356.— *24, 57—58, 166, 172, 217.*
- «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». Том 1. Воспоминания родных. М., 1968, стр. 76, 195.— *21, 103, 286—288.*
- Том 2. М., 1969, стр. 66—67, 69.— *146—147, 241—242, 243.*
- «Воспоминания медиков о В. И. Ленине». Составители И. А. Слонимская, Е. Д. Ашурков. М., 1969, стр. 31—34, 35.— *22—24, 25—26, 30, 39, 40.*
- «Воспоминания о Надежде Константиновне Крупской». М., 1966, стр. 5—6, 7, 9.— *115, 118, 143.*

- Гиндин А. Встречи П. А. Красикова с В. И. Лениным. «Сибирские огни» (Новосибирск), 1965, № 4, стр. 137.— 30—31, 39.
- «Глеб Максимилианович Кржижановский». Жизнь и деятельность. М., 1974, стр. 144, 186.— 150, 293.
- Городецкий Н., Рождественский И. Огоньки шушенской елки. «Правда», 1964, 31 декабря.— 137, 140.
- «Документы и материалы, относящиеся к периоду ссылки Ленина. Ленин в Красноярске (1897 г.)». «Пролетарская революция», 1928, № 11—12, стр. 228—229, 230, 238, 240—241, 242, 243—244, 246, 248—249, 251.— 40, 42—43, 45, 46—47, 52, 53, 54.
- «Документы и материалы, относящиеся к периоду ссылки Ленина. 1897—1900 гг.». «Записки Института Ленина». З. 1928, стр. 74—75, 84.— 15, 30.
- Дридзо Вера. Надежда Константиновна. М., 1969, стр. 54, 62—63, 65.— 107, 115, 116, 118, 302.
- Евгеньев-Максимов В. Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX века. М.—Л., 1927, стр. 232—233, 256.— 206, 215.
- «Енисейская ссылка». Сборник енисейского землячества. М., 1934, стр. 46—47.— 264—265.
- «Женщины в революции». М., 1959, стр. 44.— 143.
- «Записки Института Ленина». З. 1928, стр. 75—76, 81—82.— 16—17, 21.
- Иваньков А. Г. Ленин в сибирской ссылке. 1897—1900. М., 1962, стр. 112, 154—155, 157, 164, 210.— 64, 68—69, 137, 229.
- Исаков Д. От Шушенского до Уфы. «Красная звезда», 1960, 15 апреля.— 137.
- «Как я с Лениным на коньках катался». (Рассказ рабочего В. В. Потылицына). «Сибирские огни» (Новосибирск), 1937, № 5—6, стр. 17.— 137—138.
- Киржиц А. В. И. Ленин в Сибири. «Сибирские огни» (Новониколаевск), 1924, № 1, стр. 96—97.— 84.
- (Колосов Е. Е.) Горбунов Марк. В. И. Ленин в Красноярске. «Былое», 1924, № 25, стр. 119, 120—121, 122—123, 125, 126—127.— 26—28, 31—32, 38, 39—40, 46.
- Кон Ф. Я. За пятьдесят лет. М., 1936, стр. 516, 517.— 181.
- Кондратьев В. А., Жучков Б. А. Польский революционер — товарищ В. И. Ленина по ссылке. «Новая и новейшая история», 1960, № 3, стр. 90.— 157.
- «Крестыяни села Шуши И. С. Ермолаев о Ленине». «Советская Сибирь» (Новониколаевск), 1925, 21 января.— 96.
- Кржижановская З. П. Воспоминания о Н. К. Крупской. «Красный библиотечарь», 1939, № 5—6, стр. 26.— 116, 156, 216.
- Несколько штрихов из жизни Ильича. (Отрывки из воспоминаний). «Молодая гвардия», 1924, № 2—3, стр. 35.— 143—144, 153—154.
- Кржижановский Г. М. Великий Ленин. М., 1971, стр. 3, 21, 39, 40—42, 43, 44, 66, 67—68, 69.— 40, 92, 104, 144, 149—150, 168—169, 217, 219, 263, 293—294.
- Ильич. «Правда», 1955, 22 апреля.— 100, 217.
- О Владимире Ильиче. Доклад на вечере воспоминаний о В. И. Ленине 3 февраля 1924 г. М., 1924, стр. 24.— 136.
- Шу-шу. Из воспоминаний о В. И. Ленине. М., 1961, стр. 30—31.— 119, 218.
- Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1972, стр. 27—33, 34, 35—37, 38—39, 43, 103, 485.— 89, 90, 94, 99, 109, 118—119, 120, 126, 129, 130, 131, 139, 158, 159, 162—163, 168, 171, 176—177, 180, 181, 183, 194, 255, 282, 297, 299.

- Второй съезд партии. «Большевик», 1933, № 13, стр. 28.— 284.
- О Ленине. Сборник статей. М., 1960, стр. 179, 252.— 92, 136.
- О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1965, стр. 83, 84, 203, 273—274, 361, 365, 370—371.— 78, 120, 136, 184—185, 204, 217, 230, 257—258.
- О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1971, стр. 21—22, 35, 40, 50, 75—76, 96—97, 109, 110, 115—117, 134, 151—152, 164, 167, 179, 208—209, 278—279.— 84, 86, 87, 118, 136, 183, 203, 216, 231, 233, 241, 282, 284—286, 288, 293.
- Педагогические сочинения. Том 1. М., 1957, стр. 21.— 115.
- Кунецкая Л., Маштакова К. Крупская. М., 1973, стр. 62.— 114.
- Лавров Р. Лично известная. К 100-летию со дня рождения З. П. Кржижановской-Невзоровой. «Известия», 1969, 23 августа.— 147, 180.
- Ласунский Ол. Власть книги. Рассказы о книгах и книжниках. Воронеж, 1966, стр. 117.— 235.
- Лебедев М., Дубров М. Ленинской выучки. К 90-летию со дня рождения Н. Н. Панина. «Известия», 1967, 5 мая.— 147.
- Ленгник Ф. В. В те далекие годы... «Нева», 1965, № 12, стр. 132.— 263.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Том 1, стр. 275, 307.— 216, 230.
- Том 2, стр. 267, 300—301, 320, 438, 445—446, 465—466, 542, 543, 550.— 84—85, 203—204, 275, 276—277, 279—280.
- Том 3, стр. 5—6, 13—14, 16, 115—116, 225, 230, 231, 324, 590, 597—599, 634—635, 636.— 89, 231—233, 234, 251, 253.
- Том 4, стр. 35, 37, 43, 74—75, 88, 89, 91, 94, 99, 169, 173, 176, 179, 180—181, 182—184, 186, 187, 188, 191, 192, 193, 194—195, 198, 199—200, 214—215, 239, 266, 267—268, 273, 274, 283, 286—287, 288, 297—298.— 86—87, 214, 246, 248, 253—254, 256—257, 259—260, 270, 285, 287, 288—292.
- Том 5, стр. 82—83.— 24.
- Том 6, стр. 7, 158.— 84, 254—255, 288.
- Том 16, стр. 98.— 275.
- Том 44, стр. 16.— 251.
- Том 45, стр. 102.— 90.
- Том 46, стр. 12—13, 14—16, 18—19, 22—23, 24, 25—26, 27, 28, 29—32, 33, 449—452, 453—454, 455.— 19—20, 28—29, 46, 51, 75, 81, 107, 112, 113—114, 164, 184, 213—214, 235—236, 243—244, 245—246, 247—248, 249—250, 251, 261, 280—282, 283.
- Том 47, стр. 227, 228.— 235.
- Том 55, стр. 22—24, 25—28, 29—31, 32—33, 34—35, 36, 37—38, 39, 40—42, 43, 44—48, 49—51, 52—53, 54—56, 57, 58, 59, 60—61, 62, 63, 64—65, 66—68, 69, 70—73, 74, 76, 77, 78—79, 80, 82, 83, 84, 86, 87, 88—89, 90—91, 92, 93, 94—95, 96—97, 98, 99—101, 102—103, 104, 105—106, 107—108, 111—112, 114, 115, 116—118, 119, 120—122, 123, 124—125, 126, 127, 128, 129—130, 132—134, 137—140, 141—143, 144, 146, 147, 148—150, 152, 153, 156, 157—158, 159—161, 162, 163, 168, 169, 173, 174—176, 177—179, 180—181.— 24—25, 30, 32—33, 35—36, 37, 41—42, 43—44, 52, 59—64, 65—68, 69—79, 96, 97, 98, 99, 101—102, 103, 107—108, 110, 112, 120, 121, 124, 125, 126—127, 128, 129, 130, 134, 135, 138, 145, 148, 149, 150—151, 152, 153, 155, 156, 157, 159, 165, 166—167, 169, 170, 171, 172, 173—174, 183, 189—190, 197, 203, 204—206, 207—209, 210, 211—213, 214, 215—216, 218—220, 221, 222, 223—229, 230, 241, 247, 248—249, 250, 251, 252—253, 262, 263—264, 270, 279, 281, 282, 296.
- Лепешинская О. Б. Встречи с Ильичем. (Воспоминания старой большевички). М., 1971, стр. 14, 23, 24.— 80, 267, 270, 271.
- Мои воспоминания. Абакан, 1957, стр. 40, 41—42.— 119, 156.

- *Путь в революцию. Воспоминания старой большевички.* Пермь, 1963, стр. 66, 67—68, 69—71, 75, 78—80, 82, 87, 88—89, 94, 95.— 80, 143, 147, 187—188, 190—191, 192—193, 246, 264, 266, 297, 298.
- Лепешинский П. Н. Жизненный путь Ильича. (Биографический очерк). Л., 1925, стр. 22.— 277.
- *На повороте.* М., 1955, стр. 97—98, 99—100, 101—103, 104, 106—110, 113—114, 115—116.— 88, 94—95, 98, 100, 171—172, 181—182, 194—195, 197—198, 199—200, 241, 242, 264, 266—268, 297—298.
- *Первый съезд партии.* (М.), 1928, стр. 25—26, 27.— 283—284.
- Лесохин Ю., Мегревели В., Фомин А. Шушенское: вчера, сегодня, завтра. «Советская культура», 1969, 19 апреля.— 97, 154.
- Луговой В. Высокое мгновение жизни. «Белгородская правда», 1969, 17 октября.— 174—175.
- Луначарский А. Силуэты. М., 1965, стр. 40.— 235.
- Лядов М. Мои встречи с Лениным. «Молодая гвардия», 1924, № 2—3, стр. 42.— 271.
- Мешалкин П. Единомышленники. О товарищах В. И. Ленина по сибирской ссылке. Красноярск, 1974, стр. 96, 200, 203.— 164, 185.
- Мицкевич С. И. Революционная Москва. 1888—1905. М., 1940, стр. 199.— 169.
- Москалев М. В. И. Ленин в Сибири. Исторический очерк в документах и воспоминаниях. М., 1957, стр. 64—65, 66—67, 92—94.— 64—65, 97—98, 210—211.
- Новоплянский Д. Товарищ Ильича. Страницы из жизни одной рабочей семьи. «Правда», 1969, 18 и 19 апреля.— 139.
- «О Ленине». Воспоминания революционеров Латвии. Рига, 1959, стр. 43, 142.— 160, 237.
- «Об Ильиче». Воспоминания питерцев. Л., 1970, стр. 61, 72—73, 74.— 148, 158, 159—160, 162, 164.
- «Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897—1907 гг.» Спб., 1908, стр. 4, 5.— 185—186.
- «Отзывы Н. К. Крупской на воспоминания и биографические материалы о В. И. Ленине». «Исторический архив», 1957, № 2, стр. 28, 37—38, 39.— 88, 116, 275, 284.
- «Откровенный разговор» (отрывок из воспоминаний П. А. Красикова «Некоторые моменты моей жизни и моих отношений к В. И. Ленину — Ульянову»). «Известия», 1963, 19 апреля.— 39, 186—187.
- «Первая рецензия на книгу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». «Вопросы истории КПСС», 1973, № 3, стр. 105, 106.— 236.
- «Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917». М., 1969, стр. 96.— 222.
- Пешков В. Две книги «Владимира Ильина». «Тамбовская правда», 1968, 12 мая.— 237.
- «Письма из Сибири. Отцы». Составитель А. Лиханов. Новосибирск, 1968, стр. 78, 79, 80, 81, 82, 83—84.— 153, 156—157, 295.
- «Письма Н. К. Крупской». В кн.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Том 55, стр. 390, 391, 393, 394—395, 396, 397, 398—399, 400—402, 403, 404—406, 407, 408, 409, 411, 412, 413, 414.— 112—113, 118, 120—121, 122—123, 124—126, 127—128, 129, 134, 135, 139, 152, 155, 163, 174, 198, 218, 219, 220, 221, 241.
- П-н. В. И. Ленин и смазчик вагонов И. Л. Проминский. Материалы для биографии В. И. Ленина. «Огонек», 1924, № 34, стр. 2.— 157.
- «Предисловие П. Б. Аксельрода к 1-му изданию «Задач русских социал-демократов» — 1898 г.» В кн.: В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 3-е. Том 2, стр. 604.— 278.

- «Распространение произведений В. И. Ленина в дореволюционной России (1894—1905 гг.)». «Красный архив», 1941, № 1, стр. 9.— 237.
- «Рецензия Б. Авилова на книгу «Развитие капитализма в России» («Образование», 1899 г., октябрь, № 10)». В кн.: В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 3-е. Том 3, стр. 546, 547.— 236—237.
- «Родные об Ильиче». «Известия», 1961, 18 апреля.— 98.
- «Рядом с Лениным». Воспоминания о Н. К. Крупской. М., 1969, стр. 54.— 115.
- Сильвин М. А. К биографии В. И. Ленина. (Из воспоминаний). «Пролетарская революция», 1924, № 7, стр. 77, 78, 79.— 148, 241.
- Ленин в период зарождения партии. Воспоминания. Л., 1958, стр. 169, 175—176, 179, 180—181, 183—185, 186, 187—188, 189—193, 194, 195, 202—203.— 79—80, 97, 132—133, 134, 144—145, 148, 151, 154, 175—176, 181, 209—210, 211, 255, 259, 261, 262, 265—266, 267, 268, 270—271, 278, 298—299, 302.
- «Славные большевички». М., 1958, стр. 12.— 223.
- Смирнов А. Воспоминания о ссылке в Восточной Сибири в 1897—1900 годах. «Летопись революции» (Харьков), 1923, № 3, стр. 38—39.— 258—259.
- «Совет Ленина». (Из воспоминаний Л. Н. Скорнякова). «Красноярский комсомолец», 1957, 21 апреля.— 187.
- «Социал-демократическое движение в России». Материалы. Том 1. М.—Л., 1928, стр. 347.— 244.
- «Список изданий, вышедших в России в 1899 году». Спб., 1900, стр. 288, 289.— 135.
- «Справка тов. Шаповалова о Райчине в Институт Ленина». «Ленинский сборник». 1, 1925, стр. 169, 170.— 180, 181.
- Старкова А. М. Сибирские встречи. «Комсомольская правда», 1966, 14 декабря.— 34—35, 37, 191—192, 196—197.
- «Старый большевик». Сборник. 2. М., 1933, стр. 55—56.— 230—231.
- «Так создавалась «Варшавянка»». «Волжская коммуна» (Куйбышев), 1968, 17 августа.— 154.
- «Товарищи в борьбе». Письма соратников В. И. Ленина. 1896—1900. Составитель Г. Е. Хаит. Красноярск, 1965, стр. 147, 166, 167, 168, 170, 177—178, 182—183, 188, 196—197, 198, 199, 220—221, 224, 232.— 146, 151—152, 155, 172—173, 185, 189, 256, 268, 295.
- Удимова Л. И. Встреча на Енисее. Записки фельдшерницы. «Нева», 1957, № 3, стр. 138.— 48—49.
- Ульянов Д. И. Воспоминания о Владимире Ильиче. М., 1971, стр. 59—60.— 17, 21.
- Ульянова М. А. Письмо М. И. Ульяновой. В кн.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Том 55, стр. 487.— 125.
- Ульянова М. И. Предисловие к сборнику «Письма к родным» издания 1930 года. В кн.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Том 55, стр. XVII.— 69.
- Ульянова-Елизарова А. И. Владимир Ильич в ссылке. «Пролетарская революция», 1929, № 2—3, стр. 191, 192, 193, 194—195, 196, 197, 198, 200, 201—202, 256—257, 258.— 16, 18—19, 20, 33—34, 36—37, 39, 69, 75, 80—81, 82, 83, 99—100.
- 1929, № 4, стр. 136, 137.— 110, 164, 169.
- 1929, № 6, стр. 164, 166—167, 168, 170.— 135, 212, 247, 282—283.
- Воспоминания об Ильиче. М., 1926, стр. 60—61.— 88.
- Воспоминания об Ильиче. М., 1969, стр. 83—84, 86, 89, 90—93, 97—98.— 15—16, 18, 20, 80, 88—89, 103, 120, 158, 172, 294, 302.
- Письмо в редакцию Сочинений В. И. Ленина. В кн.: В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 3-е. Том 2, стр. 637—638.— 262—263.

— По поводу писем Владимира Ильича к родным. В кн.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Том 55, стр. XXXVII, XLII, XLVII—XLIX, LI—LII.— 21, 80, 99, 102—103, 164—165, 167, 211, 219, 225, 241.

Успенский Мих. В. И. Ленин в селе Шушенском. «Московский художник», 1960, № 8, апрель.— 119.

Хаит Григорий. Поиск продолжается. Утраты. Находки. Исследования. Красноярск, 1970, стр. 90, 103, 134, 142—143.— 37, 38, 144, 154, 173.

Ханинсон Я. Ленинское слово в дореволюционной Сибири. Из истории издания и распространения произведений В. И. Ленина в Сибири (1895—1904 гг.). Новосибирск, 1966, стр. 23.— 237.

Шаповалов А. С. В борьбе за социализм. М., 1957, стр. 87, 140—141, 143, 145, 146—148, 150, 151, 152—153, 154—157, 159—160, 162, 163.— 57, 159, 177—180, 182—183, 195—196, 242—243, 246, 267, 268—269, 270, 271—272.

— Владимир Ильич в ссылке в Сибири. (Из воспоминаний). «Пролетарская революция», 1924, № 5, стр. 244.— 147.

Яковлев А. Четыре встречи с В. И. Лениным. «Исторический журнал», 1942, № 1—2, стр. 160—161.— 18.

Ярославский Ем. Биография В. И. Ленина. М., 1940, стр. 34.— 238, 259.

— Жизнь и работа В. И. Ленина. Л.— М., 1925, стр. 46, 47, 48.— 146, 167, 277—278.

Указатель цитируемых авторов

Авилов Б. В. (1874—1938) — социал-демократ, журналист и статистик, автор рецензии на книгу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». — 236—237.

Аксельрод Павел Борисович (1850—1928) — участник создания группы «Освобождение труда», с 1900 — член редакции «Искры». После II съезда РСДРП — один из идеологов и лидеров меньшевизма. С 1917 — враг Советской власти. — 278.

Арканов Семен Михеевич — в 1898—1899 участковый врач в с. Ермаковском Минусинского уезда. — 108—109, 164, 175.

Берзинь-Зиемелис Ян Антонович (1881—1938) — один из старейших латышских революционеров, после Октября — видный государственный и партийный деятель. — 237.

Бобровская (Зеликсон) Цецилия Самойловна (1876—1960) — активная революционерка, член партии с 1898, агент «Искры». Участница революции 1905—1907 и Октябрьской революции 1917. После Октября занимала ряд партийных постов. — 237, 278—279.

Бухнис Викентий Антонович (1859—1932) — польский рабочий-революционер. С 1888 до 1897 — в ссылке в Туруханске. В годы Советской власти работал железнодорожником на Дальнем Востоке. — 38.

Ванев Анатолий Александрович (1872—1899) — социал-демократ, активный участник петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». С 1895 — в тюрьме, а затем в ссылке в Восточной Сибири, где умер от туберкулеза. — 36, 46, 65, 216—217.

Водовозова М. И. (род. в 1869) — петербургская книгоиздательница, выпустившая ряд марксистских книг. В 1899 издала труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». — 235.

Ворсин С. К. — житель с. Шушенское, оставивший воспоминания об отношении Владимира Ильича к местной детворе. В годы Советской власти заведовал минусинским театром. — 137.

Гушин Ермил Фомич — библиотекарь минусинского музея, в годы Советской власти некоторое время был директором Шушенского музея В. И. Ленина. — 52, 77.

Давыдов Алексей Тихонович — крестьянин с. Шушенское, с которым Владимир Ильич ходил на охоту. — 64.

Ермолаев Иван Осипович (род. в 1855) — шушенский крестьянин-бедняк, постоянный спутник Владимира Ильича во время охоты. — 92—93.

Ермолаев О. Н. — крестьянин с. Шушенское. — 94.

Желтов Семен Кондратьевич — крестьянин-бедняк с. Шушенское, с которым Владимир Ильич ездил на рыбную ловлю. — 97—98.

Заверткин И. И. — крестьянин с. Шушенское, «свидетель» со стороны жениха при бракосочетании Владимира Ильича и Надежды Константиновны. — 98.

Зырянов Аполлон Далматович (род. в 1862) — житель с. Шушенское, хозяин квартиры, в которой в 1897—1898 жил Владимир Ильич. — 57—58, 64—65, 95—96.

Зырянова Екатерина Даниловна (род. в 1863) — жительница с. Шушенское, жена А. Д. Зырянова. — 58—59.

Исламов Хусайн Ходиятович — лоцман парохода «Св. Николай», на котором Владимир Ильич весной 1897 добирался из Красноярска в Минусинск. — 49—51.

Кайревич Иван Яковлевич (1879—1956) — житель с. Шушенское, сын ссыльного поляка, участника восстания 1863, в доме которого поселился И. Л. Проминский.— 137, 140.

Колосов Евгений Евгеньевич (род. в 1879) — родственник К. Г. Поповой, в доме которой в Красноярске весной 1897 жил В. И. Ленин. Впоследствии эсер. После Октября сотрудничал в журналах «Былое», «Каторга и ссылка». Некоторые свои статьи подписывал фамилией внука Поповой Марка Горбунова.— 26—28, 39—40.

Кон Феликс Яковлевич (1864—1941) — деятель польского, российского и международного революционного движения. В 1891—1904 находился на поселении в Восточной Сибири. После Октября — на партийной и государственной работе.— 181.

Кондрашов Нефед Михайлович (род. в 1870) — рабочий сахарного завода промышленника Гусева в дер. Ивановка Минусинского уезда. В годы Советской власти — колхозник, руководитель сельхозартели.— 174—175.

Красиков Петр Ананьевич (1870—1939) — активный революционер, с 1894 в ссылке в Красноярске, с 1900 — агент «Искры», после II съезда РСДРП — большевик. В годы Советской власти работал в Наркомате юстиции и Верховном суде СССР.— 30—31, 39, 186—187.

Кржижановский Глеб Максимилианович (1872—1959) — профессиональный революционер, товарищ Владимира Ильича по петербургскому «Союзу борьбы» и ссылке. С 1901 — агент «Искры». Активный участник революции 1905—1907. После Октября руководил ГОЭЛРО, Госпланом, Энергетическим институтом Академии наук.— 40, 92, 100, 104, 115, 119, 136, 143, 144, 149—150, 154, 168—169, 217, 218, 219, 263, 293—294.

Крупская Надежда Константиновна (1869—1939) — профессиональный революционер, видный партийный и государственный деятель, жена и соратник В. И. Ленина. С 1901 — секретарь редакции «Искры», большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий». Активная участница Октября. В годы Советской власти — на руководящей работе в Наркомпросе. Автор многих книг, статей о В. И. Ленине.— 78, 84, 86, 87, 88, 89, 90, 92, 94, 98, 99, 107, 109, 112—113, 114, 115, 116, 118—119, 120—123, 124—128, 129, 130, 131, 134, 135, 136, 139, 152, 155, 158, 159, 162—163, 168, 171, 174, 176—177, 180, 181, 183, 184—185, 194, 199, 203, 204, 213, 214, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 230, 231, 233, 241, 255, 257—258, 275, 282, 283, 284—286, 288, 293, 296, 297, 299, 302.

Крутовский Владимир Михайлович (1856—1938) — врач, в 1897 — помощник енисейского врачебного инспектора. После Февральской революции — губернский комиссар Временного правительства. В годы Советской власти работал в медтехникуме, в обществе врачей в Красноярске.— 22—24, 25—26, 29—30, 39, 40.

Кудряшев Виталий Николаевич (род. в 1860) — токарь, механик паровых машин. Народоволец. Находясь в ссылке, был судоремонтным рабочим, машинистом парохода. Участник гражданской войны в Сибири.— 38.

Кулябко Прасковья Ивановна (1874—1959) — член партии с 1898, активная подпольщица. В годы Советской власти — партийный работник.— 166, 172, 217.

Курнатовский Виктор Константинович (1868—1912) — деятель революционного движения в России. В сибирской ссылке встретился с Лениным. Вел партийную работу в Тифлисе. Во время революции 1905—1907 руководил восстанием рабочих в Чите.— 146, 147, 152—153, 229, 255, 256.

Ленгник Фридрих Вильгельмович (1873—1936) — член партии с 1893, агент «Искры», участник Октябрьской революции. В годы Советской власти работал в Наркомпросе, ВСНХ, НК РКИ, занимался научной и педагогической деятельностью.— 146, 148, 167, 241—242, 243, 261, 263.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924).— 19—20, 21, 24—25, 28—29, 31, 32—33, 35—36, 37, 41—44, 45, 51, 52, 59—64, 65—79, 81, 84—85, 86—87, 89, 90, 96, 97, 98—99, 101—102, 103, 107—108, 110, 112, 113—114, 120, 121, 124, 125, 127, 128—130, 132, 134, 135, 138, 145, 148—149, 150—151, 152, 153, 155, 156, 157, 159, 160, 163, 164, 165—167, 169, 170—171, 172, 173—174, 183, 184, 189—190, 197, 203—206, 207—209, 210, 211—214, 215—216, 218—221, 222, 223—229, 230, 231—233, 234, 235—236, 241, 243—244, 245—246, 247—255, 256—257, 259—261, 262, 263—264, 270, 275—277, 279—282, 283, 287, 288—292, 295.

Лепешинская Ольга Борисовна (1871—1963) — член партии с 1898, жена П. Н. Лепешинского. В 1903—1906 в эмиграции, перед революцией — врач в Москве и Крыму. С 1919 — на преподавательской и научной работе.— 80, 119, 147, 152, 156, 187—189, 190—191, 192—193, 246, 264, 266, 267, 270, 271, 298.

Лепешинский Пантелеймон Николаевич (1868—1944) — профессиональный революционер, видный партийный деятель, литератор. Распространял «Искру», участвовал в Февральской и Октябрьской революциях 1917. После Октября — в Наркомпросе РСФСР и Туркестана, возглавлял Исторический музей и Музей революции.— 88, 94—95, 98, 100, 143, 146—147, 171—172, 181—182, 194—195, 197—198, 199—200, 230—231, 241, 242, 264, 266—268, 277, 283—284, 297—298.

Лузин И. И. (ум. в 1914) — один из организаторов соц.-дем. кружков в Закавказье, сотрудник ряда русских и грузинских газет. Впоследствии примкнул к меньшевикам.— 236.

Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933) — профессиональный революционер, после II съезда РСДРП — большевик. Работал в редакциях газет «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь». Один из организаторов антипартийной группы «Вперед». После Октября — нарком просвещения, видный строитель социалистической культуры.— 235.

Лядов Мартын Николаевич (1872—1947) — профессиональный революционер, после II съезда — агент ЦК партии. Участник антипартийной группы «Вперед». В годы Советской власти работал в ВСНХ, Наркомпросе, с 1923 — ректор Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова.— 271.

Мезина-Яценко Прасковья Алексеевна (1883—1941) — жительница с. Шушенское, в 1898—1900 — домработница у Ульяновых.— 92, 123—124, 154.

Мионов Иннокентий Яковлевич (ум. в 1958) — в 1897 секретарь Красноярского полицейского управления.— 30, 37, 45.

Мицкевич Сергей Иванович (1869—1944) — один из организаторов московского «Рабочего союза». После якутской ссылки занимался революционной деятельностью в Москве, Нижнем Новгороде. В 1924—1934 — директор Музея революции.— 169.

Незорова-Кржижановская Зинаида Павловна (1870—1948) — профессиональный революционер, жена Г. М. Кржижановского. После Октября — на педагогической работе.— 37, 47—48, 51—52, 115, 116, 118, 143—144, 147, 153—154, 156, 180, 216.

Окулова Глафира Ивановна (1878—1957) — член партии с 1899, активная участница трех революций и гражданской войны. Затем — на руководящей пропагандистской работе, ректор ряда высших учебных заведений.— 143, 144, 173.

Окулова Екатерина Ивановна — сестра Г. И. Окуловой, под влиянием ссыльных членов «Союза борьбы» стала социал-демократкой. Впоследствии — большевичка, общественный деятель.— 145.

Панин Николай Николаевич (1877—1955) — рабочий-революционер, один из организаторов «Северного рабочего союза». Участник Февральской

и Октябрьской революций. После Октября занимался хозяйственной и пропагандистской деятельностью.— 147.

Попков Николай Иванович (род. в 1887) — крестьянин с. Шушенское, участник гражданской войны, один из организаторов местного колхоза.— 137, 138.

Попова Клавдия Гавриловна (1849—1921) — жительница г. Красноярска, в доме которой останавливались сосланные в Сибирь революционеры. В марте-апреле 1897 в доме Поповой жил В. И. Ленин.— 31—32, 38, 46.

Потехин Антоний Александрович (ум. в 1942) — в 1896—1917 письмоводитель тюремного отделения Енисейского губернского управления. В годы Советской власти — инспектор Красноярского краевого гос. архива.— 28.

Потресов Александр Николаевич (1869—1934) — в 90-е годы был близок к петербургскому «Союзу борьбы», принимал участие в создании «Искры». После II съезда РСДРП — один из лидеров меньшевизма. После Октября — враг Советской власти.— 244.

Потылицын В. В. — крестьянин с. Шушенское, который мальчиком катался с Владимиром Ильичем на коньках. Впоследствии рабочий.— 137 — 138.

Проминская Софья Ивановна — дочь товарища Владимира Ильича по ссылке И. Л. Проминского, в советские годы — торговый работник.— 139.

Проминская Тэкла Роховна (1863—1928) — жена лодзинского рабочего И. Л. Проминского. В последние годы, после смерти мужа, жила с сыном Владиславом в Новосибирске.— 157.

Родин Андрей Прокопьевич (род. в 1877) — крестьянин с. Шушенское, впоследствии — один из организаторов колхоза, в котором проработал более 25 лет.— 90—92.

Родин Ф. П. — крестьянин с. Шушенское.— 93—94.

Середкина Анна Семеновна — крестьянка с. Шушенское, дочь П. А. Петровой, в доме которой в 1898—1900 жили В. И. Ленин и Н. К. Крупская.— 97, 115, 119, 134, 140, 297.

Сильвин Михаил Александрович (1874—1955) — социал-демократ, член петербургского «Союза борьбы». Из ссылки был призван в армию, в Риге к нему приезжал Ленин. В 1910 от политической деятельности отошел. После Октября служил в Наркомпросе, в торгпредстве СССР в Англии, с 1931 — на педагогической работе.— 79—80, 97, 132—133, 134, 144—145, 148, 151, 154, 164, 175—176, 181, 209—211, 241, 255, 259, 261, 262, 265—266, 267, 268, 270—271, 278, 298—299, 302.

Скормяков Леонид Никитич (1873—1949) — социал-демократ, член «Союза борьбы», профессиональный революционер. После Октября — член коллегии Наркомата продовольствия.— 185, 187.

Смирнов А. И. — екатеринославский рабочий, социал-демократ, в 1897—1900 отбывавший ссылку в Восточной Сибири.— 258—259.

Старков Василий Васильевич (1869—1925) — один из руководителей петербургского «Союза борьбы», после ссылки — механик на заводе, заведующий электростанцией в Баку. В годы Советской власти — работник Наркомвнешторга, зам. торгпреда СССР в Германии.— 151—152, 153, 155, 156—157, 172—173, 256, 268, 295.

Старкова (Розенберг) Антонина Максимилиановна (1875—1941) — сестра Г. М. Кржижановского, отправившаяся в Восточную Сибирь за братом и своим женихом В. В. Старковым.— 34—35, 37, 146, 152, 156, 185, 191—192, 196—197.

Стасова Елена Дмитриевна (1873—1966) — член партии с 1898, агент «Искры», активная подпольщица, участница Октябрьской революции. В 1917—1920 — секретарь ЦК партии. С 1921 работала в Коминтерне и

других революционных международных организациях, занималась общественно-литературной деятельностью.— 223.

Стояновский М. Л. (1867—1908) — народоволец, привлекавшийся в 1889 по делу Софьи Гинзбург и осужденный на 4 года каторги и вечное поселение в Сибири.— 154.

Удимова Лидия Иннокентьевна (род. в 1877) — ученица красноярской фельдшерской школы, участница рев. кружка. Работала фельдшером в Иркутске, помогала ссыльным революционерам.— 48—49.

Ульянов Дмитрий Ильич (1874—1943) — профессиональный революционер, младший брат В. И. Ленина. Делегат II съезда РСДРП. Служил врачом в Серпухове и Феодосии. Во время войны вел революционную работу среди солдат. После Октября — на партийной и советской работе в Крыму, а затем в Москве.— 17, 21.

Ульянова Мария Александровна (1835—1916) — мать В. И. Ленина. Человек передовых взглядов, большой силы воли, твердого характера, замечательная воспитательница и идейный друг своих детей.— 16—17, 21, 125, 222.

Ульянова Мария Ильинична (1878—1937) — профессиональный революционер, младшая сестра В. И. Ленина. Вела партийную работу в ряде городов, участвовала в деятельности «Искры», Секретариата ЦК партии. В 1917—1929 — отв. секретарь газеты «Правда». Член ЦКК, зав. Бюро жалоб Комиссии советского контроля.— 69, 103, 286—288.

Ульянова-Елизарова Анна Ильинична (1864—1935) — профессиональный революционер, старшая сестра В. И. Ленина. В 1900—1905 работала в «Искре» и других большевистских газетах. В течение многих лет оказывала большую помощь Ленину в издании его работ. Активный участник Октябрьской революции. В 1918—1921 работала в Наркомсобесе и Наркомпросе, с 1921 — в Истпарте. Автор многих книг и статей о Ленине.— 15—16, 18—19, 20, 21, 33—34, 36—37, 39, 69, 75, 80—81, 82—83, 88—89, 99—100, 102—103, 110, 120, 135, 158, 164—165, 167, 169, 172, 211, 212, 219, 225, 241, 247, 262—263, 282—283, 294, 302.

Черкашин П. П. — крестьянин с. Шушенское, с которым Владимир Ильич занимался рыбной ловлей.— 97.

Черкашина Ефросинья Алексеевна — крестьянка с. Шушенское, автор воспоминаний о В. И. Ленине.— 93.

Шоповалов Александр Сидорович (1871—1942) — рабочий, один из организаторов Лахтинской типографии. В 1901—1906 — организатор и пропагандист среди рабочих ряда городов, в 1906—1917 — слесарь на заводах Бельгии и Франции. После Октября — на советской и партийной работе.— 57, 147, 148, 159, 177—180, 181, 182—183, 195—196, 242—243, 246, 264—265, 267, 268—269, 270, 271—272.

Энгберг Оскар Александрович (1874—1955) — рабочий-путиловец, участник рев. движения. После ссылки работал токарем в Выборге, Пюхтяя и Хельсинки. Один из создателей и руководителей соц.-дем. рабочего союза в финском городе Корсо.— 158, 159—161, 162, 164.

Эртель Александр Иванович (1855—1908) — писатель, автор «Записок степняка», романов «Гарденины, их дворян, приверженцы и враги», «Смена», повести «Карьера Струкова». Изображал пореформенную деревню, смену патриархально-крепостнических отношений капиталистическими, разночинную интеллигенцию.— 237.

Яковлев Алексей Иванович (1878—1951) — участник детских игр В. И. Ленина, впоследствии видный сов. историк, профессор Московского университета.— 18.

Ярославский Емельян Михайлович (1878—1943) — профессиональный революционер, историк и публицист.— 233, 259, 277—278.

Оглавление

<i>Георгий Марков.</i>	В Шуше, у подножия Саяна...	5
<i>Глава первая</i>	В дальний путь	13
	<i>Дни в Москве</i>	15
	<i>За окном — Сибирь</i>	22
	<i>Штаб-квартира ссыльных</i>	26
	<i>Красноярские встречи</i>	33
	<i>Место для жительства</i>	40
	<i>Вверх по Енисею</i>	46
	<i>В Минусинске</i>	51
<i>Глава вторая</i>	Шушенский пленник	55
	<i>У подножия Саяна</i>	57
	<i>Книг, больше книг!</i>	69
	<i>«Писать для рабочих...»</i>	80
	<i>Связь с жизнью</i>	88
	<i>Сельские досуги</i>	94
	<i>Заряд бодрости</i>	98
<i>Глава третья</i>	Жить и работать вместе	105
	<i>«Насчет нашей свадьбы...»</i>	107
	<i>Одной дорогой</i>	115
	<i>«Мы с Надей...»</i>	118
	<i>«О нашей жизни...»</i>	125
	<i>Нагрянули с обыском</i>	130
	<i>Часы труда и отдыха</i>	134
	<i>Среди детей</i>	137
<i>Глава четвертая</i>	В кругу друзей	141
	<i>«Он учил нас...»</i>	143
	<i>«Съезди к Старикку обязательно...»</i>	148
	<i>Маленький Интернационал</i>	157
	<i>Письма, письма...</i>	164
	<i>Повидаться с товарищами</i>	172
	<i>Побег Райчина</i>	180
	<i>Поездка в Красноярск</i>	184
	<i>На Новый год</i>	194

	Анализ экономики России	201
	<i>«У меня в голове планы...»</i>	203
	<i>Рецензии и статьи</i>	211
	<i>Титанический труд</i>	216
	<i>Издательские хлопоты</i>	223
	<i>Продолжение «Капитала»</i>	230
<i>Глава шестая</i>	За чистоту марксизма	239
	<i>Орудие борьбы</i>	241
	<i>«Необходима серьезная война...»</i>	246
	<i>Против Бернштейна</i>	251
	<i>Грозящая опасность</i>	257
	<i>Протест семнадцати</i>	264
<i>Глава седьмая</i>	Как создать партию	273
	<i>Задачи русских социал-демократов</i>	275
	<i>С чего начать?</i>	284
	<i>Возвращение</i>	294
	Примечания. Указатели.	303
	<i>Примечания</i>	305
	<i>Указатель использованных источников</i>	307
	<i>Указатель цитируемых авторов</i>	313

Ленин. Сибирская ссылка

На фронтисписе:
Владимир Ильич Ленин.
Февраль 1897 года.

Заведующий редакцией
Н. Р. Андрухов

Редакторы *В. И. Светцов,*
П. В. Кашуткин

Младший редактор
Д. В. Калько

Художественный редактор
А. М. Ясинский

Технический редактор
Н. Е. Трояновская

Сдано в набор 11 июня 1975 г. Подпи-
сано в печать 24 сентября 1975 г.
Формат 60×84^{1/16}. Бумага типографская № 1.
Условн. печ. л. 19,87. Учетно-изд. л. 18,7.
Тираж 50 тыс. экз. А00150. Заказ № 4630.
Цена 92 коп.

Политиздат. 125811, ГСП,
Москва, А-47, Мнусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный про-
летарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

Владимир Ильич Ленин
1897 год

В. И. Ленин в библиотеке Юдина
Художник И. Тютиков

П. А. Красников

Село Шушенское

И. Л. Промывский

О. А. Энгберг

Дом крестьянина А. Д. Зырянова. Слева — вход в комнату В. И. Ленина

Комната В. И. Ленина в доме Зырянова

Перед новыми трудами
Художник Н. Жуков

В. И. Ленин работает
Художник Б. Лебедев

В. И. Ленин среди крестьян села Шушенского

Художник В. Басов

В. И. Ленин на охоте

Художник И. Ильинский

**Мария Александровна
Ульянова**

**Анна Ильинична
Ульянова-Елизарова**

**Надежда Константиновна Крупская
со своей матерью Елизаветой Васильевной**

Дом крестьянки П. А. Петровой

Комната В. И. Ленина в доме Петровой

«Наденька, теперь мы самые богатые!»

Художник Н. Жуков

Г. М. Кржижановский

В. В. Старков

А. М. Старкова

П. Н. Лепешинский

М. А. Сильвин

А. С. Шаповалов

В. К. Курнатовский

Л. Н. Скорняков

Письмо из Петербурга
Художник В. Васов

Зима в Шушенском
Художник Н. Жуков

Лед тронулся
Художник Н. Жуков

Подарок из Красноярска
Художник И. Ильинский

Обыск у В. И. Ленина

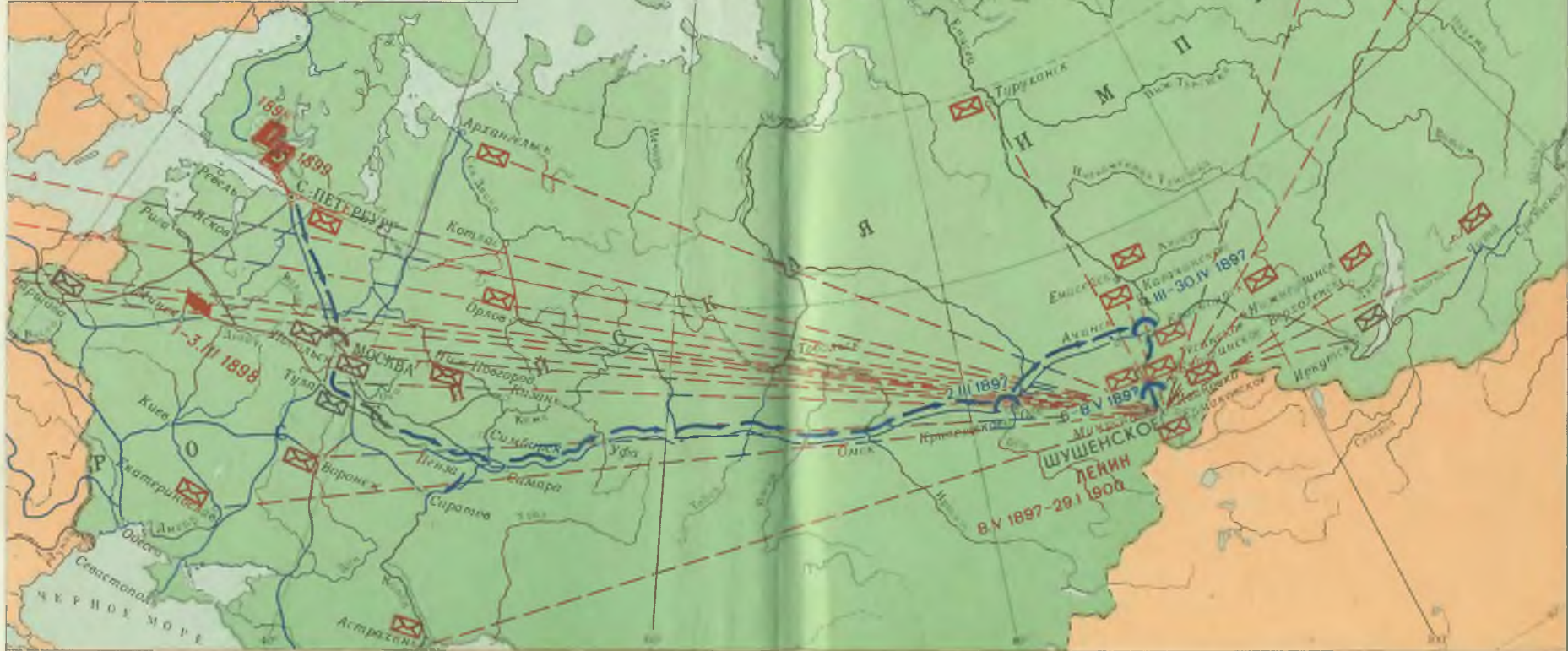
Художник О. Верейский

Совещание ссыльных социал-демократов в селе Ермаковском
Художник И. Тютиков

А. А. Ванев

В.И. ЛЕНИН В СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ (1897—1900 гг.)

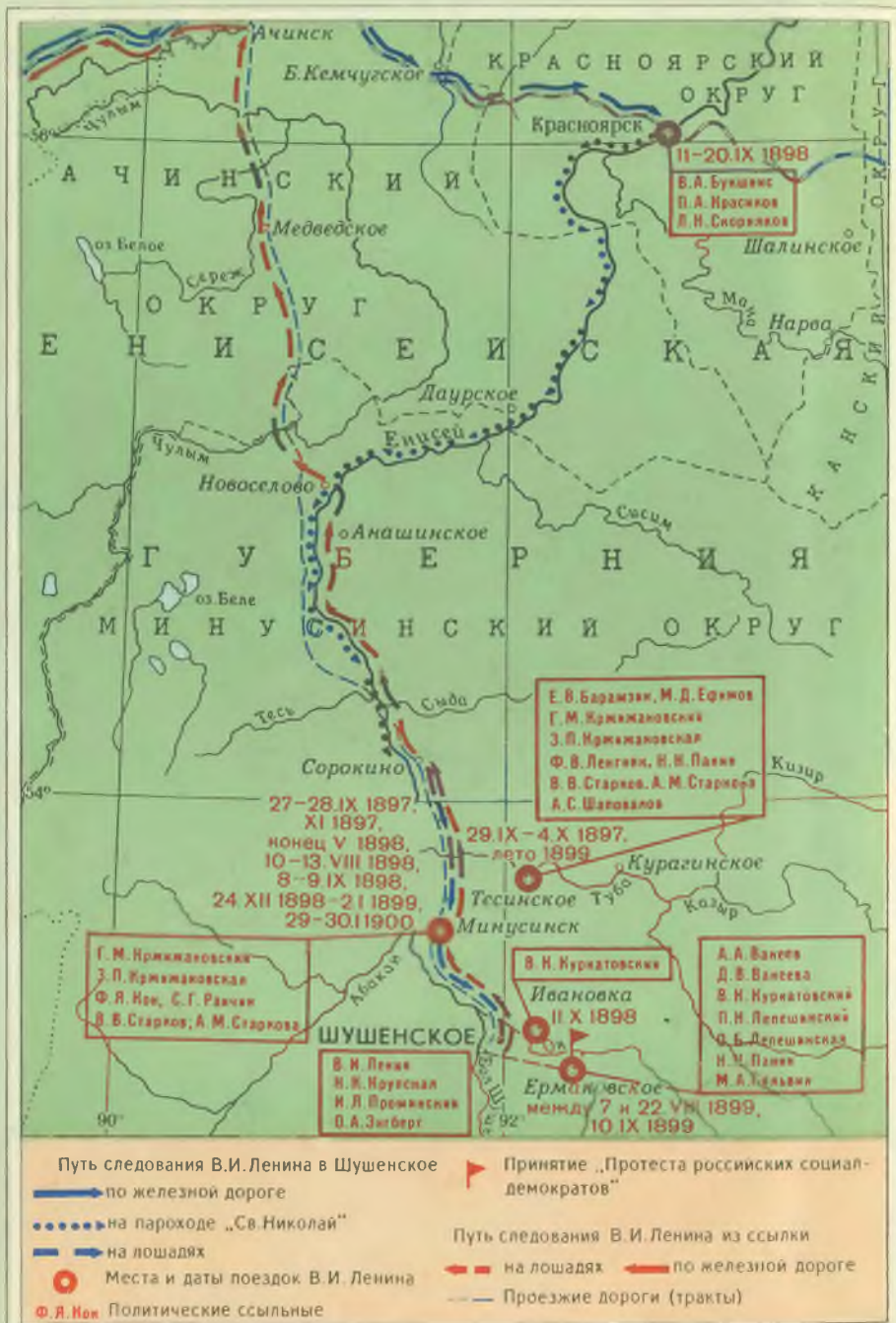
- Путь следования В.И. Ленина в ссылку
- Пункты, где останавливался В.И. Ленин по пути в ссылку
- Связи В.И. Ленина во время пребывания в ссылке
- Место и время работы и создания РСДРП

Места и годы издания работ В.И. Ленина, написанных в период сибирской ссылки

Цифры в знаках обозначают:

1—“Экономические этюды и статьи”	4—“Прогноз российских социал-демократов”
2—“Новый фабричный закон”	
3—“Задачи русских социал-демократов”	5—“Развитие капитализма в России”

ОКРЕСТНОСТИ ШУШЕНСКОГО

Места, которые часто посещал В.И. Ленин